

HISTORIA ROSSICA

ДЭВИД Л. ХОФФМАНН

ВЗРАЩИВАНИЕ

МАСС МОДЕРНОЕ

ГОСУДАРСТВО

И СОВЕТСКИЙ

СОЦИАЛИЗМ.

1914 - 1939

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

HISTORIA ROSSICA

ВЗРАЩИВАНИЕ МАСС

Модерное государство и советский социализм

1914–1939

Американский историк Дэвид Хоффманн не согласен с историками, которые рассматривают СССР как аномалию исторического развития. Книга представляет историю советского государства в контексте идей и практик, свойственных многим государствам периода модерна. Исследование показывает, что нельзя относить все аспекты советского вмешательства в жизнь общества на счет идеологии социализма. Социалистическая идеология основывалась на идее трансформации общества, которая была общей для государств XX века. Преступления советского режима не становятся менее ужасными в результате такой «нормализации», однако особенности советского государства выделяются более четко. Дэвид Хоффманн — профессор Университета штата Огайо (Ohio State University) в США.

Дэвид Л. Хоффманн

Вращивание масс

МОДЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО
И СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

1914–1939

Новое
Литературное
Обозрение

2018

David L. Hoffmann

Cultivating the Masses

MODERN STATE PRACTICES
AND SOVIET SOCIALISM

1914–1939

Cornell
University Press
Ithaca and London

HISTORIA
ROSSICA

УДК 342.71(091)(47+57)"191/193"

ББК 67.400.31-1(2)54

X78

Редакционная коллегия серии

HISTORIA ROSSICA

*Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский, Б. Колоницкий,
А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слэзкин, Р. Уортман*

Редактор серии

И. Жданова

Хоффманн, Д. Л.

X78 **Взрачивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / Дэвид Л. Хоффманн; пер. с англ. А. Терещенко. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 424 с.: ил. (Серия HISTORIA ROSSICA)**

ISBN 978-5-4448-0730-9

Американский историк Дэвид Хоффманн не согласен с историками, которые рассматривают СССР как аномалию исторического развития. Книга представляет историю советского государства в контексте идей и практик, свойственных многим государствам периода модерна. Исследование показывает, что нельзя относить все аспекты советского вмешательства в жизнь общества на счет идеологии социализма. Социалистическая идеология основывалась на идее трансформации общества, которая была общей для государств XX века. Преступления советского режима не становятся менее ужасными в результате такой «нормализации», однако особенности советского государства выделяются более четко. Дэвид Хоффманн — профессор Университета штата Огайо (Ohio State University) в США.

УДК 342.71(091)(47+57)"191/193"

ББК 67.400.31-1(2)54

Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939,

by David L. Hoffmann

Первоначально опубликовано Cornell University Press

© 2011 by Cornell University

Перевод авторизован оригинальным издателем.

В оформлении издания использованы иллюстрации

из Poster Collection, Hoover Institution Archives

© А. Терещенко, пер. с английского, 2018

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

Моему сыну Джоне

БЛАГОДАРНОСТИ

Работая над предыдущей книгой, я затронул в числе прочего и такую тему, как семейная политика СССР, в первую очередь политика укрепления семьи, начатая сталинским руководством в 1936 году. В действиях по поддержке семьи, которые предпринимались лидерами коммунистической партии, мои предшественники видели одно из проявлений «Великого отступления» — отказа от революционных ценностей и возвращения к более традиционным учреждениям и традиционной культуре. Но когда я отвлекся от Советского Союза, то с удивлением обнаружил, что в этот же период практически все страны Европы ввели аналогичные меры по поддержанию института семьи и увеличению рождаемости. Сталинская семейная политика стала для меня одним из проявлений вполне международной тенденции к государственному контролю за воспроизводством населения. В середине 1990-х годов я укрепился в этих своих взглядах — после ряда разговоров с моим другом Питером Холквистом, который при изучении надзора за населением использовал сравнительный подход. Рассмотрев советскую слежку за гражданами в общеевропейском контексте, Питер смог доказать, что методы, использовавшиеся в ходе Гражданской войны в России как красными, так и белыми, были результатом развития тех мер надзора, которые применялись в ходе Первой мировой войны всеми крупными воюющими государствами.

После еще нескольких дискуссий мы с Питером решили совместно написать книгу, в которой проводился бы анализ советской политики в сферах социального обеспечения, здравоохранения, воспроизводства населения, надзора, пропаганды и государственного насилия, причем все было бы вписано в международный контекст. Мы решили, что подобный подход позволит увидеть советскую систему в новой перспективе и покажет, насколько важна история СССР для понимания общих тенденций мировой истории в XX веке. К сожалению, Питер в скором времени оказался слишком занят другими проектами, что помешало ему принять участие в осуществлении нашего плана. Тем не менее он внес свой вклад в черновой вариант первой главы этой книги и предоставил мне собранные им материалы по теме надзора и государственного насилия. Как видно из моих примечаний, я также в большой степени опирался на его опубликованные работы, особенно в разделах, посвященных надзору (где бесценную помощь мне оказало еще и первое в своем роде исследование Владлена Измозика). С тех пор как Питер покинул проект, прошло почти десять лет и мой образ мыслей заметно изменился, поэтому ответственность за высказанные в этой книге идеи несу только я один. Тем не менее хочу отметить важнейшую роль, сыгранную Питером на первом этапе работы, и поблагодарить его за замечания, которые он делал, просматривая черновики глав этой книги. Он выдающийся ученый и хороший друг, и его воодушевление, а также энциклопедические познания в истории, как и острый аналитический ум, очень помогли не только мне, но и многим другим ученым, занимающимся историей России.

Мое исследование читали и другие друзья и коллеги, которых я тоже хотел бы поблагодарить. Из трех рецензентов, прочитавших всю рукопись, двое уже не являются анонимными — Майкл Дэвид-Фокс и Линн Виола. Их доклады, как и доклад третьего рецензента, оказали мне большую помощь — не только горячей поддержкой моего труда, но и острыми критическими замечаниями, позволившими его улучшить. Дэниел Бир, Фрэнсис Бернштейн, Алекса Джилас, Лора Энгельштейн, Томас Эвинг, Изабель Халл, Янни Коцонис, Кеннет Пинноу, Эми Рэндолл и Сьюзен Гросс Соломон высказали в высшей степени полезные замечания по поводу различных глав рукописи. Я выступал с докладами на многочисленных конференциях

и хочу поблагодарить тех, кто мои выступления комментировал, — Брайена Бонома, Нормана Неймарка, Дэвида Ширера и Рональда Григора Суни. Одну из глав я представил на рассмотрение в Калифорнийском университете в Беркли и благодарю за высказанные замечания Викторию Фреде, Генри Рейхмана, Николаса Рязановски, Юрия Слѣзкина, а также покойного Реджинальда Зельника, активно поддержавшего мой сравнительный подход, позволяющий, как он отметил, подчеркнуть и типичное, и, напротив, исключительное в советских методах управления. Другую главу я представил на рассмотрение в Стэнфордском университете и хотел бы поблагодарить Холли Кейс, Стюарта Финкеля, Эндрю Дженкса, Нэнси Коллманн, Марси Шор и Амира Вейнера за их замечания. На симпозиуме по сталинизму в Университете штата Огайо Шейла Фицпатрик не только выступила с основным докладом, но и сделала ценнейшие замечания по моей работе, заставив меня провести более тонкое различие между сталинизмом и технократией в управлении. Еще одну главу я предложил на рассмотрение на Среднезападном семинаре по русской истории и хотел бы поблагодарить всех участников этого семинара, в особенности Джона Бушнелла, Бена Эклофа, Дайану Кункер, Дэвида Макдональда, Карен Петрон, Дэвида Рэнсела, Кристину Руан, Марка Штейнберга, Чарльза Штейнведеля, Льюиса Сигельбаума и Кристину Воробец.

Кроме вышеперечисленных ученых, я обсуждал свое исследование с другими друзьями и коллегами по научным интересам и ценю их советы и поддержку. В их числе Гольфо Алексопулос, Роберт Ардженбрайт, Франческо Бенвенути, Питер Блицстейн, Фредерик Корни, Сара Дэвис, Адриенн Эдгар, Дональд Фильцер, Делия Фонтана, Венди Голдман, Энн Горсач, Пол Хагенло, Игал Халфин, Джеймс Харрис, Дэн Хили, Йохен Хелльбек, Фрэнсин Хирш, Адиб Халид, Олег Хархордин, Олег Хлевнюк, Натаниэль Найт, Стивен Коткин, Ларс Ли, Лори Манчестер, Эми Нельсон, Елена Осокина, Дональд Рейли, Джефффри Россман, Андрей Константинович Соколов, Кеннет Страусс, Поль Вальер, Марк фон Хаген, Элизабет Вуд и Сергей Журавлев.

Я счастлив, что в Университете штата Огайо собралась выдающаяся команда специалистов по истории России, Восточной Европы и Евразии, команда, в которой были Николас Брейфогл, Молли

Кавендер, Теодора Драгостинова, Скотт Леви и Дженнифер Зигель. Все они — образцовые коллеги, создавшие уютную и вдохновляющую рабочую атмосферу. Друзья, специализирующиеся в других областях, тоже многим помогли мне — в особенности хочу поблагодарить Анджелу Бринтлингер, Элис Конклин, Стивена Конна, Теда Хопфа, Дэвида Хорна, Робин Джадд, Стефани Смит, Бергит Соланд и Джуди Ву, а также Кристофера Оттера, своими обширными познаниями в истории Европы оказавшего мне неоценимую помощь. Аарон Ретиш, Уильям Риш и Трисия Старкс, мои бывшие аспиранты, с тех пор уже достигшие успеха в научной среде, комментировали главы моей книги, и я благодарю их за сделанные ими предложения. Нынешние аспиранты Университета штата Огайо тоже вдохновляли меня и оказывали помощь. В первую очередь это касается Йигита Акына, с которым я провел немало плодотворных дискуссий об исторических параллелях между Советским Союзом и республиканской Турцией и от которого получил полезные библиографические указания. Чтобы разобраться в бесчисленных этнических группах Северного Кавказа, мне потребовались глубокие познания Яна Ланцилотти. Сара Дуглас и Джон Джонсон предложили свою помощь в то время, когда я готовил рукопись книги к публикации.

В моих исследованиях мне помогли несколько грантов, выделенных на путешествия Центром имени Мершона, а также творческий отпуск, предоставленный мне Колледжем искусств и гуманитарных наук Университета штата Огайо. Я работал в многочисленных архивах и библиотеках и хочу выразить благодарность их сотрудникам за помощь. В России я работал в Центре хранения документов молодежных организаций, Центральном государственном архиве города Москвы, Центральном архиве социально-политической истории Москвы, Российском государственном архиве экономики, Российском государственном архиве социально-политической истории и Государственном архиве Российской Федерации. Кроме того, я работал в Государственном архиве Великобритании и Гуверовском архиве в США. Я пользовался услугами Библиотеки Конгресса, Библиотеки Национального института здоровья, Нью-Йоркской публичной библиотеки, библиотек Университета штата Огайо, Российской государственной библиотеки, библиотек

Стэнфордского университета, Библиотеки Иллинойского университета и Библиотеки Гарвардского университета имени Уайденера. Александр Полунов оказал мне экспертную помощь в моих исследованиях в Москве, и я благодарю его за все, что он для меня сделал. Также я признателен моим друзьям Саше Мейснеру, Лизе Тихомировой и Юлии Трубихиной — за их многолетнее гостеприимство в Москве.

Хочу выразить свою благодарность сотрудникам Издательства Корнелльского университета. Директор издательства, Джон Аккерман, активно поддерживал мой проект с самого начала и, обладая глубочайшими познаниями в русской истории, одаривал меня важными замечаниями и предложениями. Кроме того, я признателен Карен Лор за редактуру рукописи, Джеку Раммелю за литературную обработку, а Джудит Кип за составление указателя — все они много сделали, готовя рукопись книги к публикации.

Самое большое спасибо — членам моей семьи за их неизменную любовь ко мне и поддержку. Мои родители, Джордж Хоффманн и Ирэн Л. Хоффманн, а также мои сестры, Джилл и Карен Хоффманн, поддерживали меня всеми возможными способами, и я им в высшей степени благодарен. Моя жена, Патрисия Вейцман, — спутница моей жизни и родная душа, человек, которому я всегда могу доверять и на которого могу положиться. Она прочла и прокомментировала бесчисленные черновики глав этой книги и обсуждала со мной мою работу, давая таким образом возможность лучше прояснить мои мысли. Кроме того, она помогала мне не падать духом, несмотря на трудные моменты, и всегда радовалась моим успехам. Я бесконечно признателен за ее неизмеримую любовь и за то счастье, что она мне подарила. Наконец, я должен упомянуть своих детей, Сару и Джону. Их присутствие заметно отсрочило завершение этой книги. Однако я ни на миг не сожалею о том времени, которое потратил, заботясь о них. Напротив, они придали моей жизни много смысла и радости, и я ценю время, проведенное с ними. Как они часто напоминают мне, будет нечестно, если я что-то сделаю для одного из них и не сделаю для другого. Поэтому, уже посвятив одну книгу Саре, эту книгу я посвящаю Джоне.

ВВЕДЕНИЕ

Наши дети цветут на живом стволе нашей жизни, это не букет, это прекрасный яблоневый сад. И этот — наш... Будьте добры, займитесь этим делом: вскапывайте, поливайте, снимайте гусеницу, обрезайте сухие веточки. Вспомните слова гениального садовника, товарища Сталина...

*Антон Макаренко.
Книга для родителей. 1937 год*

Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодовое дерево.

*Иосиф Сталин.
Выступление на приеме металлургов. 1934 год*

Сталинский режим был одним из самых репрессивных и жестоких в истории человечества. Под руководством Сталина советское правительство провело огромное число депортаций, арестов и казней. По официальным данным, только в 1937–1938 годах советские службы безопасности казнили 681 692 человека¹. Но парадоксальным образом в то самое время, когда советское руководство убивало сотни тысяч людей, оно вместе с тем стремилось увеличить население страны, для чего вело масштабную кампанию по поддержке рождаемости. В то время как число заключенных и казненных росло по экспоненте, лидеры коммунистической партии вводили широкомасштабное социальное обеспечение, а также меры по здравоохранению, имевшие целью улучшить жизнь людей. Повышенный государственный надзор за населением шел рука об руку с кампаниями по ликвидации безграмотности,

¹ *Верт Н.* Государство против своего народа: Насилие, репрессии и террор в Советском Союзе // Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии / Пер. с фр. 2-е изд. М.: Три века истории, 2001. С. 193–194.

политическим образованием и попытками научить народ ценить высокую культуру. Советская власть стремилась не подчинить общество и не уничтожить самосознание людей, а вырастить образованных, культурных граждан, которые смогут преодолеть эгоистичные мелкобуржуазные инстинкты и добровольно принять участие в создании гармоничного общественного порядка². Изучение как «позитивной», так и «негативной» политики партийного руководства в отношении населения — единственный способ понять сущность сталинского режима, стремившегося переделать не только социально-экономический порядок, но и саму природу своих граждан и готового для осуществления данных целей к абсолютно беспрецедентному вмешательству в их жизнь.

В этой книге социальная политика СССР предстает как особое сочетание практик современного государства, связанных со стремлением переделать общество и мобилизовать народ на промышленный труд и массовую войну. Советская социальная политика отражала новый дух, при помощи которого советские руководители и ученые старались переделать общество, приведя его в соответствие с научными и эстетическими нормами³. Этот рационалистический дух социального вмешательства впервые зародился в Европе в XIX веке, проникнув в самые разные страны и вызвав к жизни

² Примеры исследований, рассматривающих как продуктивные, так и репрессивные аспекты советской власти: *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995. P. 21–22; *Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge (Mass.), 2006. P. 5–14.

³ Ряд теоретиков выделили в качестве определяющей черты модерна рациональное общественное управление. См.: *Giddens A. The Consequences of Modernity*. Stanford, 1990. P. 53, 83; *Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, 1998. P. 4; *Bauman Z. Modernity and the Holocaust*. Ithaca, 1991. P. 12–18. Некоторые историки сталинизма противопоставляют «модерн» и «неотрадиционализм», но эти два подхода на самом деле дополняют друг друга. Неотрадиционализм — это выборочное использование традиций для мобилизации народа, практика, характерная для современной политики в отношении масс. См.: *Hoffmann D. L. European Modernity and Soviet Socialism // Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / Eds.. D. L. Hoffmann and Y. Kotsonis*. New York, 2000. P. 247. Понятие неотрадиционализма может также обозначать традиционные социальные связи, продолжающие действовать в современном индустриальном обществе. См.: *Walder A. G. Communist Neo-Traditionalism: Work and Authority in Chinese Industry*. Berkeley, 1986.

программы социального обеспечения, инициативы по созданию общественного здравоохранения и репродуктивную политику. Начало массовых войн сделало социальное вмешательство более интенсивным. Особую роль сыграли громадные мобилизационные требования Первой мировой войны, заставившие руководство всех воюющих стран повысить степень экономического контроля, расширить меры здравоохранения, надзора, пропаганды и государственного насилия — все эти черты впоследствии станут неотъемлемыми элементами советской системы.

Хотя многие характеристики Советского Союза были типичны для современного государства, он, конечно, не соответствовал западноевропейской модели модерна, соединявшей в себе национальное государство, промышленный капитализм и парламентскую демократию⁴. Советские лидеры отвергали «буржуазную демократию», предпочитая авторитарную некапиталистическую систему, которая, по их заявлениям, правила в интересах рабочего класса. Будучи первым социалистическим государством, Советский Союз представлял собой огромный идеологический вызов для капиталистического мира. Как сторонники, так и противники советской системы считали ее аномалией в сравнении с Западом. Но при осуществлении исторического анализа было бы странным постулировать, что западный модерн является нормой, камертоном для измерения всех других политических систем. В последнее время появилась теория «множественных модернов». Этот подход, признающий, что в современную эпоху существуют различные траектории развития⁵, дарит исследователям два заметных преимущества. Во-первых, позволяет избежать этноцентризма, свойственного теории модернизации, и избавляет от уверенности, что в конечном счете все страны

⁴ Как отмечали ученые, страны Западной Европы и сами часто не соответствовали этой идеализированной формуле модерна. См.: *Wittrock B. Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition // Multiple Modernities / Ed. S. N. Eisenstadt. New Brunswick, 2002. P. 34–35.*

⁵ *Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Multiple Modernities. P. 1–3.* Эта концепция применяется к истории России в кн.: *Smith S. A. Revolution and the People in Russia and China: A Comparative History. Cambridge, 2008. P. 5–6; David-Fox M. The Intelligentsia, the Masses, and the West: Particularities of Russian-Soviet Modernity // Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Soviet Russia. Pittsburgh, 2015.*

придут к западному идеалу либеральной демократии и рыночного капитализма. Во-вторых, дает возможность рассмотреть как сходства, так и различия политических систем эпохи модерна. Исследуя советскую систему в рамках этой сравнительной парадигмы, я стремлюсь выделить и те черты, которые она разделяет с другими системами, и те, что являются ее исключительной особенностью, а также объяснить, почему советское социальное вмешательство достигло такого размаха.

Методы государства эпохи модерна и новые технологии социального вмешательства, появившиеся во многих странах мира, приняли весьма разные формы в зависимости от социальных, политических и идеологических особенностей этих стран. Рассматривая случай СССР, я считаю возможным объяснить эти отличия, опираясь на анализ исторически сложившихся особенностей страны. Речь идет об идеологии марксизма-ленинизма, но не только о ней. Немалую роль играли и социально-политические условия, в которых находились ученые дореволюционной России, когда разрабатывали свои идеи и методы. Почерпнув многое в западноевропейской мысли, они в большой степени вдохновлялись и собственными устремлениями — борьба с самодержавием, улучшение положения масс и обновление российского общества. В русской научной традиции было сильно развито воспитательное начало, хорошо сочетавшееся с марксизмом, что помогает объяснить, почему столь многие русские интеллектуалы выбрали именно марксизм. Впрочем хотя я признаю важность идеологии в советской системе, однако не считаю нужным сводить все к застывшему в неизменности марксизму. Для меня марксизм — лишь одна из многочисленных идеологий, один из многих методов трансформации общества. Несмотря на то что марксизм-ленинизм обладал священным статусом официальной идеологии советской компартии, он отнюдь не являл собой готовый чертеж нового общественного порядка, который стремились построить партийные деятели. Как покажет мое исследование, многие проявления социальной политики СССР были спланированы и осуществлены учеными, которые, не будучи марксистами, вместе с тем разделяли их взгляд на необходимость рационального переустройства общества⁶.

⁶ Кеннет Пинноу подчеркивает, что взгляд российских социологов хорошо сочетался со свойственным большевизму сциентизмом. Он пишет:

Кроме того, я рассмотрю место исторической случайности в развитии советской системы, а также взаимодействие между идеологическими целями и политическими обстоятельствами. Советское государство было сформировано во время тотальной войны, и учреждения военного времени вкупе с мобилизационными практиками стали кирпичами в здании нового политического порядка. В ходе Первой мировой войны государственное вмешательство распространилось по всей Европе, но в конституционных демократиях по окончании войны сразу возобладал прежний порядок. В СССР же государственное вмешательство было принято на вооружение без каких-либо традиционных или юридических ограничений. Кроме того, поскольку советское государство возникло в результате революции, стремление его политических лидеров переделать общество подвергалось куда меньшим ограничениям. Сама форма советского правительства — диктатура, действовавшая во внесудебном порядке и не признававшая никаких моральных требований, кроме тех, которые исходили от нее самой, — означала, что государственная власть ничем не ограничена. Поэтому, хотя социальное вмешательство распространилось по всей Европе и по всему миру, в советском случае оно приняло наиболее жесткие формы.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВА

Истоки активного государственного вмешательства, характерного для современной эпохи, можно найти в камералистской мысли раннего Нового времени. Мыслители-камералисты первыми начали систематически анализировать связь между военной мощью государства и экономическим потенциалом его населения. Они считали, что государство должно активно способствовать созданию продуктивного общества, чтобы обогатить своих граждан и увеличить налоговые поступления. И, хотя рекомендации камералистов и предлагаемые ими экономические стимулы были в первую

«Действия и вмешательства государства и его ученых определялись не только идеологией, но и допущениями и концептуальными инструментами социальной сферы» (Pinnow K. M. *Lost to the Collective: Suicide and the Promise of Soviet Socialism, 1921–1929*. Ithaca, 2010. P. 11).

очередь устремлены на обогащение монарха и его армии, некоторые камералисты формулировали свой идеал упорядоченного общества как «общее благо». Этот термин постепенно зажил в трудах камералистов отдельной жизнью. К концу XVII века правители Центральной Европы приняли ряд камералистских мер. К примеру, в Австрии и Пруссии были построены работные дома, цель которых заключалась в выгодном трудоустройстве людей из низших классов⁷.

Стремление к переустройству общества распространилось в XVIII веке — благодаря мыслителям французского Просвещения, стремившимся применить науку и разум к организации человеческой жизни. Идея радикального переустройства общества и даже сама идея общества как отдельной сферы человеческого существования, обе они были немислимы в рамках традиционных религиозных представлений, когда Бог виделся единственным арбитром того, что происходит на свете⁸. Но мыслители Просвещения подвергали сомнению как существование Бога, так и святость традиции. А если Бог не управляет обществом, то не стоит ли людям самим сконструировать рациональный общественный порядок? Если наверху нет рая, не должны ли люди стремиться к созданию рая на земле — к построению идеального общества, со свободой, равенством и процветанием для всех? Хотя утопическим идеям и социальным наукам предстояло расцвести только в XIX веке, Просвещение уже поставило под сомнение традиционный образ жизни, вместе с тем создав модель социального знания, которая могла бы формировать общественную сферу и влиять на нее. Другими словами, в общественном порядке стали видеть творение самого человечества, а не нечто предопределенное и неизменное, и социальные учения предлагали средства к улучшению этого творения.

⁷ *Steinmetz G. Regulating the Social: The Welfare State and Local Politics in Imperial Germany. Princeton, 1993. P. 63, 112.*

⁸ Как пишет Кейт Бейкер, «общество смогло предстать образом коллективного человеческого существования лишь после того, как была сломлена онтологическая связь между Создателем и его созданиями, другими словами, когда перестало казаться, что человеческое существование зависит... от поддержки предопределенного и установленного свыше порядка отношений между людьми» (*Baker K. M. A Foucauldian French Revolution? // Foucault and the Writing of History / Ed. J. Goldstein. Cambridge (Mass.), 1994. P. 195–196.*

В конце XVIII столетия Французская революция показала, что существующий общественный и политический порядок действительно можно переделать. Тем самым она принесла не только смену политического режима, но и радикальный разрыв с общепринятыми понятиями об общественном порядке и возможности его изменения. После Французской революции социальные науки стали пользоваться куда большим авторитетом. Свержение монархии уничтожило традиционную концепцию власти как единой политической воли. Но революция не только заменила монарха идеалом народовластия: сам факт «отрубания головы королю» освободил дорогу новой концепции власти — концепции, строящейся на «режимах правды». Созданные в XIX веке юристами, врачами и социологами, режимы правды приобрели огромный авторитет, не в последнюю очередь потому, что претендовали на рациональность и объективность. В то время как террор Французской революции стал символизировать эксцессы народовластия, социальные науки, авторитет которых зиждился на беспристрастности и разуме, предстали бастионом, защищающим от господства толпы⁹.

На протяжении XIX столетия появились новые дисциплины (демография, социальная гигиена, психология) и новые технологии вмешательства в общественную жизнь (переписи, жилищная инспекция, массовое психологическое тестирование), что способствовало все большим устремлениям реформаторов к ликвидации общественных проблем и переустройству общества. Чтобы не упустить из виду человеческий фактор, я подчеркиваю, что ученые, государственные чиновники и политики вне зависимости от их убеждений искали новые формы знания и новые способы государственного вмешательства — и сами оказывались под их воздействием. К примеру, сбор социальной статистики сделал более понятными общественные проблемы, что позволило осмелевшим ученым и чиновникам предлагать кардинальные решения¹⁰. Эпидемиология заставила чиновников здравоохранения уверовать во

⁹ Baker K. M. A Foucauldian French Revolution? P. 194, 205.

¹⁰ Джеймс Скотт указывает, что понимание общества — необходимое предварительное условие государственного вмешательства, и отмечает, что к середине XIX века государства проводили масштабные мероприятия по подсчету и классификации своего населения (Scott J. C. Seeing Like a State. P. 183).

всемогущество науки и способность современной медицины решать любые проблемы. Головокружительный темп модернизации в конце XIX — начале XX века сам по себе подогревал пыл реформаторов, которые одновременно испытывали оптимизм по поводу кажущегося бесконечным прогресса человечества и беспокоились о том, что мир меняется слишком глубоко и нужны еще более радикальные решения¹¹.

Импульс к преобразованию общества исходил и от широко распространившегося чувства, что европейские индустриализация и урбанизация разрушили органическое единство традиционных обществ. Чтобы возродить мифическую социальную гармонию прошлого и преодолеть атомизацию современного мира, социальные мыслители самого разного рода — социалисты, фашисты, ницшеанцы и даже либералы — представляли себе более коллективистское общество и новую человеческую психологию, которая будет соответствовать современной промышленной цивилизации. Марксизм отличался упором на насильственную пролетарскую революцию как на средство преодоления классовых различий, но отнюдь не был уникален в своем соединении рационализма Просвещения с «романтическим антикапитализмом» и в своих поисках нового, гармоничного социального порядка¹².

Проблема обновления общества представлялась особенно неотложной русским интеллигентам конца XIX века. Промышленность России отставала от западноевропейской. Население страны состояло в первую очередь из крестьян, значительная часть которых была неграмотной. Кроме того, они страдали от инфекционных заболеваний, очень высок был уровень детской смертности. Страной правил репрессивный и неэффективный царский режим, в последний

¹¹ Peukert D. The Genesis of the «Final Solution» from the Spirit of Science // Reevaluating the Third Reich / Eds.. T. Childers and J. Caplan. New York, 1993. P. 238; *Idem*. The Weimar Republic: The Crisis of Classical Modernity. New York, 1993. P. 187.

¹² Clark K. Petersburg: Crucible of Cultural Revolution. Cambridge (Mass.), 1995. P. 16–17. Термин «романтический антикапитализм» впервые был использован Дьердем Лукачем, а затем разработан Мишелем Леви. Кларк предупреждает, что романтический антикапитализм был не столько движением, сколько формулой, объединяющей идеи ряда европейских интеллектуалов, критиковавших капиталистическое общество, в особенности его индивидуализм, отчужденность и превращение культуры в товар.

период существования империи сопротивлявшийся социальным и политическим реформам. Интеллигенция, в значительной степени отстраненная от власти, выступала против самодержавия и взяла на себя нравственное обязательство помогать населению страны. Эта самозванная миссия фактически легла в основу самоидентификации русской интеллигенции. В таком контексте русские ученые развивали свои идеи и методы, в том числе ламаркистский подход к биологическим вопросам. Считая, что причина безотрадной жизни крестьянских масс — социальное и политическое угнетение, они стремились развить и воспитать народ и верили в преобразующую силу науки и культуры. Ориентация русской интеллигенции на воспитание и реформы была похожа на то, что происходило в других развивающихся странах. Подобно интеллектуалам из незападных стран, русские ученые, выступая за экономическую, социальную и культурную модернизацию, вместе с тем надеялись избежать подводных камней в развитии современного Запада.

Революция 1905 года одновременно побудила русских либеральных интеллигентов к действию и напугала их. Хотя создание представительских учреждений и облегчение цензуры обеспечили более удобную для их деятельности атмосферу, многие интеллектуалы были в ужасе от проявлений классовой ненависти и революционного насилия. Они по-прежнему были против самодержавия и стремились создать конституционный порядок, который позволил бы образованной элите вести страну к современному обществу, но их пугала нестабильность, грозившая наступить вместе с освобождением. Чтобы защититься от нового всплеска народных волнений и укрепить шатающийся общественный порядок, некоторые либеральные деятели сосредоточились на криминальных отклонениях и других общественных патологиях и стремились установить над населением свой дисциплинарный контроль¹³. Подобно врачам и социологам Западной Европы, и даже в большей степени, чем они, русские интеллигенты испытывали два противоположных чувства одновременно — огромные надежды на социальную

¹³ Engelstein L. *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia*. Ithaca, 1992. P. 4–13. См. рус. пер.: *Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже 19–20 веков*. М.: Терра, 1996.

трансформацию и неотступный страх перед деградацией общества и хаосом. Специалисты в области наук о человеке выборочно применяли биомедицинские теории общественного упадка, что позволило им подкрепить эти страхи научным авторитетом и предписывать меры принуждения, позволяющие изгнать из общества людей с отклонениями¹⁴. И в то время как большинство русских интеллигентов ненавидели царский режим, многие из них мечтали о сильном прогрессивном государстве, которое будет сохранять общественный порядок и проталкивать реформы даже при отсутствии широкой народной поддержки или высокоразвитых гражданских учреждений¹⁵.

Более радикально настроенные из русских интеллигентов надеялись на революционную трансформацию российского общества. Они следовали за младогегельянской традицией немецкого идеализма, с ее верой в исторический прогресс, ведущий к освобождению человека, — прогресс, который можно облегчить, вдохновив массы на восстание против старого порядка. Однако было бы ошибкой оценивать радикальную интеллигенцию как нечто anomальное: нужно отдавать себе отчет в том, что члены образованного сословия самых разных политических взглядов были глубоко недовольны царизмом и считали общественные и политические перемены не только необходимыми, но и неотвратимыми. Не одни лишь радикалы вроде большевиков имели идеологически обоснованный план действий. Специалисты, участники волонтерских организаций и даже реформистски настроенные царские чиновники имели свое видение того общества, которое они хотели создать, и тех граждан, которые, как они надеялись, будут в нем жить¹⁶.

¹⁴ Beer D. *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930*. Ithaca, 2008. P. 7–11.

¹⁵ По поводу давних эстетических традиций России и их влияния на «интеллигентско-эстетический модерн» см.: David-Fox M. *The Intelligentsia, the Masses, and the West*.

¹⁶ См., например: Kotsonis Y. *Making Peasants Backward: Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861–1914*. New York, 1999. P. 94–95. См. рус. пер.: Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2006. Агрономы планировали «реформировать население, которое, как они считали, не может само додуматься реформировать себя».

Многих русских радикалов привлекал марксизм с его вроде бы научной основой, с его критикой капитализма и с его упором на роль факторов среды в трансформации человеческого сознания. Марксизм пустил корни среди русской интеллигенции, борющейся против деспотичной царской бюрократии и стремившейся приподнять угнетенные народные массы. Считать, что идеология марксизма была искусственно навязана России, — значит игнорировать причины, по которым он был принят, и отворачиваться от того факта, что немарксистские русские интеллектуалы во многом разделяли как мнение марксистов о проблемах России, так и их стремление создать новый политический и общественный порядок.

МАССОВАЯ ПОЛИТИКА И МАССОВАЯ ВОЙНА

Главной причиной того, что стремление к преобразованию общества все больше бралось на вооружение государственными деятелями, я считаю распространение массовой политики и массовой войны. В эпоху народовластия политические лидеры должны были соответствовать нуждам и интересам народа и постепенно начали воспринимать население как источник легитимности, которому надо служить. А в эпоху массовой войны государственная власть и национальная безопасность более отчетливо, нежели когда-либо прежде, зависели от трудового и военного потенциала населения. В годы Первой мировой войны лидеры всех сражавшихся государств стремились регулировать здоровье, благосостояние и воспроизводство своих народов, чтобы защитить «человеческий капитал» и «военные людские ресурсы» своих стран. Кроме того, они создали обширные сети наблюдения, позволявшие контролировать настроения среди населения, а также организовали концентрационные лагеря, позволявшие удалить из общества «граждан враждебных государств» и «ненадежные» этнические группы.

Первая мировая война стала водоразделом как в российской, так и в европейской истории. Вплоть до того момента самодержавие в большой степени избегало современных практик общественного вмешательства. Но мобилизация военного времени, тревога о национальной безопасности, эпидемии и масштабные

общественные сдвиги требовали от российского правительства увеличения государственного контроля. Политика правительства включала в себя как позитивные, так и негативные меры — от заботы о здоровье и благосостоянии населения до надзора и депортаций. К примеру, в 1916 году, когда местные врачи оказались неспособны помочь миллионам раненных на войне и остановить распространение эпидемических заболеваний, царь наконец согласился на создание главного управления государственного здравоохранения, подобного министерствам здравоохранения, созданным в европейских государствах в начале Первой мировой войны. Кроме того, в ходе войны царское правительство депортировало из прифронтовых регионов почти миллион представителей этнических меньшинств, опять же подобно правительствам других воюющих стран, также проводившим депортации и создававшим концлагеря.

Когда в феврале 1917 года царский режим был свергнут, Временное правительство продолжило расширять ответственность государства за благополучие населения, во многом предвосхищая политику советского правительства. В частности, создало министерства здравоохранения, государственного призрения (социального обеспечения) и продовольствия и поместило многих интеллигентов на командные позиции, занять которые они так давно желали. Но в политической сфере Временное правительство так и не смогло завоевать широкую базу поддержки среди низших классов. Солдаты, крестьяне и рабочие имели собственные революционные планы: окончание войны, немедленное перераспределение земель и рабочий контроль на заводах — а Временное правительство не выполнило ни одного из этих чаяний. По мере того как солдаты дезертировали с фронта, крестьяне захватывали землю, а рабочие клялись в верности Советам, чиновники Временного правительства начали разочаровываться в массах, не пожелавших соответствовать либеральным идеям патриотизма и гражданской сознательности. Правительство начало все в большей степени прибегать к принудительным мерам управления, например к использованию военных

отрядов для реквизиции зерна — предвосхищая будущую советскую политику¹⁷.

Когда в октябре большевики взяли власть, они приняли на вооружение множество военных мер. Последовавшее затем строительство советского государства продолжало тенденции, уже начавшиеся в годы мировой войны, — государственный контроль над экономикой, наблюдение за здоровьем и благополучием населения, надзор и использование государственного насилия против «чуждых элементов». Строительство советской системы началось не просто при отсутствии традиционных институционных ограничителей (парламентов, судов и прав собственности), но на фоне кровавой Гражданской войны, в ходе которой продолжалась тотальная мобилизация людей и ресурсов. Даже когда большевики (с 1918 года называвшиеся коммунистами) победили белые армии, их власть оставалась непрочной: они боролись с крестьянскими восстаниями, пытались установить контроль над окраинами страны и имели дело с «капиталистическим окружением» враждебных иностранных государств. Хотя в 1921 году Ленин продал экономическую либерализацию, ни он, ни другие члены партии не шли ни на какие политические уступки. Напротив, они хранили бдительность и укрепляли господство коммунистической партии над чрезвычайно централизованным государственным аппаратом. Продолжали существовать такие государственные ведомства, как наркоматы здравоохранения, социального обеспечения и тайная полиция (госбезопасность), никуда не делись надзор военного времени и концентрационные лагеря, ставшие неотъемлемой частью советского государства. В то время как другие воевавшие державы по окончании боевых действий ушли от методов эпохи тотальной войны, советское правительство закрепило их организационно, положив в основу новой государственной системы.

ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА

Оказавшись у власти, коммунисты закрепили марксизм-ленинизм в качестве официальной идеологии государства и начали строить

¹⁷ Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.), 2002. P. 109–111.

социализм. Но в истории еще никогда не было социалистического государства, и никаких проектов такого рода марксизм-ленинизм не предлагал. Все члены ВКП(б) (Всесоюзной коммунистической партии большевиков) были согласны, что нужно ликвидировать капитализм и провести индустриализацию, однако спорили, как именно действовать и в каком темпе. Их задача была тем труднее, что подавляющее большинство населения России составляли крестьяне, а экономическая инфраструктура страны была недостаточно развитой. Различные партийные фракции выдвигали программы создания нового социалистического общества и управления им. Так называемая рабочая оппозиция выступала за рабочую демократию, при которой экономикой руководили бы выборные представители рабочих. Фракция Льва Троцкого отстаивала продвижение революции, основанное на иерархии, дисциплине и милитаризации труда. Ленин отказался от обеих моделей в пользу постепенного подхода — технократического правления в сочетании с ограниченным капитализмом новой экономической политики (нэпа)¹⁸.

Ряд лидеров партии и множество беспартийных специалистов, объединенные общей задачей модернизации и рационализации российского общества, выступали за технократию. Сильная государственная бюрократия, опирающаяся на знания инженеров и агрономов, могла бы направлять технократическое преобразование страны и создать производительный социально-экономический строй. Однако значительная часть коммунистов ненавидела идею постепенности и ограниченного капитализма нэпа, выступая за революционное продвижение к социализму. Кроме того, Сталин и другие испытывали глубочайшее недоверие к «буржуазным специалистам» и желали поставить во главу угла рабочий класс. В рамках ВКП(б) технократическому идеалу противостояло сильное прометеевское течение — вера в то, что освобождение творческой энергии рабочих подтолкнет страну вперед. Освобожденные от оков капиталистической эксплуатации, рабочие уже не были

¹⁸ О попытках Ленина примирить популизм и техницизм и о том, как он все же принял техницистский подход, см.: *Priestland D. Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power, and Terror in Inter-war Russia*. New York, 2007. P. 63, 88–89.

ограничены техническими соображениями и могли разорвать цепи даже самого времени¹⁹.

В ходе «Великого перелома», произошедшего в конце 1920-х годов, Сталин отверг поступательное движение нэпа и технократию, предпочтя революционный скачок. Сталин и его соратники отменили свободу торговли, внедрили плановую экономику, нацеленную на быструю индустриализацию, и начали жестокую кампанию коллективизации, включавшую в себя выселение нескольких миллионов крестьян, к которым был приклеен ярлык кулаков. «Великий перелом» привел также к широкому распространению антиинтеллектуализма: радикальные марксисты начали преследование беспартийных специалистов, а представители социальных наук были вынуждены более строго придерживаться линии партии. Начавшиеся в это же время показательные процессы инженеров и экономистов покончили с притязаниями некоторых беспартийных ученых, надеявшихся сыграть важную роль в выработке курса. Эти меры показали, что главенство коммунистической партии останется непоколебимым и никакие технократические ограничения не мешают революционному прогрессу²⁰. Советская система при Сталине не была технократией. Сталин и его соратники утверждали примат партийной истины над научной, и их приоритетом стало воспитание новой технической элиты пролетарского происхождения, которая пришла бы на смену «буржуазным специалистам»²¹.

В то же самое время сталинская индустриализация по-прежнему очень сильно зависела от беспартийных экономистов и инженеров²².

¹⁹ Согласно советскому лозунгу 1930-х годов, рабочие могли «выполнить пятилетку в четыре года». О времени в представлении лидеров партии и о его революционной трансцендентности см.: *Hanson S. Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions*. Chapel Hill, 1997.

²⁰ *Bailes K. E. The Politics of Technology // American Historical Review*. 1974. Vol. 79. No. 2 (April). P. 448–454.

²¹ *Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite // The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, 1992. Впрочем, напряженные отношения между учеными и партийными ортодоксами вернулись в 1940–1950-е годы, в особенности после смерти Сталина. См.: *Slezkine Y. The Jewish Century*. Princeton, 2004. P. 306, 331. См. также: *Pollock E. Stalin and the Soviet Science Wars*. Princeton, 2006.

²² В 1931 году хаос первой пятилетки вынудил Сталина восстановить власть инженеров и принять более технократический подход. См.:

Либеральные ученые в целом поддерживали партию: они были рады применить свои знания в работе над крупномасштабными проектами, что было возможно благодаря централизованной государственной системе. Коммунисты и беспартийные ученые разделяли веру в рациональное управление населением, доверяли статистике как отражению общества и, описывая проблемы общества и варианты вмешательства в его жизнь, употребляли медицинские термины. Представители социальных наук были обязаны привести свои дисциплины в соответствие с марксизмом-ленинизмом, а их концепции, знания и собранная ими информация подлежали использованию партийными лидерами, стремившимися к преобразованию общества²³. В его рациональной перестройке охотно приняли участие многие статистики, снабдив партийных деятелей социально-экономическими данными, которые легли в основу политики партии²⁴. Социологи и криминологи представляли исследования, указывавшие на угрозу общественного заражения и предписывавшие насильственное удаление и исправление любых отклонений²⁵. С началом «Великого перелома» партийные деятели подчинили труд сексологов и специалистов по борьбе с алкоголизмом цели построения социализма, поскольку задачи достижения трезвости и контроля над сексуальностью были лишь частью этого большого

Сталин И. В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. С. 56–61.

²³ О Советском Союзе как о «новом типе научного государства» см.: Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet System*. Ithaca, 2005. P. 312–313. Фрэнсин Хирш приходит к выводу, что ВКП(б) обращалась к этнографам, антропологам и социологам в поисках научных принципов, которые могли бы направить развитие общества, но в то же время вынуждала этих экспертов «переделать их собственные научные дисциплины с целью соответствия марксистско-ленинскому пониманию мира».

²⁴ Несмотря на арест в 1929 году нескольких специалистов Госплана, ведущие статистики, такие как Станислав Густавович Струмилин, продолжали играть важнейшую роль в экономическом планировании, и последующие директора Центрального статистического управления присоединились к их мнению, что социальная статистика является чем-то объективным. См.: Blum A., Mespoulet M. *L'anarchie bureaucratique: Pouvoir et statistique sous Staline*. Paris, 2003. P. 111–116. См. рус. пер.: Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН, 2006.

²⁵ Beer D. *Renovating Russia*. P. 202–203.

проекта²⁶. Построение социализма в большой степени опиралось на интеллектуалов. Более того, оно во многом реализовало их мечты о преобразовании общественного порядка, пусть и в крайне жестокой форме.

Чтобы провести в жизнь свою программу социальных преобразований, партийные деятели использовали методы военного времени, уже закрепленные организационно в советской системе. Государственный контроль над экономикой, меры по здравоохранению, надзор за населением и насилие над целыми группами населения — все это ставило своей целью воплотить на деле образ производительного и здорового общества, каким его видели партийные деятели, с отсечением «вредных элементов» старого порядка. В самом деле, идеи переустройства общества и практика активного вмешательства государства подкрепляли друг друга. Планы социальной трансформации основывались на том, что общество вполне поддается переделке при помощи государственного вмешательства, а само это вмешательство оправдывалось именно попыткой создания нового общества.

Когда в конце 1920-х годов лидеры партии начали свое «социалистическое наступление», они не только опирались на методы военного времени, но и воспринимали индустриализацию и коллективизацию как военную кампанию, битву за уничтожение капитализма и крестьянской отсталости. Эта битва включала в себя создание полностью государственной экономики, подобной экономике военного времени: советское руководство контролировало все ресурсы и направляло их в тяжелую промышленность. «Бригады» по коллективизации депортировали «классовых врагов», а остальных крестьян вынуждали вступать в колхозы. На «фронте» индустриализации советские деятели призывали рабочих в рекордные сроки строить сталелитейные, автомобильные и оружейные заводы. В ответ на тяжелейший голод 1932–1933 годов партийные лидеры еще больше усилили контроль над обществом,

²⁶ *Bernstein F. L.* The Dictatorship of Sex: Lifestyle Advice for the Soviet Masses. DeKalb, 2007. P. 190–192; *Transchel K.* Under the Influence: Working-Class Drinking, Temperance, and Cultural Revolution in Russia, 1895–1932. Pittsburgh, 2006. Ch. 6. О продолжении в сфере культуры см.: *David-Fox M.* What Is Cultural Revolution? // *Russian Review*. 1999. Vol. 58. No. 2 (April). P. 181–201.

введя систему внутренних паспортов, и слегка умерили темп индустриализации²⁷.

К 1934 году партийное руководство считало, что выиграло битву, — и на XVII съезде партии, «съезде победителей», Сталин заявил, что социализм построен²⁸. Для Сталина и других руководителей ВКП(б) уничтожение капитализма означало новую эпоху мировой истории. Победа колхозов и государственной экономики вселяла в этих людей уверенность, что они перешли Рубикон и вступили на территорию социализма. Они выдержали кризис 1932–1933 годов — факт, который также убеждал их, что они миновали период интенсивной борьбы и вышли из нее победителями. Как я уже писал в другой своей работе, предполагаемое достижение социализма имело огромные последствия для советской идеологии и культуры²⁹. Оно повлияло и на социальную политику членов партии, приведя к дальнейшей эскалации насилия по отношению к отдельным группам населения, когда ставилась цель «раз и навсегда» уничтожить все «антисоветские элементы», продолжавшие противостоять Советскому государству.

В конце 1930-х годов, на фоне растущей международной напряженности, когда все больше казалось, что решающая схватка между фашизмом и социализмом не за горами, поиск врагов в СССР стал еще более интенсивным³⁰. Не только преступники и бывшие кулаки, но и члены национальных диаспор попали под прицел госбезопасности: сталинское руководство стремилось нейтрализовать потенциальную пятую колонну на случай войны. Кроме того, 1930-е годы характеризовались растущей милитаризацией советского общества, что не могло не повлиять на социальные программы. В частности, в сфере физической культуры все больший упор делался на военно-спортивные состязания. «Построение социализма» произошло

²⁷ Дальнейшее обсуждение см. в кн.: *Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933.* London, 1996.

²⁸ *Сталин И. В.* Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г. // *Сталин И. В. Сочинения.* Т. 13. С. 308–309.

²⁹ *Hoffmann D. L. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941.* Ithaca, 2003.

³⁰ *Weiner A. Nature, Nurture, and Memory in a Socialist Utopia: Delineating the Soviet Socio-Ethnic Body in the Age of Socialism // American Historical Review.* 1999. Vol. 104. No. 4 (October). P. 1114–1155.

в момент особой исторической конъюнктуры, в эпоху промышленной мобилизации и массовой войны, и характер этого «социализма» отражал не только привычное использование методов военного времени, но и растущую иностранную угрозу, а также подготовку СССР к войне.

ОБЗОР ГЛАВ

В этой книге пять глав. В первой из них я очерчиваю появление социальной политики, сначала в Западной Европе, затем в России. Особое внимание я уделяю новым формам социальных наук, которые привели реформаторов к убеждению, что население — социальная общность, которая должна управляться рационально. Также я рассматриваю связь между социальным обеспечением и войной и показываю, что феномен массовой войны вынудил государственных чиновников более активно вмешиваться в только что оформившуюся социальную сферу. В частности, огромные мобилизационные требования Первой мировой войны оказались сильнее любых попыток ограничить роль государства, а потребность в здоровых людях для продолжения войны увеличила заботу властей о благополучии населения. Советское правительство было создано в то время, когда роль государства оставалась повышенной, а советские лидеры заявляли, что правят от лица низших классов. Соответственно, размах социальной политики все возрастал, следуя тенденции, возникшей в ходе Первой мировой войны, и к 1930-м годам государство взяло на себя практически все экономические и социальные функции.

Во второй главе я изучаю программы общественного здравоохранения. Развитие эпидемиологии привело к тому, что в конце XIX столетия врачи по всему миру пересмотрели свой взгляд на здоровье. Если раньше оно было индивидуальной проблемой, то теперь превратилось в общественное дело. Соответственно, здравоохранение должно было стать централизованным, а поведение и гигиенические привычки людей — регламентированными. В ходе Первой мировой войны и сразу после нее самые разные европейские страны создали министерства здравоохранения, кардинальным образом расширив роль государства в вопросах здоровья и гигиены. С этой точки зрения советская система общественного здравоохранения,

высокоцентрализованная, воспринимавшая болезнь как социальный, а не индивидуальный феномен, была не столько продуктом социалистической идеологии, сколько кульминацией идей и технологий социальной медицины, необходимость внедрения которых все яснее ощущалась в ходе Первой мировой и Гражданской войн. В самые ранние годы существования советского государства здоровье граждан находилось в тяжелейшем состоянии: страну опустошали эпидемии. Имея на своей стороне неограниченную государственную власть, Наркомат здравоохранения взял на вооружение самые интервенционистские меры по отслеживанию и улучшению здоровья населения.

В третьей главе я анализирую попытки государства контролировать воспроизводство населения. В 1930-е годы в СССР запретили аборт и предложили финансовую помощь женщинам, рожавшим по семь детей и больше. Эта политика, часто представляемая коммунистической, в период между двумя мировыми войнами была широко распространена во многих странах. Таким образом, в советской политике поощрения рождаемости, возможно, следует видеть новое проявление той политики в отношении граждан, которая основывалась на демографических исследованиях и желании политических лидеров управлять своим населением. В то же время я подчеркиваю отличительные черты советской репродуктивной политики. В других странах упор на материнскую роль женщин означал исключение их из состава рабочей силы. Советское гендерное строительство было совершенно иным: оно подчеркивало роль женщины и как матери, и как работницы.

В четвертой главе я рассматриваю еще одно измерение государственного вмешательства — надзор и пропаганду. Советское государство обладало огромным аппаратом, задачей которого было изучение «политических настроений» населения и воздействие на них. Конкретные методы надзора, такие как перлюстрация писем, были распространены по всей Европе в годы Первой мировой войны. Кроме того, главы всех воюющих стран вели масштабные пропагандистские кампании, чтобы добиться от своих граждан верности и привести их в боевое настроение. Советское руководство продолжило и усилило надзор и пропаганду, сделав их постоянными элементами управления. Эти инструменты применялись не только для

наблюдения за политической оппозицией, но и с целью изменить сознание людей и создать нового советского человека.

В пятой главе я анализирую насилие по отношению к отдельным группам населения — попытки советского государства избавиться от тех частей населения, которые считались вредными для общества в целом. Впервые системы разделения людей на категории были пущены в ход европейскими чиновниками в колониях — вместе с насилием, вплоть до концентрационных лагерей. В самой Европе физическое удаление групп населения начало практиковаться в условиях Первой мировой войны. К примеру, Англия интернировала граждан неприятельских государств, а Австро-Венгрия — некоторые национальные меньшинства. Царское правительство интернировало около 600 тысяч граждан стран-противников, а в 1915 году депортировало до миллиона своих собственных граждан (этнических поляков, немцев, евреев и мусульман) из приграничных регионов. В Гражданскую войну обе противоборствующие стороны использовали концентрационные лагеря для удаления из населения «враждебных» групп, и советское руководство продолжало прибегать к этому методу в 1920–1930-е годы, особенно в ходе коллективизации и Большого террора. Мы видим, что насилие по отношению к отдельным группам населения и концентрационные лагеря не были изобретением советских лидеров. Но те иначе использовали государственное насилие. В других странах заключение людей в лагерь оставалось мерой безопасности, употребляемой только в военное время. Советское же руководство использовало подобные методы и в мирное время — в целях преобразования общества. Несмотря на сходство технологий государственного насилия, в СССР его размах был гораздо больше, чем в Западной Европе, а цели — куда масштабнее.

Государственное насилие в СССР было бы невозможно без советской науки, стремления преобразовать общество и военных технологий социального вмешательства. Государственное устройство этой страны и решения партийных лидеров актуализировали насилие по отношению к отдельным группам населения. Советский Союз был диктатурой с высокоцентрализованным бюрократическим аппаратом, постоянно использовавшим различные методы военного времени. Партийные лидеры, с их утопическими целями

и стремлением творить историю, не видели пределов своей власти и были свободны от конституционных и каких-либо юридических ограничений. Когда для осуществления своих замыслов они использовали бесконтрольную власть государства, следствием было беспрецедентное по масштабам вмешательство в жизнь граждан.

ГЛАВА 1

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Наука о руководстве, таким образом, состоит в том, чтобы регулировать все, что связано с нынешним положением общества, укреплять это и улучшать, следить, чтобы все способствовало благополучию людей, составляющих это общество.

*Иоганн Готтлиб фон Юсти.
Основы науки о руководстве. 1768 год*

Социальное обеспечение всех рабочих, страдающих от потери работоспособности или [от] безработицы, должно быть делом государства.

*Александр Винокуров.
Социальное обеспечение
(от капитализма к коммунизму). 1921 год*

Социальное обеспечение в самом базовом смысле означает заботу о благополучии членов общества, в особенности тех, кто в этом нуждается, — больных, пожилых и безработных. В числе программ, обычно ассоциирующихся с социальным обеспечением, — пособие по бедности, пособие по безработице или потере трудоспособности, а также пенсии для пожилых людей. Но социальное обеспечение может означать и более обширное вмешательство, направленное на улучшение жилищных условий, на изменение общественных порядков и внушение продуктивных норм поведения. Целью такого вмешательства является рациональное устройство повседневной жизни и осмысленное использование людских ресурсов. В этом широком смысле слова социальное обеспечение включает в себя не только финансовую помощь, но и общественную работу,

приведение в порядок трущоб, планировку городов, общественное здравоохранение, фабричную инспекцию, а кроме того, обучение низших классов качественному труду и гигиене.

Традиционно возникновение государства социального обеспечения считалось побочным продуктом индустриализации и урбанизации, и в первую очередь результатом требований профсоюзов и радикалов, вынудивших правительство заботиться о нуждающихся. Но изучение государственных программ социального обеспечения показало слабость этой точки зрения. Индустриализация в Соединенных Штатах не привела к каким-либо государственным программам социального обеспечения — здесь первая такая широкомасштабная программа была создана значительно позже, в 1935 году, когда был принят Акт о социальной защите¹. Более того, множество европейских программ социальной защиты были предложены и внедрены не радикалами, а либеральными или консервативными политиками и чиновниками. Рабочие организации не добивались социального обеспечения и в некоторых случаях даже выступали против него, предпочитая бороться за более высокую заработную плату². Желание предотвратить беспорядки или получить голоса рабочих действительно мотивировало некоторых политиков во второй половине XIX столетия. Но в целом представление о государственной ответственности за социальное обеспечение было обусловлено выводом, к которому пришли чиновники и интеллектуалы: сохранение общества зависит в общей сложности от благополучия его членов. Другой важной причиной была забота правительств о сохранении экономического и военного потенциала своего населения. Термин *социальное государство* (*welfare state*) впервые использовал в 1940-е годы сэр Уильям Беверидж, противопоставив его «военному государству» германских нацистов. Но роль государства в благополучии жителей кардинально выросла

¹ Skocpol T. *Protecting Soldiers and Mothers: The Political Origins of Social Policy in the United States*. Cambridge (Mass.), 1992. P. 5–13. Скокпол указывает, что до принятия Акта единственными социальными выплатами в США были пенсии ветеранам Гражданской войны.

² Ibid. P. 23–24; Cronin J. E. *The Politics of State Expansion: War, State, and Society in Twentieth-Century Britain*. New York, 1991. P. 37, 42–43. См. также: Baldwin P. *The Politics of Social Solidarity: Class Bases of the European Welfare State, 1875–1975*. New York, 1990.

уже в XIX веке. А в период между мировыми войнами социальное обеспечение и война были тесно связаны: различные правительства внедряли программы социальной защиты, чтобы их население оставалось готовым к войне³.

Россия — яркий пример того, какое сильное воздействие оказала Первая мировая война на развитие государственных программ социальной защиты. В этом вопросе Россия отставала от большинства стран Западной Европы. Но, когда разразилась война, все изменилось. Стремительно выросла роль государства в заботе о благополучии населения. Сначала этим занимались частные фирмы с государственным участием, а потом само государство. Советские деятели, пришедшие к власти в результате Октябрьской революции, унаследовали множество программ, созданных в военное время царским режимом, а также Временным правительством. Вскоре они расширили эти программы, введя всестороннюю систему пенсий, пособий по инвалидности и безработице. Первоначально советские социальные пособия существовали в основном на бумаге. Однако, когда в 1930-е годы была создана плановая сталинская экономика, советское государство не только стало распоряжаться всеми имеющимися ресурсами, но и взяло на себя ответственность практически за все нужды рабочих, включая снабжение продовольствием, жильем и полную занятость. Таким образом, советская социальная защита возникла не как попытка компенсировать негативные следствия капитализма, а как один из результатов деятельности ВКП(б) по созданию современной индустриальной некапиталистической экономики. Она должна была стать не столько «страховочной сетью», сколько частью рационального и продуктивного экономического порядка, находящегося под управлением государства и действующего в интересах трудящихся. Советская система, требовавшая, чтобы каждый занимался «общественно полезным трудом», — частный пример общеевропейской тенденции. В Европе в период между мировыми войнами социальная защита рассматривалась не как средство защитить достоинство индивидуума, а как ряд взаимных обязательств между государством и его гражданами.

³ *Mazower M. Dark Continent: Europe's Twentieth Century. New York, 1999. P. 103, 298–299.*

Прежде чем мы вернемся к социальной защите в России и СССР, я прослежу истоки социального обеспечения и социальной политики в целом, начав с некоторых проявлений камералистской мысли в Европе раннего Нового времени и рассмотрев развитие социальных наук в XIX веке. Социальные науки помогли очертить социальную сферу, отделив ее от политической и экономической сфер. Они предложили способ изучения целого ряда проблем, которые раньше казались не связанными друг с другом, — проблем бедности, выживания, преступности и волнений среди рабочих — и способ их решения. Без выделения в Западной Европе XIX века социальной сферы и возникновения «социального вопроса» не могли появиться ни программы социальной защиты, ни другие формы социального вмешательства, которые будут обсуждаться в этой книге.

КАМЕРАЛИЗМ, СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Политические лидеры всегда правили людьми, но не всегда воспринимали себя в качестве правителей над народом. Лишь в определенный момент истории они стали относиться к населению как к ресурсу, который необходимо культивировать. Идея социальной защиты уходит корнями в раннее Новое время, когда правительства начали тщательно изучать население и его производственный потенциал. В частности, мыслители-камералисты XVI–XVII веков изучали соотношение между экономической и военной мощью государства и численностью и продуктивностью его населения. В отличие от своих предшественников, исходивших из того, что главный предмет управления — территория, камералисты обращали внимание прежде всего на население и материальные ценности. Эта переориентация означала изменение целей: теперь задача была не только контролировать территорию, но и максимально увеличивать богатство и гарантировать, что население сможет производить товары и приумножаться в численности. Кроме того, теперь было необходимо знать, какие люди живут в государстве и какими ресурсами они располагают, а также иметь в распоряжении административный аппарат, способный собрать эти сведения и повысить уровень производства. На протяжении всего XVII века

мыслители-камералисты распространяли эти идеи, а также анализировали, каким именно образом государство может повысить производительность своего населения⁴.

Забота государства о предотвращении детской смертности показывает, что правители начали воспринимать население как ресурс. К середине XVIII столетия социальные мыслители создали обширную литературу о детской смертности и убытке, который она приносит государству. Один комментатор, рассказывая о высокой детской смертности в сиротских приютах, сетовал, что такая огромная доля людских «сил» умерла, не успев «принести пользу государству»⁵. Российские правители XVIII века тоже беспокоились о «людском капитале» и стремились увеличить численность населения, заботясь о младенцах. В 1712 году Петр I издал указ, осуждавший детоубийство и предусматривавший создание сиротских приютов для незаконнорожденных детей в каждой губернии. При Екатерине II российские сиротские приюты попытались выращивать из брошенных детей полезных подданных⁶.

Камералисты сумели убедить многих европейских правителей, что политическая и военная мощь главы государства зависит не только от его возможностей по сбору налогов, но и от экономического процветания населения, которым он правит. Это привело к попыткам управлять обществом так, чтобы сделать его продуктивнее, и упорядочивать администрацию таким образом, чтобы поощрять экономическое развитие⁷. Желание максимально увеличить производительность подтолкнуло политических мыслителей внимательно относиться к человеческому телу и использованию его продуктивных и репродуктивных возможностей. В XVII веке началось то, что впоследствии получит название «анатоми-политики человеческого

⁴ Foucault M. Governmentality // The Foucault Effect: Studies in Governmentality / Eds. G. Burchell, C. Gordon, and P. Miller. Chicago, 1991. P. 93–96.

⁵ Цит. по: Donzelot J. L'invention du social: Essai sur le déclin des passions politiques. Paris, 1984. P. 9.

⁶ Ransel D. L. Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria. Bloomington, 2000. P. 8–17, 31.

⁷ О пособиях по камерализму и юридических кодексах немецких государств в XVII веке и России в XVIII веке см.: Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven, 1983.

тела». На первых порах речь шла о необходимости дисциплинировать рабочих и увеличить их продуктивность путем «включения [их] в эффективные и экономичные системы контроля»⁸. Мыслители-физиократы XVIII века разработали эти взгляды глубже: для них государство не только выгодоприобретатель, но и средство наращивания богатства, поскольку может управлять общественными отношениями так, чтобы производство становилось более интенсивным. К примеру, немецкий экономист Иоганн фон Юсти писал: «Цель руководства — сделать так, чтобы все, что составляет государство, служило укреплению и усилению его власти, а кроме того, заботиться об общественном благосостоянии»⁹.

В конечном счете на смену узкому взгляду камералистов, заботившихся о налоговых поступлениях, пришли взгляды более широкие: общество следует улучшать ради самого общества. В политическом плане это стремление к совершенствованию общества проистекало из новых принципов народного суверенитета, появившихся в результате Американской и Французской революций. Французская революция сместила короля, лишила его старинного права на суверенитет и связала это право с волей народа. Во имя народовластия общественные ресурсы были мобилизованы в беспрецедентных масштабах¹⁰. Эта демократизация суверенитета многократно увеличила власть государства, но отныне само оно, перестав быть орудием монарха, обязано было служить народу и улучшать его положение. Хотя на протяжении всего XIX века монархические режимы не признавали новый политический порядок, принцип народовластия представлял собой вызов, на который традиционным монархиям приходилось искать ответ. Разные страны лихорадочно двигались к новой вехе, и население уже никем не воспринималось просто как ресурс, который государство может использовать для своих целей. Политические мыслители чем дальше, тем больше склонялись к мысли, что государство и его граждане обязаны

⁸ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 243.

⁹ Donzelot J. L'invention du social. P. 7. См. также: Backhaus U. Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771): Health as Part of a State's Capital Endowment // The Beginnings of Political Economy: Johann Heinrich Gottlob von Justi / Ed. J. G. Backhaus. Heidelberg, 2009. P. 171–195.

¹⁰ Baker K. M. A Foucauldian French Revolution? P. 204–205.

служить друг другу. Полицейское государство камерализма (общество на службе у государства) постепенно сменилось государством социальным (государство на службе у общества).

Другим фактором, повлиявшим на расширение социального поля, стали экономические и социальные перемены. Индустриализация и урбанизация принесли с собой множество новых социальных проблем, которые концентрировались в растущих городах и потому были очевидны. Широкий круг действующих лиц, не имеющих отношения к правительству, — от религиозных проповедников и борцов с алкоголизмом до градостроителей и профсоюзных вожаков, придерживавшихся самых разных взглядов, — стал интересоваться такими повседневными вопросами, как жилье, гигиена, несчастные случаи на производстве, алкоголизм, безработица и бедность. Поскольку физический труд играет в индустриальной экономике огромную роль, телесное здоровье рабочих тоже представляло интерес для купцов и промышленников. Вопреки попыткам либералов, особенно английских, ограничить государственное регулирование, чиновники видели необходимость улучшения социально-бытовых условий и защиты населения. Поскольку городская беднота считалась источником преступности, болезней и испорченности нравов, существовало опасение, что она может заразить все общество — и социальное обеспечение представляло государственной необходимостью¹¹.

Этот новый подход, профилактический, применялся и к политическим выступлениям. Народовластие, сделав всех граждан предметом заботы, вместе с тем увеличило и количество потенциальных опасностей. После 1848 года правителей государств беспокоили не только бунтовщики, но и рабочий класс — в нем видели источник оппозиции, а то и революции. Как абстрактное понятие труд считался плодотворным и благородным, но трудящиеся все в большей степени казались угрозой. Более того, идеология социализма представляла собой вызов существующему порядку

¹¹ Я очерчиваю концептуальный сдвиг в программах государственной социальной защиты в целом. Анализ как теоретических вопросов социальной защиты, так и подробностей различных ее инициатив вплоть до уровня муниципалитетов в Германии содержится в кн.: *Steinmetz G. Regulating the Social.*

и превращала труд в новое основание политической легитимности. С течением времени этот вызов привел к появлению в Англии «социализма газа и воды» (законы о жилье, пенсии по возрасту и другие реформы), а в Германии — к тому страхованию (на случай пожилого возраста, болезни и безработицы), сторонником которого был Бисмарк, стремившийся переманить рабочих из растущей социал-демократической партии¹². Но даже до появления указанных инициатив угроза рабочих волнений вынесла «социальный вопрос» на повестку дня¹³.

Теперь, чтобы найти ответ на этот вопрос, правители стремились изучить и разделить на категории всех своих подданных, надеясь, что знакомство с «населением» позволит улучшить его положение, успокоить само «население» и исправить его характер. Результатом этих усилий стало вычленение, наряду с политикой и экономикой, отдельной социальной сферы. К середине XIX века социальные мыслители не только считали население отдельным множеством, но и пришли к мысли, что социальная сфера является полем для вмешательства. Как пишет Мэри Пуви, «эти два достижения — соединение разных групп населения и концептуальное выделение социальной сферы — были тесно связаны, поскольку выявление проблем, поразивших страну, подразумевало изоляцию вредной части населения, выяснение на основе индивидуальных примеров общей проблемы и поиск решений»¹⁴.

Социальные науки позволяли узнать население, поэтому их развитие играло центральную роль в разработке социальной защиты. Сама идея науки об обществе родилась из веры мыслителей Просвещения в то, что наука начнет использоваться для переустройства человеческого мира и будет руководить построением рационального общественного порядка¹⁵. Но социальная сфера как

¹² Sullivan M. *The Development of the British Welfare State*. New York, 1996. P. 4–8; Steinmetz G. *Regulating the Social*. Ch. 5.

¹³ Donzelot J. *L'invention du social*. P. 14.

¹⁴ Poovey M. *Making a Social Body: British Cultural Formation, 1830–1864*. Chicago, 1995. P. 4, 8.

¹⁵ Сточки зрения Кондорсе, способность ньютоновской науки объяснить естественный мир означала, что у социального знания есть возможность понять человеческий мир и преобразовать его. См.: Baker K. M. *Condorcet: From Natural Philosophy to Social Mathematics*. Chicago, 1975.

область знания материализовалась лишь в XIX веке, когда власти озаботились проблемами общества, а появление новых научных дисциплин позволило лучше понять его. Целый ряд проблем был сгруппирован вместе, и над ними начали работать как правительственные чиновники, так и специалисты по медицине, социальной работе, демографии, городскому планированию и социальной гигиене¹⁶. Общественное знание включало в себя два важных компонента: научную модель, которую, как считалось, можно использовать на практике, и то определение социального поля, с особым взглядом на общество и на природу социальных процессов, которое позволяло бы эту модель применить¹⁷. Чем дальше, тем больше казалось, что любое общество поддается описанию при помощи статистики, что его можно переустроить, улучшить, им можно управлять при помощи научных методов, если за дело возьмутся ученые-эксперты, стоящие выше прав частных лиц или интересов социальных групп.

Воздействие общественного знания на социальное обеспечение легче всего проиллюстрировать, указав на огромное влияние социологической статистики, отражавшей и усиливавшей желания реформаторов. Уже в XVII веке камералисты рассуждали о необходимости количественного понимания населения¹⁸. К первой половине XIX столетия статистические изыскания стали профессиональными, а правительства начали систематизировать данные по населению¹⁹. Когда люди и общественные феномены были подсчитаны и систематизированы, чиновники и ученые изменили свое отношение к социальным вопросам. Раньше бедность считалась результатом неудач отдельных индивидов, а статистика представила

¹⁶ Horn D. G. *Social Bodies: Science, Reproduction, and Italian Modernity*. Princeton, 1994. P. 3–11.

¹⁷ Baker K. M. *Condorcet*.

¹⁸ В 1680-е годы Готфрид Лейбниц в Пруссии и Уильям Петти в Англии предложили создать центральное правительственное статистическое ведомство в целях сбора данных о населении. См.: *Hacking I. The Taming of Chance*. Cambridge, 1990. P. 18–19.

¹⁹ Ibid. P. 2–3. В наполеоновскую эпоху государственные администраторы разработали департаментскую статистику — с недвусмысленной целью создать однородную картину территории государства и его обитателей. См.: *Bourguet M.-N. Déchiffrier la France: La statistique départementale à l'époque napoléonienne*. Paris, 1988.

бедность социальной проблемой, требующей государственного вмешательства, которое превратит нуждающихся в продуктивных граждан. Несчастные случаи на производстве, прежде воспринимавшиеся изолированно друг от друга и считавшиеся результатом ошибок, после составления статистики предстали регулярными и предсказуемыми. Власти занялись регулированием работы на фабриках и начали требовать от работодателей страхования, покрывающего несчастные случаи²⁰.

Социологические данные были еще новой формой знания и потому не всегда сразу поддавались пониманию. Статистика, безусловно, много что могла рассказать об обществе, но ее значение открылось только после изобретения и начала применения статистических методов. Именно эти методы определили то, как будут истолкованы собранные данные и как это повлияет на понимание социальных феноменов. Метод корреляции заключался в том, чтобы найти статистические данные, совпадающие с каким-либо феноменом и, возможно, являющиеся его причиной. Переломным моментом с точки зрения как статистического анализа, так и социального взгляда на болезни стала эпидемия холеры во Франции в 1832 году. Статистика по смертям от холеры показала очевидную корреляцию между плохими жилищными условиями и повышенной смертностью. Еще до того, как развитие эпидемиологии позволило четче понять причины заболевания, статистическая корреляция убедила власти, что причиной холеры являются грязные жилища, и заставила принять меры по их оздоровлению²¹.

Другой метод, позволивший работать с новой массой чисел, — определение среднего. В 1830–1840-е годы Адольф Кетле разработал концепцию среднего человека, основав ее на собственном открытии, что статистика населения равномерно распределяется вокруг средней величины. Таким образом, он взял абстракцию — в реальном мире не существовало «среднего человека» — и придал ей видимость чего-то настоящего. Этот гипотетический средний человек

²⁰ Horn D. G. *Social Bodies*. P. 35–37.

²¹ Rabinow P. *French Modern: Norms and Forms of the Social Environment*. Cambridge (Mass.), 1989. P. 31–39. См. также: Delaporte F. *Disease and Civilization: The Cholera in Paris, 1832* / Transl. A. Goldhammer. Cambridge (Mass.), 1986.

стал мерилом других людей²². На тех, кто не достигал до этой нормы, был навешен ярлык людей, «не соответствующих стандарту», а то и «с отклонениями» от нормы. Установление норм физического развития человека задало цель, к которой следовало стремиться. Основатель евгеники Фрэнсис Гальтон распределил людей по квартилям вокруг статистической медианы и рекомендовал вмешиваться в воспроизводство, чтобы добиться статистического улучшения качества расы или населения²³. Предложенная Кетле концепция среднего человека заменила огромное разнообразие индивидов набором социальных правил и установлений. В свою очередь, это вытеснение либерального политического субъекта перенесло фокус внимания на коллектив и его общее благополучие²⁴.

Статистическое мышление заметно повлияло как на понимание социальной защиты, так и на планы социологов и политиков по ее улучшению. Причины статистических исследований и социального вмешательства были, разумеется, утилитарными, в некоторых случаях — филантропическими. Такие люди, как Кетле, желали улучшить положение рабочих масс и потому стремились открыть статистические законы, управлявшие болезнями, преступностью и нищетой²⁵. Как следствие, уровень социальной защиты повысился благодаря приведению в порядок трущоб и помощи бедным. Другим следствием были усиление государственного вмешательства в жизнь людей и более активное навязывание норм поведения.

Социальная статистика и в целом социология сыграли роль в появлении идеала технократии — научного управления обществом. Притягательность технократии отчасти была вызвана ее

²² *Hacking I. The Taming of Chance. P. 107–109.* О восприятии Кетле в России (русские переводы его работ вышли в 1865–1866 годах) см.: *Paperno I. Suicide as a Cultural Institution in Dostoevsky's Russia. Ithaca, 1997. P. 66–67.* См. рус. пер.: *Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М., 1999.*

²³ *Hacking I. The Taming of Chance. P. 167–169; Rabinow P. French Modern. P. 327.* В конце XIX столетия Эмиль Дюркгейм взял модель физиологического среднего и приложил ее к этике и поведению. См.: *Hacking I. The Taming of Chance. P. 172.*

²⁴ *Ewald F. L'État providence. Paris, 1986. P. 146; Curtis B. Surveying the Social: Techniques, Practices, Power // Histoire sociale / Social History. 2002. Vol. 35. P. 95–97.* См. также: *Porter T. M. The Rise of Statistical Thinking, 1820–1900. Princeton, 1988.*

²⁵ *Hacking I. The Taming of Chance. P. 118.*

объективностью, позволявшей предлагать, как казалось, бесспорные решения. На деле социология могла быть очень субъективной, поскольку статистика собиралась лишь по тем категориям, которые считались существенными (например, этническое происхождение или уровень доходов), а соотносили их друг с другом только исходя из предвзятых мнений (связывавших, к примеру, алкоголизм с преступностью). Более того, из социальных наук часто выводили стандарты поведения, использовавшиеся как точка отсчета при оценке других людей. Однако большинство социологов не только не видели ограниченности и предвзятости своих выводов, но и верили, что располагают орудиями, которые позволят лучше, чем когда-либо прежде, понять общественные проблемы и найти их решение.

Для многих политических деятелей технократия стала еще и привлекательной альтернативой сложностям коалиционной политики и демократических реформ²⁶. В условиях острого классового противостояния, характерного для XIX века, технократический подход к общественным проблемам предлагал желанную альтернативу узкопартийному подходу, а также средство помочь всеобщему благу. На протяжении большей части XIX столетия либералы могли спокойно критиковать власть извне. Но и тогда, когда либерализм и буржуазные общества пустили корни, многие тяжелые проблемы, которые, как ожидалось, найдут решение, упрямо не хотели уходить. Как писал один из специалистов по Германии, «смесь враждебности и тревоги по отношению к профсоюзам и преступности (которые часто смешивали) была результатом разочарования буржуа в собственном успехе. Масштаб и скорость этого успеха лишь увеличили степень этого разочарования, поскольку они начали острее ощущать, что они могут потерять»²⁷. Традиционные либеральные подходы и благотворительная помощь, предоставляемая отдельным людям, уже не казались адекватным средством решения общественных проблем. Наука и технократия предлагали

²⁶ См.: *Maier C. Between Taylorism and Technocracy: European Ideologies and the Vision of Industrial Productivity in the 1920s // Journal of Contemporary History. 1970. Vol. 5. No. 2. P. 27–61.*

²⁷ *Blackbourne D. The Discreet Charm of the Bourgeoisie // The Peculiarities of German History / Eds.. D. Blackbourne and G. Eley. New York, 1984. P. 216.*

альтернативную модель. Такие достижения, как развитие статистики и современной медицины, впервые в истории, казалось, сделали возможными научное исследование общества и научное руководство его жизнью. Некоторые социальные мыслители верили, что всю человеческую деятельность можно реорганизовать на рациональной научной основе²⁸.

Во Франции, к примеру, власти и социальные мыслители склонялись к технократии и уделяли все большее внимание обществу в целом, а не отдельным людям. Реформисты от социал-католиков до эволюционных социалистов стремились регулировать пространство и ликвидировать общественные проблемы при помощи научно обоснованных норм. Их активисты утверждали, что в центре внимания должно быть общество, а не индивид, и регулировать общественные отношения должно государство, а не церковь или индустрия. К 1900 году из этого интеллектуального брожения родилась доктрина солидаризма — идея, что общество в целом важнее, чем его составляющие. Солидаристы утверждали, что все люди взаимозависимы, а значит, должны сотрудничать, исходя из научных норм разделения труда и обмена услугами. Французский социолог Фредерик Ле Плей (Ле Пле) считал, что «задача социального знания... состоит не только в том, чтобы узнать, как возникло общество со всеми своими конфликтами и противостояниями, но и — что более важно — в том, чтобы создать социальные механизмы, которые позволят вернуть общество к его естественному состоянию классовой гармонии»²⁹. Новые формы солидарности и технократического наблюдения были призваны смягчить классовое противостояние и дать возможность избежать революции. Таким образом, солидаризм представлял собой средний курс между либерализмом и марксизмом.

Фабианское общество, основанное в 1884 году в Великобритании, тоже делало упор на коллективизм и научное управление. Сидней Уэбб, лидер фабианцев, опираясь на позитивистскую философию,

²⁸ *Domansky E. Militarization and Reproduction in World War I Germany // Society, Culture, and the State in Germany, 1870–1930 / Ed. G. Eley. Ann Arbor, 1996. P. 430.*

²⁹ *Elwitt S. The Third Republic Defended: Bourgeois Reform in France, 1880–1914. Baton Rouge, 1986. P. 23. Более подробное обсуждение см. в кн.: Rabinow P. French Modern. P. 169–170, 185–186.*

отстаивал идею, что технократическая элита, представляющая интересы всего общества, может восстановить социальную гармонию. В противовес марксистам фабианцы полагали, что государство надо не уничтожить, а использовать как орудие общественных перемен, положившись на опыт бюрократов³⁰. Фабианцев особенно интересовали социальные программы по борьбе с бедностью, поскольку они считали, что бедные — впустую потраченный ресурс общества. В целом британские социальные мыслители ушли от представления об индивидуальных неудачах (как в эпоху работных домов) к программам экономических реформ и социального обеспечения, нацеленным на защиту общества во всей его совокупности³¹. Пестрая коалиция общественных и государственных деятелей выступила поборниками так называемой национальной эффективности. Эта группа утверждала, что «мужчины и женщины составляют основное сырье, из которого сооружается величие нации», а следовательно, заявляли они, долг государственного деятеля — «позаботиться о том, чтобы эти бесценные ресурсы не оказались растрчены из-за безразличия и вялости». В отличие от социальных реформаторов-гуманистов, движимых жалостью, или профсоюзных активистов, требовавших справедливости для их собственного класса, поборники эффективности гордились своим отстраненным, научным подходом к общественным проблемам. Отринув беспорядочную политику партий и интересов, они выступили за принцип научного управления, осуществляемого под руководством знающих экспертов³².

В Германии в 1890-е годы социологические исследования стали основываться на расширительном, «трансиндивидуальном» подходе к различным проблемам. Научно-социальные работники опирались на критерии естественных наук, чтобы «пересмотреть целые сектора социального вопроса и перенести их в поле „природы“». Эта биологизация позволяла им заявлять, что искать решение социальных проблем — прерогатива специалистов. В отличие от

³⁰ *Sullivan M.* The Development of the British Welfare State. P. 13–15.

³¹ *Gilbert B.* The Evolution of National Insurance in Great Britain. London, 1966. P. 13–14, 26, 98.

³² *Searle G. R.* The Quest for National Efficiency: A Study in British Politics and Political Thought, 1899–1914. Berkeley, 1971. P. 60, 62, 82, 85.

традиционной помощи бедным, научно-социальная работа была бюрократизированной и профессиональной, она опиралась на установленные категории населения и регламентированные методы действия и использовала опыт врачей и обученных социальных работников. Кроме того, научно-социальные работники наблюдали за всем населением, делая упор не на решение уже существующих общественных проблем, а на профилактику потенциальных³³. Социальные реформаторы настаивали, что, если Германии суждено стать мировой державой, немецкое правительство должно пойти дальше существующего законодательства о бедных. Помимо научной социальной работы, власти начали создавать центры здоровья матери и ребенка, учреждения общественного здравоохранения и жилищную инспекцию. Эти новые учреждения ставили своей задачей ознакомление и бедных, и зажиточных семей с тем, как растить ребенка и обустроить дом согласно научным методам³⁴.

Как показано выше, социология сделала не поддающиеся решению социальные проблемы более понятными и, возможно, решаемыми. Успехи медицины привели к лучшему пониманию того, что такое заражение, и породили надежду, что все основные болезни в скором времени будут искоренены. В образовании и психологии появились такие новшества, которые, казалось, обещали, что исчезнут невежество и психические отклонения. Как считает Детлев Пойкерт, новые социологические теории и методы вкупе с новыми учреждениями и практиками социальной помощи подтолкнули ученых к утверждению, что «они могут найти всесторонние решения всех социальных вопросов»³⁵. Пойкерт также отмечает, что решительный прорыв в развитии производства, транспорта и коммуникаций, произошедший в конце XIX — начале XX века, питал технократический утопизм реформаторов и подрывал традиционные источники смыслов (такие, как религия), которые могли бы оспорить авторитет науки³⁶.

³³ Steinmetz G. *Regulating the Social*. P. 44, 198–202.

³⁴ Crew D. *The Ambiguities of Modernity: Welfare and the German State from Wilhelm to Hitler // Society, Culture, and the State in Germany*. P. 323.

³⁵ Peukert D. *The Genesis of the «Final Solution»*. P. 238.

³⁶ Ibid.; *Idem*. *The Weimar Republic: The Crisis of Classical Modernity*. London, 1991. P. 187. Дэвид Крю, критикуя Пойкерта, отмечает, что он преувеличивает утопизм реформаторов и недооценивает разрушения Первой мировой

Уверенность государственных деятелей и реформаторов начала XX века, что они способны разрешить общественные проблемы, приводила ко все более масштабному вмешательству государства в жизнь общества. Социальные программы уже не ограничивались пенсиями по возрасту и помощью бедным. Архитекторы и городские планировщики продвигали государственные жилищные проекты и программы реконструкции городских кварталов в целях улучшения условий жизни. Специалисты по народному просвещению стремились вырастить продуктивных граждан, а криминологи брались за перевоспитание преступников. Психологи и социальные работники пытались исправить асоциальное поведение, а специалисты по евгенике желали искоренить генетические причины тех или иных отклонений от нормы. Чтобы в полной мере осуществить реформу общества, власти развивали новые дисциплинарные механизмы: школьные расписания, санитарное просвещение, жилищную инспекцию, армейские тренировочные лагеря. Во всех этих случаях иерархическая система сочеталась с индивидуальным подходом, что позволяло насаждать новые нормы поведения. В социальной защите начали видеть масштабный проект по исправлению и образованию низших классов, с тем чтобы приобщить их к рациональной повседневной жизни. Цель заключалась не только в преодолении социальных проблем, но и в достижении наивысшей возможной эффективности и гармонии в обществе³⁷.

Процесс этиатизации социальной помощи, в ходе которого государственные ведомства взяли на себя роль, принадлежавшую религиозным благотворительным учреждениям и филантропическим организациям, не был ни единообразным, ни необратимым. Выбор момента для внедрения государственных программ социальной помощи сильно отличался в разных странах и даже — насколько это касалось социальной помощи, исходившей от муниципалитетов, — в разных городах. Во многих случаях выявлением социальных проблем и поиском решений занимались в первую очередь не

войны, приведшие к крайней необходимости восстановления общества, что и лежало в основе радикализма веймарских программ и предельной степени государственного вмешательства, имевшей место в эпоху нацистов. См.: Crew D. *The Ambiguities of Modernity*. P. 325–326.

³⁷ Crew D. *The Ambiguities of Modernity*. P. 323.

чиновники, а независимые ученые и социальные реформаторы³⁸. Вместе с тем в конце XIX и в XX веке, параллельно с развитием государственных программ социальной помощи, частные благотворительные организации тоже расширяли поле своего действия. Более того, Юрген Хабермас утверждал, что с возникновением социального государства «происходит взаимопроникновение государства и общества, в результате чего возникает промежуточная сфера полугосударственных-получастных отношений, предусмотренных социальным законодательством»³⁹. Хотя общая тенденция была повсюду одинаковой — выявление социальных проблем и действия властей по улучшению жилищных условий, — актуализация программ социальной помощи в каждой стране происходила в рамках конкретной социально-политической системы и в свой исторический момент. Поэтому необходимо описать те условия, в которых формировались российские и советские программы социальной помощи.

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА В РОССИИ

На протяжении всего XIX века общество в Российской империи оставалось куда более аграрным и куда менее городским и грамотным, чем в странах, с которыми Россия любила себя сравнивать, — Великобритании, Франции, а к концу XIX века и Германии. По всем объективным показателям Россия была менее современным государством, чем эти три страны. Что не менее существенно, специалисты на государственной службе сами считали, что Россия отстает от остальной Европы. Это отставание от «передовых» стран было принципиально важным. Во-первых, оно сделало возможным

³⁸ К примеру, в Аргентине социальные программы на государственном уровне появились только в 1940-е годы — как продолжение более ранних благотворительных инициатив, исходивших от филантропов, феминистов, иммигрантских общин и врачей. См.: *Guy D. J. Women Build the Welfare State: Performing Charity and Creating Rights in Argentina, 1880–1955.* Durham, 2009. P. 4–5.

³⁹ *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / Transl. T. Burger.* Cambridge (Mass.), 1989. P. 231. См. рус. пер.: *Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества.* М., 2016.

распространившееся среди ряда ученых и бюрократов представление, что Россия может избежать ошибок, совершенных в обществах, уже прошедших индустриализацию и урбанизацию. Такие опасения по поводу современного общества были не столько остаточным явлением общества традиционного, сколько сознательным отрицанием некоторых аспектов либерализма и индустриального капитализма. Во-вторых, осваивать формы социального вмешательства Россия стала с большой скоростью после 1905 года, когда в странах, на которые она равнялась, уже успела появиться развернутая критика современного индустриального общества. Таким образом, российские ученые и реформаторы смогли использовать эти идеи как часть «опережающей критики, направленной на учреждения, еще не освященные авторитетом существующего строя»⁴⁰.

Хотя в своем самоопределении российские элиты отталкивались от Западной Европы, их положение скорее напоминало положение элит в других менее развитых странах, где политические и интеллектуальные лидеры тоже искали свой путь к государству модерна. К примеру, румынские интеллектуалы тоже верили, что могут привлечь во внимание проблемы Западной Европы и модернизировать свою страну таким образом, чтобы избежать негативных социальных последствий индустриализации⁴¹. Японские чиновники нового поколения были убеждены, что задачи государства отнюдь не сводятся к тому, чтобы руководить людскими ресурсами и заниматься их мобилизацией, и организовали в 1906 году при японском Министерстве внутренних дел Кампанию местного улучшения, делавшую упор на тяжелый труд и экономический рост⁴². В этом же году состоялась Конституционная революция в Иране, расчистившая путь парламентским лидерам, желавшим начать реформы в целях

⁴⁰ Engelstein L. Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. No. 2 (April). P. 344.

⁴¹ Bucur M. *Eugenics and Modernization in Interwar Romania*. Pittsburgh, 2002. P. 64.

⁴² Garon S. *Molding Japanese Minds: The State in Everyday Life*. Princeton, 1997. P. 6–11, 352–354. После Первой мировой войны японское Министерство образования проводило «кампании по ежедневному улучшению жизни» при поддержке неправительственной Лиги за ежедневное улучшение жизни, диктовавшей людям нормы питания, гигиены, жилья и правильные рабочие привычки.

модернизации. Иранские интеллектуалы, обеспокоенные беспорядком, который несли индустриализация и урбанизация, выступали, в свою очередь, за общество модерна, основанное на образовании, порядке и дисциплине. Не имея широкой общественной поддержки, они рассчитывали, что государство насильно внедрит их представление о современном рациональном порядке вещей⁴³. Русская интеллигенция придерживалась на удивление сходных взглядов, надеясь преодолеть отсталость при помощи научно обоснованных реформ и государственного вмешательства. Но в последний период существования Российской империи царское правительство сопротивлялось реформам и ограничивало влияние ученых и интеллектуалов.

Единственными учреждениями, которые русским ученым дозволялось использовать для решения социальных вопросов, были земства — автономные организации, где работали самые разные интеллигенты: от врачей и учителей до инженеров и агрономов⁴⁴. Воплощая общеевропейские социологические парадигмы, земские интеллигенты начали все больше опираться на статистику как на средство изучения общественных феноменов. Переводы Кетле появились в России в 1865–1866 годах, вызвав активную реакцию в современной прессе и специализированных журналах⁴⁵. К концу XIX столетия земские специалисты по статистике составили большую коллекцию данных по экономике, сельскому хозяйству и демографии. А в 1897 году, после нескольких неудачных попыток, Российская империя провела свою первую современную всеобщую перепись (современную в том смысле, что перепись проводилась для получения демографической, а не фискальной информации).

⁴³ Schayegh C. Sport, Health, and the Iranian Middle Class in the 1920s and 1930s // *Iranian Studies*. 2002. Vol. 35. No. 4. P. 342–343. Подобно русским либерально настроенным ученым при советской власти, иранские интеллигенты не любили диктатуру Резы-шаха, установившуюся в результате переворота 1921 года, но с энтузиазмом участвовали в его программе модернизационных реформ, охотно делясь своими технократическими знаниями. См.: *Idem*. «A Sound Mind Lives in a Healthy Body»: Texts and Contexts in the Iranian Modernists' Scientific Discourse of Health, 1910s–40s // *International Journal of Middle East Studies*. 2005. Vol. 37. P. 168.

⁴⁴ См.: *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government* / Eds. T. Emmons and W. S. Vucinich. Cambridge; New York, 1982.

⁴⁵ *Paperno I. Suicide as a Cultural Institution*. P. 67.

Статистические исследования позволили определиться с нововыявленной проблемой, дискуссии о которой часто маскировались под обсуждение положения рабочих в Англии и во Франции. Раннее статистическое исследование Н. С. Веселовского, опубликованное в 1848 году, продемонстрировало ужасные жилищные условия столичных бедняков. Его статья выдвигала новое для русских читателей объяснение бедности рабочих: причиной ее были не особенности топографии или климата Петербурга, а положение этих людей в обществе. Игнорируя нараставший вал исследований, указывавших, что бедность и болезни особенно свирепствуют среди определенных слоев населения, большинство царских чиновников продолжали считать подобные проблемы чисто полицейскими и предлагали решать их сочетанием подавления и религиозных поучений. Этот традиционный подход критиковали врачи из основанного в 1865 году «Архива судебной медицины и общественной гигиены». Как пишет Реджинальд Зельник, «врачи начали придавать общественным условиям фундаментальное значение и сделали из своих наблюдений еще более радикальные выводы» — стали настаивать, что лишь активная социальная политика может привести к улучшениям в здоровье и благополучии населения. К 1870-м годам царская политика была перенацелена на «поддержку полного приложения государственной власти к формальной программе социальной помощи, ориентированной на рабочих и выходящей за рамки чрезвычайной роли „пожарного“, которую правительство играло на протяжении стольких лет»⁴⁶.

Впрочем, роль государства в оказании социальной помощи зависела не только от восприятия общественных проблем, но и от самого характера государства. В Великобритании, где наиболее прочно утвердилась либеральная идеология, роль государства оставалась ограниченной вплоть до Первой мировой войны. Напротив, имперская Германия унаследовала от Пруссии то, что один историк назвал той «традицией активного правительства и государственной модернизации, которая обеспечивала государству необычайный уровень уверенности в себе и народного признания»⁴⁷. Российское

⁴⁶ *Zelnic R. E. Labor and Society in Tsarist Russia: The Factory Workers of St. Petersburg, 1855–1870. Stanford, 1971. P. 92, 381.*

⁴⁷ *Steinmetz G. Regulating the Social. P. 106.*

самодержавие, возглавлявшее реформы 1860–1870-х годов, превратилось в препятствие общественным реформам при двух последних царях, Александре III и Николае II. Консерватизм этих двух самодержцев не позволил осуществиться замыслам интеллигенции и реформистски настроенных чиновников.

В свою очередь, консерватизм царского режима повлиял на русскую интеллигенцию и предметы ее занятий. Интеллигенты негодовали на режим, не позволяющий им применить их навыки и умения. Они считали самодержавие главным препятствием на пути к созданию более здорового и продуктивного современного общества. Таким образом, многие социальные реформаторы были настроены оппозиционно не потому, что хотели ограничить роль государства, а потому, что видели: существующий режим не использует государство как орудие трансформации общества. Этим специалистов волновала не столько собственная профессиональная независимость, сколько помощь их проектам со стороны государства⁴⁸.

Прекрасно осознавая относительную отсталость своей страны, образованные русские считали, что им принадлежит особая роль в преодолении этого разрыва. Но над собой они видели деспотичного царя, а под собой — темную народную массу. Лора Энгельштейн описала, как политическая беспомощность и чувство общественного долга соединились у интеллигенции в сильнейшее чувство своей миссии: «Немногие образованные люди, находившиеся наверху социальной лестницы, по большей части не обладали политической властью и возмущались тем, как по отношению к ним ведет себя деспотичный режим. Ниже себя они видели огромную массу простого народа, столь же ограниченного политически, как и они, но находившегося в куда худшем положении с культурной и экономической точек зрения. Эта народная масса вызывала у тех, кто был выше ее положением, страх, смешанный с сильным чувством морального долга и коллективной вины»⁴⁹. Такая позиция русских интеллигентов позволяет понять их необычно сильную приверженность как политическим, так и социальным реформам.

⁴⁸ *Hutchinson J. F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. Baltimore, 1990. P. xix–xx. См. также: Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton, 1981.*

⁴⁹ *Engelstein L. The Keys to Happiness. P. 129–130.*

Именно тот факт, что русская интеллигенция во всем винила царский режим, а не самих рабочих и крестьян, лег в основу особой черты русской научно-профессиональной культуры. Наиболее опасные проявления биологизаторства и расизма так и не смогли закрепиться в русской культуре и науке. Социологи и антропологи даже не думали считать причиной отсталости крестьян какую-либо присущую им ущербность, а указывали вместо этого на наследие крепостного права и неспособность царского режима осуществить полноценную реформу⁵⁰. Как следствие, русские ученые, к какой бы области знаний они ни принадлежали, не были склонны к эссенциализму и биологическому детерминизму, столь распространенным среди представителей итальянской школы Чезаре Ломброзо или немецких последователей Эрнста Геккеля. Русские криминологи, к примеру, объясняли преступность социологическими причинами (или соединением биологии и социальных условий), а не биологическим детерминизмом⁵¹. Эта научная традиция сыграла важную роль, поскольку многие дореволюционные специалисты, например ведущий психолог Владимир Бехтерев, продолжали задавать тон в своих дисциплинах и в советскую эпоху. Таким образом, свойственный советской науке оттенок ламаркизма был не только побочным продуктом марксизма, но и продолжением русской научной традиции, сложившейся в дореволюционный период.

К началу XX столетия появился целый ряд дисциплин, обозначавших и описывавших социальную сферу в ее российском проявлении. Учебники по таким предметам, как административные законы и статистика, позволяют увидеть произошедшую смену парадигмы, в результате которой общественным вопросам стало

⁵⁰ Кроме того, в сухопутной Российской империи сама граница между метрополией и колонией была куда менее очевидна, чем в других европейских державах, и практика расовой дифференциации подданных была здесь существенно менее распространена. См.: *Sunderland W. Russians into Yakuts? «Going Native» and the Problems of Russian National Identity in the Siberian North // Slavic Review. 1996. Vol. 55. No. 4. P. 806–825.*

⁵¹ *Engelstein L. The Keys to Happiness. P. 137.* См. также: *Beer D. Renovating Russia.* Таким же образом повели себя русские натуралисты, когда включили в свою науку дарвинизм. См.: *Todes D. Darwin without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought. New York, 1989.*

уделяться особое внимание⁵². В 1909 году русская энциклопедия сообщала, что «политика населения» (калька с немецкого «Bevölkerungspolitik») «занимается решением задач, вытекающих для общественной жизни из этих [статистических] фактов и их закономерности и в особенности относящихся к задачам государственного вмешательства в эту область»⁵³. Данное определение вновь подчеркивает, насколько горячими сторонниками государственного вмешательства были русские ученые, считавшие, что оно позволит поднять Россию до уровня более развитых стран и использовать их прошлый опыт, чтобы обогнать их. Интеллигенты разделяли уверенность в своей миссии и убеждение, что надо действовать безотлагательно: потребности народных масс в социальной защите должны быть удовлетворены, а общественный строй России — изменен.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ВОЙНА

При том что в разных странах размах программ социального обеспечения, как и их характер, сильно различались, в конце XIX — начале XX века военные соображения подталкивали политических деятелей к увеличению роли государства, с тем чтобы обеспечить благополучие и военную готовность населения. Растущая роль народовластия и сопутствующий ему переход к всеобщей воинской повинности для мужчин превратили здоровье населения в вопрос национальной безопасности. Военные потери, в свою очередь, вызвали активизацию государственных инициатив по заботе о солдатских вдовах и инвалидах войны. Первая мировая война привела к кардинальному изменению масштабов государственного вмешательства — как из-за огромных мобилизационных требований войны, так и из-за необходимости отправлять на поле боя массовые армии, состоящие из здоровых солдат. Впрочем, еще до войны европейские политические деятели и военные планировщики уделяли

⁵² Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: Пособие для студентов. 3-е изд. СПб., 1911. С. 14–16.

⁵³ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: В 22 т. / Под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1904–1909. Т. 13. С. 666. Статья «Население».

большое внимание здоровью населения своих стран и социальным мерам по улучшению этого здоровья.

Растущая роль государства как гаранта социальной помощи свидетельствовала о новом, более широком прочтении понятия национальной безопасности. Война перестала быть исключительно делом политических и военных элит. Теперь она была делом всего народа, и ставки в войне тоже выросли. Отныне государства воевали не просто за куски территории, а ради защиты своих граждан. Соперничество держав также подогревало опасения по поводу здоровья населения⁵⁴. Некоторые политики выражали эти опасения, рассуждая о национальном или расовом вырождении. В 1900 году граф Розбери, лидер британской либеральной партии, заявил: «Главным условием существования такой империи, как наша, является наличие имперской расы — энергичной, трудолюбивой и неустрашимой. Здоровье духа и тела поднимает нацию выше в мировом состязании. Выживание сильнейших — абсолютная истина в условиях современного мира»⁵⁵. Сходным образом выражался годом позже и глава фабианцев Сидней Уэбб: «В чем польза от империи, если она не порождает и не поддерживает... имперскую расу?» Он критиковал положение английской городской бедноты («малообразованные, жертвы невоздержанности, живущие тесно и скученно») и требовал обеспечения минимального уровня образования, санитарных условий и жизненных стандартов для всех работников физического труда⁵⁶.

В период между 1880 и 1914 годами ряд европейских стран, а также Австралия, Новая Зеландия и Бразилия запустили программы трат на социальные нужды, включая пенсии для пожилых людей и социальное страхование, которое оплачивалось частично из взносов самих людей, частично — государством⁵⁷. Франция, про-

⁵⁴ Как мы увидим в главе 5, колониализм сам по себе способствовал развитию технологий контроля за обществом. Но, по замечанию Джеймса Скотта, «практически всем инициативам, связанным с „цивилизаторскими миссиями“ колониализма, предшествовали сравнимые программы по ассимиляции и окультуриванию собственных низших классов» (*Scott J. C. Seeing Like a State. P. 378*).

⁵⁵ Цит. по: *Gilbert B. The Evolution of National Insurance. P. 72–73*.

⁵⁶ Цит. по: *Ibid. P. 77*. По поводу тревоги о вырождении см.: *Pick D. Faces of Degeneration: A European Disorder, c. 1848 — c. 1918. Cambridge, 1989*.

⁵⁷ *Skocpol T. Protecting Soldiers and Mothers. P. 4–5*.

играв Франко-прусскую войну, была охвачена тревогой: казалось, французам угрожают депопуляция и вырождение, что представляло контраст с плодотворной и полной жизненных сил Германией. Беспокойство по поводу упадка Франции породило самые разные реформаторские предложения — от организации антиалкогольных кампаний до создания евгенических обществ⁵⁸. В свою очередь, немецкие социальные реформаторы утверждали, что, если Германия желает стать мировой державой, правительство должно укреплять здоровье населения и повышать его благополучие, и этих позиций придерживались многие консерваторы, в том числе канцлер Отто фон Бисмарк⁵⁹. С 1881 года немецкий парламент провел ряд законов о социальном страховании, и к началу Первой мировой войны в стране существовала сложнейшая система как проверки имущественного положения, так и юридических норм и бюрократизированного снабжения, что заметно расширило масштаб государственного вмешательства⁶⁰. В Германии за положением населения наблюдали представители ведомств по делам молодежи, жилищные инспекторы и работники общественного здравоохранения. Они давали советы даже «здоровым» семьям, обучая их членов заботиться о своем теле, вести дом и хозяйство⁶¹.

Некоторые английские политики, в том числе премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж, были восхищены немецкой системой социальной помощи⁶². Отчасти их интерес был вызван военными неудачами Англо-бурской войны. Генерал Джон Фредерик Морис считал, что если английской армии лишь с трудом удалось победить пестрые сборища фермеров-буров, виной тому плохая физическая форма молодых рабочих. Указывая, что в некоторых городах до 60% новобранцев не смогли пройти медицинскую комиссию, он назвал

⁵⁸ Nye R. A. *Crime, Madness, and Politics in Modern France: The Medical Concept of National Decline*. Princeton, 1984.

⁵⁹ Beck H. *The Origins of the Authoritarian Welfare State in Prussia: Conservatives, Bureaucracy, and the Social Question, 1815–1870*. Ann Arbor, 1995. P. 257.

⁶⁰ Peukert D. *The Weimar Republic*. P. 130.

⁶¹ Crew D. F. *Germans on Welfare: From Weimar to Hitler*. New York, 1998. P. 5.

⁶² Ллойд Джордж в 1908 году ездил в Германию с целью изучить немецкую систему социального страхования и вернулся полный энтузиазма по поводу пенсий и страхования от безработицы. См.: Gilbert B. *The Evolution of National Insurance*. P. 266, 291–292.

плохое физическое здоровье «национальной угрозой» и отнес его на счет тяжелых условий жизни рабочего класса⁶³. В 1903 году правительство Великобритании создало Междепартаментский комитет по физической деградации, который должен был изучать влияние бедности, недоедания и болезней на физическое состояние населения. Комитет сосредоточил свое внимание прежде всего на нездоровых жилищных условиях низших классов и рекомендовал государству активнее участвовать в регулировании городской среды, кормить школьников из бедных семей, создать школьную медицинскую инспекцию, поощрять физические упражнения и учить матерей уходу за ребенком. Вскоре после этого государство приняло свои первые меры социальной помощи, введя государственное питание для школьников из бедных семей и школьную медицину. Между 1908 и 1911 годами Англия расширила социальную помощь, учредив на самом базовом уровне пенсии по старости, помощь безработным и национальное страхование здоровья⁶⁴.

В России помощь бедным, традиционно являвшаяся сферой приходских богаделен, в 1830-е годы перешла к государственной системе работных домов, куда отправляли в качестве наказания⁶⁵. Уже в начале XIX века благотворительная деятельность царского семейства в некоторой степени обеспечивала помощь бедным. В 1802 году Александр I создал Императорское человеколюбивое общество, и к 1904 году под эгидой Ведомства учреждений императрицы Марии работало 862 благотворительных, медицинских и образовательных учреждения. Финансирование поступало как от государства и царской семьи, так и из частных источников⁶⁶. В 1890-е годы российские элиты считали бедность скорее социальной проблемой, чем результатом личных неудач, и новообразованное Попечительство

⁶³ Ibid. P. 83–84. См. также: Public Record Office [далее — PRO] Parliamentary Papers. Vol. XXXII. Microfiche 110.279. P. 1–9.

⁶⁴ PRO Parliamentary Papers. Vol. XXXII. Microfiche 110.279. P. 23; Gilbert B. The Evolution of National Insurance. P. 88–117, 225–226, 268, 291.

⁶⁵ Bradley J. Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley, 1985. P. 267–269.

⁶⁶ Lindenmeyr A. Poverty Is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996. P. 75. Японская императорская семья тоже субсидировала частные благотворительные организации. См.: Garon S. Molding Japanese Minds. P. 48.

о трудовой помощи под патронажем царицы Александры Федоровны координировало помощь бедным и профессиональную подготовку частных благотворительных организаций⁶⁷.

Некоторые российские чиновники и социальные критики выступали за всеобъемлющую систему помощи бедным. Голод 1891 года показал всю несостоятельность существовавшей на тот момент пестрой мозаики частных и зависящих от царской семьи благотворительных организаций. В 1892 году Александр III создал комиссию по реформированию социальной помощи. Изучив европейские законы о бедных, комиссия пришла к выводу, что помощь бедным находится в сфере ответственности государства и должна управляться строгими правовыми нормами. Впрочем, в самом правительстве не было консенсуса по вопросу о том, кому должна быть поручена помощь бедным — центральной бюрократии, местным администрациям или церкви, поэтому рекомендации комиссии ни к чему не привели. Даже после революции 1905 года, когда русское дворянство стало воспринимать бедность как источник преступности и восстаний, достигнуть консенсуса по поводу государственной социальной помощи так и не удалось — и она осталась в сфере действия частных, муниципальных и зависимых от царской семьи организаций⁶⁸.

В последний период существования Российской империи местные дворяне и филантропы из иных сословий создавали организации социальной помощи в городах по всей стране. Русско-японская война и революция 1905 года стали толчком к созданию множества таких организаций, позволивших местным деятелям оказать поддержку раненым ветеранам войны, солдатским вдовам и детям, а также разрядить социальную напряженность, обеспечив бедным материальную помощь и моральное руководство. К примеру, в декабре 1905 года

⁶⁷ *Bradley J. Muzhik and Muscovite*. P. 309–313.

⁶⁸ *Lindenmeyr A. Poverty Is not a Vice; Bradley J. Muzhik and Muscovite*. P. 318–322. Плохие результаты, показанные русскими солдатами в Русско-японской войне 1904–1905 годов, тоже привели к беспокойству о физическом «вырождении» населения. В плохом физическом состоянии солдат Главное военно-санитарное управление винило «условия, в которых живут простые люди». См.: *Sanborn J. Drafting the Nation: Military Conscription and the Formation of a Modern Polity in Tsarist and Soviet Russia, 1905–1925*. Ph.D. diss. University of Chicago, 1998. P. 362.

был создан Таганрогский благотворительный совет с простой задачей — «помогать нуждающимся». Под его эгидой действовал целый ряд программ, в том числе работало несколько молочных кухонь для улучшения питания и здоровья детей. По большей части Совет финансировался за счет пожертвований местных жителей, но общегосударственные организации и городской совет тоже внесли свой вклад⁶⁹. Другим примером может служить Общество содействия физическому и нравственному развитию детей и взрослых, основанное местными деятелями в Боровичах тоже после революции 1905 года. Целью этого общества было «противодействовать упадку нравственности среди детей и взрослых, заботиться о призрении сирот», и оно открыло для детей из бедных семей ясли и детские сады⁷⁰.

Эти благотворительные общества, организованные и финансируемые местными филантропами, часто находились под номинальным контролем центрального правительства. К примеру, Боровичское общество состояло в юрисдикции Министерства внутренних дел и было обязано представлять ежегодные доклады о своей деятельности и бюджетах, хотя денег от царского правительства не получало⁷¹. В Министерстве внутренних дел, в рамках Главного управления по делам местного хозяйства, существовал отдел народного здоровья и общественного призрения⁷². Государственный контроль над частными благотворительными организациями был шагом к государственной социальной помощи, но до всесторонней системы такой помощи, финансируемой государством, было еще далеко. Помощь бедным оставалась в руках филантропических обществ и благотворительных учреждений царской семьи вплоть до падения царского режима.

Лишь в одной сфере государственная помощь успела закрепиться еще до Первой мировой войны — в оказании поддержки

⁶⁹ Государственный архив Российской Федерации [далее — ГАРФ]. Ф. 1795. Оп. 1. Д. 4. Л. 1. Кроме того, в 1905 году было основано Черноморское общество взаимного страхования судовладельцев от несчастных случаев с их рабочими и служащими. Одной из целей данного общества было страхование рабочих от несчастных случаев. См.: Там же. Ф. 4100. Оп. 1. Д. 95. Л. 77–83.

⁷⁰ Там же. Ф. 1795. Оп. 1. Д. 10. Л. 3–4.

⁷¹ Общество собирало деньги благодаря пожертвованиям, а также при помощи лотерей и буфета в городском кинотеатре. См.: Там же. Л. 3–11.

⁷² Там же. Л. 1.

солдатам и их семьям. Начало было положено в 1877 году, в ходе Русско-турецкой войны, но на первых порах помощь солдатским семьям оказывалась на тех же принципах, что и бедным: нуждающиеся крестьяне могли подать прошение о денежной помощи в уездное земство. В ходе беспрецедентной мобилизации в период Русско-японской войны 1904–1905 годов средства земских фондов помощи бедным оказались недостаточными и были заменены средствами из государственной казны. В 1908 году депутаты Государственной думы заявили, что помощь солдатским вдовам является обязанностью государства, и назначили им пенсии, размер которых определялся не финансовыми потребностями семьи, а чином покойного мужа. После дискуссий, длившихся еще несколько лет, в 1912 году Дума приняла закон, избавивший солдатские семьи от необходимости обосновывать свою потребность в финансовой поддержке: отныне все солдатские жены и дети стали получать оплачиваемое из государственной казны пособие на питание⁷³. В том же самом году, после начала Балканских войн, правительство Османской империи ввело ежемесячное пособие на питание для солдатских семей⁷⁴.

Другой шаг к формированию государственной социальной помощи в России был сделан в сфере социального страхования. Уже закон 1866 года обязывал промышленников создавать заводские больницы, хотя за выполнением этого требования не следили. Первый закон о социальном страховании в России был принят в 1893 году и предусматривал защиту от профессиональных заболеваний и производственных травм при помощи создания страхового фонда, в котором на долю рабочих и работодателей приходились равные части. Закон «Об обеспечении рабочих на случай болезни», принятый Государственной думой в 1912 году, гарантировал выплаты при производственных травмах, заболеваниях, наступлении материнства (при беременности и родах) или в случае смерти главы семьи, и эти выплаты вновь финансировались как рабочими,

⁷³ Pyle E. Village Social Relations and the Reception of Soldiers' Family Aid Policies in Russia, 1912–21: Ph.D. diss. University of Chicago, 1997. P. 3–5. См. также: Александровский Ю. В. Законы о пенсиях нижним воинским чинам и их семействам (1867–1913 гг.). СПб., 1913.

⁷⁴ Os N. A. N. M. van. Taking Care of Soldiers' Families: The Ottoman State and the «Muinsiz Aile Maası» // *Arming the State: Military Conscription in the Middle East and Central Asia 1775–1925* / Ed. E. J. Zürcher. New York, 1999. P. 97.

так и работодателями. Производя впечатление всестороннего, закон этот содержал так много исключений, что на деле им оказались охвачены лишь 23% фабричных рабочих России⁷⁵.

Первая мировая война стала мощным толчком к расширению государственных программ социальной помощи. Во всех европейских странах, в том числе и в России, масштабные проблемы — ранения на войне, перемещение населения, голод — приводили к тому, что усилия государства по развертыванию социальной помощи повышались. Государственные лидеры ощущали особенную ответственность по отношению к многочисленным инвалидам войны и солдатским вдовам⁷⁶. Вдобавок к этому война усилила чувство, что благополучие людей является национальным интересом, поскольку военную мощь государства определяет физическое состояние новобранцев. В меморандуме 1917 года немецкий штаб прямо констатировал, что «могущество и благополучие государства основаны в первую очередь на многочисленности его населения и его (то есть населения. — Прим. авт.) физических характеристиках»⁷⁷. Кроме того, Первая мировая война привела к широчайшему распространению государственного регулирования, поскольку мобилизационные потребности массовой войны, казалось, нуждались в большем государственном контроле во имя национальной безопасности. Именно под эгидой войны государственная социальная помощь увеличилась в размерах и стала постоянным институтом.

Большинство воюющих стран расширили социальную помощь, включая выплаты ветеранам, пенсии по старости, страховку от несчастных случаев и потери трудоспособности, поддержку матерей и детей. Итальянское правительство в ходе Первой мировой войны впервые инициировало государственные программы социальной помощи. Оно создало Комиссариат по помощи гражданским лицам и пропаганде, а также Министерство военной помощи и военных

⁷⁵ *Madison B. Q.* Social Welfare in the Soviet Union. Stanford, 1968. P. 19–20.

⁷⁶ См., например: *Crew D. F.* Germans on Welfare. P. 5; *Grebler L., Winkler W.* The Cost of the War to Germany and Austria-Hungary. New Haven, 1940.

⁷⁷ *Ludendorff E.* The General Staff and Its Problems: The History of the Relations between the High Command and the German Imperial Government as Revealed by Official Documents: In 2 vols / Transl. F. A. Holt. New York, 1920. Vol. 1. P. 202.

пенсий⁷⁸. В Османской империи предоставление помощи солдатским семьям, начавшееся во время Балканских войн, стало широко-масштабно практиковаться в годы Первой мировой войны⁷⁹. Французское правительство дало добро на государственные выплаты всем нуждающимся семьям, отправившим кормильца в армию⁸⁰. Английское руководство систематизировало пенсии и выплаты ветеранам, приняв Пенсионный акт 1916 года, заменивший частные пенсионные фонды и филантропические учреждения Министерством пенсий⁸¹. В 1920 году было введено страхование от безработицы — факт, отразивший новое убеждение законодателей и граждан, что государство обязано обеспечить всему народу минимальный уровень средств к существованию⁸².

В России начало Первой мировой войны резко увеличило размах социальных проблем. Умножились филантропические общества, но их усилия ни в коей мере не удовлетворяли стремительно растущих потребностей населения в социальной помощи. В августе 1914 года местные активисты во многих регионах создали комитеты помощи солдатским семьям. Всего через несколько месяцев эти комитеты оказались под эгидой благотворительных организаций царской семьи, хотя отчасти сохраняли местное руководство и местное финансирование⁸³. В середине августа Министерство внутренних дел предложило губернаторам организовать комитеты в помощь солдатским семьям и заявило, что данные учреждения

⁷⁸ *Corner P., Procacci G. The Italian Experience of «Total» Mobilization 1915–1920 // State, Society and Mobilization in Europe during the First World War / Ed. J. Horne. New York, 1997. P. 229; Lagorio F. Italian Widows of the First World War // Authority, Identity, and the Social History of the Great War / Eds. F. Coetzee and M. Shevin-Coetzee. Providence, 1995. P. 182.*

⁷⁹ *Akin Y. The Ottoman Home Front during World War I: Everyday Politics, Society, and Gender: Ph.D. diss. The Ohio State University, 2011. Ch. 3. Акын показывает, что государственная помощь представляла собой не «страховочную сеть» для нуждающихся, а набор взаимных обязательств правительства и его граждан.*

⁸⁰ *Becker J.-J. The Great War and the French People / Transl. A. Pomeranus. Dover (N. H.), 1985. P. 17–19.*

⁸¹ *Marwick A. Britain in the Century of Total War: War, Peace, and Social Change, 1900–1967. Boston, 1968. P. 124.*

⁸² *Gilbert B. B. British Social Policy, 1914–1939. Ithaca, 1970. P. 32.*

⁸³ ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 113. Л. 7–16.

THE BOOSTER

Ил. 1. Британский социальный плакат, 1930. Руки с надписью «Национальный интерес» поднимают вверх ребенка, на котором написано «Социальная помощь детям» (Плакат UK 1543. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

будут подчиняться Комитету великой княгини Елизаветы Федоровны⁸⁴. Кроме того, царские власти приказали филантропическим организациям сосредоточиться на помощи тем, кто служил в армии⁸⁵. В целях координации военной помощи омский губернатор создал особый комитет, контролировавший работу местного отделения Красного Креста, Омского благотворительного общества, городского сиротского приюта, различных церковных благотворительных организаций и других ранее существовавших неправительственных обществ вспомоществования⁸⁶. Таким образом, хотя социальную помощь по большей ее части продолжали оказывать номинально неправительственные организации, эти местные общества все более брались под опеку Министерством внутренних дел, губернским руководством и окологосударственными благотворительными организациями царской семьи.

По мере того как война продолжалась, становилось очевидным, что даже правительственная координация социальной помощи, а также благотворительные организации царской семьи не справляются с растущими потребностями жителей страны. Благотворительные организации царской семьи быстро исчерпали пожертвования, собранные в начале войны, а затем и всю прибыль от лотереи, начатой в декабре 1914 года⁸⁷. Между 1914 и 1916 годами Новгородское отделение Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны потратило тысячи рублей на заботу о раненных на войне, сиротах и беженцах. Тульское и Вятское отделения тоже резко увеличили свои расходы в 1915 и 1916 годах, по мере того как росло число жертв войны⁸⁸. Боровичское общество оказалось переполнено сиротами и в 1915 году умоляло великую княжну Татьяну Николаевну о дополнительном финансировании⁸⁹. В Воронеже городская дума и губернское земство сочли нужным передать жертвам войны и их семьям тысячи рублей, поскольку благотворительные общества не

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.

⁸⁵ Там же. Ф. 1795. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

⁸⁶ Там же. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 113. Л. 2–4.

⁸⁷ Российский государственный исторический архив [далее — РГИА]. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 94б. Л. 19, 41, 82.

⁸⁸ Там же. Д. 69. Л. 2–14.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 1795. Оп. 1. Д. 10. Л. 18–19.

справлялись с обеспечением их нужд. Однако и этих денег оказалось недостаточно, когда воронежскому комитету пришлось заботиться не только о солдатских семьях, но и об огромной массе беженцев, спасавшихся из зоны военных действий. Комитет также сообщал, что многие из его добровольных участников уезжали на летние месяцы из города, что оставляло в распоряжении комитета меньше людей и доступных ресурсов⁹⁰.

Этот доклад отражает, насколько слабы были волонтерские организации, когда речь заходила о решении широко распространенных социальных проблем. Первая мировая война показала, что поддержание здоровья населения является жизненно важным государственным интересом, а для обеспечения социальной помощи в большом объеме необходимы постоянный штат сотрудников и учреждения, финансируемые государством. Аналогичные проблемы возникли в Германии, где помощь раненым солдатам и беженцам в основном находилась в ведении волонтерских организаций. Благотворительные кружки не только испытывали недостаток ресурсов в тяжелое военное время, но и недостаточно систематически распределяли помощь. В некоторых регионах и городах солдатские вдовы получали гораздо больше помощи, чем в других. Поэтому в скором времени помощь жертвам войны была бюрократизирована — маленькие группки добровольцев оказались поглощены сначала первыми общенациональными организациями, а затем правительством, установившими правила вручения пенсий⁹¹.

На первых порах казалось, что война позволяет выйти из тупика, в который зашли отношения между русской интеллигенцией и государством. Самодержавие, хотя и вопреки своей воле, было вынуждено все больше опираться на общественные и профессиональные организации. По сути, военные нужды привели не только к мобилизации общества государством, но и к тому, что можно называть самоорганизацией общества на тотальную войну⁹². В России,

⁹⁰ РГИА. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 8. Л. 29; ГАРФ. Ф. 1795. Оп. 1. Д. 9. Л. 67. Об огромных потребностях помощи беженцам см. также: РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 527. Л. 38–41.

⁹¹ Whalen R. W. *Bitter Wounds: German Victims of the Great War, 1914–1939*. Ithaca, 1984. P. 90–99.

⁹² Geyer M. *The Militarization of Europe, 1914–1945* // *The Militarization of the Western World* / Ed. J. Gillis. New Brunswick (N. J.), 1989. P. 75–80. Гейер

как и в других воюющих странах, профессиональные и гражданские организации сами бросились содействовать мобилизации населения и заботе о нем. Земские деятели со всей страны согласились создать Всероссийский земский союз (Земгор), впоследствии объединившийся со Всероссийским союзом городов, чтобы работать в масштабах целой страны. Этими общественными организациями были открыты центры распределения продовольствия, дезинфекционные пункты, госпитали и бани для солдат и беженцев. Интеллигенты-активисты — в земствах, профессиональных союзах и других организациях — увидели в войне возможность реализовать свое давнее стремление к модернизации и рационализации российского общества⁹³. Хотя заботу о различных вопросах, связанных с социальной помощью, взяли на себя общественные организации, значительная часть их финансирования поступала от царского правительства. Последнее создало Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, в котором состояли как чиновники, так и представители общественных организаций, во главе с царицей Александрой Федоровной. К сентябрю 1915 года царское правительство выделило на солдатские семьи почти полмиллиарда рублей, то есть около 1,2 миллиона рублей в день⁹⁴. Забота об инвалидах

использует термин «полугосударственный комплекс» для описания сети полугосударственных-полуавтономных объединений, занимавшихся мобилизацией социальных ресурсов на нужды войны. См.: *Idem*. The Stigma of Violence // *German Studies Review*. 1992. Vol. 15. No. 1. P. 84. Благотворительные ассоциации в первые годы Турецкой Республики тоже «функционировали в неопределенной зоне между общественной и частной сферами». См.: *Vi-gra A.* Poverty and Citizenship: An Overview of the Social-Policy Environment in Republican Turkey // *International Journal of Middle East Studies*. 2007. Vol. 39. P. 38.

⁹³ *Retish A. B.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914–1922. Cambridge, 2008. P. 31–33. См. также: Пироговский съезд врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов. Пг., 1916. С. 37–38; *Gleason W.* The All-Russian Union of Zemstvos and World War I // *The Zemstvo in Russia*. P. 365–382; *Stanziani A.* Discours et pratiques sociales de l'économie politique: Économistes, bureaucrates et paysans à l'époque de la «grande transformation» en Russie, 1892–1930: Ph.D. diss. École des hautes études en sciences sociales, 1995. Об усилиях гражданских лиц по помощи солдатским семьям см.: РГИА. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–14, 21, 29, 31–38.

⁹⁴ *Pyle E.* Village Social Relations. P. 3–6, 157–159; РГИА. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 69. Л. 4–9, 12–14, 26.

войны была изначально поручена импровизированной комиссии, которую возглавлял другой член царской семьи, великая княгиня Ксения Александровна. К 1916 году эту ответственность взяли на себя Всероссийский союз городов и Земгор, только в 1916 году выделившие для этой цели 15 миллионов рублей⁹⁵.

Вдобавок к военно-мобилизационным требованиям сама война вызвала неожиданные социальные потрясения. Поражения и отступление России, пик которых пришелся на первую половину 1915 года, породили настоящую волну беженцев. К 1917 году их общее число, по подсчетам, составило 5 миллионов человек. Вначале о беженцах заботился комитет, почетной председательницей которого была великая княжна Татьяна Николаевна, но общественные организации критиковали «Татьянинский комитет» за неэффективное распределение помощи. Либеральные интеллигенты использовали кризис с беженцами, чтобы подчеркнуть собственное умение решать социальные проблемы⁹⁶. В сентябре 1915 года царь Николай II создал Особое совещание по устройству беженцев, включавшее чиновников и представителей общественных организаций. С лета 1915 по октябрь 1917 года государство выделило на заботу о беженцах более 600 миллионов рублей⁹⁷.

Вопрос о беженцах показывает существенную разницу между прежней благотворительностью и новыми программами социальной помощи. Помощь беженцам считалась не благотворительностью, но государственной обязанностью: речь шла о соблюдении их гражданских прав. В январе 1916 года министр внутренних дел обратился к главам губерний, призвав их задействовать беженцев в сельскохозяйственном труде. Государственная помощь этим

⁹⁵ Пироговский съезд. С. 26.

⁹⁶ *Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I.* Bloomington, 1999. P. 33–41, 95.

⁹⁷ *Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны // Вопросы истории.* 1999. № 8. С. 98–113. См. также: РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 13. Л. 47–54 (о выдаче государством почти 65 миллионов рублей различным губернским властям на нужды беженцев с апреля по сентябрь 1916 года). Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, сформированное в 1915 году, тоже объединило министерских чиновников и представителей общественных организаций и взяло на себя ответственность за снабжение зерном всего населения, а также армии. См.: *Holquist P. Making War.* P. 26.

людям чем дальше, тем больше оказывалась связана с мобилизацией рабочей силы в тех секторах экономики, которые имели особую важность для ведения войны. К лету того же года более 250 тысяч беженцев и 600 тысяч военнопленных использовались как сельскохозяйственные рабочие, прежде всего в больших поместьях⁹⁸. В конце марта 1917 года Особое совещание по устройству беженцев издало руководство о мерах по вовлечению беженцев в сельское хозяйство (в тот же самый день были опубликованы также руководства о ежемесячных суммах, выделявшихся на поддержку детских садов, школ и убежищ для беженцев)⁹⁹. Помощь солдатским семьям оказалась связана с карательными мерами против семей дезертиров: правительство отказывало им в помощи, а в отдельных случаях даже конфисковывало их имущество¹⁰⁰. Чиновники недвусмысленно выступили за переход от благотворительности к модели гражданских прав и государственных обязательств. Один врач, выступая в 1916 году на Пироговском съезде, где собрались ведущие земские врачи, объяснил, что заботу об инвалидах, переданную Земгору, необходимо организовывать с общегосударственной точки зрения, а не как филантропию¹⁰¹.

С падением самодержавия в феврале 1917 года появились новые возможности по реорганизации бюрократии и расширению государственной социальной помощи. Деятели Временного правительства переформировали государственный аппарат в сторону большей функциональности и в согласии с принципом государственной ответственности за социальную помощь. 5 мая 1917 года Временным правительством были созданы Министерство государственного призрения, а также Министерство труда и Министерство

⁹⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1165. Приложение 2. Л. 330; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы / Сост. М. А. Гузунов и др.; отв. ред. А. М. Анфимов. М., 1967. Ч. 3. С. 33.

⁹⁹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 13. Ч. II. Л. 101, 112–115; *Курцев А. Н.* Беженцы Первой мировой войны. С. 110.

¹⁰⁰ Особый журнал Совета министров. 1915. № 205 (27 марта); *Pyle E.* *Village Social Relations*. P. 167–171. Об аналогичных австро-венгерских мерах см.: *Herwig H.* *The First World War: Germany and Austria Hungary, 1914–1918*. London; New York, 1997. P. 232.

¹⁰¹ Пироговский съезд. С. 26.

продовольствия¹⁰². Все три новых министерства являлись институциональным выражением идеального государства, обязанного следить за благополучием своих граждан. Хронологические рамки учреждения аналогичных министерств в других воюющих странах показывают, что Временное правительство следовало общеевропейскому тренду. Австрия создала Министерство социальной помощи и Министерство продовольствия в середине 1917 года, практически одновременно с российским Временным правительством. Англия учредила Министерство пенсий в конце 1916 года, а сразу после войны основала Министерство здравоохранения и приняла Жилищный и градостроительный акт¹⁰³.

Новоиспеченный министр государственного призрения Д. И. Шаховской призвал бывших чиновников, ведавших благотворительностью царской семьи, продолжить свою социальную работу и расширить ее масштаб, включившись в деятельность нового министерства и восполняя одну из самых насущных потребностей государства¹⁰⁴. В последующей речи Шаховской отмечал: «Министерство государственного призрения еще молодое, и ему надо присматриваться и учиться на Западе, организовать дело помощи... Дело надо поставить так, чтобы оно было государственно-общественное»¹⁰⁵. В докладе Министерства призрения в августе 1917 года говорилось о «разрозненной деятельности существующих благотворительных обществ и комитетов», которую приходилось признать «не достигающей своей цели призрения увечных и бедных и непроизводительно расходующей народные средства». В заключение предлагалось передать Министерству призрения все дела и все ресурсы существующих благотворительных комитетов «для объединения деятельности и большей планомерности распределения между нуждающимися в помощи»¹⁰⁶. В соответствии с этим решением 25 августа 1917 года

¹⁰² Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. См. также: Rosenberg W. Social Mediation and State Construction(s) in Revolutionary Russia // Social History. 1994. Vol. 19. No. 2. P. 169–188.

¹⁰³ Marwick A. Britain in the Century of Total War. P. 121–125.

¹⁰⁴ Хроника // Вестник Временного правительства. 1917. № 56 (17 мая).

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

¹⁰⁶ Там же. Д. 102. Л. 1–9. Другой правительственный доклад обвинял царское правительство в том, что оно оставило помощь инвалидам войны

Временное правительство создало комиссию, чьей задачей стала передача всех дел и ресурсов всех благотворительных комитетов и обществ Министерству государственного призрения¹⁰⁷.

В ситуации, когда хаос, вызванный войной и революцией, одновременно мешал оказанию помощи нуждающимся и вместе с тем делал эту помощь гораздо более необходимой, многие русские желали повышения роли государства¹⁰⁸. На съезде инвалидов войны (увечных воинов) делегат по имени А. И. Кислов призвал государство оказать помощь людям, пострадавшим на войне: «На развалинах старого режима строятся в России новые формы государственности, создаются новые гражданские организации, но уже не сословные, как это было в дореволюционное время, а на началах профессиональных и корпоративных интересов. Мы, пострадавшие на войне, также представляем особую корпорацию со своими особыми нуждами и задачами»¹⁰⁹. В ответ на требования инвалидов войны Временное правительство создало 29 июня 1917 года Временный общегосударственный комитет помощи военно-увечным, вошедший в состав Министерства призрения¹¹⁰. Министерство гарантировало пенсии всем изувеченным на войне, безотносительно к их чину, и установило восемь категорий пенсий — в зависимости от степени потери трудоспособности¹¹¹. Кроме того, оно увеличило объем продовольственной помощи солдатским семьям, уточнив, что эта помощь будет оказываться жене солдата, его детям младше пятнадцати лет, а также нетрудоспособным родителям солдата¹¹².

Министерство труда тоже принимало меры социальной помощи. В его состав входил отдел социального страхования, и были

на произвол благотворительных обществ — организаций, неспособных к систематизму (Там же. Д. 28. Л. 7).

¹⁰⁷ Там же. Д. 7. Л. 1. Передача активов благотворительных организаций министерству началась уже в июле. См.: Журналы заседаний Временного правительства. 1917. № 133 (16 июля). С. 7.

¹⁰⁸ Еще до 1917 года инвалиды уже ждали государственной помощи. См. письма от раненых солдат и их семей с требованием срочной выплаты пенсий, написанные в 1916 году (РГИА. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 53. Л. 5, 11, 45–49).

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.

¹¹⁰ Там же. Л. 40–41.

¹¹¹ Там же. Л. 1.

¹¹² Там же. Д. 101. Л. 1.

предприняты усилия по систематизации рабочего страхования. В мае 1917 года министерство послало циркуляр фабричным инспекторам, сообщая им о необходимости, «принимая во внимание новые социально-политические условия», пересмотреть законы о страховании, утвержденные в июне 1912 года, чтобы все рабочие были защищены страхованием в случае болезни, травмы, потери трудоспособности или пожилого возраста¹¹³. Для выработки по-настоящему всестороннего подхода министерство собрало информацию из каждого фонда страхования рабочих с 1912 года. Оно также отметило необходимость изучать «опыт страхования в западно-европейских государствах» с целью составить «широкий план организации социального страхования»¹¹⁴. Как следствие этих мер, Временное правительство создало подробные инструкции о том, каковы должны быть условия и размеры выплат безработным, больным, пострадавшим на производстве и пенсионерам¹¹⁵.

Таким образом, Первая мировая война привела к значительному увеличению роли государства в социальном обеспечении населения. Это было особенно заметно в России, где царский режим, столкнувшись с огромным множеством проблем, вызванных войной, был вынужден увеличить социальное вмешательство. Кроме того, интеллигенции было позволено играть более активную роль в делах государства, что привело к возникновению полугосударственного комплекса — союза правительственных учреждений и общественных организаций в целях военной мобилизации и помощи нуждающимся гражданам. Благотворительность царской семьи все в большей степени уступала место «особым совещаниям», объединявшим царских чиновников и земских специалистов. После свержения самодержавия в феврале 1917 года у интеллигентов появилась возможность самостоятельно формировать социальную политику. Под их влиянием и перед лицом военного кризиса, вызванного экономической и социальной дезинтеграцией, Временное правительство решительно двинулось в сторону полной государственной ответственности за социальное обеспечение населения. Однако, поскольку Временное правительство просуществовало

¹¹³ Там же. Ф. 4100. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.

¹¹⁴ Там же. Л. 9.

¹¹⁵ Там же. Л. 15–22.

меньше года, оно не успело осуществить многие из своих инициатив. Эта задача выпала советскому правительству.

СОВЕТСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Ряд факторов повлиял на формирование советского социального государства. Как было показано выше, в своих социальных заботах русская интеллигенция исходила из социальной науки XIX века и из духа рационального социального преобразования в целях улучшения условий жизни низших классов. Беспартийные ученые сыграли решающую роль в собирании тех знаний, которые затем использовались партийными деятелями в их социальной политике. Не менее важна была и историческая конъюнктура, в условиях которой оформилось советское социальное государство. Первая мировая и Гражданская войны привели к огромному росту числа нуждающихся — беженцев, инвалидов, солдатских вдов, — которым была необходима полномасштабная государственная помощь. Более того, Первая мировая война показала политическим деятелям всего мира, что здоровье населения играет важнейшую роль в военном могуществе их стран и национальной обороне. Наконец, марксистско-ленинская идеология сильно повлияла на распределение социальных пособий: советская власть в первую очередь удовлетворяла нужды солдат Красной армии и промышленных рабочих, отказывая в пособиях тем, кого называла классовыми врагами.

Когда речь шла о выявлении социальных проблем и внедрении программ социальной помощи, партийные лидеры в большой степени полагались на знания и опыт беспартийных специалистов. Хотя большинство либеральных интеллигентов выступили против большевистского переворота, многие решили воспользоваться возможностями, предоставляемыми советской властью, и применить свои познания в деле решения социальных проблем. К примеру, специалисты по статистике, при царском режиме не имевшие возможности работать где-либо, кроме земств, увидели в революции свой шанс решать проблемы в масштабе всего государства и осуществлять рациональное преобразование общества, основанное на научных данных¹¹⁶. В июне 1918 года ведущий статистик П. И. Попов

¹¹⁶ Blum A., Mespoulet M. L'anarchie bureaucratique. P. 35–38.

предложил Ленину сформировать общероссийское статистическое бюро, и в следующем месяце советское правительство открыло свое Центральное статистическое управление, в большой степени укомплектовав его земскими специалистами по статистике и дореволюционными учеными¹¹⁷. Несмотря на политические разногласия, как партийные деятели, так и либеральные эксперты были убеждены, что научное управление обществом возможно, и стремились к модернизации. Большевики отчаянно нуждались в знаниях об обществе, которым они теперь должны были управлять¹¹⁸. Либеральные ученые делились с ними этими знаниями, проводя статистические исследования проблем социального обеспечения и работая в составе только-только зарождающейся бюрократии нового государства¹¹⁹.

Так же как при Временном правительстве, при советской власти бюрократы, партийные и беспартийные, исходили из того, что социальное обеспечение является обязанностью государства и лучший способ воплотить эту идею — централизованная администрация, состоящая из специалистов. Всего через несколько дней после захвата власти большевистские деятели провозгласили создание всестороннего социального страхования для всех наемных рабочих¹²⁰. Через год, в октябре 1918 года, советское правительство издало положение «О социальном обеспечении трудящихся», в котором была исчерпывающе обрисована система социальной помощи — со структурой, выплатами и финансированием. Она гарантировала

¹¹⁷ Stanziani A. Les sources démographiques entre contrôle polices et utopies technocratiques: Le cas russe, 1870–1926 // Cahiers du monde russe. 1997. Vol. 38. No. 4. P. 474–475.

¹¹⁸ Фрэнсин Хирш описывает такой феномен в советском управлении национальными меньшинствами: Ленин опирался на Сергея Ольденбурга и других этнографов из Академии наук, которые, хотя и находились в политической оппозиции по отношению к большевикам, готовы были служить советскому государству, пока речь шла об осуществлении их собственной повестки дня — «использовании научных знаний для превращения России в современную страну» (Hirsch F. Empire of Nations. P. 21–22).

¹¹⁹ См., например: Социальное обеспечение в Советской России: Сборник статей к Съезду Советов / Под ред. А. Н. Винокурова. М., 1919. О роли беспартийных ученых в отделе моральной статистики Центрального статистического управления см.: Pinnow K. M. Lost to the Collective. P. 143–152.

¹²⁰ Madison B. Q. Social Welfare in the Soviet Union. P. 50–51.

выплаты всем, кто трудился сам и не эксплуатировал чужой труд. Помощь оказывалась инвалидам, безработным, потерявшим работу не по своей вине, беременным женщинам, молодым матерям и бездомным детям.

Положением предусматривалось создание особых учреждений для заботы об инвалидах войны и выплат пенсий тем, кто потерял трудоспособность. Выплаты по нетрудоспособности и безработице должны были осуществлять государственные страховые фонды, финансируемые исключительно нанимателями. Самозанятые крестьяне и ремесленники должны были получать выплаты от кооперативов взаимопомощи, финансируемых за счет взносов их членов¹²¹.

Советские журналисты провозгласили, что новое положение о социальной помощи оставило немецкую и английскую системы социального страхования далеко позади¹²². Александр Винокуров, ответственный за социальную помощь, противопоставлял рациональную и справедливую советскую систему социального страхования эксплуататорской и неэффективной, существовавшей при царизме. Он подчеркивал, что старая система, служа интересам одних только капиталистов и помещиков, заставляла рабочих финансировать страхование из их же собственных денег. Другие советские деятели тоже указывали на разницу между новой, всеобъемлющей системой социальных выплат и дикой путаницей разных благотворительных организаций при капитализме, помощь которых была унижительна и при этом недостаточна по объему¹²³.

Взяв под свой контроль чиновничество, большевики стремились к централизации власти и вместе с тем к внедрению новых принципов. Они переименовали все министерства в народные комиссариаты (наркоматы), превратив, таким образом, Министерство государственного призрения в Наркомат государственного призрения,

¹²¹ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 30. Л. 75–83. См. также: *Гутцайт Д. И., Ксенофонтов И. К.* Систематический сборник по социальному обеспечению: Действующее законодательство по вопросам государственного обеспечения крестьянской общественной взаимопомощи и кооперации инвалидов. М., 1926.

¹²² Журнал Народного комиссариата социального обеспечения. 1918. № 2 (декабрь). С. 5.

¹²³ *Винокуров А.* Социальное обеспечение (от капитализма к коммунизму). М., 1921. С. 4–8; *Madison B. Q.* Social Welfare in the Soviet Union. P. 49–50. См. также: *Забелин Л. В.* Теоретические основы социального страхования. М., 1926.

в обязанности которого входили обеспечение «инвалидов войны, их семей, стариков, несовершеннолетних и охрана материнства и младенчества»¹²⁴. В апреле 1918 года советское правительство дало этой бюрократической ветви новое название — Наркомат социального обеспечения, в котором были следующие отделы: отдел охраны материнства и младенчества; отдел детских домов; отдел по обеспечению несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях; медицинский отдел; отдел пенсий и пособий, а также обеспечения инвалидов, вдов и стариков; отдел увечных воинов; финансовый отдел; бюро печати¹²⁵.

Советское руководство продолжило не законченный Временным правительством процесс перехвата ресурсов и дел благотворительных организаций. Серия декретов, изданных весной и летом 1918 года, переименовала все организации вспомоществования, госпитали, сиротские приюты и другие благотворительные ведомства и поместила их под руководство Наркомата социального обеспечения¹²⁶. Например, в июле 1918 года все имущество и активы Георгиевского комитета, оказывавшего помощь инвалидам войны, были по декрету переданы Наркомату социального обеспечения. Декрет передавал наркомату и персонал комитета, сообщая, что, за исключением двух-трех руководителей комитета, которые были попросту уволены, весь персонал превращается в служащих наркомата и будет создавать рабочие артели, принимая на работу ветеранов войны и заботясь о них¹²⁷. В апреле 1918 года был упразднен и Союз увечных воинов — с констатацией, что «дело социального обеспечения увечных воинов, как дело государственное, должно находиться в руках государственной власти». Все ресурсы союза были переданы советскому правительству¹²⁸. Кроме того, наркомат объявил о прекращении всех лотерей (прежде — обычного способа собирать

¹²⁴ Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967 гг.): Справочник / Под ред. Н. П. Ерошкина. М., 1971. С. 438.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1. Л. 16.

¹²⁶ Там же. Л. 5.

¹²⁷ Там же. Л. 29.

¹²⁸ Там же. Л. 9–10. Члены Союза увечных воинов пытались воздействовать на советское правительство в своих интересах (см.: Там же. Д. 8. Л. 31).

деньги на благотворительность) и закрепил за государством монополию на сбор средств и их распределение между нуждающимися¹²⁹.

Хотя централизация и этиатизация всего лишь продолжали курс, уже взятый Временным правительством, программы советского руководства отличались классовой направленностью — наделяли привилегиями представителей низших классов и дискриминировали бывших дворян и буржуазию. Советская Конституция 1918 года лишила прав всех тех, кто попал в разряд классовых врагов, — торговцев-частников, священнослужителей, бывших царских офицеров полиции, белогвардейцев и лиц, пользовавшихся наемным трудом. Это лишение распространилось на все права гражданства, в том числе на право получать пенсию или какую-либо иную общественную помощь¹³⁰. Директивы Наркомата социального обеспечения подчеркивали, что жилье и материальная помощь должны быть гарантированы «всем детям бедноты», и уточняли: нуждающиеся семьи могут получить какую-либо помощь только после проверки их социального происхождения¹³¹. Нарком Винокуров объяснял перехват благотворительных организаций еще и необходимостью освободить учреждения социальной помощи от контроля «паразитических элементов» и пояснял, что многие учреждения социальной помощи дают работу людям из бывших привилегированных классов — тем, кого необходимо с подобных мест вычистить¹³².

Контекст, в котором начал работать Наркомат социального обеспечения, указывал на необходимость еще большего вовлечения государства в социальные вопросы. Война привела к тому, что в помощи отчаянно нуждались буквально миллионы инвалидов, солдатских вдов и беженцев. На I съезде комиссаров социального обеспечения, состоявшемся в июле 1918 года, Винокуров подчеркнул крайнюю востребованность программ социальной помощи: «В результате кровавых внешних и внутренних войн миллионы населения стали нетрудоспособными и нуждаются в социальной

¹²⁹ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.

¹³⁰ *Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936.* Ithaca, 2003. P. 2–3.

¹³¹ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 74. Л. 58.

¹³² Там же. Д. 1. Л. 11; Первый Всероссийский съезд комиссаров социального обеспечения. М., 1918. С. 1.

помощи... Эти условия вызывают необходимость постановки помощи населению в широком государственном социальном масштабе». Затем он особо отметил нужды ветеранов войны и их семей, инвалидов и матерей с детьми¹³³. Винокуров заявил, что организация государственной социальной помощи потребует огромных расходов: миллиарды рублей инвалидам войны, 40 миллионов рублей в месяц семьям погибших на войне и 500 миллионов рублей пенсионерам государственной службы только в первой половине 1918 года. Для финансирования этих выплат он предложил конфисковать активы эмигрантов и передать их Наркомату социального обеспечения. А кроме того, сообщил, что в рамках действующей отныне классовой политики будут пересмотрены пенсии царским бюрократам — в целях отмены подобных выплат и передачи денег нетрудоспособным рабочим и сиротам. Как он добавил, все физически способные к работе люди обязаны работать, а помощь предназначена только нуждающимся¹³⁴.

Чиновники Наркомата социального обеспечения отнеслись с особым вниманием к инвалидам войны и, чтобы разработать политику заботы о них, рассмотрели программы других европейских стран. В 1918 году один из представителей наркомата, доктор Бродский, изучил опыт помощи инвалидам войны в Австрии и Германии. На основе его доклада чиновники наркомата сделали вывод: «Дело помощи инвалидам мировой войны представляет собою предмет исключительной важности для государств... Все они в той или другой форме пытаются разрешить задачу, как вернуть в ряды трудовых классов населения... массы искалеченных людей». В докладе отмечалось, что австрийское Министерство социальной помощи обеспечило материальное благополучие ветеранов войны, а Министерство труда нашло для них работу, в том числе создав систему обучения инвалидов ремеслам¹³⁵. Советское правительство тоже стремилось не только оказать помощь инвалидам войны,

¹³³ Первый Всероссийский съезд комиссаров социального обеспечения. С. 1.

¹³⁴ Там же. С. 1–4, 25–26.

¹³⁵ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1. Л. 29. Правительство послевоенной Германии тоже тратило огромные средства на помощь 6 миллионам человек — инвалидам, членам их семей и иждивенцам павших на войне (см.: *Whalen R. W. Bitter Wounds*. P. 16).

но и найти для них какую-нибудь посильную работу. На съезде комиссаров социального обеспечения, состоявшемся в июле 1918 года, делегаты подчеркивали всю важность «восстановления работоспособности увечных воинов». Участники съезда пеклись не только о восстановлении продуктивной способности раненых, но и, в соответствии с советской идеологией, об их самореализации посредством общественно полезного труда. Съезд постановил создать специальные дома для инвалидов войны и ремесленные школы, где они могли бы обучаться¹³⁶.

Голод, болезни, массовые перемещения и другие бедствия, вызванные Гражданской войной, еще увеличили число нуждающихся в помощи, а советское руководство испытывало особое чувство долга по отношению к ветеранам-красноармейцам. В августе 1918 года был издан декрет «Об пенсионном обеспечении солдат Рабоче-Крестьянской Красной Армии и их семейств», даровавший пенсии солдатам, частично или полностью вышедшим из строя, а также семьям и сиротам всех солдат, погибших на службе¹³⁷. С 1920 по 1922 год Наркомат социального обеспечения посвятил огромное количество времени и ресурсов оказанию помощи инвалидам-красноармейцам и семьям солдат, находившихся на службе в Красной армии¹³⁸. Кроме того, советское правительство старалось позаботиться о нонкомбатантах, пострадавших от войны. На II съезде комиссаров социального обеспечения, состоявшемся в апреле 1921 года, делегаты приняли резолюцию о том, что государственная помощь должна быть предоставлена всем «жертвам контрреволюции». В резолюции отмечалось, что многим не хватает пропитания и крыши над головой, а также указывалось, что помощь будет иметь

¹³⁶ Первый Всероссийский съезд комиссаров социального обеспечения. С. 18–25.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 8. Л. 20, 27. В пояснениях к декрету признавалось, что речь идет всего лишь о более щедром варианте царского закона, гарантировавшего пенсии инвалидам войны и солдатским вдовам, который вышел в июне 1912 года.

¹³⁸ Там же. Ф. 4085. Оп. 12. Д. 40. Л. 28–29; Материалы Народного комиссариата социального обеспечения. М., 1922. Т. 3. С. 6–33. Циркуляр, изданный в декабре 1921 года, подчеркивал необходимость оказывать помощь ветеранам Красной армии и семьям красноармейцев, проживавшим в местностях, где свирепствовал голод. С. 62–63.

«огромное политическое значение», «привлекая на сторону Советской власти даже самые отсталые элементы населения»¹³⁹.

При том что советское правительство с самого своего возникновения стремилось к созданию всеобъемлющей системы социальной помощи и в теории таковую создало, в первое десятилетие существования советской власти ресурсов на практическое воплощение этой системы недоставало. Ужасающее разорение и экономический коллапс, наступившие в результате Гражданской войны, говорили о том, что у советского руководства практически нет доходов, которые позволили бы удовлетворить растущую нужду миллионов искалеченных, перемещенных, безработных и умирающих от голода граждан страны. С 1917 по 1921 год социальное обеспечение существовало в основном на бумаге. Национализация промышленности означала, что правительство стало единственным работодателем для промышленных рабочих и, как следствие, взяло на себя ответственность за фонды социального страхования, используемые для выплат при потере трудоспособности или в случае безработицы. Но многие заводы закрылись из-за нехватки материалов и горючего, поэтому в кассу социального страхования поступило мало денег. Предприятия, продолжавшие работать, были обязаны платить до 28% от зарплат в государственный фонд социального страхования, и даже этих денег хватало лишь на малую долю нуждающихся безработных и нетрудоспособных рабочих¹⁴⁰. На III Всероссийском съезде профессиональных союзов нарком труда Василий Шмидт признал, что принцип всеобъемлющего социального страхования не имеет никакой основы в реальности, и пообещал, что социальные обязательства государства будут выполнены, но лишь после того, как улучшится экономическое положение страны¹⁴¹.

Введение новой экономической политики означало отступление не только на экономическом фронте, но и в сфере государственной социальной помощи. Чиновники Наркомата социального

¹³⁹ ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 21. Д. 27. Л. 15. О государственной помощи крестьянам, пострадавшим от голода в 1921 году, см.: *Retish A. B. Russia's Peasants in Revolution and Civil War*. P. 255–259.

¹⁴⁰ *Madison B. Q. Social Welfare in the Soviet Union*. P. 51. См. также: Социальное обеспечение в Советской России.

¹⁴¹ *Dewar M. Labour Policy in the USSR*. London, 1956. P. 70.

обеспечения признали, что им недостает ресурсов, чтобы обеспечить помощь всем нуждающимся гражданам. Доклад наркомата, изданный в 1921 году, гласил, что страна находится в переходном периоде и гарантировать социальное благополучие всего народа невозможно, поэтому следует выделять в первую очередь либо «ударные группы населения (рабочих, красноармейцев), либо наиболее социально ослабленные элементы (в случае смерти, мобилизации или полной инвалидности кормильца)». В докладе вновь подчеркивалось, что в будущем социальное обеспечение получат «новые группы населения в соответствии с государственными ресурсами»¹⁴². Советскому правительству не доставало денег даже на ведущих промышленных рабочих, поэтому — в нарушение принципа, что советские граждане имеют право на социальные пособия и их нельзя считать благотворительностью, — в пенсии часто отказывали инвалидам-рабочим, у которых были сбережения или иной источник дохода. Если выплаты и делались, то они равнялись не полному жалованью рабочих, как было предусмотрено правилами, а лишь некоторой доле от их регулярного заработка¹⁴³.

В 1923 году Наркомат социального обеспечения вновь заявил, что его расходы необходимо сократить и советское правительство будет гарантированно снабжать только тех, кто утратил здоровье, «защищая государство, — инвалидов войны и семьи красноармейцев». Он констатировал, что нуждающимся крестьянам придется рассчитывать на взаимопомощь, а инвалиды, не получающие пособия от правительства, должны будут работать в независимых производственных артелях. В заключение было сказано, что «в результате шестилетней войны... мы имеем около 6 миллионов пострадавших. Ясно, что эта колоссальная масса... не может быть целиком взята на государственное обеспечение»¹⁴⁴. По мере того

¹⁴² ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 12. Д. 27. Л. 15.

¹⁴³ Там же. Д. 3166. Л. 5; *Madison B. Q. Social Welfare in the Soviet Union*. P. 52. См. также: Положение о порядке выдачи единовременных пособий и возмещения утерянного заработка членам артелей промысловой кооперации, призываемым в РККА. М., 1938. С. 2.

¹⁴⁴ Социальное обеспечение за пять лет: 30 апр. 1918 г. — 30 апр. 1923 г. М., 1923. С. 25–32. О последующих (нереализованных) планах распространения социального страхования на крестьян см.: Бюллетень Росгосстраха. 1927. Т. 10. № 3. 5 июня. С. 4–5.

как производство восстанавливалось, а доходы бюджета росли, советское правительство повышало расходы на социальное обеспечение. С 1924 по 1927 год выплаты социального страхования выросли примерно вдвое. В 1927 году правительство подтвердило принцип, что полная компенсация инвалидности должна равняться полной зарплате, хотя и с оговоркой, что подобные выплаты будут невозможны в случае острой нехватки страховых средств. Многочисленные письма и жалобы, написанные в 1920-е и даже 1930-е годы, свидетельствуют о том, что многие из тех, кто должен был получать пенсию по инвалидности, не получали ее¹⁴⁵.

Безработица, не перестававшая расти в 1920-е годы, вызвала дополнительное напряжение советской системы социального обеспечения. Хотя в теории все безработные рабочие должны были получать пособия по безработице, равные их полному жалованью, на практике советское правительство не имело денег на подобные выплаты. Уже в октябре 1921 года правительственный декрет ограничил предоставление пособия по безработице: теперь оно полагалось лишь рабочим на государственных фабриках, проработавшим как минимум три года. Тот же декрет уточнял, что выплаты квалифицированным рабочим будут зафиксированы на уровне минимальной зарплаты в данной местности, а неквалифицированные будут получать от трети до половины этой суммы. Любой безработный, отказавшийся от предложения работы, потеряет свое пособие¹⁴⁶. На практике советское правительство не могло себе позволить выплачивать даже сниженную сумму пособия, поскольку число безработных продолжало расти. В 1924 году в советских городах было зарегистрировано 1,3 миллиона безработных. К 1927 году эта цифра достигла 2 миллионов человек¹⁴⁷.

Прошло десять лет после Октябрьской революции, а масштабная программа советской власти по социальному обеспечению так и оставалась по большей части не осуществленной. Принцип

¹⁴⁵ Chandler A. *Shocking Mother Russia: Democratization, Social Rights, and Pension Reform in Russia, 1990–2001*. Toronto, 2004. P. 32, 36; Dewar M. *Labour Policy in the USSR*. P. 108.

¹⁴⁶ Dewar M. *Labour Policy in the USSR*. P. 111–112.

¹⁴⁷ Данилов В. Крестьянский отход на промыслы в 1920-х годах // Исторические записки. 1974. № 94. С. 104–105; На аграрном фронте. 1927. № 4. С. 38.

всеобъемлющего страхования для рабочих на деньги работодателя и под управлением государства по-прежнему сохранялся, но не был реализован, поскольку высокий спрос на государственную помощь сочетался с нехваткой ресурсов. Советский Союз в 1920-е годы оставался бедной аграрной страной. Лишь в ходе советской индустриализации 1930-х годов экономические ресурсы, оказавшиеся под контролем правительства и приумноженные, позволили создать функционирующую систему социального обеспечения. Контекст советской индустриализации — уничтожение капитализма и создание государственной плановой экономики — оказал огромное воздействие на масштабы и форму советского социального государства.

Первый пятилетний план был попыткой сталинского руководства мобилизовать все существующие людские и природные ресурсы страны и использовать их для ее экономической и социальной трансформации, что считалось жизненно необходимым для обороны и важным шагом на пути к социализму. План требовал кардинального увеличения промышленных мощностей, особенно в сталелитейной и другой тяжелой промышленности. Более того, это была попытка рационализировать экономическую жизнь в соответствии с марксистскими принципами, требовавшими уничтожения рыночных отношений и частной собственности на средства производства. Плановая экономика в сочетании с коллективизацией означала замену мелких (считавшихся неэффективными) производителей и хаоса свободного рынка крупномасштабной государственной промышленностью и подобным же сельским хозяйством. Таким образом, советская плановая экономика была связана с социальным обеспечением в широком смысле этого слова: речь шла о рационализации каждодневной жизни, что должно было позволить добиться максимальной производительности труда каждого человека и максимального вклада в благосостояние общества¹⁴⁸.

Первый пятилетний план действительно мобилизовал огромные трудовые резервы Советского Союза и фактически полностью уничтожил безработицу. Кампания по индустриализации создала огромный спрос на рабочие руки: директора заводов и руководители строительных площадок нанимали столько рабочих, сколько было возможно, чтобы достичь потолка огромных квот. Численность

¹⁴⁸ Kotkin S. *Magnetic Mountain*. P. 20.

трудовых ресурсов в промышленности с 1928 по 1932 год выросла вдвое, а в одной лишь Москве — со 186,5 тысячи до 433,9 тысячи человек¹⁴⁹. К 1930 году безработица исчезла полностью, что устранило необходимость выплачивать пособия по безработице. Советские чиновники отменили эти пособия как ненужные в экономике, при которой все взрослые люди имеют работу и, более того, обязаны заниматься «общественно полезным трудом»¹⁵⁰. Полная занятость не была частью «сетки безопасности» социального государства в современном смысле слова, а полностью соответствовала духу периода между двумя мировыми войнами, когда государственные деятели стремились сохранить производственную мощь своего населения и найти ей применение. Плановая экономика, казалось, обеспечивает более эффективное использование рабочей силы. Вдобавок полная занятость уничтожила ряд социальных проблем, связанных с высокой безработицей в СССР в 1920-е годы¹⁵¹.

Во время первой пятилетки советское правительство значительно расширило социальное обеспечение для промышленных рабочих. До этого момента в СССР не было пенсий по возрасту; старые рабочие могли начать получать пенсию, только если оказывались нетрудоспособными. В конце 1920-х годов рабочие стали получать пенсии по возрасту (в возрасте пятидесяти пяти лет для женщин и шестидесяти — для мужчин, при условии что они отработали полных двадцать пять лет)¹⁵². Вдобавок советские власти увеличили социальный фонд страхования для рабочих, а после того как в 1931 году Сталин выступил против уравниловки в заработной плате, советское руководство начало предлагать еще бóльшие

¹⁴⁹ Вдовин А. И., Дробижев В. З. Рост рабочего класса СССР, 1917–1940 гг. М., 1976. С. 97; Твердохлеб А. А. Численность и состав рабочего класса Москвы в 1917–1939 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 9. 1970. № 1. С. 24.

¹⁵⁰ См. в конце этой главы дальнейшее обсуждение обязанности работать. О принудительном труде см.: Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР, 1929–1941 годы // Свободная мысль. 1922. № 13. С. 73–84.

¹⁵¹ О связи между высоким уровнем безработицы и проституцией см.: ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 12. Д. 37. Л. 32; Лебина Н. В., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М., 1994. Дальнейшая дискуссия о высокой безработице в 1920-е годы и ее социальных издержках представлена в кн.: Chase W. J. Workers, Society, and the Soviet State: Labor and Life in Moscow, 1918–1929. Urbana, 1987.

¹⁵² Chandler A. Shocking Mother Russia. P. 30.

страховые выплаты ударникам и рабочим, отработавшим долгий срок на своем месте¹⁵³. В то же время из-за продолжавшейся нехватки рабочих рук власти лишили пособий тех рабочих, которые лишь частично потеряли трудоспособность, — чтобы заставить их оставаться на рабочем месте¹⁵⁴.

В годы первой пятилетки советское руководство начало внедрять социальное страхование при помощи государственных профсоюзов. Этот процесс достиг кульминации в 1933 году, когда Наркомат труда был упразднен и все ресурсы социального страхования были переданы Всесоюзному центральному совету профессиональных союзов (ВЦСПС). С этого момента рабочие получали пособия по нетрудоспособности в профсоюзном бюро своего завода¹⁵⁵. Профсоюзы начали предоставлять и другие виды социальной помощи, в том числе пособие по материнству, путевки на курорты, стипендии на обучение и чрезвычайную выплату рабочим, не имеющим возможности заплатить за похороны члена семьи¹⁵⁶. Находившиеся под контролем государства, советские профсоюзы не вели переговоров о зарплате и условиях труда от лица рабочих, но в 1930-е годы получили новую функцию — управление социальной помощью¹⁵⁷.

Переход социальных ресурсов и ответственности за их распределение к профсоюзам имел двойной смысл. Во-первых, нужды рабочих ставились выше потребностей других социальных групп. Во-вторых, снижалась роль либеральных специалистов

¹⁵³ В своей речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» (23 июня 1931 года) Сталин сказал, что причина текучести рабочей силы — в «левацкой уравниловке в области зарплаты» (*Сталин И. В. Сочинения*. Т. 13. С. 56–58).

¹⁵⁴ *Madison B. Q. Social Welfare in the Soviet Union*. P. 57–58. Число производственных травм в годы первой пятилетки многократно выросло. См.: ГАРФ. Ф. 5475. Оп. 13. Д. 171. Л. 96; Там же. Оп. 14. Д. 67. Л. 20.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 7062. Оп. 1. Д. 83. Л. 1; Социальное страхование в СССР: Сборник официальных материалов / Под ред. Г. С. Симоненко. М., 1971. С. 16–18; Бюллетень ВЦСПС. 1934. № 1–2. С. 2.

¹⁵⁶ *Журавлев С., Мухин М. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004. С. 62–164; Zawodny J. K. Twenty-six Interviews with Former Soviet Factory Workers (Hoover Institution Archives, I/2, I/9, II/13, II/18).*

¹⁵⁷ Профсоюзы в советском государстве никогда не были независимыми. К концу 1920-х годов они потеряли какой-либо авторитет как представители рабочих интересов.

в распределении социальной помощи. После «Великого перелома» в конце 1920-х годов положение немарксистских ученых в советской системе стало куда более шатким: они начали подвергаться нападкам в самых разных сферах. А между тем индустриализация и коллективизация означали попытку модернизировать советское общество, пойти по тому пути, за который уже давно агитировали либеральные ученые. Многие из них, протестуя против классового подхода и государственного насилия, вместе с тем приветствовали замену старого и отсталого общества современным, индустриальным. Роль беспартийных ученых в построении нового мира оказалась велика — среди них были инженеры, архитекторы, городские планировщики (и врачи, и демографы, и учителя, как мы увидим в последующих главах). Они продолжали работать над обеспечением социального благополучия, стремясь к тому, чтобы жизнь становилась эффективной и рациональной.

Такие советские городские планировщики, как Леонид Сабсович и Константин Мельников, создавали проекты хорошо освещенных и упорядоченных улиц, широких площадей и бульваров, удобных для горожан парков и жилых комплексов. Они стремились устранить хаос и давку больших городов, стараясь повысить эффективность последних и вместе с тем вернуть в человеческую жизнь гармонию и чувство сопричастности¹⁵⁸. Под воздействием ученых составляли свои проекты деятели ВКП(б), уделяя особое внимание реконструкции Москвы. По рекомендации московского партийного лидера Лазаря Кагановича ЦК приказал создать план реконструкции города, и сам Сталин, как рассказывают, держал под личным контролем работу архитекторов и городских планировщиков. В рамках плана реконструкции (законченного в 1935 году) власти начали стирать с лица земли лабиринт рыночных рядов и старинной деревянной застройки к северу от Кремля, чтобы воздвигнуть на этом месте обширные площади, широкие улицы и многоэтажные бетонные дома¹⁵⁹. Беспартийные ученые выступали в роли жилищ-

¹⁵⁸ *Starr S. F. Visionary Town Planning during the Cultural Revolution // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / Ed. S. Fitzpatrick. Bloomington, 1978. P. 208–211. См. также: Kopp A. Town and Revolution: Soviet Architecture and City Planning, 1917–1935 / Transl. T. E. Burton. New York, 1970.*

¹⁵⁹ *Hamilton F. E. I. The Moscow City Region. London, 1976. P. 39. См. также: Москва реконструируется: Альбом диаграмм. М., 1938.*

ных инспекторов, критикуя здания, не соответствовавшие, по их мнению, необходимым стандартам по части гигиены и планировки¹⁶⁰. Хотя советские городские администраторы, приветствуя реконструкцию, видели в ней уникальный социалистический проект, призванный ликвидировать зловонные трущобы, порожденные капитализмом, их коллеги в капиталистических странах осуществляли весьма сходные программы городской реконструкции, уничтожая скопления лачуг и заменяя их просторным жильем, парками и публичными банями¹⁶¹.

На реализацию детально разработанных планов советских архитекторов и городских планировщиков часто не хватало средств. Плановая экономика обеспечила партийным лидерам контроль практически над всеми экономическими ресурсами страны, но они приказывали вложить большую часть этих ресурсов в тяжелую промышленность, в то время как людям очень недоставало жилья. Усложнял проблему тот факт, что Госплан, главное планирующее ведомство, сильно недооценил размах урбанизации, связанной с грядущей индустриализацией, и городские Советы не получили достаточно денег для широкомасштабного жилищного строительства¹⁶². За 1930-е годы население Москвы удвоилось (с 2 до 4 миллионов), а построено в городе было всего лишь 4 миллиона квадратных метров жилья и, по оценке, недоставало еще 46 миллионов квадратных метров¹⁶³. Из-за серьезной нехватки жилых помещений промышленные комиссариаты и фабричные руководители взяли на себя ответственность за размещение своих рабочих. Директора заводов тяжелой промышленности, имевшие в своем распоряжении больше ресурсов, чем городские Советы, начали тратить миллионы рублей в год на жилищное строительство. По всей стране

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–4, 16; *Кокшайский И.* Обеспечение коммунальным благоустройством отдельных социальных групп населения г. Москвы // Коммунальное хозяйство. 1931. № 19–20. С. 44–47.

¹⁶¹ *Романовский И. С.* Москва социалистическая. М., 1940. С. 28–30; *Mazower M.* Dark Continent. P. 89–90.

¹⁶² Центральный архив города Москвы [далее — ЦАГМ]. Ф. 150. Оп. 5. Д. 36. Л. 57.

¹⁶³ Там же. Ф. 126. Оп. 10. Д. 47. Л. 16; *Hazard J.* Soviet Housing Law. New Haven, 1939. P. 16; Статистический справочник по жилищно-коммунальному хозяйству г. Москвы. М., 1939. С. 9–10.

руководители заводов возвели тысячи домов для рабочих, чтобы дать крышу над головой своей быстрорастущей рабочей силе¹⁶⁴.

Директора заводов начали обеспечивать своим рабочим продовольствие и одежду. Несмотря на карточную систему, в 1930-е годы в советских магазинах часто недоставало самых базовых продуктов питания. В августе 1930 года пятьдесят московских заводов создали систему закрытого распределения: они обеспечивали продовольствием и одеждой магазины, открытые только для рабочих этих заводов. К концу года система «закрытых рабочих кооперативов» распространилась и на промышленные предприятия в других частях страны¹⁶⁵. На Пленуме ЦК в декабре 1930 года партийные лидеры поддержали эту систему распределения продовольствия и назвали ее образцовой, после чего руководители заводов по всей стране организовали «отделы рабочего снабжения», добывавшие и распределявшие различные товары¹⁶⁶. Из-за недостатков сети снабжения директора предприятий даже заводили собственные сельскохозяйственные угодья и выращивали скот, чтобы обеспечить стабильные поставки продовольствия своим рабочим¹⁶⁷. Так государственные предприятия брали на себя обязанность по разрешению самых базовых вопросов благополучия своих работников.

Это привело к дальнейшему расширению государственного снабжения, которое теперь далеко не сводилось к таким типичным социальным функциям, как выплата пенсий и пособий по безработице. Хотя рабочие по-прежнему должны были платить за еду и кров, они получали гарантированный паек и субсидируемое

¹⁶⁴ Российский государственный архив экономики [далее — РГАЭ]. Ф. 7622. Оп. 1. Д. 251. Л. 2; ЦАГМ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 4. Л. 15–16; Центральный архив общественно-политической истории Москвы [далее — ЦАОПИМ]. Ф. 468. Оп. 1. Д. 102. Л. 58, 72.

¹⁶⁵ *Randall A. The Soviet Dream World of Retail Trade and Consumption in the 1930s.* New York, 2008. Ch. 1. О закрытых магазинах для партийной элиты см.: *Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s.* New York, 2000. P. 55–56, 97. См. рус. пер.: *Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 1930-е годы.* М.: РОССПЭН, 2008.

¹⁶⁶ *Hessler J. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953.* Princeton, 2004. P. 178–179.

¹⁶⁷ РГАЭ. Ф. 7676. Оп. 1. Д. 610. Л. 33; ЦАГМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 861. Л. 3; ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 560. Л. 37.

государством жилье. Возросшая роль государства в обеспечении граждан пропитанием и крышей над головой была прямым следствием решения партийных лидеров запретить свободную торговлю и создать плановую экономику. Государственный контроль над всеми экономическими ресурсами позволил им финансировать в первую очередь промышленные предприятия и их рабочих. Распределение финансирования осуществлялось Госпланом при помощи промышленных комиссариатов, а затем при посредстве государственных заводов. Тот факт, что государственные предприятия начали снабжать своих работников едой и жильем, в конечном счете привязал людей к месту работы¹⁶⁸. Ответственность государства за благополучие рабочих, осуществляемая при помощи государственных предприятий и государственных же профсоюзов, стала постоянной чертой советской системы.

Несмотря на все усилия директоров заводов обеспечить своих работников пропитанием и жильем, в годы первой пятилетки уровень жизни резко снизился и лишь понемногу начал выправляться во время второй пятилетки. Миллионы новых рабочих из сельской местности теснились в коммунальных квартирах или наскоро сколоченных бараках, где не было ни сантехники, ни нормального отопления¹⁶⁹. Хотя от голода рабочие, в отличие от крестьян в 1932–1933 годах, не умирали, их рацион ухудшился из-за почти полного исчезновения из него мяса и овощей¹⁷⁰. Тяжелое положение рабочих было проявлением основополагающего противоречия советского проекта: считалось, что благополучие рабочих является приоритетом, но при этом советские лидеры, торопившие индустриализацию страны, создали для них совершенно кошмарные условия жизни и работы. Хотя рабочие были обеспечены едой благодаря закрытым магазинам своих фабрик, их жизненный уровень

¹⁶⁸ О высокой текучести кадров, снизившейся к середине 1930-х годов, см.: Российский государственный архив социально-политической истории [далее — РГАСПИ]. Ф. 17. Оп. 116. Д. 30. Л. 82; *Кац Я.* Текучесть рабочей силы в крупной промышленности // План. 1937. № 9. С. 21.

¹⁶⁹ ЦАГМ. Ф. 214. Оп. 1. Д. 122. Л. 9; Бюллетень Наркомата коммунального хозяйства. 1935. № 6. С. 96; *Ермилов В. В.* Быт рабочей казармы. М.; Л., 1930. С. 13.

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 255. Л. 33; Там же. Д. 256. Л. 68; Труд. 1931. 2 июля. С. 1; *Осокина Е. А.* Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. М., 1993. С. 23.

сильно упал. С 1928 по 1937 год размер реальной заработной платы московского рабочего уменьшился более чем на треть¹⁷¹. Партийные лидеры направляли практически все средства в строительство сталелитейных заводов, и от этого страдали условия жизни людей, причем по всей стране, даже в Москве¹⁷².

Тем не менее для многих промышленных рабочих падение жизненного уровня было приемлемо, потому что по сравнению со всеми другими социальными группами они все равно являлись привилегированным сословием. В первой половине 1930-х годов социальное обеспечение в СССР было сильнейшим образом дифференцировано на классовой основе. В условиях острейшего дефицита продовольствия, жилья и материальных товаров партийные лидеры увеличивали государственное довольствие одних граждан и еще больше сокращали его для других. «Чуждые классовые элементы», уже лишенные выплат социального страхования, теперь не имели права работать на государственных предприятиях, вступать в профсоюзы или жить в государственных домах. Когда же в 1929 году были введены карточки на еду, эти люди не получили и карточек¹⁷³. А вот промышленные рабочие получали еду, жилье и другие преимущества (в том числе страхование по нетрудоспособности и здравоохранение) в самую первую очередь¹⁷⁴.

До 1936 года советская система социального обеспечения не распространялась на тех, кого относили к буржуазии. Но новая Конституция, принятая в 1936 году, распространила все права, в том числе на труд и на пенсию по возрасту и нетрудоспособности, на всех советских граждан¹⁷⁵. Это изменение было не жестом великодушия со стороны партийных лидеров, а отражением их

¹⁷¹ Твердохлеб А. А. Материальное благосостояние рабочего класса Москвы в 1917–1939 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 331–332, 360–361.

¹⁷² О приоритете Москвы и других крупных промышленных городов в вопросах потребления см.: Осокина Е. А. Иерархия потребления. С. 16.

¹⁷³ Alexopoulos G. Stalin's Outcasts. P. 28–29.

¹⁷⁴ Экономическое строительство. 1930. № 7–8. С. 17–19. О категориях пайков см.: Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Basingstoke, 1989. P. 289–298; Осокина Е. А. Иерархия потребления. С. 15–24.

¹⁷⁵ История Советской Конституции: Сборник документов, 1917–1957. М., 1957. С. 356–358; Советская юстиция. 1936. № 19. С. 6.

уверенности, что они уничтожили буржуазию. С их точки зрения, отмена частной собственности и капитализма означала конец буржуазии. Насильственная экспроприация имущества нэпманов и кулаков, в сочетании с лагерными сроками для многих из них, либо исправила «классово чуждые элементы», либо устранила их из общества. Член политбюро Вячеслав Молотов, выступая на VIII Всесоюзном съезде Советов, объяснил расширение прав, заложенное в Конституции, тем, что социальное происхождение уже не мешает людям верно служить советскому правительству¹⁷⁶. Таким образом, советская социальная политика эволюционировала в полном соответствии с идеологическими представлениями партийных лидеров об историческом прогрессе. Уничтожив капитализм и его агентов, они могли перейти от дискриминации по классовому признаку к универсальной системе социального обеспечения.

Советское правительство не только распространило действие этой системы на все население в целом, но и продолжило ее расширение. Конституция 1936 года гарантировала всем советским гражданам право на пенсионное обеспечение, и служащие, подобно рабочим, начали получать пенсии после отхода от дел¹⁷⁷. Хотя в середине 1930-х годов Наркомату социального обеспечения по-прежнему недоставало средств, он платил пенсии лицам пожилого возраста и инвалидам. Кроме того, он содержал обширную сеть инвалидных приютов и обучающих центров для инвалидов, и эта сеть продолжала расти на протяжении всего десятилетия¹⁷⁸. В годы второй пятилетки партийные деятели озаботились также продовольствием и жильем. В сентябре 1935 года ЦК объявил

¹⁷⁶ Правда. 1936. 30 ноября. С. 2.

¹⁷⁷ *Семашко Н. А.* Право на социальное обеспечение. М., 1938. С. 23–34; *Madison B. Q.* Social Welfare in the Soviet Union. P. 57. См. также: *Хохлачев И. В., Щербин-Самойлов С. А.* Учет и отчетность по государственному социальному страхованию. М., 1940. Крестьян пожилого возраста должны были содержать их колхозы — граждане этой категории не были включены в советскую пенсионную систему до 1964 года.

¹⁷⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 53. Л. 5, 11–12; *Шабуров М. А.* Советская власть обеспечила счастливую и спокойную старость. М., 1937. С. 28. Более подробно советская социальная система рассмотрена в исследовании: *Galmarini M. C.* The Right to be Helped: Welfare Policies and Notions of Rights at the Margins of Soviet Society (1917–1953): Ph.D. diss. University of Illinois at Urbana-Champaign, 2012.

об отмене карточной системы¹⁷⁹. Руководители предприятий сохранили специальные магазины для своих рабочих, хотя талоны на получение пайка уже не требовались. А директора заводов продолжили строить дома, что слегка снизило жилищный дефицит¹⁸⁰.

Ко второй половине 1930-х годов советская система стала социальным государством в его авторитарной и всеохватной версии — правительство взяло на себя все функции по обеспечению населения. Оно гарантировало рабочее место, пенсию по возрасту, страхование от болезни и потери трудоспособности, бесплатное здравоохранение и субсидируемые пропитание и жилье. И хотя никакого генерального плана по строительству советской социальной системы не существовало, нельзя сказать, чтобы ее возникновение было случайным. Партийные деятели придерживались широкой концепции социального обеспечения, согласно которой правительство должно было гарантировать благополучие рабочего класса. Они стремились к современной индустриальной экономике под управлением советского государства, чтобы создать рациональное и продуктивное общество, — цель, которую разделяли и многие беспартийные ученые¹⁸¹. Сталин и его сторонники в партийном руководстве поддерживали насильственную экспроприацию «буржуазных элементов» и создание плановой экономики ради достижения этой цели, а также с тем, чтобы выкорчевать капитализм и мобилизовать ресурсы для обороны государства.

Поскольку расширение советского социального обеспечения строилось на государственном контроле над экономикой, стоит изучить советскую плановую систему в более широком контексте международной экономической мысли периода между мировыми

¹⁷⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов за 50 лет (1917–1967 гг.): В 5 т. М., 1967. Т. 2. С. 547.

¹⁸⁰ Твердохлеб А. А. Материальное благосостояние рабочего класса Москвы. С. 307–308, 454, 484; Осокина Е. А. Иерархия потребления. С. 39.

¹⁸¹ Беспартийные специалисты по статистике считали, что революция — это их шанс построить рациональный общественный порядок, основанный на научном знании. См.: *Blum A., Mespoulet M. L'anarchie bureaucratique*. P. 35. Об ученых см. также: *Stanziani A. L'économie en révolution: Le cas russe, 1870–1930*. Paris, 1998; *Bailes K. E. Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941*. Princeton, 1978.

войнами. Тот факт, что советская система социального обеспечения сформировалась в некапиталистической государственной экономике, превратил ее в исключительный случай как с точки зрения масштаба государственного вмешательства, так и с точки зрения откровенно идеологической политики. Но важная роль государства в экономике отнюдь не была исключительной особенностью Советского Союза. Партийные лидеры многое заимствовали из экономической модели Германии времен Первой мировой войны. Тогда все главные воюющие страны расширили государственный контроль над своей экономикой, а немецкое правительство в конце 1916 года дошло до введения обязательной трудовой повинности¹⁸². Будущий энтузиаст большевистского планирования Юрий Ларин горячо восхищался немецкой экономикой военного времени, видя в ней пример того, как государство может мобилизовать социальные ресурсы, и написал целую серию статей, в которых восхвалял «централизованное руководство» и планирование немецкой экономики¹⁸³. Этим статьям было суждено сыграть большую роль. Дело в том, что оказавшиеся у власти партийные лидеры почти не имели теоретических наработок построения социалистической

¹⁸² *Siegelbaum L. H. The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: A Study of the War-Industries Committees. London, 1983. P. x–xi.* О британском Акте защиты королевства, который предоставил правительству право контролировать ключевые секторы экономики, см.: *Laybourn K. The Evolution of British Social Policy and the Welfare State. Keele, 1995. P. 186.* О Германии см.: *Geyer M. The Militarization of Europe; Feldman G. D. Army, Industry, and Labor in Germany, 1914–1918. Princeton, 1966.* На время войны германское правительство и российское Временное правительство установили каждое в своей стране монополию на зерно и даже направляли военные подразделения на его реквизицию — как и австрийское правительство. См.: *Lih L. T. Bread and Authority in Russia: 1914–1921. Berkeley, 1990. P. 83, 128; Holquist P. Making War. P. 33, 96.* Османское правительство тоже создало центральный аппарат снабжения продовольствием. См.: *Os N. A. N. M. van. Taking Care of Soldiers' Families. P. 102.*

¹⁸³ *Carr E. H. The Bolshevik Revolution. London, 1952. Vol. 2. P. 359–360.* Меншевик Владимир Громан, которому предстояло играть важную роль в Госплане в 1920-е годы, внимательно следил за статьями Ларина и стал деятельным сторонником экономического планирования (см.: *Holquist P. Making War. P. 38–39.*) Экономика самой России в военное время включала в себя военно-промышленные комитеты, подражавшие немецким военным коллегиям и британскому Министерству боеприпасов (*Siegelbaum L. H. The Politics of Industrial Mobilization in Russia. P. 48–49.*)

экономики, ведь Маркс лишь в самых общих чертах рассказал, как организовать экономическую жизнь после успешной пролетарской революции. Ленин, вдохновленный статьями Ларина, сознательно основал свой подход к государственному планированию на немецкой модели военного времени¹⁸⁴. Троцкий еще более энергично выступал за экономическое планирование, добиваясь создания советских планирующих органов — Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и Госплана¹⁸⁵.

Энтузиазм советских вождей в отношении государственного экономического планирования был частью всеобщей тенденции, сложившейся после начала Первой мировой войны. Многие прогрессивные экономисты в Соединенных Штатах были уверены, что государственные координирование и планирование необходимы, если стремиться соответствовать вызовам современной промышленной эпохи. Экономист Торстейн Веблен считал, что государственные ведомства, созданные в военное время, могут использоваться после войны, чтобы избавить американский капитализм от расточительства, вызванного погоней за наживой. Он и его последователь Стюарт Чейз призывали к сильному государственному вмешательству в экономику под руководством экспертов — в глазах Веблена и Чейза это было средством улучшить материальное положение населения и добиться социального мира. Оба они восхищались советским экономическим планированием. В 1927 году Чейз посетил Москву, где был очарован советским Госпланом¹⁸⁶. Рексфорд Тагуэлл, будущий член «мозгового треста» Нового курса Франклина Делано Рузвельта,

¹⁸⁴ Ленин называл немецкую экономику военного времени «государственным капитализмом», который он считал последней линией обороны капиталистического порядка, и констатировал, что, в отличие от этого строя, советская плановая экономика станет орудием перехода к социализму (*Carr E. H. The Bolshevik Revolution. Vol. 2. P. 361*).

¹⁸⁵ *Ibid.* P. 364–374.

¹⁸⁶ *Engerman D. C. Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge (Mass.), 2003. P. 155–162.* В годы Великой депрессии Чейз призвал создать Национальную планирующую коллегия, которая будет издавать указы (он использовал русское слово) об общественных работах, пенсиях по возрасту и сельскохозяйственном регулировании (все эти предложения были частично реализованы в рамках Нового курса).

ездил в Москву вместе с Чейзом и сделал вывод, что стабилизация страны — результат советского экономического планирования. Когда началась Великая депрессия, Тагуэлл продолжал восхвалять советскую систему, написав, что «в России уже проступают контуры будущего»¹⁸⁷.

После запуска пятилеток и стремительной индустриализации интерес к советской плановой экономике вырос во всем мире. В 1933 году, вслед за визитом советской экономической делегации, турецкое правительство объявило о собственном пятилетнем плане, в большой степени основанном на рекомендациях советских гостей по поводу промышленного развития¹⁸⁸. Гитлеровские чиновники проявили большой интерес к советскому экономическому планированию и сами включились в гонку темпов развития, заданную СССР¹⁸⁹. Раньше большинство русских интеллектуалов смотрели «на Запад», а теперь поток идей, казалось, пошел в обратном направлении. Советский Союз представлял собой уже не просто источник вдохновения для социалистов-революционеров — отныне это был новый экономический архетип, с которым капиталистическим лидерам приходилось считаться.

Конечно, привлекательности советской модели способствовало еще и то, что ее успех совпал с тяжелым кризисом капиталистического строя. Неудачи классического экономического либерализма перед лицом Великой депрессии заставили многих социальных мыслителей начать поиск альтернатив. Кроме того, Великая депрессия усилила чувство, что в век машин нужны новые формы экономической и социальной организации общества. В большинстве стран заводы стояли без дела, а рабочие страдали от безработицы, в то время как в Советском Союзе строились сотни новых заводов

¹⁸⁷ *Filene P. G. Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933. Cambridge (Mass.), 1967. P. 198–199. См. также: Vaudagna M. A Checkered History: The New Deal, Democracy, and Totalitarianism in Transatlantic Welfare States // The American Century in Europe / Eds. R. L. Moore and M. Vaudagna. Ithaca, 2003. P. 219–242.*

¹⁸⁸ *Zürcher E. J. Turkey: A Modern History. Rev. ed. New York, 2004. P. 206.*

¹⁸⁹ Написанный в 1936 году меморандум Гитлера о немецком четырехлетнем плане (о начале которого было сообщено позднее в том же году) констатировал, что Германия должна прибегнуть к таким же мерам экономического планирования, как и Россия, чтобы подготовиться к войне. См.: *Tooze J. A. The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. New York, 2006. P. 222–223.*

и каждый рабочий мог трудиться. Советская плановая экономика предлагала путь в будущее — целенаправленное применение людских ресурсов, которое, как считалось, позволит рабочим насладиться плодами своего труда. Тот факт, что СССР, по крайней мере в теории, не только мобилизовывал ресурсы страны, но и защищал благополучие рабочих, только усиливал его притягательность. В других странах вмешательство государства в экономику тоже сочеталось с расширением государственных программ социальной помощи. Некоторые политические деятели предлагали такие программы специально с целью предотвратить волнения или стремясь соответствовать экономическим требованиям эпохи. Так было в 1919 году, когда британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж предупредил, что государство должно решить проблему дефицита жилья, чтобы противодействовать угрозе большевизма¹⁹⁰. И действительно, в годы между мировыми войнами британское правительство субсидировало строительство 1,5 миллиона жилых единиц для рабочих¹⁹¹.

Во многих странах чиновники расширяли социальное обеспечение не только из-за политических тревог, но и для сохранения того, что они считали людским капиталом своей страны. К примеру, японское правительство заменило ранее существовавшую мешанину частных благотворительных организаций государственными программами. В 1920 году японским Министерством внутренних дел было создано Бюро социальных дел, в ведении которого оказались помощь бедным, ветеранам и защита детей, а в 1938 году японским правительством военного времени было учреждено Министерство здоровья и благополучия¹⁹². В 1930-е годы многие государственные деятели принимали решение о расширении социального обеспечения из соображений готовности к войне.

В эпоху между мировыми войнами социальное обеспечение не обосновывали защитой прав человека — эта норма придет только после 1945 года. Международный консенсус по поводу защиты прав человека возник только в качестве реакции на нацизм и Вторую

¹⁹⁰ PRO. CAB 23/9. War Cabinet 539. P. 4–5.

¹⁹¹ *Laybourn K.* The Evolution of British Social Policy. P. 202.

¹⁹² *Garon S.* Molding Japanese Minds. P. 49–58.

мировую войну. До войны власти были мотивированы желанием защитить население, нацию или расу от вырождения¹⁹³. Беспокойство по поводу вырождения началось уже в XIX веке, но с ростом международного напряжения в межвоенной Европе оно стало все в большей степени приобретать черты социал-дарвинизма. Некоторые общественные и политические деятели считали, что их стране необходимо возрождение энергии народа, если она хочет защитить себя или укрепить свои позиции в мире, который делается все более и более враждебным. Программы социальной помощи в этом контексте становились в первую очередь орудием поддержания жизненной силы всего народа, а не средством сохранить достоинство отдельных лиц.

Яркий пример этого подхода — тот факт, что Советский Союз, как и несколько других стран, требовал, чтобы все его граждане трудились. С 1930 года советское правительство гарантировало работу каждому, но вместе с тем лишило своих граждан права не работать. Труд стал одновременно правом и обязанностью. Отказ от выполнения «общественно полезного труда» мог привести к аресту и заточению в трудовой лагерь. В подобном же ключе действовало итальянское правительство, выпустив в 1927 году трудовую хартию, объявлявшую труд «общественным долгом» всех граждан¹⁹⁴. Одна из статей Веймарской конституции гласила: «Каждый немец нравственно обязан, без ущерба для своей личной свободы, применять свои умственные и физические силы так, как этого требует благо общества»¹⁹⁵. Нацистский режим, чтобы заставить каждого работать, обратился к прямому принуждению. В 1938 году, в ходе кампании против «уклоняющихся от работы»,

¹⁹³ Mazower M. *Dark Continent*. P. 103, 298–299.

¹⁹⁴ Horn D. G. *Social Bodies*. P. 40. Хотя британское правительство и не стало осуществлять эту идею, она тем не менее была озвучена и в Великобритании. В 1904 году Междепартаментский комитет по физической деградации заключил, что британское правительство, возможно, будет вынуждено создать «трудовые колонии», в которые будут заключены люди, «неспособные к самостоятельному существованию, соответствующему необходимым стандартам приличия». См.: PRO Parliamentary Papers. 1904. Microfiche 110.279. P. 85.

¹⁹⁵ Цит. в кн.: Peukert D. *The Weimar Republic*. P. 131. На русском языке Веймарская конституция доступна на сайте law-students.net/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=261&page=3.

нацисты арестовали всех, кто не зарабатывал деньги, и заключили их в трудовые лагеря¹⁹⁶.

Согласно этой системе ценностей, наиболее полно воплотившейся в авторитарных режимах, государства должны были заботиться о благополучии своих граждан, а те обязаны были приносить пользу обществу и государству. Расширение государственных программ социального обеспечения являлось частью этого набора взаимных обязательств граждан и государства и основывалось на идее, что благополучие одного зависит от благополучия всех и, быть может, даже выживание одного зависит от выживания всех¹⁹⁷. Итак, в основу социальной политики в межвоенный период легли тенденции, которые мы обсудили в начале этой главы, — идея общественного блага, народный суверенитет, социальное знание и понятие социальной сферы. Но программы социальной помощи, созданные в разных странах, формировались не только под воздействием прежних тенденций. Важную роль играли сложившаяся в период между мировыми войнами ситуация и те политические, экономические и военные требования, которые она ставила перед государствами.

Итак, тенденция была общей — государственное вмешательство в целях сохранения общества и военной мобилизации. Но разные страны по-разному трактовали наследие социальной мысли XIX века: некоторые течения принимались в одних странах и отвергались в других. Либерально-демократические правительства, сосредоточившиеся на поддержании общей силы народа, учреждали программы социального обеспечения, доступные всем гражданам. Фашистские правительства делали упор на защиту нации и расы, приберегая социальные программы для национального большинства и притесняя этнические и расовые меньшинства. Советские

¹⁹⁶ Pine L. *Nazi Family Policy, 1933–1945*. New York, 1997. P. 118, 120. Заключенных в лагеря немецкие чиновники называли «чуждыми элементами общества», «асоциальными» и «неспособными принести пользу жизни общества».

¹⁹⁷ В противовес царскому правительству, традиционно определявшему подданных через связь с их монархом и сословием, советское руководство определяло граждан через отношение к государству и обществу. См.: Pinnow K. M. *Lost to the Collective*. P. 14; Kotsonis Y. «No Place to Go»: Taxation and State Transformation in Late Imperial and Early Soviet Russia // *Journal of Modern History*. 2004. Vol. 76 (September). P. 575–577.

лидеры отвергали биологические и расовые критерии как основу для программ социальной помощи, но внедряли классовую систему, предоставлявшую привилегии рабочим и исключавшую «буржуазный элемент», вплоть до того момента, когда, согласно официальной идеологии, буржуазия перестала существовать и появилась возможность сделать социальные программы всеобщими.

Таким образом, советская социальная система не была логической крайностью европейского социального государства. Это была лишь одна из его версий, следовавшая общим принципам рационального устройства общества и государственной ответственности за благополучие населения, но исходившая вместе с тем из классовой парадигмы. Кроме того, свою роль сыграл отказ партийных лидеров от частной собственности и рыночного капитализма. В ситуации полного государственного контроля над хозяйственной жизнью и стремительной индустриализации СССР создал аналог экономики военного времени, при которой государство располагало всеми ресурсами, а также, при посредстве государственных предприятий, взяло на себя полную ответственность за снабжение и социальное обеспечение рабочих.

Советская система дала свой ответ на «социальный вопрос», вставший перед Европой в XIX веке: уничтожила безработицу, принудила всех граждан выполнять общественно полезную работу, гарантировала рабочим доступное продовольствие и жилье и покончила с классовой борьбой, насильственно экспроприировав буржуазию. Кроме того, эта система создала плановую экономику, мобилизовав природные и людские ресурсы страны ради ускорения промышленного развития и укрепления военной мощи. СССР осуществил то, что советские лидеры считали рациональной организацией общества, гарантирующей его производительность и внутреннюю гармонию. Вместе с тем это не был технократический режим, который ставил бы научную организацию выше идеологических целей. В то время как технократы в других странах выступали с аполитических позиций, подчеркивая исключительно технические свои знания, в Советском Союзе вмешательство ученых являлось однозначно политическим действием — с целью ускорить движение страны на пути к социализму и коммунизму.

ГЛАВА 2

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Война ставит суровые задачи... По ее милости мы лицом к лицу столкнулись с проблемой наших людских ресурсов — и настолько интенсивно, как это бывает только при борьбе за национальное существование. Война вынудила нас провести инвентаризацию нашего мужского населения, проверить его здоровье и физическое состояние; мы познакомились с уродливыми фактами и, будем надеяться, очнулись от равнодушного самодовольства, с которым мы долго пренебрегали самым ценным национальным активом — здоровьем нации.

Доклад британского Министерства воинской повинности. 1919 год

Человеческий род... снова поступит в радикальную переработку и станет — под собственными пальцами — объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки... Человек станет несравненно сильнее, умнее, тоньше. Его тело — гармоничнее, движения ритмичнее, голос музыкальнее.

*Лев Троцкий.
Литература и революция. 1924 год*

Советская система здравоохранения считалась одним из главных проявлений советского социализма. Вскоре после прихода в 1917 году к власти большевики ввели крайне централизованную систему государственного здравоохранения, основанную на принципах социальной медицины. Эти принципы, озвученные на VIII съезде РКП(б), включали в себя бесплатное и всеобщее здравоохранение, улучшение питания и санитарных

условий, предотвращение заразных заболеваний и лечение «социальных болезней (туберкулеза, венерических заболеваний, алкоголизма и тому подобных явлений)»¹. Советские деятели исходили из того, что здравоохранение — дело государства, и считали, что для обеспечения телесного здоровья населения следует предоставить широкий спектр медицинских услуг и прибегнуть к активному вмешательству в жизнь людей. Советская система здравоохранения решительным образом отличалась от пестрого нагромождения частных, благотворительных и земских медицинских учреждений царской эпохи.

С первого взгляда можно решить, что централизованная государственная система здравоохранения нового типа была продуктом социалистической идеологии. Советский социализм со свойственными ему воинствующим антикапитализмом и заботой о благополучии рабочего класса, безусловно, подходил для государственной социальной медицины. Но трудно считать социалистическую идеологию единственной или даже главной движущей силой при создании советской системы здравоохранения. До Октябрьской революции ни Ленин, ни другие большевистские вожди не успели сформировать каких-либо идей на этот счет. К примеру, на съезде Российской социал-демократической рабочей партии в 1903 году делегаты ограничились общими заявлениями о необходимости улучшить здоровье рабочих путем изменения условий фабричного труда². И даже летом 1917 года у большевиков были только самые общие предложения о расширении здравоохранения для рабочих, не слишком отличавшиеся от предложений, выдвинутых другими партиями. Именно беспартийные врачи, активно участвовавшие в земской медицине, обеспечили идейную основу для создания советского здравоохранения и во многом возглавили его³.

Если мы поместим советскую медицину в контекст мировой, нам придется еще больше усомниться в том, что государственная социальная медицина была чем-то уникальным и обусловленным

¹ Цит. по: *Field M. Soviet Socialized Medicine*. New York, 1967. P. 59–60.

² *Rowney D. K. Transition to Technocracy: The Structural Origins of the Soviet Administrative State*. Ithaca, 1989. P. 83–84.

³ *Hutchinson J. F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia*. P. 162, 185–195.

социалистической идеологией. Многие капиталистические страны вводили у себя очень похожие принципы и практики здравоохранения в тот же исторический момент, что и Советский Союз. Социальная медицина и централизованное государственное здравоохранение были частью более общих тенденций: на смену индивидуалистскому подходу к здоровью приходила государственная профилактическая медицина. Во всех странах Европы и в разных концах мира становились нормой вмешательство экспертов в повседневную жизнь и государственное руководство обществом. Первые ростки этого явления наметились в конце XIX века, а в годы Первой мировой войны оно расцвело пышным цветом.

Легче всего понять сущность советского здравоохранения, если рассматривать его в рамках более широкой картины, включающей подъем социальной медицины и стремительное возрастание роли государства как гаранта здоровья населения. Чтобы показать, что советская политика в сфере здравоохранения отражала эти более общие тренды, я расскажу о возникновении социальной медицины, создании государственных министерств здравоохранения и о конкретных механизмах распространения медицинских идей и технологий в межвоенный период. Вместе с тем, хотя оно отражало подходы, широко применявшиеся и в других странах, советское здравоохранение имело ряд отличительных черт. Как показали историки медицины, схожие идеи и практики могут принимать различные формы в зависимости от политического, социального и профессионального контекста, в котором реализуются⁴. Существовавшая в российской социальной науке традиция ставить во главу угла влияние среды, дополнительно укрепленная марксистской идеологией, привела к тому, что советское здравоохранение концентрировалось на факторах среды. Немалую роль сыграл и политизированный характер советской медицины, особенно в годы первой пятилетки. А советская физическая культура к концу 1930-х годов постепенно стала под влиянием международных

⁴ Gross Solomon S. Circulation of Knowledge and the Russian Locale // *Kritika*. 2008. Vol. 9. No. 1 (winter). P. 9–26. Сьюзен Гросс Соломон подчеркивает, что международный обмен знаниями может привести не только к эволюции идей в зависимости от политического и социального контекста, но и к изменению самого контекста под влиянием новых идей.

трендов откровенно милитаристской, хотя в отношении к вопросам пола и этнического происхождения демонстрировала характерные советские принципы.

СОЦИАЛЬНАЯ МЕДИЦИНА И ГОСУДАРСТВО

Социальная медицина — это подход к медицинской помощи, при котором во главу угла ставятся общественное здоровье и гигиена, профилактика заразных заболеваний и борьба с ними, а также система всеобщего доступа к услугам здравоохранения. Взлет социальной медицины в конце XIX — начале XX века отражал новые представления об обществе как о социальном теле и новые достижения самой медицины, в частности в области эпидемиологии и социальной гигиены. О социальном теле говорили еще древнегреческие философы, но с XIX века телесные метафоры начали использовать по всей Европе для оправдания новых технологий социального вмешательства⁵. Развитие таких дисциплин, как экономика и социология, а позднее — антропология и криминология, изменило традиционные метафорические связи между индивидуумом и социальным телом, показав, что между ними существует прямая связь. Растущий авторитет науки, и в частности физиологии, привел к тому, что дискуссии о способах организации и улучшения общества уже не обходились без телесных метафор. Ряд социальных ученых XIX века, такие как Герберт Спенсер и Адольф Кетле, использовали в своих исследованиях понятие социального тела⁶. А в конце XIX века ученые все чаще стали находить реальные связи между социальными проблемами, биологией и физиологией. Можно привести пример эпидемиологии. Когда в 1880-е годы медики узнали о способах распространения туберкулеза, это привело к тому, что как чиновники, так и врачи взяли на вооружение более коллективистский подход к профилактике заболеваний и гигиене. Эпидемиологи потребовали внедрения медицинского наблюдения, программ общественной гигиены и других технократических стратегий с целью остановить

⁵ Horn D. G. *Social Bodies*. P. 14–25.

⁶ Porter T. M. *The Rise of Statistical Thinking, 1820–1900*. Princeton, 1986. P. 56, 68.

распространение заболеваний⁷. Таким образом, слабое здоровье или болезнь индивидуумов, не считавшиеся угрозой для политического тела, стали таковой для тела социального⁸.

Представление обо всех отдельных людях в обществе как о едином теле низвело их до пассивного множества и стало оправданием жесткой нормативной оценки рабочих привычек, сексуального поведения и личной гигиены людей⁹. Эти суждения были в первую очередь направлены против городских низов и использовались как оправдание повышенного контроля за ними со стороны правительства¹⁰. Кроме того, естественным следствием телесных метафор стало применение физиологических концепций для описания функций людей в обществе и отображения их иерархии. Выявив, какие функции выполняют различные части социального тела, чиновники, социальные реформаторы и городские планировщики могли с уверенностью прописывать меры по улучшению той или иной части тела так, чтобы это принесло пользу всему целому¹¹. Наука как таковая не была причиной подобных подходов — скорее можно сказать, что наука предоставила парадигму, а государства воспользовались ею в своих политических целях. К концу века возник консенсус по поводу того, что лучший способ защитить здоровье и благополучие населения — внедрить под диктовку экспертов определенные нормы поведения, и это вопрос государственного интереса и даже национальной безопасности.

⁷ Проведенный в 1890-е годы диагностический тест на туберкулез показал, что следы бациллы имеются у 95% населения Германии (см.: *Weindling P. Health, Race, and German Politics between National Unification and Nazism, 1870–1945. Cambridge, 1989. P. 163*). Вайндлинг отмечает, что даже некоторые «либералы» стали активными сторонниками государственного вмешательства (*Ibid. P. 155*).

⁸ *Poovey M. Making a Social Body. P. 7–8*. Пуви возводит британское использование термина «социальное тело» (*social body*) к формулировке Адама Смита «*great body of the people*» (в русском переводе 1962 года — «большое количество», «главная масса народа», «масса населения»). К концу XIX века образ «социального тела» постепенно пришел на смену прежнему образу «тела политического».

⁹ *Ibid. P. 74–86*.

¹⁰ Гарет Стедман Джонс утверждает, что взгляд на бедных сместился от модели «разложения» в 1860-е годы к модели «вырождения» — в 1880-е (*Jones G. S. Outcast London: A Study in the Relationship between Classes in Victorian Society. New York, 1984. Ch. 16*).

¹¹ *Rabinow P. French Modern. P. 10–11*.

Конечно, забота о здоровье населения существовала и до XIX столетия. В Европе принимались меры против чумы: уже в XIV веке средиземноморские города вводили карантин. К XVII–XVIII векам французские власти создали санитарные управления, которые огораживали города, окуривали предметы для их обеззараживания и порой разрушали до основания целые кварталы¹². Следуя камералистским принципам и стремясь обеспечить себе многочисленную и здоровую рабочую силу, шведские власти в 1760-е годы начали создавать больницы и проверять, какая помощь оказывается больным. В это же самое время австрийские врачи разработали планы создания медицинской полиции, чтобы защищать такой ценный экономический ресурс, как здоровье населения¹³. Но конец XIX столетия стал началом новой эпохи в здравоохранении, ознаменовавшейся яркими успехами в бактериологии и быстрым расширением государственного вмешательства. Во Франции государство стало играть в сфере здравоохранения особенно важную роль — благодаря республиканской идеологии Третьей республики, авторитету Луи Пастера и влиянию солидаризма¹⁴. Правительственные чиновники в Германии XIX века, отвечавшие за здравоохранение, тоже действовали активно: например, основывали государственные санатории и проводили кампании за здоровье населения, стремясь предотвратить и вылечить туберкулез¹⁵.

С точки зрения политических лидеров и социальных реформаторов по всей Европе, медицинская наука и технократическое управление здравоохранением позволяли сделать население более здоровым и крепким. Социальная медицина и в целом социальные науки, разработанные учеными и внедряемые чиновниками, представляли собой высшую власть, обеспечивавшую бесспорные решения социальных проблем. Более того, политические деятели по всей Европе постепенно начинали ценить здоровье

¹² *Baldwin P.* Contagion and the State in Europe, 1830–1930. New York, 1999. P. 559–560.

¹³ *Johannisson K.* The People's Health: Public Health Policies in Sweden // *The History of Public Health and the Modern State* / Ed. D. Porter. Amsterdam, 1994. P. 167; *Porter D.* Introduction // *Ibid.* P. 6.

¹⁴ *Ramsey M.* Public Health in France // *The History of Public Health and the Modern State*. P. 70–77.

¹⁵ *Weindling P.* Health, Race, and German Politics. P. 177–178.

населения — как важнейший экономический и военный ресурс. Когда, к примеру, в конце XIX века обнаружилось, что в некоторых регионах Франции 60–75% призывников не могут пройти медкомиссию, французские социальные мыслители и политические деятели принялись искать средства остановить физическое «вырождение» населения¹⁶.

Развитие общественного здравоохранения в царской России следовало тем же путем, что и в других европейских странах, и, более того, в существенной степени находилось под влиянием европейского пути. В 1706 году, посетив медицинские центры в Амстердаме, Петр I открыл первую в России больницу. Кроме того, он привез в страну голландских докторов, чтобы они поделились своим опытом¹⁷. Екатерина II создавала здравоохранительные учреждения, обращаясь к европейским моделям, а также заложила законодательную основу, позволявшую следить за общественным поведением и соблюдением принципов нравственности¹⁸.

В XIX столетии русские врачи, вслед за западноевропейскими, тоже сделали выбор в пользу социальной медицины. Между прочим, первым заведующим кафедрой гигиены в Московском университете был швейцарский врач Фридрих Эрисман, который на протяжении всей своей российской карьеры, с 1869 по 1896 год, указывал на то, что болезнь, в сущности, является проблемой социальной. Большинство русских врачей разделяли его взгляды, в полной мере соответствовавшие этосу интеллигенции 1860-х годов, глубоко преданной идеям социального благополучия и науки¹⁹. Жена Эрисмана, Надежда Суслова, и многие другие русские врачи были склонны

¹⁶ *Schneider W. H. Quality and Quantity: The Quest for Biological Regeneration in Twentieth-Century France. Cambridge, 1990. P. 16.*

¹⁷ *Starks T. The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State. Madison, 2008. P. 41.* До Петра I в московском правительстве был небольшой Аптекарский приказ, один из более чем 130 департаментов или канцелярий, созданных на протяжении XVII века. См.: *Brown P. B. Bureaucratic Administration in Seventeenth-Century Russia // Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia / Eds. J. Kotilaine and M. Poe. New York, 2004. P. 57–78.*

¹⁸ *Engelstein L. The Keys to Happiness. P. 85.* См. также: *Alexander J. T. Catherine the Great and Public Health // Journal of the History of Medicine. 1981. Vol. 36. No. 2. P. 185–204.*

¹⁹ *Engelstein L. The Keys to Happiness. P. 174.*

к народничеству и стремились совместить медицину с социальными действиями по улучшению жизни крестьян²⁰.

Во второй половине XIX века развилась сильная традиция социально ориентированной земской медицины. Многие земские врачи, в том числе и такая величина, как Дмитрий Жбанков, исполнительный директор Пироговского общества (ведущей организации земских врачей), выступали против частной медицинской практики, рекомендуя заменить ее социально ориентированной медициной. В 1910 году на съезде Пироговского общества С. Н. Игумнов заявил, что земский доктор — это врач-социолог, изучающий широкие массы населения и работающий с ними, а не врач-индивидуалист, которого интересует лишь конкретный больной организм²¹. Хотя по нацеленности на социальную медицину российские земские врачи не отличались от своих европейских коллег, положение первых осложнялось тем фактом, что они находились в оппозиции к самодержавию, а также их убеждением, что общественная медицина — лучший способ здравоохранения. В других европейских странах программы и взгляды государственных чиновников здравоохранения и социально ориентированных врачей, как правило, дополняли друг друга; в России, напротив, чиновники и земские врачи испытывали друг к другу глубокое недоверие. Царские чиновники вообще с подозрением относились к любым негосударственным программам (земство же было практически единственной отдушиной для любых инициатив снизу), а земские врачи, вместо того чтобы видеть в самодержавии возможного союзника в битве за улучшение здоровья населения, считали царя и его чиновников препятствием к благополучию людей²².

Впрочем, внутри царского правительства росло стремление к созданию чего-то вроде государственного управления здравоохранения. В 1836 году Министерство внутренних дел учредило свой Медицинский департамент, создавший систему губернских

²⁰ *Hachten E. A. Science in the Service of Society: Bacteriology, Medicine, and Hygiene in Russia, 1855–1907: Ph.D. diss. University of Wisconsin, 1991. P. 255–262.*

²¹ *Hutchinson J. F. Who Killed Cock Robin? An Inquiry into the Death of Zemstvo Medicine // Health and Society in Revolutionary Russia / Eds. S. Gross Solomon and J. F. Hutchinson. Bloomington, 1990. P. 9–11.*

²² См.: *Ramer S. C. The Zemstvo and Public Health // The Zemstvo in Russia. P. 279–314.*

врачебных управ²³. Во второй половине XIX века группа чиновников из этого департамента предложила сформировать отдельное министерство здравоохранения. А вслед за той неудобной дискуссией о санитарных условиях в России, которая имела место на Международной санитарной конференции 1885 года, и российская Комиссия по улучшению санитарных условий рекомендовала организовать отдельное государственное управление здравоохранения. В обоих случаях руководство МВД выступило против создания отдельного министерства здравоохранения и заблокировало эти предложения²⁴. Но стремление сохранилось, и в Первую мировую войну ему предстояло осуществиться.

В то же самое время появился новый вид докторов, разделявших ориентацию земских врачей на социальную медицину, но в ее осуществлении склонявшихся больше к профессионализму, чем к народничеству. Один из деятелей этого нового поколения, А. Н. Сынин, сравнил идеального санитарного врача с техническим специалистом, похожим на инженеров и городских планировщиков, которые приносят простым людям пользу скорее при помощи масштабных технических программ, нежели посредством ежедневного клинического контакта, как земские врачи²⁵. Ведущий русский бактериолог Илья Мечников настоятельно рекомендовал бороться с болезнями при помощи бактериологических и эпидемиологических мер. К 1890-м годам бактериология и эпидемиология в России расцвели, и врачи в своей практике все чаще прибегали к технократическим мерам²⁶.

Многие из этих специалистов были знакомы с эпидемиологией и считали, что земские врачи, работающие в отдельных деревнях, бессильны бороться с распространением эпидемий, охватывающих целые регионы страны. Эпидемия холеры 1892–1893 годов показала, что усилий местных общин совершенно не достаточно, и правительство создало санитарные комиссии, получившие приоритет перед губернскими и земскими службами здравоохранения. Сразу

²³ Rowney D. K. Transition to Technocracy. P. 25–26; Hachten E. A. Science in the Service of Society. P. 41.

²⁴ Hutchinson J. F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia. P. 82.

²⁵ Idem. Who Killed Cock Robin? P. 9–11.

²⁶ Hachten E. A. Science in the Service of Society. P. 266, 288, 340.

после эпидемии члены Пироговского общества предложили еще более широкие программы гигиенического воспитания, фабричной медицины и эпидемиологических исследований²⁷. В начале XX века программы здравоохранения продолжали становиться все более централизованными. В 1910 году врачи основали неправительственную организацию под названием «Всероссийская лига борьбы с туберкулезом», скопированную с таких общенациональных организаций в других странах, как Национальная ассоциация туберкулеза в США. Члены лиги видели, что с инфекционными заболеваниями надо бороться на общенациональном уровне, особенно принимая во внимание пассивность самодержавия в данном вопросе²⁸.

К концу XIX — началу XX века врачи и связанные с медицинской чиновники в России и других странах осознали необходимость в централизованном здравоохранении. Многие выступали за повышение роли государства. Во всем мире государственные здравоохранительные программы росли как грибы после дождя. Египетские чиновники начали относиться к физическому здоровью населения как к цели государственной политики и повысили роль государства в здравоохранении²⁹. В ответ на эпидемию оспы в южной части Тихого океана в 1876 году был создан Новозеландский центральный совет по здоровью, а к 1901 году он вырос до Министерства здравоохранения. Несколько латиноамериканских государств учредили национальные департаменты здоровья и гигиены в составе своих министерств внутренних дел: Аргентина в 1880 году, Бразилия — в 1897-м, Чили — в 1918-м. Таиландские чиновники создали отдел общественного здоровья в составе МВД в 1918 году³⁰.

²⁷ *Frieden N. M.* Russian Physicians. P. 158–159.

²⁸ *David M. Z.* The White Plague in the Red Capital: The Control of Tuberculosis in Russia, 1900–1941: Ph.D. diss. University of Chicago, 2007. Ch. 3.

²⁹ *Fahmy K.* Medicine and Power: Towards a Social History of Medicine in Nineteenth-Century Egypt // *Cairo Papers in Social Science*. 2000. Vol. 23. No. 2 (summer). P. 22. Фахми пишет, что, озаботившись общественным здоровьем, государство «стало более активным и назойливым, чем когда-либо на протяжении долгой истории Египта».

³⁰ *Roemer M. I.* National Health Systems of the World. Oxford, 1991. Vol. 2. P. 81–82.

Первая мировая война привела к резкому увеличению числа проблем со здоровьем населения и вместе с тем к осознанию необходимости сохранить это здоровье ради военной мощи. В марте 1917 года британский кабинет военного времени издал меморандум о «срочной потребности в министерстве здравоохранения»³¹. В апреле 1918 года меморандум, составленным министром реконструкции К. Эддисоном, вновь сообщал о настоятельной потребности в централизованном правительственном департаменте здравоохранения и констатировал, что «без подобного министерства мы сражаемся разделенными силами против зла, угрожающего здоровью нации»³². В 1919 году под воздействием еще одного фактора, а именно всемирной эпидемии инфлюэнцы, британское правительство наконец учредило Министерство здравоохранения³³. Аналогичные министерства были созданы в ряде других стран, что позволяло осуществлять координацию государственных программ здравоохранения в общенациональном масштабе. Во Франции, к примеру, первое Министерство здравоохранения было создано в 1920 году; это стало результатом возросшего в годы Первой мировой войны участия государства в вопросах здоровья и общественной гигиены³⁴. Созванное в 1920 году Великое национальное собрание Турции в скором времени учредило Министерство здравоохранения³⁵. Румынские врачи выступали за создание министерства здравоохранения, и оно было учреждено правительством Румынии в 1923 году³⁶.

В России предложение об организации централизованного управления здравоохранением в очередной раз прозвучало накануне

³¹ PRO. CAB 23/2. War Cabinet 115. Appendix I.

³² Ibid. CAB 23/49. GT 3499. P. 2. Эддисон особенно предупреждал об опасности, грозившей в конце войны: возвращение демобилизованных солдат могло повлечь эпидемии.

³³ Roemer M. I. National Health Systems of the World. Vol. 2. P. 81.

³⁴ Schneider W. H. Quality and Quantity. P. 120. См. также: Ramsey M. Public Health in France. P. 89.

³⁵ Alemdaroğlu A. Politics of the Body and Eugenic Discourse in Early Republican Turkey // Body and Society. 2005. Vol. 11. No. 3. P. 68.

³⁶ Bucur M. Eugenics and Modernization in Interwar Romania. P. 190–191. О Германии см.: Weindling P. Epidemics and Genocide in Eastern Europe, 1890–1945. Oxford, 2000. P. 138.

Первой мировой войны. В 1910 году Г. Е. Рейн, глава Медицинского совета МВД, представил царю доклад, в котором заявлял, что эпидемии холеры и других болезней обошлись государству в тысячи жизней и привели к большим расходам, а также к ухудшению международного имиджа страны и утрате народного доверия. На последующих заседаниях комиссии по реформе Медицинского совета, где он председательствовал, Рейн говорил о том, как дорого обходятся эпидемии, и утверждал, что болезни ослабляют армию и государство. Доклад комиссии Рейна, опубликованный в 1912 году, указывал на необходимость создания могущественного министерства здравоохранения — в целях централизации государственного здравоохранения, ведения обширных медицинских исследований, стандартизации врачебных практик и просвещения населения по вопросам гигиены. Предложения Рейна встретили противодействие и не были немедленно осуществлены. Руководство МВД опасалось уступить часть своей власти другому министерству. А земские врачи, разделяя многие из идей Рейна, не доверяли самодержавию и сопротивлялись созданию единого министерства здравоохранения. Тем не менее как в правительственных структурах, так и за их пределами растущее число врачей, бактериологов и городских планировщиков увидели необходимость централизованного государственного управления здравоохранением. Впоследствии, когда подобное управление было введено, они его и возглавили³⁷.

Первая мировая война стала сильным импульсом, ускорившим переход к централизованному государственному управлению здравоохранением. Столкнувшись с масштабными проблемами — раненые солдаты, беженцы, голод, эпидемии, — чиновники здравоохранения и врачи еще активнее требовали координированных государственных действий в этой сфере. К концу 1915 года в тридцати девяти губерниях Российской империи были вспышки эпидемических заболеваний (в первую очередь тифа, сыпного и брюшного). Даже некоторые либеральные врачи, прежде выступавшие против централизации, начали поддерживать государственную координацию противоэпидемических мер³⁸. Военные создали в армии

³⁷ Hutchinson J. F. *Politics and Public Health in Revolutionary Russia*. P. 88–100; *Idem*. *Who Killed Cock Robin?* P. 12, 17–19.

³⁸ *Idem*. *Politics and Public Health in Revolutionary Russia*. P. 120, 148.

санитарно-эвакуационную часть, в задачи которой входило организовывать медицинское обслуживание, координировать гигиенические меры и предпринимать шаги против распространения инфекционных заболеваний. Кроме того, санитарно-эвакуационная часть могла приказывать фармацевтическим компаниям производить те или иные лекарства, необходимые для охраны здоровья в армии³⁹. В 1916 году Рейн наконец убедил Совет министров и царя Николая II дать добро на создание главного управления государственного здравоохранения на министерском уровне⁴⁰. Поскольку самодержавие рухнуло спустя всего несколько месяцев, при царском правительстве идея создания центрального государственного управления здравоохранения так и не успела осуществиться. Это произошло уже при Временном, а затем при советском правительстве.

После свержения царя в феврале 1917 года земские врачи избрали представителей, составивших Центральный врачебно-санитарный совет. Этот орган обеспечил демократическую координацию стратегий здравоохранения без государственного вмешательства во врачебную практику. В августе 1917 года совет подтвердил свою приверженность принципам социальной медицины, в том числе профилактической медицине и всеобщему бесплатному здравоохранению⁴¹. Хотя члены совета надеялись снизить до минимума государственное вмешательство во врачебную практику, они признали, что во многих местностях империи недостаточно ресурсов для борьбы с эпидемиями, и обратились за государственной помощью в МВД. Кроме того, они признали необходимость в едином центральном органе государственной санитарной статистики, который координировал бы сбор информации о распространении той или иной болезни⁴².

После Октябрьской революции члены Центрального врачебно-санитарного совета отказались признать новую власть, а та конфисковала имущество совета и упразднила сам совет⁴³. Его заменил

³⁹ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–20.

⁴⁰ *Hutchinson J. F. Who Killed Cock Robin?* P. 16.

⁴¹ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

⁴² Там же. Л. 31, 40.

⁴³ Там же. Л. 2.

учрежденный большевистским руководством в феврале 1918 года Совет врачебных коллегий, объединивший представителей всех государственных учреждений, занимавшихся здравоохранением⁴⁴. В мае 1918 года на съезде медицинских работников З. П. Соловьев, председатель Совета врачебных коллегий и будущий заместитель наркома здравоохранения, выступил с речью под названием «Задачи и организация народного комиссариата здравоохранения». Он заявил: «Необходимо создание единого центрального органа — комиссариата здравоохранения, ведающего всем врачебно-санитарно-ветеринарным делом». Соловьев подчеркнул, что наркомат должен получить обширные полномочия, чтобы осуществлять надзор за всеми учреждениями здравоохранения, медицинских исследований и профилактики здоровья. Съезд поддержал все его рекомендации⁴⁵.

11 июля 1918 года советское правительство учредило Наркомат здравоохранения — «в целях объединения всего медицинского и санитарного дела РСФСР»⁴⁶. Указ сопровождался правительственным докладом, сообщавшим, что Совет врачебных коллегий оказался неспособен справиться с проблемами здравоохранения, причиной которых стали «война, экономический развал и вызванные ими недоедание и истощение населения». Доклад указывал на необходимость координированных действий государства по борьбе с эпидемиями, очищению питьевой воды, улучшению санитарных условий и обеспечению медицинских услуг для «широких масс населения». Кроме того, он сообщал, что перед наркоматом стоит огромная организационная задача — разрушить «старый, разбавленный слегка либерализмом, бюрократический врачебно-санитарный аппарат» и заменить «контрреволюционное лицо» земских медицинских организаций новой, советской

⁴⁴ См.: Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967 гг.). Многие наркоматы, в том числе народного просвещения, путей сообщения и социального обеспечения, имели в своем составе отделы здравоохранения (см.: ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 1. Л. 5).

⁴⁵ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 83. Л. 28–29.

⁴⁶ Там же. Д. 2. Л. 2. Кроме того, указ выделял 25 миллионов рублей на борьбу с холерой, позволял наркомату предпринять чрезвычайные меры по борьбе с эпидемией и предписывал ему дважды в неделю издавать доклады о распространении болезни.

медициной⁴⁷. Таким образом, введение централизованного государственного управления здравоохранением преследовало заодно и цель укрепления советской власти в медицинском секторе.

Процесс бюрократической консолидации не всегда шел гладко. В августе 1918 года, отвечая на запрос Ленина о формировании Наркомата здравоохранения, нарком Николай Семашко доложил, что медицинские отделы наркоматов внутренних дел, просвещения, труда и социального обеспечения объединены в рамках Наркомата здравоохранения. Но вслед за тем он стал жаловаться, что чиновники, ведающие медико-санитарными вопросами в Наркомате по военным делам и в Наркомате путей сообщения, отказываются подчиняться Наркомату здравоохранения⁴⁸. В ответ на это Совет народных комиссаров (СНК) приказал всем служащим, занимающимся медико-санитарными вопросами, перейти в подчинение Наркомату здравоохранения. Впрочем, в последующем меморандуме Семашко продолжал порицать военно-санитарные отделы за то, что они сохраняют свою независимость, а также за плохо налаженную эвакуацию раненых солдат с фронта⁴⁹.

Доклад Наркомата здравоохранения, составленный осенью 1918 года, сообщал о прогрессе в деле централизации медицинской помощи. Так, отмечалось, что наркомат взял под контроль все медицинские учреждения, а противоэпидемические меры стали более систематическими, чем это было возможно в прошлом⁵⁰. Учреждение Наркомата здравоохранения привело также к тому, что под централизованный контроль попало управление медицинскими вопросами на местах. После Октябрьской революции советское правительство поощряло местные Советы решать проблемы здравоохранения самостоятельно, но в силу нехватки ресурсов и опыта они не добились особого успеха. В конце 1918 и в 1919 году Наркомат

⁴⁷ Там же. Л. 5. Во втором прилагавшемся докладе отмечалось, что несколько наркоматов выступили против создания независимого наркомата здравоохранения, поскольку не хотели отказываться от собственной власти в вопросах охраны здоровья населения.

⁴⁸ Там же. Д. 27. Л. 15.

⁴⁹ Там же. Д. 26. Л. 117, 119.

⁵⁰ Там же. Д. 2. Л. 64. О централизации советского здравоохранения см. также: *Weissman N. Origins of the Soviet Health Administration: Narkomzdrav, 1918–1928 // Health and Society in Revolutionary Russia. P. 97–102.*

здравоохранения взял местное здравоохранение под прямой контроль, регистрируя врачей и выделяя деньги больницам напрямую, минуя местные Советы⁵¹.

Другим шагом к централизованному контролю над здравоохранением стала национализация всех аптек в декабре 1918 года⁵². Советские медицинские чиновники выступили за национализацию, заметив, что частные аптеки «совершенно не выполняют задачу» предоставления населению лекарств. Они добавили, что крайняя нехватка медикаментов привела к их резкому подорожанию и национализация необходима для контроля за ценами⁵³. Как мы видим, антикапиталистическая идеология хорошо сочеталась с государственнической позицией чиновников здравоохранения. Перед лицом катастрофического ухудшения здоровья населения не только большевистские чиновники, но и беспартийные специалисты сочли, что частное и ориентированное на получение выгоды медицинское обслуживание не справляется со своей прямой задачей и даже является аморальным. Они считали, что необходимо централизованное здравоохранение, осуществляемое в интересах населения в целом.

Тенденция к углублению государственного вмешательства в здравоохранение еще больше укрепилась в Советском Союзе в результате Гражданской войны, которая принесла не только смерть и разрушение, но и широкое распространение голода и болезней. С 1918 по 1920 год советские чиновники зарегистрировали 5 миллионов случаев заболевания сыпным тифом (3 миллиона из которых повлекли за собой смерть), а, по оценке, общее число заболевших было куда большим. Другие болезни — брюшной тиф, холера и малярия, — хотя и уступали сыпному тифу по смертоносности, тоже нанесли тяжелый урон жителям страны. В целом за период с 1916 по 1923 год количество смертей от голода и болезней оценивается

⁵¹ *Rowney D. K. Transition to Technocracy*. P. 86–87.

⁵² ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 4. Л. 107. Уже в мае 1918 года Съезд медицинских работников постановил, что аптеки должны быть национализированы и более того — государству следует взять под контроль производство и распределение всех лекарств. См.: Там же. Д. 83. Л. 23–24.

⁵³ Там же. Д. 4. Л. 3–7. Дальнейшую дискуссию см. в кн.: *Conroy S. M. The Soviet Pharmaceutical Business during the First Two Decades (1917–1937)*. New York, 2006.

в 10 миллионов⁵⁴. В 1918 году Наркомат здравоохранения приказал, чтобы о каждом случае заражения инфекционным заболеванием врачи докладывали в течение двадцати четырех часов; эти данные накапливались и каждые пять дней обсуждались специальной комиссией по инфекционным заболеваниям. В 1920 году Центральное статистическое управление составило таблицы по губерниям с числом ежемесячных смертей от каждого инфекционного заболевания и сравнило эти цифры с земской статистикой болезней на 1913 год⁵⁵.

В 1918 году Наркомат здравоохранения составил список правил обращения с больными тифом и холерой. Эти правила включали в себя все: от истребления клопов и вшей в одежде больных до проверки путешественников в областях, страдающих от эпидемий, — все вплоть до обращения с трупами⁵⁶. Кроме того, наркомат создал комиссии по борьбе с эпидемиями и голодом⁵⁷. Комиссия по помощи голодающим открыла «врачебно-питательные пункты» на железнодорожных станциях, куда приезжали жертвы голода. Она установила процедуры по медицинскому осмотру, дезинфекции и эвакуации голодающих детей из областей, пораженных голодом⁵⁸. Свирепствовала Гражданская война, и советские доктора лечили больных и раненых солдат по конвейерному принципу. Эти доктора опять же разработали процедуры, позволявшие справиться со столь огромным количеством пациентов, — ввели множество регламентов по дезинфекции и оздоровлению⁵⁹. Тот факт, что в годы Гражданской войны были установлены государственные правила, затрагивавшие самые разные сферы медико-санитарного обслуживания, отчасти и стал причиной таких черт советской системы

⁵⁴ Starks T. The Body Soviet. P. 48–49. Об эпидемии сыпного тифа см. также: Argenbright R. Lethal Mobilities: Bodies and Lice on the Soviet Railroads, 1918–1922 // Journal of Transport History. 2008. Vol. 29. No. 2 (September). P. 259–276.

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 1. Л. 1–158. Центральное статистическое управление постаралось собрать и использовать дореволюционную земскую статистику, а его журнал воспевал работу дореволюционных специалистов как «яркое воплощение гения национального творчества». См.: Вестник статистики. 1919. № 2. С. 111.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–7.

⁵⁷ Там же. Д. 268. Л. 6; Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М., 1987. С. 86–87.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 11. Д. 79. Л. 6.

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 27. Л. 3–6; ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 26. Л. 258.

**КРАСНАЯ АРМИЯ РАЗДАВИЛА
БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ПАРАЗИТОВ —
ЮДЕНИЧА, ДЕНИКИНА, КОЛЧАКА.**

**НОВАЯ БЕДА
НАДВИНУЛАСЬ
НА НЕЕ —
ТИФОЗНАЯ
ВОШЬ**

**ТОВАРИЩИ! БОРИТЕСЬ С ЗАРАЗОЙ!
УНИЧТОЖАЙТЕ ВОШЬ!**

№ 67

Ил. 2. Советский плакат, призывающий к борьбе с тифом, 1921. «Красная Армия раздавила белогвардейских паразитов — Юденича, Деникина, Колчака. Новая беда надвинулась на нее — тифозная вошь. Товарищи! Боритесь с заразой! Уничтожайте вошь!» (Плакат RU/SU 11. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

здравоохранения, как высочайший уровень централизации и активное вмешательство в жизнь людей.

Большинство рядовых врачей восприняли от земской медицины отношение к местным общинам как к приоритету и потому были настроены против советского правительства и его централизаторской политики. На заседании Пироговского общества в июне 1918 года делегаты осудили централизацию здравоохранения, предупреждая, что она приведет к подавлению инициативы на местах. В то же время они признали, что нуждаются в финансовой помощи государства, и рекомендовали меры по борьбе с эпидемиями, весьма похожие на те, что применялись Наркоматом здравоохранения⁶⁰. Со своей стороны, Семашко в 1918 году восхвалял земскую медицину за ее достижения в сфере «демократизации» медицинского обслуживания. Но вместе с тем он заметил, что, как бы земские врачи ни пытались помочь бедным, в условиях частной филантропии здравоохранению суждено оставаться несогласованным и неудовлетворительным⁶¹. Постепенно большинство земских врачей примирились с советским государственным здравоохранением и стали работать в его учреждениях. Несмотря на свой первоначально враждебный настрой, даже ведущие деятели Пироговского общества в большинстве своем сочли новую власть союзником в деле упразднения частной медицины и создания бесплатного и всеобщего здравоохранения, предотвращения эпидемий и поддержки санитарно-гигиенического просвещения. В мае 1919 года собравшиеся в Москве члены Пироговского общества пришли к выводу, что основные принципы общественной медицины продолжают действовать даже в новых политических и социальных условиях и «так называемая советская медицина» по сути дела приняла те самые формы и стремится к тем самым целям, которые всегда составляли самую сущность общественной медицины⁶².

Ряд земских врачей сыграл решающую роль в создании советской системы здравоохранения. Соловьев, возглавивший создание Наркомата здравоохранения, был своего рода исключением: уже

⁶⁰ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 20. Л. 5–7.

⁶¹ Там же. Д. 2. Л. 71–72.

⁶² Цит. по: *Krug P. F. Russian Public Physicians and Revolution: The Pirogov Society, 1917–1920: Ph.D. diss. University of Wisconsin, 1979. P. 219.*

до революции он состоял в руководстве Пироговского общества и при этом являлся членом партии большевиков⁶³. Большинство земских врачей большевиками не были, но многие из них тем не менее стали ведущими советскими чиновниками здравоохранения — в том числе А. Н. Сысин, Д. К. Заболотный, Л. А. Тарасевич и Е. И. Марциновский⁶⁴. Кроме того, Петр Николаевич Диатропов, тоже находившийся в руководстве Пироговского общества, стал главой Ученого медицинского совета в Наркомате здравоохранения⁶⁵. Николай Федорович Гамалея, ведущий дореволюционный бактериолог, занял при советской власти пост директора Института оспопрививания в Ленинграде, а Альфред Владиславович Мольков, бывший президент Пироговской комиссии по распространению гигиенических знаний, в 1920-е годы возглавлял советский Институт социальной гигиены⁶⁶. Практически никто из руководителей туберкулезной секции Наркомата здравоохранения не состоял в большевистской партии до революции — вместо этого они были членами Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом⁶⁷. Одна из врачей, Эсфирь Мироновна Конюс, недвусмысленно заявила, что советская медицина с ее упором на профилактические меры и социальную гигиену происходит от дореволюционной социальной медицины⁶⁸.

Таким образом, в структуре советской системы здравоохранения воплотился целый ряд различных составляющих: антикапитализм и этатизм большевистской идеологии, централизация как средство борьбы со свирепствующими в стране эпидемиями, вера земских врачей в социальную медицину с упором на всеобщее бесплатное

⁶³ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1976. Т. 24. Кн. I. Статья «Соловьев Зиновий Петрович». Доступна на сайте bse.sci-lib.com/article104350.html.

⁶⁴ *Hutchinson J. F.* Politics and Public Health in Revolutionary Russia. P. 187.

⁶⁵ Большая медицинская энциклопедия: В 35 т. 1-е изд. / Гл. ред. Н. А. Семашко. М., 1929. Т. 9. С. 154–155.

⁶⁶ *Bernstein F. L.* «What Everyone Should Know about Sex»: Gender, Sexual Enlightenment, and the Politics of Health in Revolutionary Russia, 1918–1931: Ph.D. diss. Columbia University, 1998. P. 137.

⁶⁷ *David M. Z.* The White Plague in the Red Capital. Ch. 3.

⁶⁸ *Конюс Э. М.* Общественная и культурно-просветительная работа медицинского персонала по охране материнства и младенчества / Под ред. В. П. Лебедевой. М.: ОММ МКЗ, 1928. С. 7–8.

здравоохранение, профилактику, оздоровление и гигиену⁶⁹. Кроме того, переломным моментом, отразившим общее изменение в правительственной бюрократии, стало создание Наркомата здравоохранения. Он обеспечил не только то централизованное и единообразное управление здравоохранением, которого не было при самодержавии, но и триумф специалистов по медицине. В царское время ограниченное медицинское наблюдение осуществлялось из Министерства внутренних дел, под руководством юристов и чиновников, не имевших медицинского образования. Другими словами, царская бюрократия была авторитарной и при этом неспециализированной. Впрочем, к концу царской эпохи верхние слои бюрократии все чаще включали в себя специалистов и профессионалов, а в Первую мировую войну влияние экспертов еще более возросло⁷⁰. При советской власти специалисты заняли посты чиновников — в Наркомате здравоохранения управленческие функции оказались в руках врачей. Кроме того, если при царях бюрократические учреждения (в первую очередь Министерство внутренних дел) могли заниматься самой разнообразной деятельностью, то каждый из наркоматов имел свою специализацию⁷¹. Таким образом, создание Наркомата здравоохранения привело к тому, что контроль над здравоохранением оказался в руках специалистов и государства.

СОЦИАЛЬНАЯ ГИГИЕНА

В своей книге о заразных болезнях в Европе XIX — начала XX века Питер Болдуин указывает, что стратегии предупреждения заболеваний могли опираться на одно из двух представлений о причинах их распространения. Врачи делали упор либо на то, что болезнь развивается путем заражения, либо на факторы среды, позволяющие ей развиваться. Первый подход подталкивал к созданию кордонов и карантинных, преграждавших путь носителям болезни, а второй

⁶⁹ Хатчинсон приходит к выводу, что Наркомат здравоохранения «гораздо больше почерпнул из русского опыта и традиции, чем из большевистской идеологии» (*Hutchinson J. F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia*. P. 202).

⁷⁰ *Orlovsky D. T. Professionalism in the Ministerial Bureaucracy on the Eve of the February Revolution of 1917 // Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History / Ed. H. D. Balzer. Armonk (N.Y.), 1996. P. 270–271.*

⁷¹ *Rowney D. K. Transition to Technocracy*. P. 186–187.

заставлял уделять особое внимание санитарным мероприятиям и улучшению жизненных условий, чтобы болезнь предотвратить. Многие историки здравоохранения считали, что выбор в пользу одной из этих стратегий определялся политической системой и культурой страны: к примеру, немецкие авторитарные традиции способствовали карантинному подходу и активному вмешательству в жизнь индивидуума, а британский либерализм располагал к стратегии улучшения среды, то есть к той, что защищала индивидуальные свободы⁷². Болдуин, однако, оспаривает это допущение. Он считает, что шаги по профилактике заболевания, которые предпринимали национальные правительства, нельзя объяснять исключительно спецификой политической системы. Вместо этого он видит целое созвездие факторов, оказывавших влияние на стратегию здравоохранения, — геоэпидемиологических, структурно-управленческих и коммерческих, — соотношение которых со временем могло изменяться даже в рамках одной и той же политической системы⁷³.

Советская стратегия здравоохранения — ярчайший случай, позволяющий проверить утверждение Болдуина. Конечно, советская политическая система была авторитарной диктатурой, относившейся к индивидуальным свободам безо всякого уважения. Но советские чиновники решительно делали выбор в пользу фактора среды, а не карантинного подхода. Разумеется, в годы Гражданской войны, когда свирепствовали эпидемии, власти прибегли к карантинам, однако это лишь подтверждает слова Болдуина о том, что подход к профилактическим мерам может изменяться и в рамках одного государства. В целом же советское правительство, несмотря на свою авторитарную природу, делало упор на гигиену, питание, образ жизни и другие факторы среды — что опять-таки подтверждает доводы Болдуина. Вместе с тем причины ориентации на факторы среды выходили за рамки геоэпидемиологических, структурно-управленческих и коммерческих соображений, на которые он

⁷² См.: *Ackerknecht E. H. Anticontagionism between 1821 and 1867 // Bulletin of the History of Medicine. 1948. Vol. 22. No. 5 (September — October). P. 565–568.*

⁷³ *Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 12, 242–243.* Болдуин также указывает, что некоторые методы, ставившие во главу угла фактор среды, могли означать более активное вмешательство, чем карантинные меры. P. 535.

указывает. Чтобы объяснить советскую стратегию в сфере здравоохранения, мы должны рассмотреть также российские медицинские традиции и революционную политику.

В своей статье 1919 года «Задачи народного здравоохранения в Советской России» нарком Семашко ставил во главу угла оздоровление, профилактику, а кроме того, «бесплатность и общедоступность медицинской помощи»⁷⁴. Особое внимание он уделял социальной гигиене — сфере здравоохранения, которая подразумевала, что болезнь столь же свойственна обществу в целом, как и телу человека. Считая, что социальные условия и профилактика важнее клинической медицины и лечения, социальные гигиенисты видели в здоровье не только биологическую, но и социологическую составляющую. Семашко полагал, что советские врачи должны быть социологами в не меньшей степени, чем биологами, и испытывать не меньшую заинтересованность в предотвращении болезней, чем в лечении их⁷⁵. Принципы гигиены, профилактики и бесплатного медицинского обслуживания стали в советском здравоохранении ведущими.

Хотя Семашко стремился провести различие между советским здравоохранением и капиталистической медициной, в его идеях социальной гигиены было немало заимствований из иностранных моделей и дореволюционных традиций. Подобно другим русским врачам, он вдохновлялся немецкими пионерами здравоохранения, работавшими в конце XIX столетия, такими как Альфред Гротьян⁷⁶. При том что земские врачи уже активно применяли принципы социальной гигиены, Наркомат здравоохранения под руководством Семашко пошел еще дальше — закрепил эти идеи, превратив их в ведущий принцип советской медицины⁷⁷. Сам Семашко стал

⁷⁴ Цит. по: *Bolshevik Visions: First Phase of the Cultural Revolution in Soviet Russia* / Ed. W. G. Rosenberg. Ann Arbor, 1990. P. 148–149.

⁷⁵ *Семашко Н. А. Социальная гигиена, ее сущность, метод и значение // Социальная гигиена. 1992. № 1. С. 5–11.* Цит. по: *Gross Solomon S. Infertile Soil: Heinz Zeiss and the Import of Medical Geography to Russia, 1922–1930 // Doing Medicine Together: Germany and Russia between the Wars* / Ed. S. Gross Solomon. Toronto, 2006. P. 267.

⁷⁶ *Starks T. The Body Soviet. P. 47.* См. также: *Weissman N. Origins of the Soviet Health Administration.*

⁷⁷ Как сообщает Штефан Плаггенборг, Семашко, в 1917 году вернувшийся вместе с Лениным из швейцарской ссылки, был, после долгих лет жизни в Западной Европе потрясен российской антисанитарией и во

профессором новой дисциплины — социальной гигиены (в Московском государственном университете), а также редактором нового журнала под названием «Социальная гигиена». К 1923 году в ведущих вузах страны появились кафедры социальной гигиены, а кроме того, был организован Государственный институт социальной гигиены — с целью координировать и стандартизировать изыскания по новой дисциплине в масштабах всей страны⁷⁸. Российских эпидемиологов и бактериологов заставили работать вместе с социальными гигиенистами (как они делали и в дореволюционное время) и признать в своих исследованиях важность социально-бытовых условий. Ведущий иммунолог Лев Тарасевич в докладе для секции здравоохранения Лиги Наций в 1922 году перечислил следующие причины эпидемий в России: «...скудное и недостаточное питание; грязь из-за нехватки мыла и белья; холод в домах; переуплотнение жилищ; в высшей степени неудовлетворительные условия поездок по железной дороге; недостаток санитарных и медицинских технических средств»⁷⁹. Даже советские бактериологи, объясняя распространение инфекционных заболеваний, подчеркивали важность образа жизни и значение диет⁸⁰.

Видное место, отводившееся социальной гигиене, показывает, что хотя советское здравоохранение следовало международной тенденции к социальной медицине и профилактике, оно вместе с тем сохраняло свои характерные черты, основанные на российской медицинской культуре. В то время как во многих других странах повышенное внимание к оздоровлению и социальной работе сменилось в конце XIX века упором на бактериологию и санитарную технику, советские специалисты и в 1920-е годы продолжали

многим поэтому так активно ратовал за улучшение гигиены (см.: *Plaggenborg S. Revolutionskultur: Menschenbilder und Kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln, 1996. S. 85–87*).

⁷⁸ *Gross Solomon S. Infertile Soil. P. 267.*

⁷⁹ Цит. по: *Ibid. P. 268.* Тарасевич помог организовать кампании массового прививания, которые осуществлялись Земским союзом в годы Первой мировой войны, и вслед за тем основал Контрольный институт сывороток и вакцин, игравший важнейшую роль в Наркомате здравоохранения. См.: *Hachten E. A. How to Win Friends and Influence People: Heinz Zeiss, Boundary Objects, and the Pursuit of Cross-National Scientific Collaboration in Microbiology // Doing Medicine Together. P. 168–169.*

⁸⁰ *Gross Solomon S. Infertile Soil. P. 268.*

делать акцент на социальных, а не бактериологических причинах заболеваний. К примеру, Е. И. Яковенко, советский специалист по социальной статистике, сравнивая советских чиновников здравоохранения с их социологическим подходом к эпидемиям и немецких бактериологов, следовавших Коху, решительно высказывался в пользу первых⁸¹. Конечно, социальные гигиенисты и бактериологи во многом сходились. Как первые, так и вторые считали, что свежий воздух, чистая вода, чистота в повседневной жизни и чистота тела необходимы для предупреждения болезней, и стремились улучшить здоровье людей при помощи государственного вмешательства. Но, поскольку в российской медицинской мысли господствовало стремление объяснять болезни действием факторов среды, социальная гигиена в 1920-е годы была влиятельнее, чем бактериология и общая гигиена, а специалисты считали, что болезнь — это в большей степени социальный феномен, нежели биологический. В поиске социальных причин заболевания советские социальные гигиенисты использовали целый ряд социологических методологий: антропометрию, демографию и анамнез⁸².

Окончание Гражданской войны означало для здравоохранения переход от оборонительной тактики (борьба с эпидемиями) к наступательной — к созданию здоровых условий для жизни и труда. Впрочем, советскому правительству не хватало ресурсов для осуществления своих замыслов по части создания обширной и централизованной системы здравоохранения. В 1922 году Наркомат здравоохранения передал большинство медицинских учреждений на баланс местных властей, у которых тоже недоставало ресурсов, что привело к урезанию медицинских услуг⁸³. Советские врачи исходили из того, что услуги здравоохранения будут предоставлять

⁸¹ Ibid. P. 268.

⁸² Gross Solomon S. The Expert and the State in Russian Public Health: Continuities and Changes Across the Revolutionary Divide // The History of Public Health and the Modern State. P. 194–203. На самом деле картина была еще более сложной. Специалисты по общей гигиене и бактериологи были соперничающими группами, проводившими свои исследования разными методами (при помощи соответственно санитарной статистики и лабораторных исследований). См.: Eadem. Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930 // Health and Society in Revolutionary Russia. P. 175–176.

⁸³ ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 12. Д. 169. Л. 26; Weissman N. Origins of the Soviet Health Administration. P. 108. Советское руководство даже отказалось от прежде

диспансеры. Диспансерный метод подразумевал, что врачи будут не только изучать симптомы своих пациентов и лечить их, но и посещать дома и фабрики, давая советы по поводу гигиены, безопасности и диеты⁸⁴. Диспансерный метод был изобретен в Англии в XVIII веке и активно применялся русскими земскими врачами в конце XIX века — в особенности членами Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом, построившими на данном методе всю свою стратегию⁸⁵. Это был наиболее удобный подход в условиях нехватки денег и к тому же соответствовавший принципам социальной гигиены с ее особым вниманием к социально-бытовым условиям, профилактике и насаждению гигиенических норм.

Помимо прочего, чиновники Наркомата здравоохранения стремились улучшить здоровье населения при помощи пропаганды телесной и домашней гигиены. Подобные меры были типичными для кампаний по улучшению здоровья населения, проходивших по всему миру в конце XIX — начале XX века. К примеру, немецкие чиновники здравоохранения увещевали людей мыться, чистить свою одежду и постельные принадлежности, сдерживать сморкание, плевки и кашель и сводить к минимуму контакты между членами семьи⁸⁶. Публикации Наркомата здравоохранения крайне подробно инструктировали советских граждан, как чистить разные части своего тела, одежду и постельное белье. В «Руководство для бойца пехоты» Красной армии входило положение, что «каждый военнослужащий обязан строго следить за выполнением правил личной гигиены, причем первое и основное правило — чистота тела и одежды». Устав также требовал, чтобы солдаты мыли руки перед едой и чистили зубы утром и вечером. Школьные учебники по гигиене

опубликованного запрета на лотереи, чтобы позволить местным властям собирать деньги на здравоохранение: Бюллетень Наркомздрава. 1922. 15 июля. С. 1.

⁸⁴ *Burton C. Medical Welfare during Late Stalinism: A Study of Doctors and the Soviet Health System, 1945–1953*. Ph.D. diss. University of Chicago, 2000. P. 28–29.

⁸⁵ *Starks T. The Body Soviet*. P. 51.

⁸⁶ *Weindling P. Health, Race, and German Politics*. P. 226–227. Тенденция к более масштабному государственному вмешательству в целях насаждения гигиены, хотя и была всеобщей, в разных странах проявлялась по-разному. К примеру, в Англии в XIX веке инспекторы здравоохранения сформулировали правила, позволявшие в соответствии с принципами либерализма защитить частную жизнь британцев. См.: *Otter C. The Victorian Eye: A Political History of Light and Vision in Britain, 1800–1910*. Chicago, 2008. P. 123–132.

тоже делали упор на «режим чистоты» и подчеркивали роль школьного врача в обучении как детей, так и родителей правильной гигиене тела⁸⁷. Социальные гигиенисты проводили опросы, собирая данные о прогрессе населения в данной сфере, к примеру проверяя, чтобы у рабочих на одной из ленинградских фабрик было по крайней мере три пары нижнего белья⁸⁸. Обнаружив в одном московском бараке, что у рабочих имеется лишь по одной зубной щетке на несколько человек или вообще нет зубных щеток, медицинские инспекторы запустили кампанию за гигиену зубов⁸⁹. Опросы и инспектирования соединяли в себе функции обучения и сбора информации. В одной из анкет рабочим задавались десятки вопросов об их «гигиенических привычках»: есть ли у них свое полотенце, как часто они моются и чистят зубы, как часто меняют свое постельное белье и т. д.⁹⁰ Таким образом, рабочие, заполнявшие эти анкеты, могли задуматься о собственном поведении в повседневной жизни и сравнить его с нормой, которую подразумевала анкета.

Советские чиновники здравоохранения, подобно своим коллегам в других странах, считали жилище человека главным полем боя против болезней. Жилищная инспекция в Западной Европе появилась еще до конца XIX века, но именно в конце века муниципальные власти начали применять новые методы каталогизирования и надзора. Так, власти Парижа собрали данные по всем жилым зданиям в городе, записывая каждый случай смерти от инфекционной болезни, и в 1893 году создали санитарные отделы для инспектирования квартир⁹¹. К началу межвоенного периода жилищное инспектирование стало значительно более профессиональным и рутинным, и социальные работники в разных европейских странах перешли к вмешательству в повседневную жизнь проблемных

⁸⁷ За здоровый культурный быт: Сборник статей. М.; Л., 1931. С. 39; *Малиновский М. С., Шварцман Е. М.* Гигиена женщины. 3-е изд. М.; Л., 1935. С. 3–4, 12–13, 34–35; *Мольков А. В.* Школьная гигиена. М.; Л., 1937. С. 22, 163.

⁸⁸ Гигиена и здоровье. 1936. № 20. С. 12–13.

⁸⁹ Клуб. 1929. № 10. С. 39–40. Дальнейшее обсуждение гигиены зубов см. в кн.: *Starks T.* The Body Soviet. P. 173–175.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 387. Л. 3–9. Выражаю признательность Трисии Старкс, обратившей мое внимание на эту анкету.

⁹¹ *Barnes D. S.* The Making of a Social Disease: Tuberculosis in Nineteenth-Century France. Berkeley, 1995. P. 112–120.

семей. В Италии, к примеру, самые разные эксперты — от врачей и социальных работников до участниц женских фашистских организаций — посещали дома, проводили инспектирование и давали советы о том, что следует изменить. Они обращали внимание на гигиену, диету, воспитание детей и «рационализацию» домашнего хозяйства⁹².

Хотя предполагалось, что это вмешательство в домашнюю жизнь является научным и объективным, оно влекло за собой ценностные суждения экспертов по поводу образа жизни и морали людей, которых они стремились перевоспитать. То, что писали советские врачи, пусть и политически благосклонные к рабочим, отражает отвращение образованных медицинских служащих при виде того, как жили представители низших классов. Я. Трахтман, заклеив «некультурность» и «темноту» населения, продолжал: «Мы живем в грязи, нечистоплотны, небрежливы. Оттого и болеем и умираем от заразных болезней, многих из которых уже и в помине нет у культурных народов»⁹³. Образ жизни крестьян врачи подвергли еще более резкой критике. Один советский автор отмечал, что крестьяне обитают в темных избах «без окон» и спят в постелях, на которых столько «коросты и грязи, что всякие паразиты и микробы живут припеваючи»⁹⁴. Советские медработники в Казахстане, несмотря на свои научные знания о микроорганизмах, тоже считали образ жизни и обычаи казахских кочевников средством передачи болезни, а то и ее причиной⁹⁵. Эта критика показывает, как эксперты использовали научные объяснения, чтобы оправдать презрение, которое они испытывали по отношению к низшим классам и национальным меньшинствам.

Впрочем, по сравнению со своими западноевропейскими коллегами советские доктора, как правило, были мягче в суждениях. Некоторые британские правительственные чиновники заявляли, что в физическом вырождении населения виноваты бедные

⁹² *Horn D. G. Social Bodies.* P. 114.

⁹³ Гигиена и социалистическое здравоохранение. 1932. № 4–5. С. 58.

⁹⁴ За здоровый культурный быт. С. 23.

⁹⁵ *Michaels P. Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Soviet Central Asia.* Pittsburgh, 2003. Ch. 6. См. также: *Cavanaugh C. Backwardness and Biology: Medicine and Power in Russian and Soviet Central Asia, 1868–1934.* Ph.D. diss. Columbia University, 2001.

Меркантильери'ж У. С. Р. Р.

Владін Саносеґа.

ЧИСТОПА – ЗАЛОГ ЗДОРОВ'Я

МІНИЄСЯ З ВИМЛОМ І ВІТРАЄСЯ ОКРЕМИМ РУШНИКОМ, ВИЧІСУЙ ВОЛОСІ І СТРИЖИ НОГО.

Видання № 1, Харків, Друкарня «Народна Думка», Харків, Публікація № 11.

Ил. 3. Советский плакат, призывающий к соблюдению гигиены, 1920-е. «Чистота — залог здоровья» (Плакат RU/SU 940. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

жители многоквартирных домов — «люди обычно самого наихудшего типа, погрязшие во всех видах деградации и цинично безразличные к отвратительному окружению, причиной которого являются их омерзительные привычки»⁹⁶. Французские инспекторы, приходившие в трущобы, где жили рабочие, тоже высказывали моральные суждения по поводу бедняков и описывали их мерзкие запахи и грязь — неотъемлемую часть отталкивающей среды, порождающей болезни⁹⁷. В отличие от французских коллег, советские инспекторы здравоохранения считали, что причиной являются не какие-то качества, присущие рабочим, крестьянам и национальным меньшинствам, а условия жизни. В полном соответствии с традициями русской интеллигенции советские чиновники здравоохранения полагали, что просвещение и улучшение социально-экономических условий позволят поднять и облагородить массы.

Чтобы принудить людей к соблюдению санитарных норм в домашней жизни, Наркомат здравоохранения создал обширную систему жилищных инспекций. В 1920-е годы в жилых единицах появились «здрав-ячейки», в задачи которых входила помощь санитарным врачам в осуществлении инспектирований и принудительном наведении порядка⁹⁸. К 1935 году в Москве насчитывалось пятьдесят восемь «жилищно-санитарных инспекторов», девяносто два доктора и несколько сотен помощников, инспектировавших городские жилища и работавших полный рабочий день. Они имели право потребовать гигиенических улучшений и ввести «санитарные меры» в любом жилище, которое сочли бы грязным. Кроме того, советские жилищные инспекторы могли оштрафовать любого жильца, не поддерживавшего в своей квартире или доме достаточно высокий уровень гигиены⁹⁹. Рабоче-крестьянская

⁹⁶ PRO Parliamentary Papers. Microfiche 110.279. P. 23 (Inter-Departmental Commission on Physical Deterioration, 1904). О спектре различных английских теорий по поводу распространения болезни см.: *Woroboy M. Spreading Germs: Disease Theories and Medical Practice in Britain, 1865–1900*. Cambridge, 2000.

⁹⁷ *Barnes D. S. The Making of a Social Disease*. P. 112–122. Барнс приходит к выводу, что низшие слои общества, уже считавшиеся нецивилизованными и политически опасными, к 1900 году воспринимались и как биологическая угроза.

⁹⁸ *Starks T. The Body Soviet*. P. 67–68.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–4, 16.

инспекция (Рабкрин) также проводила осмотр жилья, больниц, кураторов и школ¹⁰⁰.

Кроме советских чиновников, дома посещали неофициальные жилищные инспекторы, тоже отдавая распоряжения об усовершенствованиях. В 1935 году на конференции Главной санитарной инспекции Наркомата здравоохранения один делегат сообщил, что в Западной Европе и США неправительственные организации играют важнейшую роль, помогая правительственным инспекторам в деле повышения гигиены в жилищах¹⁰¹. Советское правительство приняло этот подход, и нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе инициировал движение *жен-общественниц* — женщин-волонтеров, которые стали обучать рабочих гигиене и инспектировали их жилье. На Всесоюзном совещании, положившем начало движению, Орджоникидзе объявил, что эти женщины принесут «чистоту и порядок» в дома рабочих и столовые, где те обедают¹⁰². Движение жен-общественниц было методом мобилизации представительниц элиты в целях повышения уровня здоровья и гигиены рабочих. Власти называли жен директоров заводов и инженеров большой культурной силой, громадной культурной армией, несущей порядок в рабочие квартиры¹⁰³.

Опора советского правительства на женщин как на неофициальных жилищных инспекторов отражала гендерные стереотипы, согласно которым дом был преимущественно женской сферой деятельности. Действительно, советская пропаганда гигиены в целом подчеркивала роль женщин в создании здорового и гигиеничного жилья. Если мужчины представляли далекими от домашней жизни или играющими в ней небольшую роль, то женщины изображались

¹⁰⁰ Там же. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 4. Л. 2–4; Там же. Ф. 4085. Оп. 12. Д. 385. Л. 104. Об инспекциях см. также: ЦАГМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 72. Л. 45–46, 67; ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 6. Л. 39–40.

¹⁰² Всесоюзное совещание жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности: Стенографический отчет. М., 1936. С. 8. О создании этого движения см. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 255. Л. 14–16; ГАРФ. Ф. 7709. Оп. 6. Д. 2. Л. 126–129.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 20. Д. 22. Л. 2; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 255. Л. 2–3. См. также: *Maier R. Die Hausfrau als Kul'turtreger im Sozialismus: Zur Geschichte der Ehefrauen-Bewegung in den 30er Jahren // Kultur im Stalinismus / Hrsg. G. Gorzka. Bremen, 1994. S. 39–45.*

**4. Чистое, светлое жилище—защита от чахотки (туберкулеза).
 Дайте доступ в ваше жилище солнечному свету
 и свежему воздуху.**

Иллюстрация: Н. Мухоморова

И. Мухоморова. Иллюстрация: Н. Мухоморова.
 Печатный дом: «Детская», Москва, 6. Печатаем в 1920-е.

Ил. 4. Советский плакат, призывающий к борьбе с туберкулезом, 1920-е. «Чистое, светлое жилище — защита от чахотки (туберкулеза). Дайте доступ в ваше жилище солнечному свету и свежему воздуху» (Плакат RU/SU 1198.2. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

занятыми приготовлением здоровой еды, заботой о маленьких детях и обеспечением чистоты в доме¹⁰⁴. Попытка превратить население страны в более здоровое, эффективное и рациональное общество требовала внедрения новых норм здоровья и гигиены, и в домашней сфере советская власть поручила это дело женщинам.

¹⁰⁴ Starks T. The Body Soviet. P. 66.

Обширные усилия отнюдь не означали, что условия жизни в Советском Союзе соответствовали требованиям гигиены. В годы индустриализации советское руководство бросило практически все ресурсы на строительство заводов и фабрик. Таким образом, жилищные условия ухудшались в то самое время, когда быстрая урбанизация требовала возведения нового жилья и улучшения старого. Множество горожан оказалось в переполненных коммунальных квартирах, кишачих крысами бараках, неотпливаемых лачугах и землянках — и гигиенические стандарты сильно снизились¹⁰⁵. Советские чиновники, не располагавшие ресурсами для расширения жилой площади и улучшения ее качества, все больше вводили меры наблюдения и регулирования в целях сохранения здоровья населения. Один московский инспектор заметил, что в его квартале люди живут главным образом в грязных и переполненных бараках, и рекомендовал для улучшения положения увеличить число инспекторов и собирать больше штрафов¹⁰⁶.

Поле социальной гигиены, оставаясь сфокусированным на факторах среды, расширилось и, помимо чистоты тела и жилища, включило в себя кампании против алкоголя и курения. Медицинские работники в Советском Союзе, как и в других странах, связывали алкоголь и табак с болезнями и дегенерацией¹⁰⁷. Советские врачи заявляли, что алкоголь играет большую роль в распространении венерических заболеваний, а курение нарушает аппетит и приводит к повреждениям нервной системы¹⁰⁸. Участники совещания по борьбе с алкоголизмом, прошедшего в 1925 году под эгидой Наркомата труда, отнесли болезни, несчастные случаи

¹⁰⁵ *Hoffmann D. L. Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941.* Ithaca, 1994. P. 136–141.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 6. Л. 18.

¹⁰⁷ Исследования, проведенные во Франции, к примеру, указывали на то, что алкоголь делает тело более подверженным туберкулезу, и связывали как употребление алкоголя, так и табакокурение с «вырождением французского населения». См.: *Barnes D. S. The Making of a Social Disease.* P. 138–141, 162–163; *Schneider W. H. Quality and Quantity.* P. 15.

¹⁰⁸ *Малиновский М. С., Шварцман Е. М. Гигиена женщины.* С. 26–28; *Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи.* 1926. № 16. С. 10. Более подробный рассказ о советских кампаниях по борьбе с курением см. в кн.: *Starks T. The Body Soviet.* P. 178–183.

и падение производительности рабочих на счет пьянства¹⁰⁹. Стремясь сократить потребление алкоголя населением, советские чиновники начали затяжную (и по большей части неэффективную) борьбу с пьянством¹¹⁰. Поборники трезвости в других странах издавна проводили подобные кампании, но если там часто обращались к религии, в СССР все было наоборот. Советские чиновники изображали религию и религиозные праздники подстрекательством к пьянству и часто совмещали антиалкогольную пропаганду с антирелигиозной¹¹¹.

Кроме того, чиновники Наркомата здравоохранения считали, что в нарушениях здоровья и дефектах физического развития виноваты плохое питание и нехватка витаминов¹¹². Уже в 1919 году Центральное статистическое управление собрало данные по «влиянию современных условий питания на заболеваемость»¹¹³. В 1920-е годы советские диетологи установили нормы питания, исходя из статистических методов и лабораторных исследований по немецкой технологии¹¹⁴. Но решить проблему нехватки питательных веществ было сложно: коллективизация сделала еду труднодоступной и даже привела к голоду. Исходя из того, что пищи все равно не хватает, советские чиновники старались определить минимальную достаточную дозу калорий для рабочих и самый эффективный способ обеспечить

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 7062. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 255. Л. 66; Правда. 1937. 22 декабря. С. 2; ЦАГМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 173. Л. 1. Более подробно об этом см.: *Phillips L. L. Bolsheviks and the Bottle: Drinking and Worker Culture in St. Petersburg, 1900–1929*. DeKalb, 2000; *Transchel K. Under the Influence*.

¹¹¹ *Starks T. The Body Soviet*. P. 185–186. Об антирелигиозной пропаганде см.: *Husband W. B. «Godless Communists»: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932*. DeKalb, 2000; *Peris D. Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless*. Ithaca, 1998.

¹¹² ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 806. Л. 243; Гигиена и санитария. 1936. № 2. С. 3–9. В 1903 году Британская межминистерская комиссия по физическому вырождению вина в ухудшении здоровья населения плохое качество еды, а также «неизлечимую лень и отвращение к обязанностям домашнего хозяйства», свойственные, по мнению комиссии, британским домохозяйкам (PRO Parliamentary Papers. Microfiche 110.279. P. 39–40).

¹¹³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 1. Л. 25–28.

¹¹⁴ Социальная гигиена: Руководство для студентов-медиков и врачей / Под ред. А. В. Молькова; вступ. ст. Н. А. Семашко. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 204–207.

(и нормировать) еду¹¹⁵. Гарантировать чистоту еды тоже было непростой задачей, что легко понять, принимая во внимание недоразвитие советской системы распределения пищи. Государственная санитарная инспекция создала специальный отдел санитарного надзора за пищей, который сосредоточился на «борьбе с грызунами и вредителями на пищевых предприятиях»¹¹⁶.

На протяжении всей своей истории советское здравоохранение продолжало ориентироваться на дух социальной гигиены. Вместе с тем само движение социальной гигиены прекратило свое существование во время «Великого перелома», в конце 1920-х годов. Среди прочих беспартийных специалистов, подвергнутых решительной критике в ходе «Великого перелома», были и врачи, в первую очередь технократы, не интересовавшиеся политикой. Многие доктора земской эпохи, которые помогали в создании Наркомата здравоохранения и в руководстве им, оказались под ударом из-за отсутствия связи с марксизмом. В особенности пострадали социальные гигиенисты, поскольку их убежденность в том, что причиной болезней являются плохие социально-экономические условия жизни, приводила к мысли о безуспешности усилий советского правительства по улучшению жилищных условий в первое десятилетие его пребывания у власти¹¹⁷. Более того, когда началась первая пятилетка, индустриализация оказалась важнее таких вопросов, как здоровье, гигиена или условия жизни.

Атака на специалистов по социальной гигиене привела к обновлению медицинского персонала. Хотя большинство врачей продолжали свои исследования, некоторые из беспартийных специалистов были заменены «красными» врачами — членами партии, прошедшими обучение в советскую эпоху, людьми, чья верность была несомненной. Более того, в эти годы советское правительство урезало

¹¹⁵ Автор одного из исследований взяла за образец немецкую экономику военного времени и рекомендовала создать в Советском Союзе «гармонично развитое национальное хозяйство, независимое от капиталистического окружения» (Хмельницкая Е. Л. Военная экономика Германии, 1914–1918 гг. М.; Л., 1929. С. 235).

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–2. См. также: Работница и крестьянка. 1936. № 1. С. 11.

¹¹⁷ Gross Solomon S. The Expert and the State in Russian Public Health. P. 206–208.

финансирование исследований по социальной гигиене и передало деньги клиникам, поставив на первое место задачу обслуживания индустриализации. Новый санитарный врач должен был разбираться в промышленной безопасности и санитарных технологиях, а не в социальной критике¹¹⁸. Нарком Семашко, поборник социальной гигиены, был заменен в 1930 году. Новый нарком здравоохранения, Михаил Владимирский, хотя и работал в дореволюционную эпоху в Московской губернской санитарной организации, перестал делать упор на социальную гигиену и проводить разделение между профилактической медициной и клинической¹¹⁹.

Действуя в духе пятилетки, советские врачи начали подчеркивать практическую пользу медицины для лечения индустриальных рабочих, а не меры общей гигиены, способствующие улучшению здоровья всего населения. Владимирский назвал врачей, охраняющих здоровье рабочих, «строителями социалистического хозяйства» и заявил, что все медработники теперь «участники большевистского наступления... Мы начали с цеха, где здравоохранение становится частью производственного плана»¹²⁰. На смену диспансерам, обслуживавшим тот или иной географический район, пришли «здравпункты» на фабриках, предназначенные для рабочих. Ожидалось, что такие же медицинские услуги будут оказываться крестьянам в колхозах, но большая часть ресурсов была направлена на промышленные предприятия. Врачи по-прежнему стремились предоставлять всестороннее медицинское обслуживание, обращая внимание на гигиену и питание, но отдавали приоритет промышленным рабочим¹²¹. Государственные затраты на здравоохранение и гигиену тоже были в первую очередь нацелены на промышленных рабочих¹²². Советское здравоохранение в годы

¹¹⁸ Gross Solomon S. The Expert and the State in Russian Public Health. P. 206–208.

¹¹⁹ Большая медицинская энциклопедия. 1-е изд. М., 1928. Т. 5. С. 150.

¹²⁰ Гигиена и социалистическое здравоохранение. 1932. № 1. С. 2.

¹²¹ Там же. С. 16–17; Там же. № 6. С. 39; Burton C. Medical Welfare during Late Stalinism. P. 34–36.

¹²² РГАСПИ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 7. Л. 45; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 33. Л. 8–11. О санитарном минимуме, который советское правительство устанавливало для заводов, см.: Davis C. M. Economics of Soviet Public Health, 1928–1952 // Health and Society in Revolutionary Russia. P. 162.

первой пятилетки отличалось всесторонним подходом, но отнюдь не было всеобщим.

На этом этапе обеспечение здоровья населения из аполитичной и теоретически ориентированной сферы трансформировалось в более политизированную и практичную программу, нацеленную на советские задачи индустриализации и социальной трансформации. Впрочем, сами эти задачи были лишь проявлением более масштабных устремлений многих мыслителей-технократов. Как я уже отметил во введении, «Великий перелом» положил начало более политизированной, революционной попытке добиться полностью рационального и модернизированного общества. Хотя в годы «Великого перелома» страна отказалась от беспартийных специалистов и их методов постепенного улучшения, она не отказалась от их цели построить здоровое современное общество. Научное здравоохранение и гигиена продолжали играть важную роль, хотя и были подчинены партийной задаче индустриализации.

После того как в 1934 году было сообщено о достижении социализма, советское здравоохранение вновь стало более универсальным. Считая, что буржуазные классы «ликвидированы», партийные деятели стали видеть во всех членах общества важных участников социалистического порядка. Конституция 1936 года гарантировала всем советским гражданам бесплатное медицинское обслуживание. А в третью пятилетку (1938–1941) существенно выросли траты на здравоохранение, в том числе на строительство общедоступных больниц и клиник¹²³. В конце 1930-х годов советские чиновники удвоили свои усилия по отслеживанию распространения заболеваний и Центральное статистическое управление начало собирать данные по каждой болезни и смерти для каждого административного подразделения¹²⁴. Наркомат здравоохранения вновь сосредоточился на оздоровлении населения и предупреждении заболеваний. Чиновники стремились

¹²³ Burton C. Medical Welfare during Late Stalinism. P. 34–36. Бартон объясняет, что в ходе четвертой пятилетки (1946–1950) советское руководство продолжало стремиться к всеобщему охвату населения медицинскими услугами и в первую очередь занималось их продвижением в сельской местности (Ibid. P. 39, 105–108).

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–28; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 44–52. См. также прежде засекреченную статистику причин смерти в конце 1930-х годов: Там же. Ф. 1562. Секретная часть [далее — С. ч.]. Оп. 329. Д. 392. Л. 2–22.

улучшить гигиену в сельской местности при помощи регулирования качества питьевой воды и строительства бань¹²⁵.

Таким образом, достижения советского здравоохранения были в большой степени аналогичны достижениям в социальном обеспечении. Черпая из традиций дореволюционной интеллигенции, советские чиновники и врачи стремились приподнять массы, улучшив их здоровье и жилищные условия. В частности, нарком Семашко и многие беспартийные врачи, ставшие советскими чиновниками, отдавали предпочтение социальной гигиене и профилактике. Их универсализированный подход вначале страдал из-за нехватки ресурсов, а затем, в годы первой пятилетки, был заменен системой, ставившей на первое место индустриальных рабочих и пренебрегавшей нуждами здравоохранения остального населения. Однако после своего заявления, что социализм построен, партийное руководство вернулось к более универсальному подходу к здоровью граждан, стремясь при помощи бесплатных медицинских услуг и программ гигиены улучшить здоровье всего населения.

Вернемся к аналитическим рамкам, которые я обозначил в начале этой главы. Советское правительство, будучи диктатурой, в вопросах предотвращения заболеваний отдавало предпочтение фактору среды, а не карантинному подходу, что служит подтверждением критического взгляда Болдуина, выступающего против точки зрения, отождествляющей карантинный подход с политическим авторитаризмом. Считая, что объяснения стратегий профилактики должны выходить за рамки политических систем, Болдуин обращает внимание на такие факторы, как геоэпидемиология, и даже высказывает предположение, что карантинный режим не был вызван авторитарными политическими традициями, а, напротив, будучи ответом на угрозу эпидемии, способствовал формированию авторитаризма¹²⁶. Впрочем, советское правительство, несмотря на более сильную угрозу эпидемий, чем в любой другой европейской стране, ограничилось временным применением карантинных мер,

¹²⁵ Гигиена и здоровье. 1936. № 24. С. 10–11. Несмотря на все эти усилия, уровень здравоохранения не соответствовал принятым нормам, особенно в сельской местности (см.: РГАЭ. Ф. 1562. С. ч. Оп. 329. Д. 407. Л. 2–9; ГАРФ. Ф. 7062. Оп. 1. Д. 123. Л. 1; ЦАГМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 11. Л. 21–23).

¹²⁶ *Baldwin P. Contagion and the State in Europe. P. 563.*

отдавая предпочтение подходу, основанному на факторе среды, — защищая здоровье населения путем улучшения гигиены и питания и насаждая рациональный образ жизни. Эта ориентация на среду объясняется российскими медицинскими традициями, сформировавшимися в социальном контексте царской России, где интеллигенция защищала угнетенные массы и стремилась поднять их в социальном плане. Не менее важную роль сыграли революционные политические изменения, которые привели радикальную интеллигенцию к власти, отбросив в сторону монархический консерватизм и насадив идеологию социальной трансформации и равенства.

В некотором роде советский случай был уникальным для Европы, но в нем не было ничего аномального, если сравнивать СССР с другими отстававшими в развитии странами, такими как Мексика, Иран или Турция. В этих странах врачи придерживались подобного же этоса, стремясь к модернизации общества при помощи улучшения здоровья и условий жизни масс¹²⁷. Подобно русским врачам, мексиканские и иранские врачи испытывали комплекс неполноценности и чувство национального позора, сравнивая уровень инфекционной заболеваемости в своей стране и в «цивилизованных» странах. Они тоже видели в науке и в здравоохранении средство осуществления социокультурной трансформации, которая позволит модернизировать общество и облегчить страдания крестьян и рабочих. Более того, мексиканские гигиенисты даже разделяли идеологическую ориентацию советских врачей, обвиняя церковь и капитализм в невежестве народа и его плохом здоровье и распространяя здравоохранение на бедные слои населения во имя равенства¹²⁸. Таким образом, в отстающих странах крестовый

¹²⁷ Bliss K. E. For the Health of the Nation: Gender and the Cultural Politics of Social Hygiene in Revolutionary Mexico // *The Eagle and the Virgin: Nation and Cultural Revolution in Mexico, 1920–1940* / Eds. M. K. Vaughan and S. E. Lewis. Durham, 2006. P. 197; Afkhami A. A. Defending the Guarded Domain: Epidemics and the Emergence of an International Sanitary Policy in Iran // *Comparative Studies of South Asia, Africa, and the Middle East*. 1999. Vol. 19. No. 1. P. 122; Ilikan C. G. Tuberculosis, Medicine, and Politics: Public Health in Early Republican Turkey: M. A. thesis. Boğaziçi University, 2006. P. 81.

¹²⁸ Bliss K. E. For the Health of the Nation. P. 198, 203; Schayegh C. A Sound Mind Lives in a Healthy Body. P. 167–168. В колониальной Индии врачи тоже видели в науке и медицине средство модернизации своего общества. Но поскольку западная медицина была сферой действия колониальных администраторов,

поход врачей под знаменем модернизации и социального прогресса соединился с усилиями по защите здоровья населения и привел их в деле предотвращения болезней к опоре на фактор среды.

ИНОСТРАННЫЕ ВЛИЯНИЯ В СОВЕТСКОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Параллели между стратегиями здравоохранения в Советском Союзе и в других странах можно отчасти объяснить сходством забот и способов мышления: государственные деятели сочли здоровье населения своих стран жизненно важным ресурсом, а современная медицина доказала необходимость решения проблем здравоохранения на общественном уровне. Но кроме того, схожие черты в здравоохранении объяснялись и механизмами, которые специалисты разработали в целях распространения медицинских познаний и технологий. К началу межвоенного периода медицина стала поистине международной наукой благодаря поездкам ученых на иностранные стажировки, публикациям и международным конференциям. Эти механизмы позволяли советским врачам и чиновникам здравоохранения знакомиться с теми методами лечения и медицинского обслуживания, которые применяли их заграничные коллеги¹²⁹.

Чтобы наладить контакты и установить сотрудничество с иностранными медицинскими специалистами, Наркомат здравоохранения создал в феврале 1921 года Бюро заграничной санитарной информации. Оно ставило своей целью информировать жителей Западной Европы и США об успехах советского здравоохранения, собирать сведения о достижениях западной медицины и облегчать контакты между советскими и иностранными учеными,

индийские врачи стали создавать собственную разновидность современной медицины, которая вмещала бы ряд индийских идей и традиций. См.: *Arnold D. Science, Technology, and Medicine in Colonial India*. New York, 2000. P. 16–17.

¹²⁹ Вдобавок ко всему прочему, члены Академии наук посетили Германию, Великобританию и Францию, наблюдая за тем, как в этих странах организованы и работают исследовательские институты. См.: *Graham L. R. The Formation of Soviet Research Institutes: A Combination of Revolutionary Innovation and International Borrowing // Social Studies of Science*. 1975. Vol. 5. No. 3 (August). P. 314.

подвизающимися на ниве медицины¹³⁰. В следующие два десятилетия Бюро отслеживало медицинские идеи и практики в других странах. Оно публиковало доклады, посвященные британской медицинской системе, структуре французского Министерства здравоохранения, принципам ухода за здоровьем в США (с упором на санитарии, детское здоровье и профилактическую медицину), доклады о здравоохранении в Японии, практиках охраны здоровья, находящихся на вооружении датского Министерства гигиены и немецкого Министерства здравоохранения¹³¹. Для сбора информации об иностранном здравоохранении Бюро содержало филиалы за границей. Лондонский филиал, к примеру, ежедневно писал о деятельности в сфере здравоохранения. Он освещал такие темы, как работа государственной комиссии по диетам и здоровью, публичные лекции о важности солнечного света, выставки по домашней санитарии и публикации по заводской технике безопасности¹³².

Кроме того, чиновники Бюро заграничной санитарной информации облегчали (и отслеживали) обмены между советскими и иностранными врачами. Они организовывали заграничные поездки для советских врачей и приглашали иностранных медицинских служащих в Советский Союз, сохраняя всю переписку между советскими и иностранными врачами и собирая отчеты советских докторов, ездивших за рубеж¹³³. Эта система сбора информации позволяла советскому правительству не только следить за связями с заграницей и за обменами, но и привносить в СССР иностранные врачебные идеи и практики. К примеру, директор Государственного микробиологического института в Ростове-на-Дону доложил о своем путешествии на конференцию по скарлатине, проходившую в Кенигсберге, и в один из медицинских институтов Берлина. Он перечислил немецких ученых, которых встретил, и описал немецкие методы профилактики и лечения скарлатины¹³⁴. Как я уже

¹³⁰ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 8. Л. 9.

¹³¹ Там же. Д. 1. Л. 10–42.

¹³² Там же. Д. 144. Л. 213–238, 314–330.

¹³³ Там же. Д. 52. Л. 111–196. Эта переписка также иллюстрирует роль Бюро в покупке лекарств за границей и в приобретении иностранной медицинской литературы.

¹³⁴ Там же. Д. 340. Л. 24.

сказал, Бюро занималось и пропагандой достижений советского здравоохранения. Один беспартийный советский врач вскоре после посещения Великобритании написал английскому чиновнику здравоохранения письмо, в котором выражал беспокойство по поводу того, что никто в Западной Европе не признает достижений советского руководства в сферах здравоохранения и образования. Свое письмо он заключил так: «Большевики сейчас являются единственной сильной партией, которые [sic] могут спасти (и уже раз спасли) Россию, а с ней и Европу от анархии, голода и господства черни»¹³⁵.

Именно под эгидой Бюро заграничной санитарной информации советские врачи посещали международные медицинские конференции. С точки зрения вопросов здравоохранения, которые на них рассматривались, эти мероприятия представляли собой широкий спектр — от Международной конференции по малярии, прошедшей в Риме в 1925 году, до Международного конгресса по психогигиене, состоявшегося в 1930 году в Вашингтоне¹³⁶. В одном лишь 1935 году отдел гигиены при Бюро отправил делегатов на двенадцать различных конференций, а также на сессии Международного бюро общественной гигиены, проходившие раз в полгода в Париже. Советские врачи возвращались с подобных конференций полные новых идей и познакомившись с новейшими методиками в сферах обеспечения гигиены и здоровья¹³⁷. Вдобавок к этому Наркомат здравоохранения принимал иностранных ученых, приезжавших на советские конференции, — к примеру, делегацию немецких докторов, посетивших в 1925 году в Харькове Всесоюзный конгресс по венерическим заболеваниям¹³⁸.

Еще одним каналом, обеспечивавшим доступ в Советский Союз новых медицинских принципов и практик, стали международные организации. Еще до революции в России начал действовать Международный Красный Крест¹³⁹. Когда вскоре после революции совет-

¹³⁵ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 8. Л. 8.

¹³⁶ Там же. Д. 138. Л. 4; Там же. Д. 314. Л. 10.

¹³⁷ Там же. Д. 604. Л. 1.

¹³⁸ Там же. Д. 162. Л. 22. См. также: Gross Solomon S. The Soviet-German Syphilis Expedition // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. No. 2 (summer). P. 204–232.

¹³⁹ О Красном Кресте, основанном в 1863 году в Женеве, см.: Roemer M. I. Internationalism in Medicine and Public Health // *The History of Public Health and the Modern State*. P. 409.

ское правительство стало брать под контроль медицинский персонал и медицинское имущество, это привело к ошибочной конфискации имущества Красного Креста. В конце апреля 1918 года советское руководство исправило ошибку, заявив, что «все прерогативы Русского Красного Креста как отделения международного общества Красного Креста сохраняются»¹⁴⁰. Советская власть не только позволила Красному Кресту действовать независимо, но и воспользовалась в Гражданскую войну и в 1920-е годы его опытом¹⁴¹.

В 1921–1923 годах Американская администрация помощи (American Relief Administration — ARA, или, по-русски, АРА) накормила и обеспечила медицинскими услугами миллионы советских граждан¹⁴². Медицинский отдел АРА помог лекарственными средствами и советами более чем 5 тысячам больниц и клиник по всей стране. Кроме того, он сделал 8 миллионов прививок и боролся за улучшение санитарных условий, с тем чтобы остановить эпидемии. Руководство АРА даже рассматривало масштабный проект ликвидации педикулеза во всем Поволжье с целью остановить распространение сыпного тифа, но в итоге предпочло создать сеть амбулаторий, диспансеров, «санитарных поездов» и станций дезинфекции. Кроме того, АРА начала работу по очищению питьевой воды и дезинфекции станций помощи голодающим и наблюдала за этими процессами. Наконец, американские врачи внесли свой вклад в борьбу советских коллег с эпидемией, познакомив их с самыми разными методами лечения, а также с оборудованием и лекарствами¹⁴³.

Лига Наций тоже оказала влияние на советское здравоохранение, предложив ряд идей по профилактике эпидемических заболеваний. В 1922 году она провела международную конференцию в Варшаве, посвященную угрозе инфекционных заболеваний в России. Чиновники Лиги Наций утверждали, что российская эпидемия сыпного тифа является международной проблемой, требующей вмешательства на наднациональном уровне ради спасения здоровья

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 1а. Л. 36.

¹⁴¹ Там же. Д. 26. Л. 93; *Revue internationale de la Croix Rouge*. 1924. Vol. 63. P. 190.

¹⁴² См.: *Patenaude B. M. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford, 2002.

¹⁴³ *Fisher H. H. The American Relief Administration in Russia, 1921–1923*. New York, 1943. P. 20–24.

и стабильности в Европе. Участники конференции объявили о сборе суммы в 1,5 миллиона фунтов стерлингов для создания на территории России и Украины цепочки пунктов по борьбе с педикулезом¹⁴⁴. Хотя финансирование со стороны Лиги Наций оказалось недостаточным, ее комиссия все же посетила Россию, Украину и Белоруссию в целях проведения эпидемиологического исследования и организации занятий по профилактике для советских врачей. Комиссия сообщила, что сыпной тиф в Советском Союзе распространяют люди, спасающиеся из голодных регионов, и рекомендовала взять под контроль передвижение населения (вместе с тем признав невозможность выполнения этой рекомендации)¹⁴⁵. К 1923 году в Москве находился постоянный представитель Эпидемиологической комиссии Лиги Наций, распределявший среди московских врачей иностранные книги по медицине. В этом же году делегация советских врачей посетила международные курсы Лиги Наций по улучшению санитарных условий, проводившиеся в Великобритании, Нидерландах и Швейцарии¹⁴⁶. Семашко приветствовал помощь от Организации здравоохранения Лиги Наций (как и от других иностранных групп, например от Фонда Рокфеллера) и сам посетил конференцию Лиги Наций по гигиене, состоявшуюся в Женеве также в 1923 году¹⁴⁷.

Международные связи советских врачей позволили им освоить новые подходы к общественному здоровью и вселили в них уважение к заграничному медицинскому обслуживанию¹⁴⁸. В советских медицинских журналах часто публиковались переводные статьи и сравнивались санитарные условия и лечение в СССР и в других странах. Приведем всего один пример. Напечатанная в 1926 году статья «Борьба с туберкулезом в Германии» сообщала, что немецкие медицинские работники обнаружили связь между плохими условиями жизни, в том числе жилищными, и распространением туберкулеза. Автор заключал, что советские врачи должны, подобно

¹⁴⁴ Weindling P. Epidemics and Genocide in Eastern Europe. P. 168–169.

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 40. Л. 46, 81–82.

¹⁴⁶ Там же. Д. 46. Л. 3–4, 8. См. также: Там же. Д. 644. Л. 95–104 (по поводу конференции Лиги Наций, проведенной в 1935 году и посвященной гигиене).

¹⁴⁷ Weindling P. Epidemics and Genocide in Eastern Europe. P. 171.

¹⁴⁸ См., например: Социальная гигиена: Руководство для студентов-медиков. С. 148–155.

их немецким коллегам, считать туберкулез «не только заразной, но и социальной болезнью»¹⁴⁹.

Хотя некоторые заграничные идеи повлияли на политику СССР в сфере здравоохранения, другие так и не укоренились. В частности, советские медицинские работники в большинстве своем отвергали расовую патологию, несмотря на популярность подобной тематики в других странах, прежде всего в Германии. В 1928 году несколько советских ученых во главе с Николаем Кольцовым основали Общество по изучению расовой патологии и географического распространения болезней. Впрочем, Кольцов так и не дал точного определения расы и призвал в целях понимания общей картины заболеваний исследовать климат, питание и общественную жизнь, а также генетику. В течение всего лишь трех лет общество практически перестало существовать. Как объясняет Сьюзен Гросс Соломон, русские патологи, за редкими исключениями, никогда не испытывали особого интереса к расовой патологии. Вместо этого они сосредотачивали свое внимание на факторах среды, в том числе таких, как климат, экономика и условия труда. При обсуждении рас они обычно отрицали, что расовая принадлежность играет какую-либо роль в распределении болезней¹⁵⁰. Отрицание расовой патологии советскими врачами отражало тот факт, что расистский и биологизирующий подход не соответствовал ни русским медицинским традициям, ни марксизму, предпочитавшим фактор среды биологическому. В других случаях советские деятели здравоохранения не отказывались от идей иностранных специалистов, но изменяли их в соответствии с собственной медицинской ориентацией. Так, советские специалисты по санитарной статистике, горячо желая быть частью международного

¹⁴⁹ Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1926. № 18. С. 13. Статья также сообщала, что в США и Великобритании имеются специальные колонии для больных туберкулезом, где они могут работать, не рискуя заразить других. Кроме того, в правительственных докладах часто сравнивались уровни заболеваемости в Советском Союзе и в других странах (см.: ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 214. Л. 4–30).

¹⁵⁰ *Gross Solomon S. Infertile Soil.* P. 265–266. Напротив, авторы немецких медицинских докладов о Восточном фронте в Первую мировую войну описывали евреев как источник эпидемий и указывали, что осуществлять профилактику болезней и добиться чистоты возможно лишь в том случае, если заменить евреев другой расой (см.: *Weindling P. Epidemics and Genocide in Eastern Europe.* P. 102).

медицинского сообщества, вместе с тем предпочитали свою собственную систему классификации болезней, подчеркивавшую социальное происхождение недугов в гораздо большей степени, чем это делала стандартная международная система¹⁵¹.

Аналогичная картина заимствования-изменения наблюдалась в советских исследованиях здоровья и труда. Важность физического труда для промышленного производства стала причиной международного движения за изучение и защиту производительности рабочей силы, ценность которой порой выражалась в чисто экономических терминах. Сикар де Плезоль, французский специалист по евгенике, работавший в межвоенный период, составил математическую формулу, позволявшую подсчитать ценность каждого индивидуума для общества: бралась экономическая продуктивность человека в течение жизни и из нее вычитались расходы на его содержание опять же в течение жизни¹⁵². Подобным же образом рассуждал и ведущий советский специалист по евгенике Александр Серебровский, жаловавшийся на то, что цифры первой пятилетки совершенно не учитывают «биологическое качество населения»¹⁵³. А нарком Владимирский в своей статье «Борьба с заболеваемостью даст промышленности новые ресурсы» подсчитал, что болезни рабочих в 1930 году обойдутся советской экономике более чем в 2 миллиарда рублей¹⁵⁴. Чтобы гарантировать здоровье и производительность индустриальных рабочих,

¹⁵¹ См.: *Gross Solomon S. Les statistiques de santé publique dans L'Union Soviétique des Années Vingt: Coopération internationale et tradition nationale dans un cadre post-révolutionnaire // Annales de Démographie Historique. 1997. Vol. 84. P. 19–44.* По словам Яна Хакинга, когда в разных странах мира возникла своя статистическая наука, у нее всегда были национальные особенности (*Hacking I. The Taming of Chance. P. 17*).

¹⁵² *Schneider W. H. Quality and Quantity. P. 179–180.*

¹⁵³ Цит. по: *Adams M. B. Eugenics as Social Medicine in Revolutionary Russia: Prophets, Patrons, and the Dialectics of Discipline-Building // Health and Society in Revolutionary Russia. P. 216.*

¹⁵⁴ *Владимирский М. Ф. Борьба с заболеваемостью даст промышленно-сти новые ресурсы // На фронте здравоохранения. 1930. № 13–14.* Цит. по: *Davis C. M. Economics of Soviet Public Health. P. 162.* С начала 1920-х годов чиновники Наркомата здравоохранения, в том числе и заместитель наркома Соловьев, связывали здоровье населения с производительностью труда и объемом производства. См.: ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 11. Д. 58. Л. 44–53; *Field M. Soviet Socialized Medicine. P. 62.*

специалисты по трудовой гигиене проводили исследования по различным темам — от воздействия промышленных токсинов до правильной позы для рабочих¹⁵⁵. Кроме того, они отслеживали несчастные случаи на производстве и рекомендовали повышенные меры безопасности, поддержание чистоты на рабочем месте и механизацию промышленного труда¹⁵⁶. Специалисты по трудовой гигиене и предлагаемые ими меры безопасности иногда попадали под огонь критики — как тормозящие рост промышленного производства¹⁵⁷. Хотя в принципе советская трудовая политика предусматривала защиту здоровья рабочих, спешность, с которой партийные деятели проводили индустриализацию, оказывалась важнее многих соображений безопасности¹⁵⁸.

Помимо наблюдения за здоровьем и безопасностью рабочих, специалисты по трудовой гигиене изучали способы максимального повышения производительности. Профессиональные рационализаторы производства, работавшие в специальных лабораториях, проводили физиологические исследования с целью выработать для индустриальных рабочих идеальную технику труда. Их исследования отнюдь не ограничивались вопросами освещения и вентиляции на фабриках — они изучали воздействие «биологических и социально-экономических» факторов на производительность труда рабочих¹⁵⁹. Ведущий журнал на эти темы, «Гигиена труда», знакомил советских ученых с новейшими европейскими исследованиями промышленной физиологии, технологии, предотвращения несчастных случаев на производстве и по вопросам рационализации производства. К примеру, этот советский журнал напечатал резюме исследований «лейкоцитоза при физических упражнениях» и «относительной ценности различных углеводных смесей для восста-

¹⁵⁵ Социальная гигиена: Руководство для студентов-медиков. С. 250–251; Каплун С. И. Общая гигиена труда. М.; Л., 1940.

¹⁵⁶ Гигиена труда. 1934. № 3. С. 24; Там же. № 4. С. 3–5.

¹⁵⁷ Siegelbaum L. H. Okhrana Truda: Industrial Hygiene, Psychotechnics, and Industrialization in the USSR // Health and Society in Revolutionary Russia. P. 235–240.

¹⁵⁸ К примеру, на некоторых угольных шахтах количество несчастных случаев в год составляло 650 на тысячу рабочих (см.: РГАЭ. Ф. 1562. С. ч. Оп. 329. Д. 407. Л. 52–58).

¹⁵⁹ Гигиена труда. 1934. № 1. С. 13; Там же. № 5. С. 27–29.

новления организма от усталости», опубликованных в английском *Journal of Industrial Hygiene*¹⁶⁰.

Кроме того, советские специалисты по рационализации производства изучали психологические последствия индустриального труда и способы свести к минимуму неврологический стресс. Ведущий советский психолог Арон Залкинд писал в 1930 году, что «социалистическое строительство требует максимального, планового использования всех наук, связанных с вопросами психоневрологии человека». Он стремился повысить производительность труда «рабочих масс» при помощи исследования «производственной психоневрологии», психологии, двигательных навыков и педологии¹⁶¹. Советская индустриальная психология являлась частью более обширного, международного движения. В начале 1920-х годов психотехнические институты были основаны в Великобритании, во Франции, Германии, Италии, Польше и Японии, а также в Советском Союзе. Более того, международный психотехнический конгресс по созданию единой терминологии психотехнического движения был проведен в 1931 году в Москве. В рамках общего стремления заменить хаос свободного рынка рациональным использованием рабочей силы возникли такие новые разделы знания, как психология труда и проверка на профессиональную пригодность¹⁶².

Советские специалисты по рационализации производства всячески стремились к достижению максимально возможной производительности труда, что, помимо прочего, проявилось в образе гибрида человека и машины. Машина, возможно, наиболее ярко персонализировала прогресс и способность к совершенствованию, и, с точки зрения некоторых, она стала образцом для трансформации человека¹⁶³. Ряд европейских мыслителей XIX века утверждали, что человеческое тело, подобно машине, является двигателем,

¹⁶⁰ Гигиена труда. 1934. № 1. С. 13; Там же. № 3. С. 93.

¹⁶¹ Психоневрологические науки в СССР: Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Под ред. А. Б. Залкинда. М., 1930. С. 5–8. См. также: Гигиена труда. 1934. № 5. С. 30–32.

¹⁶² *Rabinbach A. The Human Motor: Energy, Fatigue, and the Origins of Modernity. New York, 1990. P. 274–278.*

¹⁶³ *Clark T. The «New Man's» Body: A Motif in Early Soviet Culture // Art of the Soviets: Painting, Sculpture, and Architecture in a One-Party State, 1917–1992 / Eds. M. Cullerne Bown and B. Taylor. New York, 1993. P. 36.*

преобразующим энергию в механическую работу. Они считали, что общество должно сохранять, использовать и расширять энергию трудящегося человеческого тела и соразмерять движения тела с движениями машины. К 1890-м годам появилась такая отрасль знания, как «научная организация труда», а в XX веке научные рассуждения о телесном труде звучали на парламентских дебатах и публиковались в социологических трактатах, программах либеральных реформ и социалистических брошюрах¹⁶⁴.

Некоторые советские деятели приняли на вооружение этот машинный идеал, представляя себе людей, чей труд будет рационально использоваться для максимального повышения производительности всего общества в целом. В 1928 году Николай Бухарин призывал «в кратчайший срок произвести определенное количество живых рабочих, квалифицированных, специально вышколенных машин»¹⁶⁵. Кинорежиссер Дзига Вертов писал: «Новый человек, освобожденный от грузности и неуклюжести, с точными и легкими движениями машины, будет благодарным объектом кино съемки»¹⁶⁶. Идеал человека-машины был популярен в межвоенный период и среди немецких мыслителей, но там он принял совершенно иной облик. Немецкая версия человека-машины была связана с милитаризмом, последовавшим за Первой мировой войной. Эрнст Юнгер писал о новой породе людей-машин, «бесстрашных и прекрасных, не боящихся крови и не знающих жалости, новой расе, которая строит машины и доверяет машинам, для которой машины не бездушное железо, а орудие могущества»¹⁶⁷. Напротив, советская версия человека-машины не имела милитаристского

¹⁶⁴ *Rabinbach A.* The Human Motor. P. 2–8.

¹⁶⁵ *Бухарин Н. И.* Выступление на I Педологическом съезде // На путях к новой школе. 1928. № 1. Цит. в: *Clark T.* The «New Man's» Body. P. 36.

¹⁶⁶ *Вертов Д.* МЫ. Вариант манифеста // Вертов Д. Из наследия. М.: Эйзенштейн-центр, 2008. Т. 2: Статьи и выступления. Опубликовано на сайте teatre.info/my-variant-manifesta/. Цит. в: *Fritzsche P., Hellbeck J.* The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany // Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared / Eds. M. Geyer and S. Fitzpatrick. Cambridge, 2009 (см. рус. пер.: За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М.: РОССПЭН, 2011).

¹⁶⁷ *Jünger E.* Cope 125: A Chronicle from the Trench Warfare of 1918. New York, 1988. P. 21. Цит. по: *Fritzsche P., Hellbeck J.* The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany. P. 310.

оттенка, будучи вместо этого связанной с идеалом труда. Алексей Гастев, ведущий советский тейлорист, развивал идеи автоматизации людей в целях повышения производительности их труда. Он создал в Москве Центральный институт труда, где исследовались физиологические аспекты трудовой деятельности, и обучал рабочих, добиваясь повышения производительности их труда. Конечная цель Гастева состояла в установлении симбиоза между человеком и машиной, чтобы рабочие восприняли ритм и эффективность движений фабричного оборудования и стали похожими на роботов-производителей продукции, с идеально дисциплинированными умами и телами¹⁶⁸.

Идеи Гастева имели огромное влияние, но вместе с тем встречали и сопротивление. Многие специалисты по трудовой гигиене опасались, что он ставит эффективность выше безопасности и здоровья рабочих¹⁶⁹. Что еще более важно, многие рабочие и левые коммунисты выступали против методов тейлоризма, который использовал Гастев, так как считали, что речь идет о самой настоящей капиталистической эксплуатации. Ленин был всецело на стороне Гастева и поддержал в 1920 году создание Института труда, в следующем году переименованного в Центральный институт труда. Оправдывая свой подход, Ленин заявлял, что «крупнейший капитализм создал такие системы организации труда, которые при условии эксплуатации масс населения были злейшей формой порабощения... но которые в то же самое время являются последним словом научной организации производства, которые должны быть приняты Социалистической Советской Республикой, которые должны быть переработаны ею в интересах... повышения производительности труда»¹⁷⁰. Идеи Гастева окончательно одержали верх лишь в нача-

¹⁶⁸ Stites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. Oxford, 1989. P. 152–154. Об идеях Платона Керженцева, советского специалиста по производительности труда, стремившегося «внедрить научные принципы не только в экономическую или производственную деятельность человека, но и в любую работу или организованную деятельность», см.: Ibid. P. 155–159.

¹⁶⁹ Siegelbaum L. H. *Okhrana Truda*. P. 226–227.

¹⁷⁰ Ленин В. И. *Очередные задачи Советской власти* // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 36. С. 140; Bailes K. E. *Technology and Society under Lenin and Stalin*. P. 50–52.

ле 1930-х годов, когда кампания индустриализации потребовала не только достижения оптимальной производительности, но и быстрого обучения миллионов бывших крестьян промышленному труду¹⁷¹.

Хотя главной заботой партийных деятелей в первую пятилетку было организовать труд в целях обеспечения промышленного производства, советский идеал труда не являлся полностью утилитарным. Согласно советской идеологии, труд помогал людям достичь самореализации. Он превратился, по словам Сталина, в «дело чести, дело славы, дело доблести и геройства»¹⁷². Повышение производительности труда рабочих было не только средством достижения больших объемов производства, но и само по себе целью — реализацией потенциала рабочих как людей и как советских граждан. В рассказах о стахановцах подчеркивались не только рекорды производительности труда, достигнутые этими героями-рабочими, но и их собственное преобразование в граждан культурных и образованных¹⁷³. Таким образом, принятая в СССР доктрина труда напоминала усилия, предпринимаемые в других странах в целях повышения производительности труда, однако шла дальше, подчеркивая роль труда в изменении мышления и поведения людей.

Подведем итог. Мы видим как сходства, так и различия в здравоохранении в Советском Союзе и в других странах. Международное распространение медицинских идей немало повлияло на советское здравоохранение в 1920-е и 1930-е годы. Иностранцы ввели противоэпидемические меры, в том числе прививки, карантин и методы дезинфекции. Советские медицинские чиновники охотно приняли самые различные иностранные методы профилактики и лечения заболеваний. В то же время импортные теории и практики часто приобретали отчетливо советский облик или полностью отбрасывались. Советские врачи объясняли

¹⁷¹ Hoffmann D. L. Peasant Metropolis. P. 78–79.

¹⁷² Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Сталин И. В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 12. С. 315.

¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 251. Л. 238; Работница и крестьянка. 1936. № 6. С. 11; Культурная работа профсоюзов. 1938. № 5. С. 48. См. также: Siegelbaum L. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. Ch. 6.

распространение болезней в первую очередь общественными условиями и по большей части отвергали расовое медицинское мышление. Специалисты по трудовой гигиене и промышленной психологии стремились добиться от советских рабочих максимальной производительности труда, но вместе с тем видели в нем возвышающее начало, которое призвано было преобразовать человеческую психику и помочь в создании нового советского человека¹⁷⁴. Можно сделать вывод, что советские программы здравоохранения отражали как международное распространение идей, так и идеологические и медицинские особенности Советского Союза. Подобное же сочетание иностранных влияний и советской исключительности характеризовало и физическую культуру.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ МИЛИТАРИЗАЦИЯ

Физическая культура была еще одним способом, при помощи которого советские чиновники стремились получить здоровое и физически крепкое население. В межвоенный период программам физической культуры уделялось огромное внимание — как в СССР, так и в других странах по всему миру. И, подобно тому как это было с прочими программами здравоохранения, советское руководство отслеживало иностранные физкультурные мероприятия. Врачи Наркомата здравоохранения считали физические упражнения способом поддержания физического здоровья и производительности труда. Но как в СССР, так и в других странах физической культурой интересовались и армейские офицеры: в их глазах она была одним из видов военной подготовки. На первых порах физическая культура в СССР представляла в первую очередь средством обеспечить здоровое развитие человеческого ума и тела и повысить производительность труда. Однако к концу 1930-х годов физкультура все больше окрашивалась в милитаристские тона и нередко превращалась в разновидность военной подготовки — опять-таки подобно тому, как это было в других странах.

Уже в конце XIX века спортивные программы играли роль военной подготовки, укрепляя молодых людей физически и обеспечивая

¹⁷⁴ Более подробно о новом советском человеке см. главу 4.

им чувство политического единства¹⁷⁵. Командный спорт учил сотрудничеству и солидарности, а групповые занятия гимнастикой означали синхронизацию движений участников, что, казалось, объединяло тела и души людей. Во многих странах совместные занятия гимнастикой были нацелены на обеспечение национального единства. Основав в XIX веке немецкое гимнастическое движение, Фридрих Людвиг Ян стремился таким образом способствовать объединению Германии. Групповые упражнения это движение сочетало с прогулками по сельской местности, призванными вернуть цельность и чистоту, присущие сельской жизни, и преодолеть городские отчужденность и разложение¹⁷⁶. Подобно немецким обществам «Турнен», чешскому «Соколу» и скандинавским гимнастическим движениям XIX века, в России гимнастика тоже использовалась для укрепления национальной солидарности. Первый русский гимнастический клуб был основан после поражения в Крымской войне, и в 1874 году отец русской гимнастики, Петр Лесгафт ввел в русской армии прусскую модель гимнастики¹⁷⁷. Царская власть позаимствовала и идею движения бойскаутов, основанного полковником Робертом Баден-Пауэллом после англо-бурской войны с целью обеспечить физическую и военную подготовку английских мальчиков. Русско-японская война наглядно продемонстрировала низкие физические качества русских новобранцев, и царские офицеры, знакомые с английским бойскаутским движением, в 1909 году создали первый отряд скаутов в России. К 1917 году 50 тысяч мальчиков и девочек состояли в скаутских отрядах, имевшихся в 143 русских городах¹⁷⁸.

¹⁷⁵ Первые программы физической культуры в Европе стали известны в 1820-е годы. К концу XIX века они достигли широкой популярности. См.: *Bernstein F. L. The Dictatorship of Sex*. P. 153.

¹⁷⁶ *Mosse G. L. The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*. New York, 1975. P. 50, 78.

¹⁷⁷ *Riordan J. Sport in Soviet Society: Development of Sport and Physical Education in Russia and the USSR*. Cambridge, 1977. P. 19–20. Русское гимнастическое движение «Сокол», возникшее в 1880-е годы, копировало чешское движение и опиралось на идеологию панславизма. См. также: *Ibid.* P. 35. Более подробное обсуждение физкультуры и досуга в царской России см. в кн.: *McReynolds L. Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*. Ithaca, 2003.

¹⁷⁸ *Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb, 2003. P. 133–134; *Riordan J. Sport in Soviet*

Накануне Первой мировой войны царское правительство стремилось к внедрению дополнительных программ физической подготовки. В январе 1914 года Совет министров издал директиву о физическом развитии населения Российской империи. Как указывалось, большинство европейских держав тратит немалые деньги на правильное физическое воспитание молодежи школьного возраста, готовя ее к военной службе. Директива содержала список шагов, необходимых, чтобы обеспечить государственную координацию и финансирование физической культуры в России. Физкультурные программы должны были сделать молодое поколение здоровым и сильным, а также помочь ему достичь нравственного здоровья¹⁷⁹. Когда война началась, Временный совет по делам физического развития народонаселения России при царском правительстве начал субсидировать спортивные клубы и выразил пожелание, чтобы все школы ввели уроки военной подготовки. Генерал В. Н. Воейков принял звание главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи и в 1915 году убедил царя выделить примерно 13 миллионов рублей на молодежные программы физической культуры¹⁸⁰.

После Первой мировой войны физическая культура в большинстве стран приобрела еще более милитаристский оттенок. Например, вождь республиканской Турции Мустафа Кемаль Ататюрк выступал в поддержку немецкой модели физической культуры, и турецкие молодежные спортивные клубы приняли на себя четко выраженные военные функции¹⁸¹. Однако советские вожди, напротив, описывали физическую культуру как средство повысить производительность труда и подготовить народ к уча-

Society. P. 35–36; История, теория и практика скаутизма: организационные вопросы. Документы и материалы / Под ред. Ю. В. Кудряшова. Архангельск, 1992. С. 36–37, 50–51. После революции скаутские организации были заклеены как буржуазные и распущены, но в 1922 году советское руководство создало аналогичную организацию (правда, основанную на принципе совместного обучения мальчиков и девочек) — пионерскую. Она тоже обучала детей физическим упражнениям, дисциплине, патриотизму и умению выживать под открытым небом.

¹⁷⁹ Особый журнал Совета Министров. 1914. № 1 (3 января). С. 1–6.

¹⁸⁰ *Sanborn J.* Drafting the Russian Nation. P. 136.

¹⁸¹ *Akin Y.* «Not Just a Game»: Sports and Physical Education in Early Republican Turkey (1923–1951): M. A. thesis. Boğaziçi University, 2003. P. 129–130, 136.

стию в строительстве социализма. Правительственный декрет от 1920 года «О физическом воспитании подрастающего населения» провозглашал, что «физические и умственные силы необходимы трудящемуся населению для поступательного движения на пути социального строительства». Декрет требовал введения физических упражнений во всех школах, а также факультативных спортивных программ, в том числе и для дошкольников, и в целом расширения сферы физической культуры в повседневной жизни¹⁸². Семашко писал, что физическая культура — «одно из самых главных наших звеньев», так как оно связано с умением трудиться¹⁸³. Официальные доклады заявляли: физическая культура — способ научить крестьян трудиться рационально и эффективно¹⁸⁴. Изучение производительности труда показало, что рабочие, делавшие зарядку перед началом рабочего дня и во время перерывов в работе, были более производительны, чем те, кто зарядки не делал¹⁸⁵. Один из специалистов по физкультуре, К. Мехоношин, утверждал, что физические упражнения научат молодых людей важности труда и позволят им добиваться более высокой его производительности¹⁸⁶.

Но физкультура была не только средством повышения производительности труда населения. Это был еще и способ изменить отношение людей к труду. В 1920-е годы советские специалисты по физкультуре создали новые дисциплины: трудовую гимнастику и трудовой спорт¹⁸⁷. Советские физкультурные зрелища сочетали в себе образы труда и спорта, перекликавшиеся с пророчеством Маркса о том, что труд станет удовольствием¹⁸⁸. Знаменитый советский театральный режиссер Всеволод Мейерхольд в докладе 1922 года под названием «Актер будущего и биомеханика» заявил, что актер «будет работать в условиях, где труд ощущается не как

¹⁸² ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 11. Д. 58. Л. 19.

¹⁸³ Семашко Н. А. Новый быт и половой вопрос. М.; Л., 1926. С. 15.

¹⁸⁴ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 11. Д. 58. Л. 9.

¹⁸⁵ Гигиена и социалистическое здравоохранение. 1932. № 4–5. С. 27–30.

¹⁸⁶ Мехоношин К. А. Физическое воспитание трудящихся // Физическая культура. 1923. № 3–4. С. 2–3. Цит. по: *Plaggenborg S. Revolutionskultur*. S. 81.

¹⁸⁷ *Plaggenborg S. Revolutionskultur*. S. 80.

¹⁸⁸ *Clark T. The «New Man's» Body*. P. 40.

проклятие, а как радостная жизненная необходимость»¹⁸⁹. Чтобы подготовить как рабочих, так и актеров к продолжительному, эффективному и эстетическому труду, Мейерхольд предписал особый режим для совершенствования человеческого тела. В частности, он предлагал преподавать курс «биомеханики» для актеров.

Физкультура, акробатика, танец, ритмика, бокс, фехтование — полезные предметы, но они только могут принести пользу, когда будут введены, как подсобные, к курсу «биомеханики», основному предмету и необходимому для каждого актера¹⁹⁰.

Таким образом, физкультура стала средством превращения работы в нечто радостное и связанное с самосовершенствованием.

Стремясь к продвижению здорового образа жизни, советские ученые начали разрабатывать методы физического усовершенствования. Московский институт физической культуры научным образом, при помощи физиологического наблюдения и экспериментирования, разработал методы физической подготовки¹⁹¹. Посредством лабораторных исследований советские физиологи установили нормы упражнений и отдыха. Одно из таких исследований доказывало, что «активный отдых» в виде ритмичных упражнений является самым эффективным способом восстановления энергии и работоспособности человеческого тела¹⁹². Физиолог С. И. Каплун связал «правильный отдых» с высокой производительностью труда, ссылаясь как на физиологические исследования (нервной системы и кровообращения), так и на эксперименты, связанные с производительностью труда в промышленности¹⁹³. Семашко в 1926 году признал необходимым, чтобы отдых «очищал» телесный организм «от вредных веществ, которые накапливаются в нем в результате

¹⁸⁹ Мейерхольд В. Э. Актер будущего и биомеханика. Доклад 12 июня 1922 года // Мейерхольд В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. М.: Искусство, 1968. Ч. II. С. 486.

¹⁹⁰ Там же. С. 489.

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 11. Д. 58. Л. 27.

¹⁹² Гимнастика на предприятиях и производительность труда. М., 1936. С. 25. См. также: Гигиена и социалистическое здравоохранение. 1932. № 4–5. С. 27–30.

¹⁹³ Каплун С. И. Общая гигиена труда. С. 91–92.

работы»¹⁹⁴. А чиновники Наркомата здравоохранения, отмечая, что дети рабочих не так здоровы, как дети крестьян, рекомендовали для детей «экскурсии, прогулки и другие способы естественного оздоровления»¹⁹⁵.

Кроме того, советское руководство подчеркивало, что физкультура — преграда на пути разложения. Сам Ленин говорил, что лучше всего «здоровый спорт — гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения», и заключал — «в здоровом теле здоровый дух»¹⁹⁶. В противовес традиционным видам досуга, в число которых могли входить распитие алкоголя, игра в карты и другие пороки, советский досуг должен был представлять собой часть сбалансированного образа жизни, улучшающего здоровье и повышающего жизненные силы человеческого организма. Комсомольская резолюция от 1926 года указывала, что физкультура — средство отвлечь молодежь от опасного влияния алкоголя и проституции¹⁹⁷. А один советский комментатор, наблюдавший спортивные упражнения, подчеркивал контраст между их свежестью, живостью, здоровой силой, с одной стороны, и упадочничеством танцев на американский лад с другой¹⁹⁸. Советский журнал, посвященный здоровью, отмечал, что правильно организованный досуг может так же эффективно восстановить человеческий организм, как сон, и вернуть «человеческой машине» энергию¹⁹⁹. Советские чиновники здравоохранения выступали за разделение ежедневной жизни на три

¹⁹⁴ Семашко Н. А. Новый быт и половой вопрос. С. 15.

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 11. Д. 19. Л. 68; Там же. Д. 58. Л. 8. Доклад 1934 года утверждал, что немцы проводят выходные на лоне природы, вдыхая свежий воздух и наслаждаясь солнечным светом, и эта деятельность способствует улучшению здоровья (см.: Там же. Ф. 7876. Оп. 2. Д. 153. Л. 5).

¹⁹⁶ Цеткин К. Ленин о морали и вопросах пола // Комсомольский быт: Сборник / Сост. И. Разин. М.; Л., 1927. С. 20. Доступно на сайте db.rgub.ru/youthlib/4/Komsomol%60skij_byt.pdf.

¹⁹⁷ Riordan J. Sport in Soviet Society. P. 107.

¹⁹⁸ Гвоздев А. Постановка «Д. Е.» в «Театре имени Вс. Мейерхольда» // Жизнь искусства. 1924. № 26. 24 июня. С. 6. Цит. по: Clark K. Petersburg. P. 162. Более подробно о советских предписаниях касательно времяпрепровождения молодежи см.: Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, 2000.

¹⁹⁹ Отдых и сон // Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1926. № 21. С. 2.

равных восьмичасовых сегмента: работа, сон и досуг. Этот подход, свойственный также фордизму и международным рабочим движениям, отражал не только интерес к досугу как к средству поддержания здоровья рабочих, но и стремление к всестороннему упорядочению быта²⁰⁰.

Физкультура отвечала и более масштабным устремлениям советского руководства — к восстановлению общественной гармонии и преобразованию человечества. Еще до революции хорошая физическая подготовка связывалась с умственным развитием и формированием гармоничной личности²⁰¹. Советские чиновники видели в физкультуре способ вырастить гармоничных индивидов, которые станут составными частями идеального общества. Доклад 1919 года о здоровье детей разъяснял, что здоровое тело означает и «здоровый дух», и связывал правильное физическое воспитание детей с «гармоничным развитием» личности²⁰². В 1920 году был опубликован доклад Наркомата здравоохранения под названием «Задачи физической культуры», сообщавший, что «медицина лечебная со всеми научными открытиями не в состоянии создать новой личности». Доклад провозглашал, что из всех доступных средств («новые социальные условия, культурно-просветительная работа, новое воспитание, санитарно-гигиенические мероприятия») физическая культура «наиболее будет способствовать физическому оздоровлению и гармоничному развитию личности»²⁰³.

Таким образом, согласно официальным декларациям, целью советской физкультуры была подготовка народа к строительству социализма. Но вместе с тем физкультура имела и военное значение. Офицеры Красной армии, пекущиеся о физическом состоянии

²⁰⁰ Более подробное обсуждение советского досуга см. в кн.: *Starks T. The Body Soviet*. P. 70–79.

²⁰¹ *Riordan J. Sport in Soviet Society*. P. 43. В Англии XIX века психофизиология тоже указывала на существование связи между физическим и ментальным состояниями человека — см.: *Haley B. The Healthy Body and Victorian Culture*. Cambridge (Mass.), 1978. P. 23. Рассел Тролл, американский поборник гимнастики в 1850-е годы, утверждал, что «люди от природы глупые» могут сделаться «сравнительно умными» при помощи гимнастических упражнений (*Green H. Fit for America: Health, Fitness, Sport, and American Society*. New York, 1986. P. 183).

²⁰² ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 11. Д. 19. Л. 77.

²⁰³ Там же. Д. 58. Л. 8.

населения, составляли и анализировали статистические данные о росте и весе всех новобранцев²⁰⁴. Врачи Красной армии проверяли всех призывников при помощи детально разработанных процедур и лабораторных испытаний: искали у них болезни, проверяли их зрение и слух, проводили психологические и неврологические наблюдения²⁰⁵. Результаты подобных проверок тщательно собирались и анализировались. Эти и прочие статистические данные позволяли советским специалистам по статистике отследить «физическое развитие молодежи» и установить связь между физическими характеристиками, с одной стороны, и различными регионами страны и национальностями, с другой²⁰⁶. Кроме того, они отслеживали, по каким причинам новобранцам не удавалось пройти призывную комиссию, и составляли таблицы данных, в которых упоминали такие болезни, как туберкулез, малярия, нервные расстройства, и такие проблемы со здоровьем, как глухота²⁰⁷.

В годы Гражданской войны физкультура стала обязательным предметом в школах, а Главное управление всеобщего военного обучения взяло под контроль существовавшие на тот момент гимнастические общества и спортивные клубы и расширило охват ими молодежи, стремясь обеспечить ее физическую подготовку²⁰⁸. В 1920 году советское руководство создало комиссии по проверке преподавания физкультуры в школах и обеспечения дошкольных физкультурных программ²⁰⁹. Кроме того, власти учредили «Дома физической культуры» — центры, которые должны были проводить научно-популярные занятия, посвященные физическим упражнениям, а именно лекции, выставки и физкультурные мероприятия под руководством специалистов²¹⁰. В июле 1925 года Центральный комитет РКП(б) отказался от несоревновательных физкультурных мероприятий (прежде преподносившихся как социалистическая

²⁰⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 434. Красная армия проводила свои собственные переписи всего населения. См.: Там же. Д. 120. Д. 356.

²⁰⁵ Там же. Д. 54. Л. 6.

²⁰⁶ Там же. Оп. 18. Д. 38. Л. 4–5; Там же. Д. 54. Л. 11–26.

²⁰⁷ Там же. Д. 40. Л. 1–8.

²⁰⁸ *Riordan J. Sport in Soviet Society. P. 69–76; Sanborn J. Drafting the Russian Nation. P. 351–374. См. также: Plaggenborg S. Revolutionskultur. S. 70–71.*

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 11. Д. 58. Л. 19–20.

²¹⁰ Там же. Д. 40. Л. 81.

альтернатива буржуазному спорту) и предписал более соревновательный подход к спорту и физкультуре²¹¹. Кроме того, последняя провозглашалась методом воспитания масс (поскольку она развивает силу воли, навыки работы в команде, выносливость, находчивость и другие полезные качества)²¹². На XVI съезде ВКП(б), состоявшемся в 1930 году, Сталин призвал подготовить молодое поколение к защите страны от иностранного нападения, и в этом же году советское руководство приняло новые меры по централизации физкультуры и включению ее в число главных приоритетов. Был создан Всесоюзный совет физической культуры при Центральном исполнительном комитете (ЦИК) СССР. В следующем году комсомол запустил программу физической тренировки под названием «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО)²¹³.

К концу 1930-х годов советская политика в сфере физкультуры оказалась под нарастающим влиянием иностранных физкультурных программ и в результате стала гораздо более милитаризованной. Как и в случае с программами здравоохранения, советские чиновники сознательно стремились отслеживать иностранные инициативы физического воспитания и подражать им. В 1930-е годы советское руководство нанимало зарубежных тренеров для обучения советских спортсменов и подготовки их к международным соревнованиям²¹⁴. Во Всесоюзном комитете по делам физической культуры и спорта при СНК СССР был отдел международных отношений, который занимался изучением физического воспитания в Европе, Северной Америке и Японии и регулярно составлял доклады на эту тему. Доклад о спорте в фашистских странах констатировал, что в нацистской Германии «вся нация должна заниматься физическими упражнениями. Физическое совершенствование мужчин и женщин крайне важно для государства, никто не имеет права уклоняться от обязанности развивать тело, укреплять

²¹¹ *Edelman R. Serious Fun: A History of Spectator Sports in the USSR. Oxford, 1993. P. 34.*

²¹² Известия Центрального Комитета РКП(б). 1925. 20 июля. Цит. по: *Riordan J. Sport in Soviet Society. P. 106.*

²¹³ *Bernstein F. L. The Dictatorship of Sex. P. 188; Riordan J. Sport in Soviet Society. P. 122.*

²¹⁴ *Keys B. Soviet Sport and Transnational Mass Culture // Journal of Contemporary History. 2003. Vol. 38. No. 3 (July). P. 420.*

здоровье»²¹⁵. Доклады правительству и статьи в прессе посвящались таким темам, как французские спортивные клубы, методы обучения японских пловцов, международные лыжные гонки, иностранные чемпионаты по футболу и Олимпийские игры 1936 года в Берлине²¹⁶. Эти обзоры позволяли советским чиновникам быть в курсе физической и военной подготовки в других странах и знакомили их с методами, которые можно было применить и в Советском Союзе.

Приведу такой пример. Советские чиновники следили за иностранными инициативами по продвижению женской физкультуры и воспроизводили их на территории СССР. Переводились статьи из американских журналов о том, как сделать спортивные мероприятия частью женского высшего образования²¹⁷. В 1934 году Всесоюзный совет физической культуры при ЦИК СССР превозносил пользу физического воспитания немецких женщин, утверждая, что женский спорт создает «хорошо развитых девушек, а также рожающих здоровых и крепких по виду детей». Дальнейшие рассуждения напоминали нацистскую идеологию: «...эту быструю трансформацию расы надлежит, без всякого сомнения, приписать физическому воспитанию... [Немецкие вожди] поняли, что только физическая культура может поддерживать и увеличивать капитал здоровья нации»²¹⁸. Через два года советское руководство созвало конференцию, на которой были запущены новые программы по продвижению женской физкультуры²¹⁹. Впрочем, в отличие от нацистской Германии, где взаимоотношения полов определялись эссенциализмом, в СССР подчеркивалась двойная роль женщины — как матери и как работницы. Соответственно, укрепление женской физической формы было призвано улучшить выполнение обеих ролей. Советские программы физкультуры и молодежные организации, в том числе пионерская организация и комсомол, отличались тем, что предполагали совместное обучение девочек и мальчиков. Этот факт отражал

²¹⁵ ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 153. Л. 2–3.

²¹⁶ Там же. Д. 245. Л. 2–6; Физкультура и спорт. 1937. № 1. С. 14; Там же. № 2. С. 4, 12; Там же. № 13. С. 15; ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 183. Л. 117.

²¹⁷ См., например: ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 210. Л. 1–10.

²¹⁸ Там же. Д. 153. Л. 5.

²¹⁹ Там же. Оп. 14. Д. 2. Л. 1.

REPUBLIQUE FRANÇAISE
MINISTÈRE DE LA GUERRE
DIRECTION DE L'ÉDUCATION

SECTION D'INSTRUCTION
D'ÉDUCATION PHYSIQUE

PRÉPARATION DE LA JEUNESSE FRANÇAISE AU SERVICE MILITAIRE

Jeunes Français !

Vous qui appartenez aux plus prochaines classes appelées à l'honneur de servir sous les drapeaux, préparez vous à tenir dignement votre place dans la phalange héroïque de vos aînés.

Afin d'assurer le triomphe de sa juste cause et de rendre complète, décisive et réparatrice la VICTOIRE de demain, la France réclame plus que jamais de ses enfants la vigueur et l'énergie.

Devenez donc *des forts*, au physique comme au moral.

Vous le voudrez, car il dépend de vous d'acquiescer cette force en fréquentant les séances de Préparation au Service Militaire. Vous y pratiquerez l'Éducation Physique et Sportive, tous les exercices de plein air susceptibles de faciliter plus tard votre tâche de soldat.

Par cette activité, vous aurez accru votre endurance, vous vous sentirez des jeunes hommes bien daplomb, mains adroites, bras musclés, jambes agiles, poitrines de fer et cœur d'or. Vous serez prêts à servir le pays.

Le *Certificat de Préparation au Service Militaire* et les avantages qu'il comporte seront une première et juste récompense de vos efforts.

Enfants de France, espoir de demain, préparez -vous!

Soyez forts!

Assurez l'avenir de la Race et la défense de la Patrie!

Ил. 5. Плакат французского Военного министерства, 1918. «Подготовка французской молодежи к военной службе» (Плакат FR 611. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

советский идеал равенства полов (пусть и часто нарушавшийся) и равную роль женщин и мужчин в строительстве социализма.

Советские доклады о физкультуре за границей подчеркивали не только физическую пользу спортивных программ, но и их роль в улучшении дисциплины и насаждении патриотизма. Один доклад, посвященный Германии, сообщал, что «только физическое воспитание может дать качества, провозглашенные национал-социализмом: чувство дисциплины, порядка и субординации, чувство солидарности, храбрость, решительность и способность принимать быстрые решения, когда этого требуют обстоятельства, выносливость, готовность к самопожертвованию». В том же докладе говорилось, что немецкое правительство уделяет особое внимание молодым людям, ориентируя их на самодисциплину и на «дух Адольфа Гитлера». При этом цитировалась немецкая статья, автор которой заявлял, что Гитлер «вернул немецкому народу гордость» и что гимнастические общества помогли эту гордость развить²²⁰.

Чиновники Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР подчеркивали, что другие страны используют физическое воспитание для военной подготовки и Советский Союз должен поступить таким же образом. В докладах 1934 и 1938 годов делался вывод, что при нацистской диктатуре «спорт становится составной частью подготовки к войне»²²¹. Глава комсомола Александр Косарев в 1936 году предупреждал, что правые правительства Германии, Польши, Италии и Японии проводят «усиленную милитаризацию молодежи», и призвал комсомол готовить молодых людей к обороне своей страны²²².

²²⁰ ГАРФ. Оп. 2. Д. 153. Л. 3–4. Составленный в 1931 году доклад британскому правительству о программах физического воспитания в Швеции, Чехословакии и Германии тоже отмечал «политические цели», для которых используются эти программы, но тем не менее рекомендовал их в качестве образца для подражания, поскольку «их положительное влияние на физическое и моральное состояние человека несомненно» (PRO. LAB 18/25).

²²¹ ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 2. Д. 153. Л. 3–4; Там же. Д. 201. Л. 64. Второй доклад сообщал, что Германия отправила команды на международные спортивные состязания, стремясь доказать превосходство нацистского режима и «северной расы».

²²² Косарев А. В. Отчет ЦК ВЛКСМ Десятому Всесоюзному Съезду Ленинского Комсомола. М., 1936. С. 28–34.

В 1937 году, выступая перед комсомольскими активистами спортивного клуба «Динамо», чиновник Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта раскритиковал недостаточное внимание к военным аспектам спорта и призвал развивать такую гимнастику, которая будет напоминать не балет, а военную подготовку²²³.

В годы, непосредственно предшествовавшие Второй мировой войне, советская физкультура действительно приобрела вполне милитаристский оттенок. В 1935 году была опубликована брошюра, посвященная гражданской обороне и заявлявшая, что «быть готовым к обороне — значит быть физически здоровым». В брошюре подчеркивалась важность состязаний в стрельбе, гимнастике, плавании и езде на велосипеде, а также необходимость обучения пользованию противоголозом и штыком²²⁴. В июне 1936 года Политбюро утвердило создание вышеупомянутого Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР, отдававшего предпочтение спортивным единоборствам²²⁵. В ноябре 1939 года Политбюро приняло решение, усилившее движение ГТО за счет дополнительных программ физического воспитания в школах, центрах физкультуры, награждения призами, учебников физкультуры, фильмов и медицинского наблюдения, позволяющего достичь максимальной пользы для здоровья при помощи упражнений²²⁶. Среди воспитательных инициатив этого времени были обширная военизированная тренировка — стрельба из ружья, прыжки с парашютом, гражданская оборона, — а также создание средних военных школ²²⁷. В комсомольской и пионерской организациях теперь

²²³ Центр хранения документов молодежных организаций [далее — ЦХДМО]. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1268. Л. 3.

²²⁴ Лихачев М. Быть готовым. Работа оборонных секций сельсовета. Л., 1935. С. 26–28. В предисловии объяснялось, что фашистская Германия готовит «крестовый поход» против Советского Союза, а японские фашисты строят козни в целях захвата земли в Восточной Сибири (см.: Там же. С. 3).

²²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 978. Л. 130. В том же году английское правительство учредило Национальный рекомендательный совет по физической подготовке и выдало дотации на создание площадок активного отдыха и программ физподготовки (см.: PRO. ED 136/76).

²²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1016. Л. 37, 79–80.

²²⁷ ГАРФ. Ф. 7709. Оп. 7. Д. 2. Л. 6–7; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 998. Л. 78–79.

все больше ценились дисциплина, храбрость, патриотизм и умение обращаться с оружием и противогАЗами²²⁸.

Советская власть уделяла особое внимание милитаристским физкультурным парадом. Авторы статей в советских журналах превозносили эти парады, заявляя, что они показывают всю важность физического воспитания и дисциплины физкультурников²²⁹. Весной 1937 года Политбюро издало приказ о проведении физкультурного парада на Красной площади. В нем приняли участие более 40 тысяч человек, в том числе делегации от каждой союзной республики и рекордсмены в самых разных видах спорта²³⁰. Статья, посвященная этому событию, под названием «Парад могучего Сталинского племени», подчеркивала единство всех национальностей Советского Союза:

Живая поэма, созданная на Красной площади русскими, украинскими... [следует перечисление титульных национальностей всех союзных республик] физкультурниками, громко, звучным голосом, эхо которого прокатилось по всему миру, говорила — о кровном братстве и неразрывной дружбе народов, населяющих обширные пространства Страны Советов... о том, что смелая, сильная советская молодежь является неисчерпаемым резервом для нашей могучей Красной Армии²³¹.

Эта цитата наглядно показывает, что физкультурные парады не только демонстрировали дисциплину и потенциальную военную мощь. Такие парады символизировали единство советского общества. Они символическим образом объединяли все национальности и общественные группы, вместе маршировавшие и синхронно выполнявшие упражнения в идеальной гармонии друг с другом. Конечно, нацистские марши тоже служили символом единства, но

²²⁸ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1361. Л. 24; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 326. Л. 15–18.

²²⁹ Гимнастика. 1937. № 1; Партийное строительство. 1939. № 15. С. 28. Доклад о физкультурном параде 1938 года сообщал, что, если война начнется завтра, спортсмены быстро станут танкистами, летчиками, стрелками и моряками (см.: Известия. 1938. 26 июля). Цит. по: *Edelman R. Serious Fun*. P. 44.

²³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 987. Л. 91. Подробные планы физкультурного парада 1935 года см. в: ГАРФ. Ф. 3316. С. ч. Оп. 64. Д. 1651. Л. 5–7.

²³¹ Физкультура и спорт. 1937. № 13. С. 4–5.

Ил. 6. Советский плакат, пропагандирующий физкультуру, 1930-е.
«Работать, строить и не ныть! Нам к новой жизни путь указан. Атлетом можешь ты не быть, но физкультурником — обязан» (Плакат RU/SU 2317/21. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

Ил. 7. Советский плакат, посвященный физкультурному параду, 1939.
«Славным физкультурникам и физкультурницам Советской страны —
пламенный привет!» (Плакат RU/SU 1827. Poster Collection, Hoover Institution
Archives)

это было единство арийской расы, достигнутое благодаря исключению расовых и этнических меньшинств. При советском строе, при социализме, все национальности должны были быть едины.

Таким образом, советское здравоохранение и физкультурные программы отчасти напоминали свои аналоги в других странах. В эпоху индустриального труда и массовой войны физическое благополучие населения являлось важным ресурсом, поддержание которого было возможно благодаря новым формам знания (эпидемиология, социальная гигиена, антропометрия) и новым практикам (прививки, жилищная инспекция, групповые занятия гимнастикой). Советское руководство заимствовало ряд идей в других странах. Но здравоохранение и физкультура в СССР имели свои собственные особенности. Даже после того, как социальная гигиена утратила популярность, советские врачи предпочитали объяснять болезни социальными, а не биологическими причинами. Советская физкультура стремилась объединить все национальности, что представляло резкий контраст с той политикой расовой исключительности, которая имела место в нацистской Германии и в перспективе повлекла за собой геноцид. Важным отличием здравоохранения в СССР было и то, что здесь врачи полностью зависели от государства. В противоположность врачам в либерально-демократических странах (тоже отчасти зависевшим от государственного покровительства) советские врачи не располагали независимыми организациями или возможностями частной практики, что превращало государство в единственного руководителя и арбитра в вопросах общественного здоровья²³². На практике это означало как высокий уровень единообразия в политике здравоохранения, так и более активную политику государственного вмешательства. Конечно, в то время роль государства как гаранта общественного здоровья росла по всему миру. Но отсутствие каких-либо юридических ограничений государственного вмешательства в Советском Союзе означало, что советские чиновники здравоохранения были более назойливы, чем их коллеги в большинстве других стран.

Несмотря на приверженность советского руководства социальной медицине и физическому воспитанию, уровень здравоохранения в Советском Союзе оставался не слишком высоким. И хотя по

²³² Gross Solomon S. The Expert and the State in Russian Public Health. P. 209.

сравнению с царской эпохой качество медицинских услуг заметно улучшилось, медицине все еще недоставало как сотрудников, так и финансирования. В отдаленных регионах, транспортная и коммуникационная связь с которыми по-прежнему оставалась ограниченной, крестьянское население было лишено даже самой базовой медицинской и гигиенической помощи²³³. Партийные деятели, хотя и ценили здоровье населения, куда больше ресурсов направляли на индустриализацию. Тем не менее очевидно, что в их видении нового общественного порядка центральное место занимало воспитание здорового населения. В сущности, как партийные деятели, так и советские врачи часто не разделяли идеологическое здоровье и физическое, считая, что это две необходимые составляющие социализма.

²³³ Согласно правительственному докладу, составленному в 1940 году, Наркомат здравоохранения даже не смог указать местонахождение сотен докторов, отправленных им в сельские местности (ГАРФ. Ф. 7511. Оп. 1. Д. 232. Л. 3). А Государственная санитарная инспекция обнаружила, что города среднеазиатских республик в недостаточной степени обеспечены водопроводами и канализацией (Там же. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2).

ГЛАВА 3

РЕПРОДУКТИВНАЯ ПОЛИТИКА

В то время как при помощи прежних мер мы лишь слегка поскребли поверхность и пропололи несколько сорняков, чтобы заменить их культурными растениями, с Законом о детях мы дойдем до самых корней и займемся почвой, которая рождает сорняки.

Доклад Британского центрального совета по благополучию детей. 1909 год

Снижение рождаемости началось в 1876 году, а с начала XX века стало нарастать угрожающими темпами... Если мы немедленно не положим конец этому злу, в скором времени положение Германии в мире станет шатким... Основа государства — семья; государство зависит от количества браков и от их фертильности. Главная цель брака — продолжение рода.

Меморандум германского Генерального штаба. 1917 год

В нашей жизни не может быть разрыва между личным и общественным. У нас даже и такие, казалось бы, интимные вопросы, как семья, как рождение детей, из личных становятся общественными... Советская женщина не освобождена от той великой и почетной обязанности, которой наделила ее природа: она мать, она родит. И это, бесспорно, не только ее дело — это дело большой общественной значимости.

Арон Сольц. Аборт и алименты. 1936 год

В эпоху модерна государственное вмешательство не ограничивалось работой по улучшению здоровья и физического состояния населения. Опираясь на научные данные и врачебный опыт, во имя защиты общества, нации или расы власти многих стран решили вмешаться в воспроизводство населения — в целях повышения рождаемости и биологического «улучшения» жителей своей страны. Ранее продолжение рода считалось природным феноменом, не подлежащим государственному контролю или научному руководству. Даже мыслители-камералисты XVII века, видевшие в многочисленном населении источник дешевой рабочей силы и национального богатства, не стремились руководить его воспроизводством и определять количество и качество рождающихся детей — им подобная мысль и в голову не приходила. Но когда социологи и правительственные чиновники стали относиться к обществу как к предмету, который подлежит изучению и улучшению, продолжение рода начали считать важнейшей сферой для вмешательства. В XVIII веке появились демография и связанные с ней дисциплины — и изучавшие их ученые стали высчитывать показатели рождаемости. В XIX веке чиновники перешли к составлению регулярных переписей, что позволило исследовать долгосрочные демографические тенденции и породило желание оказывать на них влияние. Идея о том, что количеством и качеством человеческих существ можно и нужно управлять, укоренилась в начале XX века благодаря широкому распространению дарвинизма и повторному открытию менделевской генетики. Наконец, после того как отгремела Первая мировая война с ее массовыми бойнями, показавшими всю важность многочисленного населения для обеспечения национальной обороны, политические лидеры Европы и всего мира озаботились ростом населения в своих странах как никогда раньше.

В то время как руководство многих стран стремилось к повышению фертильности, выбранные им стратегии могли в значительной степени различаться. В некоторых странах власти одновременно использовали меры по стимулированию рождаемости и по ее сокращению, стремясь контролировать не только количество, но и «качество» новорожденных граждан. Другие страны, в том числе Советский Союз, поощряли рождаемость среди всех граждан, вне зависимости от расы, национальности, ментальных или

физических способностей. Тот факт, что советское правительство избрало именно эту репродуктивную политику, был следствием не только социалистической идеологии, но и особого внимания к влиянию среды, характерного для русской медицинской традиции. Хотя советская политика была лишь частью международного тренда к государственному управлению воспроизводством населения, она отражала особую медицинскую и идеологическую ориентацию, а также особую концепцию населения. Если поместить советскую репродуктивную политику в сравнительный контекст, от законодательства об абортах и помощи материнству до евгеники и программ ухода за детьми, можно увидеть ту форму, в какой общемировая тенденция к государственному вмешательству воплотилась в СССР. Вместе с тем советская репродуктивная политика шла вразрез со стратегиями ряда других стран в межвоенный период: стремясь к формированию своего населения, советская власть тем не менее отвергала евгенику; разделяя эссенциалистский взгляд на женщин как на матерей, одновременно продолжала подчеркивать их роль как рабочей силы. Таким образом, пример СССР позволяет увидеть, насколько по-разному могло проявляться возросшее стремление государств управлять воспроизводством своего населения.

РОЖДАЕМОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ МОГУЩЕСТВО

Томас Мальтус, отец-основатель новой дисциплины — демографии, в 1803 году опубликовал «Опыт закона о народонаселении», в котором предупреждал об опасностях перенаселенности. Действительно, снижение показателей смертности, произошедшее в XVIII веке, привело к быстрому росту населения: так, число жителей Великобритании с 1741 по 1801 год увеличилось с 5,6 до 8,7 миллиона человек¹. Более того, быстрая урбанизация создавала впечатление, что численность населения вообще и городской бедноты в частности растет совершенно неудержимо. Однако во второй половине XIX века фертильность в странах Западной Европы сократилась, и на смену одним страхам пришли другие: теперь боялись не

¹ Quine M. S. *Population Politics in Twentieth-Century Europe: Fascist Dictatorships and Liberal Democracies*. New York, 1996. P. 1–2.

избыточного населения, а недостаточного. Первой страной, где снизилась рождаемость, стала Франция — перепись, проведенная здесь в 1854–1855 годах, показала превышение общего числа смертей над общим числом рождений. Особенно широко страх депопуляции распространился после поражения во Франко-прусской войне, когда французские лидеры начали опасаться, что население Франции слишком незначительно, чтобы противостоять Германии на поле боя. К 1900 году была создана внепарламентская комиссия по депопуляции; она сообщала, что от повышения рождаемости зависят «развитие, процветание и величие Франции». В других европейских странах к концу XIX века тоже началось снижение фертильности и зазвучали голоса, предсказывавшие национальный упадок и вымирание. В Германии ежегодная рождаемость с 1876 по 1912 год снизилась с 42,6 до 28,2 родов на тысячу, и перепись 1912 года привела к общенациональной панике по поводу «расового самоубийства»². Даже в неевропейских странах, где фертильность была более высокой, политические деятели стремились к увеличению численности населения. К примеру, иранские элиты с 1910-х годов выражали беспокойство по поводу того, что в стране живет всего 10–12 миллионов людей — слишком мало, чтобы Иран развился в современное общество и сохранил экономическую независимость³.

Первая мировая война оказала огромное воздействие на идеи регулирования населения. Особенно ярко они проявились в странах, принявших участие в войне. Массовая война требовала громадного количества солдат, что означало прямую связь между численностью населения и военной мощью. Кроме того, под воздействием ужасающих военных потерь во многих странах разгорелся страх — смогут ли жители страны воевать в будущем? Политические лидеры пришли к выводу, что численность населения — главнейший ресурс национальной обороны, и сосредоточили свое внимание на воспроизводстве населения в целях поддержания его численности. Как заявлял в 1915 году один из членов британского правительства, «в состязании и столкновении цивилизаций главное — общая масса

² Ibid. P. 52–65, 100–101.

³ *Schayegh C.* Hygiene, Eugenics, Genetics, and the Perception of Demographic Crisis in Iran, 1910s–1940s // *Critique: Critical Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 13. No. 3. P. 335, 353.

нации... Идеалы, за которые выступает Великобритания, могут победить лишь в том случае, если их будет защищать достаточное число людей... В нынешних условиях мы теряем значительную часть нашего населения еще до рождения, а также в детстве»⁴.

Меморандум, составленный в германском Генеральном штабе в 1917 году и посвященный населению Германии и ее армии, тоже констатировал, что с точки зрения роли в сокращении численности населения падение рождаемости «хуже, чем военные потери»⁵.

Когда война окончилась, главные ее участники столкнулись не просто с огромными людскими потерями, но с демографической катастрофой. Франция потеряла 1 393 515 солдат, Великобритания — 765 400, Италия — 680 070. Один из немецких специалистов по статистике подсчитал, что кроме 2 миллионов солдат, убитых в бою, Германия потеряла 750 тысяч мирных жителей из-за блокады со стороны союзников, 100 тысяч жителей из-за эпидемии инфлюэнцы в 1918 году, около 3,5 миллиона человек, так и не родившихся из-за войны, и 6,5 миллиона оказавшихся за пределами Германии из-за ее территориальных потерь — в общей сложности почти 13 миллионов⁶. Хотя потери Первой мировой войны, казалось, требовали роста фертильности для возмещения численности населения, на деле они привели к совершенно противоположным последствиям. Массовая смерть молодых мужчин так резко сократила число потенциальных отцов, что рождаемость в Великобритании с 1914 по 1930 год упала примерно на 40%; это заставило одного из депутатов парламента заявить, что сокращение численности населения представляет собой «угрозу сохранению Британской империи»⁷. Немецкий специалист по демографии указывал, что в 1924 году

⁴ Цит. по: *Thane P. Visions of Gender in the Making of the British Welfare State: The Case of Women in the British Labour Party and Social Policy, 1906–1945 // Maternity and Gender Policies: Women and the Rise of the European Welfare States 1880s–1950s / Eds. G. Bock and P. Thane. London, 1991. P. 105.*

⁵ *Ludendorff E. The General Staff and its Problems. Vol. 1. P. 202.*

⁶ *Quine M. S. Population Politics in Twentieth-Century Europe. P. 17–18; Usborne C. The Politics of the Body in Weimar Germany: Women's Reproductive Rights and Duties. London, 1992. P. 31.*

⁷ *Quine M. S. Population Politics in Twentieth-Century Europe. P. 17–18; PRO. MH 58/311. Число рождений на тысячу человек в Англии и Уэльсе упало с 25,5 в 1920 году до 14,4 в 1933-м. См.: *Thane P. Visions of Gender in the Making of the British Welfare State. P. 99–100.**

в Германии на тысячу человек было всего 20,4 родов, чего едва хватало для поддержания численности населения на прежнем уровне, и заключал: «Мы должны... при помощи экономического страхования родительства дать каждой женатой паре возможность выполнить свой репродуктивный долг»⁸.

В России, в отличие от некоторых других европейских стран, рождаемость оставалась высокой на протяжении всего XIX столетия. Но, подобно остальным воюющим державам, Россия понесла тяжелые потери в Первой мировой войне: вкуче с потерями от Гражданской войны и последовавшего за ней голода они составили 16 миллионов человек⁹. Этот демографический катаклизм вызвал тревогу советского руководства и ученых и привлек повышенное внимание к статистике населения. Центральное статистическое управление составило подробную ежемесячную статистику потерь от Гражданской войны в каждой губернии и каждом уезде страны¹⁰. Кроме того, оно создало комиссию, изучавшую последствия потерь Первой мировой войны, и отметило, что от них серьезнейшим образом пострадал как рабочий, так и военный потенциал населения. Было указано, что «отвлечение от производительного труда многих миллионов наиболее трудоспособных элементов населения» должно незамедлительно стать предметом статистического исследования¹¹. Один советский профессор заявил, что довоенное население Российской империи, составлявшее

⁸ *Grotjahn A. Differential Birth Rate in Germany // Proceedings of the World Population Conference / Ed. M. Sanger. London, 1927. P. 154.* По Великобритании см.: *Soloway R. A. Demography and Degeneration: Eugenics and the Declining Birthrate in Twentieth-Century Britain. Chapel Hill, 1990. P. 277.* По Канаде см.: *Comacchio C. R. «The Infant Soldier»: Early Child Welfare Efforts in Ontario // Women and Children First: International Maternal and Infant Welfare, 1870–1945 / Eds. V. Fildes et al. New York, 1993. P. 106.*

⁹ *Coale A., Anderson B., Harm E. Human Fertility in Russia since the Nineteenth Century. Princeton, 1979. P. 16; Lorimer F. The Population of the Soviet Union. Geneva, 1946. P. 40–41.*

¹⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 3552. Л. 1–20. См. также: *Аврамов В. Г. Жертвы империалистической войны в России // Известия Народного комиссариата здравоохранения. 1920. Т. 3. № 1–2. С. 39–42; Bagotzky S. Les pertes de la Russie pendant la guerre mondiale (1914–1917) // Revue internationale de la Croix Rouge. 1924. Vol. 61. P. 16–21.*

¹¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 25. Л. 17.

NATIONAL BABY WEEK

1st - 7th JULY

“SAVE THE BABIES”

Ил. 8. Британский плакат к Национальной неделе младенца, 1918. Британия защищает младенца и маленьких детей от Смерти — фигуры в черном балахоне (Плакат UK 1562. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

172 миллиона человек, в результате войн, голода и территориальных потерь сократилось до 90 миллионов. Также он заявил, что многочисленность населения является необходимым условием национальной безопасности, и предупредил: некоторые европейские страны, в частности Германия, угрожают обогнать Советский Союз по количеству жителей¹².

В 1920 году Наркомат здравоохранения создал собственную комиссию для учета «физически-материальных потерь населения и государства». Она свела в таблицы число умерших и число ставших инвалидами и беженцами в результате Первой мировой и Гражданской войн, а также изучила последствия эпидемий, изменения показателей рождаемости и смертности, психологические и физические последствия войны для детей и т.д. Результаты работы комиссии были опубликованы — с предисловием наркома Семашко, назвавшего это исследование первым шагом в «изучении последствий войны в области социально-биологической». Как он отметил, война оказывает «разрушительное влияние в области здоровья населения»¹³. Статистическое исследование потерь военного времени, будучи, возможно, единственным способом оценить ужасающее количество смертей, превратило умерших людей в абстракцию и способствовало взгляду на население исключительно как на ресурс, который следует сохранять и использовать. Иллюстрацией этого статистически-бюрократического подхода могут служить доклады Центрального статистического управления, в которых рядом с цифрами людских потерь помещены цифры, отражающие число потерянных лошадей и общее количество лошадей, подлежащих мобилизации¹⁴.

¹² *Скробанский К. К.* Аборт и противозачаточные средства // Журнал акушерства и женских болезней. 1924. Т. 35. № 1. Цит. по: *Hyer J.* Managing the Female Organism: Doctors and the Medicalization of Women's Paid Work in Soviet Russia during the 1920s // *Women in Russia and Ukraine* / Ed. R. Marsh. New York, 1996. P. 117.

¹³ Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 годов. М., 1923. Семашко был не одинок в своем беспокойстве — см. написанную в 1922 году статью Пителима Сорокина «Верую, Господи!» (Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 47–53). См. также: Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М.: Центральное статистическое управление, 1925. С. 5, 10.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 21. Д. 25. Л. 77–78.

Несмотря на военные потери, рождаемость в Советском Союзе упала после войны не так сильно, как в странах Западной Европы. Советское общество в 1920-е годы еще было по большей части крестьянским, и рождаемость, вопреки смерти множества молодых мужчин в Первую мировую и Гражданскую, оставалась здесь высокой. Тем не менее советские чиновники и демографы продолжали внимательно отслеживать показатели движения населения и были встревожены резким падением фертильности, сопровождавшим индустриализацию, коллективизацию и голод 1932–1933 годов. Благодаря тому, что Центральное статистическое управление записывало ежегодные показатели рождаемости и смертности в каждом административном подразделении страны, советские чиновники знали, например, что в 1933 году из-за голода на Украине число умерших в Харьковской области почти вдесятеро превысило число родившихся¹⁵. Обширное демографическое исследование, проведенное в 1934 году, показало, что с 1928 по 1932 год фертильность в СССР упала с 42,2 до 31,0 родившегося на тысячу человек. Более того, С. Г. Струмилин, автор исследования и один из ведущих советских специалистов по статистике, показал, что падение рождаемости напрямую связано с урбанизацией и работой женщин в промышленности — тенденциями, которых невозможно было избежать при продолжении индустриализации¹⁶.

Другим важным открытием Струмилина был тот факт, что среди различных групп населения меньше рожали самые высокооплачиваемые работники. Рабочие заводили детей реже, чем крестьяне, урбанизированные рабочие — реже, чем крестьяне, переехавшие в город, а белые воротнички рожали реже всех. Это открытие противоречило прежним данным, указывавшим на экономические трудности как на главную причину низкой рождаемости¹⁷. Советским ученым пришлось пересмотреть свое допущение, что фертильность вырастет по мере улучшения материальных условий

¹⁵ РГАЭ. Ф. 1562. С. ч. Оп. 329. Д. 21. Л. 125–127. Число рождений на Украине в целом составило в 1933 году 449 877, число смертей — 1 908 907.

¹⁶ Струмилин С. Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде // Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 194–198.

¹⁷ Там же. С. 201–204; Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М., 1987. С. 22.

жизни населения. Они все больше приходили к мысли, что низкая рождаемость связана с решением женщин делать аборт — решением, каковое, по мнению этих ученых, принимали женщины, которые вполне могли позволить себе иметь детей, но из личных соображений предпочитали их не заводить. Падение фертильности обострилось еще и из-за малочисленности поколения, начавшего заводить детей в середине 1930-х. Первая мировая война не только скосила поколение молодых людей, но и сильно сократила число детей, родившихся с 1915 по 1920 год. Таким образом, она уменьшила численность поколения, достигшего детородного возраста в середине 1930-х, что привело к дальнейшему падению рождаемости¹⁸. В итоге советские чиновники стали беспокоиться о падении фертильности в такой же степени, как и их западноевропейские коллеги.

Первая мировая война не только оставила сильнейшее демографическое эхо, но и способствовала укреплению у некоторых мировых лидеров социал-дарвинистских идей о соревновании наций и борьбе рас за выживание и размножение. Эти идеи отчетливо выразил Муссолини, заявив: «Право иметь империю принадлежит тем людям, которые плодятся и размножаются, тем, кто обладает волей к увеличению своей расы на лице земли»¹⁹. Японское руководство тоже утверждало, что заокеанская экспансия и колонизация помогают «обновлению» наций и те нации, которые не расширяются, обречены на упадок²⁰. Противники иммиграции в США в 1920-е годы опирались на ту же логику, требуя ограничения числа иммигрантов из Азии и Средиземноморья, дабы «низшие расы... не разбавили высшие... и не заменили их собой»²¹. По всей Европе

¹⁸ Садвокасова Е. А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969. С. 28–29.

¹⁹ Horn D. G. Social Bodies. P. 59. См. также: Quine M. S. Population Politics in Twentieth-Century Europe. P. 34; Ipsen C. Dictating Demography: The Problem of Population in Fascist Italy. New York, 1996. P. 65–68.

²⁰ Dower J. War without Mercy: Race and Power in the Pacific War. New York, 1986. P. 271.

²¹ Прескотт Холл приводил в поддержку своей точки зрения биологическую аналогию: «Подобно тому, как мы изолируем вторжение бактерий и берем бациллы измором, ограничивая площадь их распространения и объем их питания, мы можем вынудить низшую расу остаться в своем природном ареале, где ее размножение на ограниченной территории в конечном счете, как это происходит со всеми организмами, ограничит ее численность, а стало

падение рождаемости в 1930-е годы связывалось с уменьшением национального могущества. «Испания сократится, она уменьшится, национальная экономика лишится производителей и потребителей, государство лишится солдат, нация будет обескровлена». Франко стремился за несколько десятилетий увеличить население Испании на 40 миллионов, видя в этом средство вернуть поблекшую славу страны и ее значение на международной арене²². В 1935 году, после того как в Швеции стала бестселлером книга Альвы и Гуннара Мюрдаль, в которой они описывали падение фертильности как медленное национальное самоубийство, шведское правительство назначило демографическую комиссию²³. В межвоенной Румынии многие политические деятели и ученые тоже считали, что могущество страны и само ее выживание зависят от рождаемости и «людского капитала»²⁴.

Советские лидеры также ожидали репродуктивного состязания между различными странами, но при этом не придерживались биологических или расовых соображений. Центральное статистическое управление составляло ежегодные графики фертильности, которые в 1935 году показали, к примеру, что в СССР рождаемость выше, чем во всех «капиталистических странах» (были перечислены все остальные европейские страны)²⁵. И. А. Краваль, глава статистического подразделения Госплана, утверждал, что более высокая рождаемость в Советском Союзе доказывает превосходство социализма над капитализмом²⁶. А Сталин в 1935 году заявлял, что благодаря улучшению материального положения рабочих «население

быть, и влияние». См.: *Hall P. F. Immigration Restriction and World Eugenics // Journal of Heredity. 1919. Vol. 10. No. 3 (March). P. 126–127.* Цит. по: *Otsubo S. Eugenics in Imperial Japan: Some Ironies of Modernity, 1883–1945: Ph.D. diss. Ohio State University, 1998. Ch. 5.*

²² *Nash M. Pronatalism and Motherhood in Franco's Spain // Maternity and Gender Policies. P. 163; Quine M. S. Population Politics in Twentieth-Century Europe. P. 88.*

²³ *Johannisson K. The People's Health. P. 178.*

²⁴ *Bucur M. Eugenics and Modernization in Interwar Romania. P. 63–64.*

²⁵ РГАЭ. Ф. 1562. С. ч. Оп. 329. Д. 83. Л. 1. В докладе также приводились показатели рождаемости в республиках Советского Союза. На первом месте находилась Армения, а за ней следовали Российская Федерация, Туркменистан, Белоруссия, Азербайджан, Украина и Таджикистан.

²⁶ Правда. 1936. 1 января. С. 8.

стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается несравненно больше... Сейчас у нас каждый год чистого прироста населения получается около трех миллионов душ. Это значит, что каждый год мы получаем приращение на целую Финляндию»²⁷.

Таким образом, партийные деятели тоже считали, что между разными странами происходит демографическое состязание, но для них оно было идеологическим, а не расовым. Они никогда не использовали такие формулировки, как «национальное превосходство» или «расовое самоубийство». Вместо этого они утверждали, что более высокая рождаемость в СССР указывает на то процветание населения, которого удалось достигнуть при помощи социалистических начал в экономике и в общественной жизни, а не благодаря биологическому превосходству. Поскольку Советский Союз был многонациональной федерацией, в которой все этнические группы считались равными партнерами, теория дарвинистской борьбы между национальностями просто не имела здесь смысла. Марксистская идеология утверждала, что национальные различия как внутри Советского Союза, так и между разными странами со временем исчезнут, по мере того как национальные и этнические группы, живущие при социализме, сольются воедино. Партийные деятели видели не борьбу различных наций за возможности к размножению и за господство, а состязание между капитализмом и социализмом — состязание, в котором более высокая фертильность всех советских национальностей должна была доказать превосходство социалистической системы.

Особенностью советских мер по повышению рождаемости являлась и их декларируемая цель. В мае 1918 года, когда память о Первой мировой войне еще была свежа, советские делегаты на съезде, посвященном социальному обеспечению, приняли резолюцию о том, что детскую смертность необходимо сократить, а детей уберечь «не для новой бойни, а как строителей новой, прекрасной трудовой жизни, как сильных духовно и физически граждан, борцов за идеалы социализма и человечества». Дальше в резолюции вновь повторялось, что детей нужно выращивать не для войн, проистекающих от «преступной небрежности капиталистического

²⁷ Цит. по: Забота о здоровье детей // Гигиена и здоровье. 1938. № 8. С. 1.

государства», но для производительного труда в целях построения нового общества²⁸. Таким образом, целью воспроизводства населения в СССР было создание тружеников, а не солдат. Конечно, у партийных руководителей имелись и военные заботы, особенно в условиях растущего международного напряжения в конце 1930-х годов, и многочисленность жителей страны представлялась им необходимым условием военного могущества. Но, в отличие от фашистских лидеров, они не стремились увеличивать рождаемость ради целей военной агрессии и господства.

Мотивация борьбы за повышение рождаемости могла быть разной, однако демографические методы, взятые на вооружение разными странами, удивительно походили друг на друга. Подобно здравоохранению, демография уже в XIX веке стала поистине международной дисциплиной, а к XX веку ученые читали и переводили труды своих иностранных коллег и регулярно встречались для обсуждения своих наработок. Возможно, лучшим примером подобного обмена служит ряд международных конференций по населению, прошедших в Европе в межвоенный период. Советский Союз отправлял делегатов на большинство этих конференций, в том числе на Женевскую конференцию по мировому населению, состоявшуюся в 1927 году. Там собрались представители самых разных стран, придерживавшиеся широкого спектра политических взглядов, но все исходило из убеждения, что человеческие популяции поддаются научному изучению и подлежат управлению со стороны государств²⁹. В 1931 году в Риме состоялся Международный конгресс по населению, который тоже посетили чиновники и ученые из Азии, Северной и Южной Америки и большинства стран Европы, в том числе из Советского Союза. Фактический председатель конгресса, профессор Коррадо Джини (почетным председателем был сам Муссолини), открыл встречу, призвав к интенсивному исследованию движения населения и дальнейшим изысканиям в «общей биологии, генетике, евгенике, антропометрии и гигиене». Заседания конгресса ориентировались на «будущее населения» и включали обсуждения исследований «демографических законов войны» и вопроса

²⁸ Цит. по: Дробижев В. З. У истоков советской демографии. С. 110.

²⁹ Proceedings of the World Population Conference. Дальнейшее обсуждение темы см. в кн.: Horn D. G. Social Bodies. P. 50.

депопуляции. Один французский ученый заключил, что в нескольких странах Европы можно говорить о депопуляции, что это «опасное положение» и «нет более важной проблемы для европейских наций, чем борьба с падением рождаемости». Другой ученый предупреждал, что из-за снижения смертности «примитивных рас» они будут плодиться и размножаться гораздо быстрее, чем растёт число жителей «современных цивилизованных стран», и этот факт следует принять во внимание «каждому государственному деятелю и каждому рабочему, которого беспокоит будущее человечества»³⁰.

Таким образом, международные конференции и международные обмены способствовали распространению не только демографических технологий, но и тревог, связанных с движением населения. В межвоенный период в большей степени, чем когда-либо прежде, официальные демографы самых разных стран мира, в том числе и Советского Союза, собирали всевозможную статистику, связанную с населением. В свою очередь, изучение демографии и демографические тревоги подталкивали государства к мерам по управлению воспроизводством населения. Хотя советские чиновники и социологи разделяли эти опасения, их отличал отказ от социалдарвинизма и расового подхода к демографическим вопросам. И тот факт, что они воспринимали население не с расовой точки зрения и стремились к воспроизводству всех групп населения, определял их выбор в сфере репродуктивной политики.

КОНТРАЦЕПЦИЯ, АБОРТ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ

Обеспокоенность политических деятелей по поводу демографических трендов заставила их искать способ повысить рождаемость в своих странах. Как только появилась возможность статистически отобразить население и объяснить тенденции к изменению его численности с опорой на науку, стал возможен и государственный контроль над фертильностью. Кроме пропаганды рождаемости, главными средствами, которые взяли на

³⁰ *Bovenat F. L'avenir de la population européenne // Atti del Congresso internazionale per gli studi sulla popolazione: Roma, 7-10 settembre 1931. Vol. 7. P. 88. См. также: Ibid. Vol. 1. P. xxxviii-xxxix; Ibid. Vol. 6. P. 232-234.*

вооружение правительственные чиновники, были ограничения на контрацепцию и аборт. Подобно другим странам, Советский Союз не поощрял противозачаточные средства, запретил аборт и стремился взять под контроль сексуальность и репродуктивное здоровье.

В первые годы XX века политические деятели ряда стран высказались против предохранения от беременности и против абортов. В Германии искусственное прерывание беременности стало уголовным преступлением уже в 1872 году, а во время Первой мировой войны была запрещена реклама противозачаточных средств и закон против абортов стал еще жестче³¹. Французское правительство тоже приняло меры против контрацепции и абортов. В 1920 году реклама и продажа противозачаточных средств были запрещены с формулировкой: «Сразу после войны, в которой почти полтора миллиона французов пожертвовали своими жизнями ради того, чтобы Франция могла жить, наслаждаясь независимостью и почетом, нельзя терпеть, чтобы другие французы зарабатывали распространением абортов и мальтузианской пропаганды». В 1923 году французское правительство ужесточило законодательство, введя тюремные сроки как для врачей, практикующих аборт, так и для их клиенток³². Итальянский Уголовный кодекс 1931 года предусматривал срок заключения от двух до пяти лет для любого, кто осуществит аборт или поспособствует ему. Румынский Уголовный кодекс 1936 года тоже запрещал аборт³³. Многие страны, находившиеся за пределами Европы, также запретили в межвоенный период аборт — в частности, Турция, Австралия и Япония³⁴.

³¹ Domansky E. Militarization and Reproduction. P. 450–451; Pine L. Nazi Family Policy. P. 19–20. Если Веймарская республика смягчила наказание за аборт, то нацисты, придя к власти в 1933 году, ввели еще более суровые законы против абортов и контрацепции, а в годы Второй мировой войны установили смертную казнь для тех, кто практиковал повторные аборт. См.: Koonz C. Mothers in the Fatherland: Women, the Family and Nazi Politics. New York, 1987. P. 185–187.

³² Schneider W. H. Quality and Quantity. P. 120; Offen K. Body Politics: Women, Work, and the Politics of Motherhood in France, 1900–1950 // Maternity and Gender Policies. P. 138.

³³ Grazia V. de. How Fascism Ruled Women: Italy, 1922–1945. Berkeley, 1992. P. 58; Bucur M. Eugenics and Modernization in Interwar Romania. P. 206.

³⁴ Alemdaroğlu A. Politics of the Body and Eugenic Discourse in Early Republican Turkey. P. 69; Lewis M. Maternity Care and the Threat of Puerperal Fever in

Советское руководство тоже было в высшей степени обеспокоено влиянием контрацепции и абортa на рождаемость в стране. В ноябре 1920 года советская власть приняла постановление о разрешении абортa. В тексте отмечалось растущее число нелегальных абортa, связанных с предельными экономическими трудностями по окончании Гражданской войны, и в интересах женского здоровья разрешались бесплатные абортa в больницах — при условии, что их будут осуществлять врачи. Впрочем, постановление отнюдь не признавало, что женщина имеет право на аборт. Более того, Семашко недвусмысленно отметил, что абортa не являются ничьим личным правом: они способны привести к падению рождаемости и повредить интересам государства и потому могут осуществляться только в крайних случаях³⁵.

В 1923 году советское правительство легализовало предохранение от беременности, а двумя годами позже создало Центральную научную комиссию по изучению противозачаточных средств. В межвоенный период не прекращались дискуссии о контрацепции. Среди врачей выделились две группы. Одни поддерживали контрацептивы, видя в их применении возможность сократить число абортa и предотвратить распространение венерических заболеваний. Другие утверждали, что противозачаточные средства приведут к падению рождаемости и поставят под угрозу могущество страны, а то и ее выживание³⁶. Советское руководство разрешило этот спор в 1930-е годы, попросту не выделив ресурсы на производство контрацептивов, а в 1936 году приказав убрать из продажи все противозачаточные средства, еще остававшиеся на рынке³⁷. Впрочем, беспокойство властей по поводу абортa постоянно нарастало. Еще до резкого падения рождаемости, произошедшего в 1930-е годы, некоторые врачи называли абортa «антиобщественным фактором»

Sydney, 1870–1939 // *Women and Children First*. P. 36–37; *Otsubo S. Eugenics in Imperial Japan*. Ch. 6.

³⁵ См.: *Goldman W. Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. New York, 1993. P. 255–256.

³⁶ *Gross Solomon S. The Demographic Argument in Soviet Debates over the Legalization of Abortion in the 1920s* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1992. Vol. 33. P. 66–67; *Bernstein F. L. The Dictatorship of Sex*. P. 167–168.

³⁷ *Solomon P. Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin*. New York, 1996. P. 212.

и угрозой росту населения³⁸. В 1925 году была опубликована инсценировка суда, в которой прокурор спрашивал молодую женщину, сделавшую аборт, понимает ли она, что убила будущего человека, гражданина, который мог бы быть полезен обществу?³⁹ Впрочем, пропагандистская борьба с абортами не возымела особого успеха. К середине 1930-х годов число абортот в РСФСР практически сравнялось с числом рождений (на 1 319 700 больничных абортот в 1935 году пришлось 1 392 800 рождений). В больших городах женщины гораздо чаще делали аборт, чем рожали: в Москве в 1934 году на 57 000 родов пришлось 154 600 абортот⁴⁰.

Законодательной основой для советской кампании по повышению фертильности стало постановление о запрете абортот, кроме как по медицинским причинам. Обсуждение еще не опубликованного законопроекта в Политбюро строилось вокруг важности достижения наибольшей возможной рождаемости⁴¹. Вслед за этим Политбюро приняло решение «максимально сократить перечень медицинских показаний» к абарту. Новое постановление, опубликованное в ноябре 1936 года, позволяло абортот лишь в случае наследственных заболеваний или угрозы для жизни женщины. Его текст гласил: «Аборт не только вреден для здоровья женщины, но является серьезным социальным злом, борьба с которым есть долг каждого сознательного гражданина, и прежде всего медицинских работников»⁴².

Запрету абортот предшествовали обширная пропагандистская кампания и публичное обсуждение законопроекта. Пропаганда не прекратилась и после принятия закона: государство ставило целью доказать, что он вполне обоснован и очень важен. Многочисленные

³⁸ Goldman W. Z. *Women, the State and Revolution*. P. 288. См. также: Лебина Н. Б. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...»: Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. Сборник статей / Под ред. П. В. Романова и Б. П. Ярославской-Смирновой. М., 2007. С. 228–241.

³⁹ Каневский А. Е. Суд над Анной Горбовой по обвинению в производстве себе выкидыша (аборта). Одесса, 1925. С. 7–8. Цит. в: Naiman E. *Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology*. Princeton, 1997. P. 109.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 1562. С. ч. Оп. 329. Д. 407. Л. 67; Известия. 1936. 12 июля. Цит. в: Lorimer F. *The Population of the Soviet Union*. P. 127.

⁴¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 34. 21 июля. С. 510–511; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 976. Л. 4.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 980. Л. 1; Там же. Д. 982. Л. 126–130.

статьи подчеркивали, насколько опасен аборт для физического и душевного здоровья женщины⁴³ (при этом ни слова не было сказано о крайней опасности, грозившей здоровью женщин, которым предстояло делать нелегальные аборты). Одна статья утверждала, что единственная цель закона — «защита здоровья советской матери»⁴⁴. Семашко, уже оставивший пост наркома здравоохранения, предупредил, что аборт может не только вызвать бесплодие, но и оказать отрицательное воздействие на другие органы и нервную систему женщины. Кроме того, он утверждал, что запрет абортов чрезвычайно важен для «государственной задачи увеличения населения Советского Союза». Сравнив рождаемость в СССР и в других индустриальных странах, он заявил, что запрет на аборты позволит Советской стране сохранить сравнительно более высокий уровень фертильности или даже увеличить его⁴⁵.

Запрет абортов стал наиболее ярким примером стремления советского государства контролировать женское тело. Советские ученые-медики в целом стремились повысить воспроизводство населения при помощи различных исследований и мер по сохранению женских репродуктивных способностей. В 1920-е годы советские врачи, рассуждая о воспроизводстве населения, использовали индустриальные термины, в частности говорили о «производительности», когда речь шла о способности женщин забеременеть и родить здоровых детей⁴⁶. А. С. Гофштейн в своей статье «Рационализация материнства» назвал матерей «производительницами» и написал, что беременность может быть «продуктивной» или «непродуктивной», в зависимости от того, закончится ли она рождением здорового ребенка или же выкидышем, абортом либо смертью

⁴³ Работница и крестьянка. 1936. № 11. С. 6; Там же. № 12. С. 1. См. также: Известия. 1935. 5 июня.

⁴⁴ Правда. 1936. 5 сентября. С. 4.

⁴⁵ Семашко Н. А. Замечательный закон (о запрещении аборта) // Фронт науки и техники. 1936. № 7. С. 38.

⁴⁶ *Hyer J. Managing the Female Organism*. P. 113. Специалисты по сексуальным реформам в Веймарской Германии тоже находились под влиянием промышленной рационализации и стремились, по словам одного ученого, «к распространению технологий конвейерного производства в том числе и на домашнюю работу, и на спальню» (*Grossmann A. The New Woman and the Rationalization of Sexuality in Weimar Germany // Powers of Desire: The Politics of Sexuality / Eds. A. Snitow, C. Stansell and S. Thompson. New York, 1983. P. 163*).

новорожденного. Гофштейн изучил дела беременных женщин и подсчитал, что оптимальная продуктивность получается в том случае, когда женщины рожают трех детей с интервалом в четыре года. Он отметил, что более частые беременности приводят к «изношенности материнского организма», рождению больных детей и «потере для коллектива общепольного труда... женщин»⁴⁷. Другие советские врачи изучали «производительность» женщин, сочетая акушерство и гинекологию с антропометрией (к примеру, измеряя женский таз). Один исследователь предупреждал, что у женщин, работающих на фабриках, таз более узкий, что вредит при родах⁴⁸.

Поскольку в рамках советской системы от женщин ожидалось, что они будут одновременно и матерями, и работницами, ученые особенно беспокоились по поводу воздействия промышленного труда на репродуктивную способность женщин. Проанализировав последствия поднятия тяжестей, они пришли к выводу, что подобная работа может повредить органы таза и осложнить беременность. В 1921 и 1927 годах советская власть издавала директивы по трудоустройству, стремясь гарантировать, что женщины не окажутся на работе, требующей перетаскивания тяжестей и могущей повредить их репродуктивные органы⁴⁹. Медицинские чиновники применили и другие средства защиты женской способности к деторождению — физические осмотры и просвещение. Делегаты III Всесоюзного совещания по охране материнства и младенчества подчеркивали, что молодые женщины с самого этапа полового созревания должны проходить регулярные медицинские осмотры, для начала в школах. К тому же отмечалось, что эти консультации позволят врачам заняться просвещением женщин по поводу опасности аборт и болезней. На протяжении 1920-х годов сексологи проводили исследования и осуществляли просветительскую работу, подчеркивая важность женского репродуктивного здоровья и деторождения⁵⁰.

⁴⁷ Гофштейн А. С. Рационализация материнства // Врачебное дело. 1927. № 19. Цит. в: Hyer J. *Managing the Female Organism*. P. 113–118.

⁴⁸ Hyer J. *Managing the Female Organism*. P. 115.

⁴⁹ Ibid. P. 116–117; Schrand T. *Industrialization and the Stalinist Gender System: Women Workers in the Soviet Economy, 1928–1941*: Ph.D. diss. University of Michigan, 1994. P. 159–160. См. также: ГАРФ. Ф. 5528. Оп. 5. Д. 44. Л. 4–5.

⁵⁰ Резолюция III Всесоюзного совещания по охране материнства и младенчества. М., 1926. С. 17–18; Малиновский М. С., Шварцман Е. М. Гигиена женщины. С. 5.

Особое внимание советские чиновники здравоохранения уделяли борьбе с венерическими заболеваниями. Их беспокойство объяснялось эпидемией этих заболеваний, наблюдавшейся после Первой мировой войны. Еще до Октябрьской революции, в июне 1917 года, Пироговское общество провело всероссийское совещание по борьбе с венерическими заболеваниями. В результате был создан общенациональный координационный комитет, впоследствии вошедший в состав Центральной медицинской комиссии по борьбе с венерическими заболеваниями при Наркомате здравоохранения⁵¹. Комиссия должна была координировать действия правительственных и неправительственных организаций (в том числе Наркомата внутренних дел, Международного Красного Креста, медицинского факультета Московского университета и Пироговского общества). В конце 1918 года она выпустила в свет доклад, полный паники:

С окончанием войны сотни тысяч и даже миллионы венериков вернулись в русские города и деревни и неустанно сеют вокруг себя (вольно и невольно) тяжкое бедствие для страны. Сеют смерть, вымирание народа. Необходимо спешно принять самые энергичные, широкие и действенные меры борьбы с этим тяжким бедствием... [Надо] спасти, насколько это еще возможно, население Российской Республики от вымирания⁵².

Тот факт, что чиновники от здравоохранения на самых ранних порах уделяли венерическим заболеваниям повышенное внимание, способствовал появлению в советском медицинском дискурсе устойчивой связи между сексуальностью и болезнью. В глазах советских врачей секс был потенциально опасным и нуждался в регулировании. Кроме того, безудержный рост частоты венерических заболеваний укрепил уверенность советских медицинских чиновников в том, что секс является не частным, а общественным делом:

⁵¹ *Bernstein F. L.* The Dictatorship of Sex. P. 18–19. Об усилиях британского правительства по предотвращению венерических болезней см. доклад Британского комитета по изучению венерических заболеваний, составленный в 1923 году и призывавший к более жесткому медицинскому вмешательству и инструктированию; PRO. MH 55. P. 191. См. также: *Hirschfield M.* The Sexual History of the World War. New York, 1941.

⁵² ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–4.

они были убеждены, что, пока массы не достигнут сексуального здоровья, нового общества не построить⁵³.

Даже после того, как кризис прошел свой пик, венерические болезни не перестали быть серьезной проблемой, и именно им уделялось особое внимание в советском сексуальном просвещении. В статье «Социальное значение сифилиса» один советский врач цитировал своего британского коллегу, утверждавшего, что сифилис ставит под угрозу ребенка, семью и государство. Автор статьи отмечал, что сифилитики часто становятся бесплодными, а если и рожают детей, то умственно отсталых, в результате чего «государство терпит существенный урон, не только теряя работоспособных граждан, но и будучи вынуждено тратить огромные средства на дома призрения для них»⁵⁴. Несколько организаций, подчинявшихся Наркомату здравоохранения, в том числе Государственный институт социальной гигиены и Государственный венерологический институт, уделяли особое внимание венерическим болезням и моделям сексуального поведения. Специальное бюро в составе Государственного института социальной гигиены проводило опросы по сексуальной тематике, а отдел социальной венерологии Государственного венерологического института устраивал лекции и выставки, посвященные болезням, передающимся половым путем⁵⁵.

Наркомат здравоохранения вел масштабную пропаганду против распространения венерических заболеваний. Уже в 1918 году соответствующая комиссия составила план, предусматривавший лекции, дискуссии и «десятки миллионов брошюр и плакатов» с целью рассказать массам об опасностях венерических заболеваний⁵⁶. Более того, широкая сеть венерических диспансеров занималась «санпросветработой» и лечила пациентов⁵⁷. Одной из стратегий, к которой прибегли чиновники здравоохранения, чтобы объяснить

⁵³ *Bernstein F. L. The Dictatorship of Sex. P. 19, 100–101. См. также: Healey D. Bolshevik Sexual Forensics: Diagnosing Disorder in the Clinic and the Courtroom, 1917–1939. DeKalb, 2009.*

⁵⁴ Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1926. № 8. С. 15.

⁵⁵ *Bernstein F. L. The Dictatorship of Sex. P. 21–22.*

⁵⁶ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 27. Л. 8. Анализ советских плакатов по борьбе с венерическими болезнями и проституцией см. в кн.: *Bernstein F. L. The Dictatorship of Sex. P. 114–123.*

⁵⁷ ЦАГМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 50. Л. 57–58.

людям всю опасность венерических заболеваний, были «санитарные суды» — инсценировки судебных процессов, которые должны были вынести приговор сексуальной распущенности и привлечь внимание людей к распространению венерических заболеваний. Серия текстов подобных «судебных процессов» была опубликована в середине 1920-х годов и стала общеизвестной благодаря спектаклям, которые ставились по всей стране⁵⁸.

Тормозя распространение венерических заболеваний, советское руководство использовало, помимо образовательной работы, и полицейские меры. Советский Уголовный кодекс предусматривал заключение на срок до шести месяцев каждому, кто сознательно заразил другого человека венерической болезнью⁵⁹. Особое внимание в ходе кампании по борьбе с венерическими заболеваниями уделялось проституции. В 1921 году советская Междуведомственная комиссия по борьбе с проституцией докладывала, что «в интересах физического и морального оздоровления всего населения» необходимо принять меры против проституции. Источниками последней комиссия называла бедность женщин, их бездомность и безработицу. Вместе с тем она подчеркивала наличие «профессиональных проститутток», которых следует считать «общественными паразитами и дезертирами труда» и отдавать под суд⁶⁰. В 1920-е годы советские чиновники использовали сеть профилакториев, где проститутки могли получить крышу над головой, медицинскую помощь и обучение новой работе, позволяющей изменить образ жизни. Но в 1930-е годы подход советского руководства сменился на более принудительный: проститутки стали заключать в лагерь⁶¹.

Венерологи обращали особое внимание на случайные сексуальные встречи, видя в них главную причину распространения венерических заболеваний. Один из врачей отмечал, что летом московские

⁵⁸ Wood E. A. *Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia*. Ithaca, 2005. P. 114–127.

⁵⁹ Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1926. № 18. С. 14.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 12. Д. 37. Л. 32. О проституции как о причине венерических болезней см. также: Вопросы здравоохранения. Официальный отдел. 1929. № 35. С. 430.

⁶¹ Bernstein F. L. *The Dictatorship of Sex*. P. 21; Лебина Н. Б. *Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 годы*. СПб., 1999. С. 93–97.

парки, особенно Сокольники, превращаются в «рассадники» сексуальной активности и заражения венерическими болезнями. Он рекомендовал не только наводить порядок в парках, но и распространять профилактические средства — для тех ситуаций, когда случайных сексуальных встреч не удастся избежать. Другой медик указывал на общежития приезжих рабочих, где, по его словам, обычно распространялись венерические болезни, и рекомендовал врачам проводить в них медицинские осмотры и просветительскую работу⁶². Директор московской венерологической клиники, заметив, что пациенты не всегда рассказывают родным о своих болезнях, начал отправлять медицинских работников в дома больных венерическими заболеваниями, чтобы проверить, не заразился ли кто-нибудь из членов семьи, и просветить их по поводу опасности подобных заболеваний⁶³.

Борьба с проституцией и венерическими болезнями была составной частью действий советского государства по контролю над сексуальностью. Если в дореволюционный период вопросы брака, секса и морали находились во власти православной церкви, то в 1920-е годы секс перешел в компетенцию советских врачей, для которых был в первую очередь вопросом здравоохранения, требующим просвещения населения и лечения заболевших. Эти врачи использовали нормативный подход, подчеркивая, что единственная законная форма сексуального поведения — гетеросексуальные отношения в браке в целях продолжения рода. Онанизм же такие сексологи, как Г. Н. Сорохтин, связывали с патологическим увеличением эгоцентризма и считали социальным извращением⁶⁴. Ведущий советский психолог Арон Залкинд обличал «дезорганизацию половой жизни» и видел в сексуальной энергии ресурс рабочего класса, который следует сохранять во имя производства⁶⁵. Партийные деятели

⁶² ЦАГМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 50. Л. 74, 87.

⁶³ Там же. Д. 26. Л. 3–6.

⁶⁴ Цит. по: *Naiman E. Sex in Public*. P. 121. Подробный рассказ о том, как советские сексологи клеймили мастурбацию, см. в кн.: *Bernstein F. L. The Dictatorship of Sex*. P. 138–145.

⁶⁵ *Залкинд А. Б. Половой вопрос в условиях советской общественности: Сборник статей*. Л., 1926. С. 6–14, 47–59. Другие советские специалисты тоже высказывались на тему необходимости сохранения и переориентирования сексуальной идеи. См.: *Bernstein F. L. The Dictatorship of Sex*. P. 133–134.

высказывались в таком же ключе: сам Ленин видел в половой несдержанности «знак разложения» и стремился перенаправить сексуальную энергию на задачи строительства социализма⁶⁶.

Подобное отношение партийных деятелей и специалистов-медиков проложило путь для более репрессивной политики в сфере секса, начавшейся в 1930-е годы. В годы «Великого перелома» социальная венерология разделила участь социальной гигиены, и открытая дискуссия о сексе и сексуальном поведении прекратилась. Журнал Государственного венерологического института начал публиковать статьи о медицинской статистике, диагнозах и способах лечения. Таким образом, пылкие теоретические дискуссии середины 1920-х годов закончились, а на смену им пришел более практичный — и построенный на принудительности — подход к сексуальным проблемам. В годы первой пятилетки чиновники здравоохранения решили прежде всего побороть венерические болезни на заводских стройках и призвали рабочих направить всю энергию, в том числе сексуальную, на индустриализацию⁶⁷. Но было бы ошибкой считать, что этот поворот покончил с попытками рационализировать половую жизнь и продолжение рода. Как отмечает Фрэнсис Бернштейн, в 1930-е годы в некотором роде был реализован именно тот идеал сексуальной нормы, какой представлялся сексологам: сексуальное воздержание, если речь не идет о продолжении рода, борьба с извращениями и торжество интересов общества, его потребностей в воспроизводстве, над интересами личности⁶⁸. В 1930-е годы советское правительство уже не позволяло обсуждать половые отношения ни ученым, ни обществу. Однако именно в это время оно особенно активно навязывало нормы сексуального поведения и репродуктивного здоровья, опираясь не столько на просветительство, сколько на полицейские меры.

ПОДДЕРЖКА МАТЕРИНСТВА И СЕМЬИ

Когда воспроизводство населения стало считаться компетенцией государства, политические деятели самых разных стран начали

⁶⁶ *Цеткин К.* Ленин о морали и вопросах пола. С. 21.

⁶⁷ *Bernstein F. L.* The Dictatorship of Sex. P. 185–187.

⁶⁸ *Ibid.* P. 5–8, 190–192.

оказывать материальную поддержку матерям. Самые разные люди, от государственных чиновников и врачей до членов женских организаций и религиозных групп, агитировали за увеличение государственной поддержки матерям. Хотя политика социальной помощи материнству и ее стратегия в разных странах заметно различались, в целом возобладала тенденция к обширной государственной помощи и пропаганде материнства. Советская политика вполне вписывалась в этот международный тренд, хотя и имела свои особенности, в том числе гендерное конструирование, подчеркивавшее двойную роль женщины — как матери и как работницы.

Государственная поддержка и коллективная ответственность за матерей и детей означали существенное отступление от либеральных принципов как в Великобритании, так и во Франции. Уже в конце XIX столетия ряд социальных реформаторов задались вопросом, насколько капиталистическая система заработной платы обеспечивает благополучие матерей и детей. Социальные реформаторы заявили, что рынок, определяющий заработную плату, не принимает во внимание, сколько детей растет в семье, а значит, игнорирует в вопросе заботы о детях интересы общества в целом. В XX веке подобные взгляды стали еще более популярны. Ведущая английская феминистка Элеанор Рэтбоун указывала, что при начислении зарплат не учитывается то, что у разных семей могут быть разные потребности, и рекомендовала вводить системы помощи многодетным семьям, чтобы уравновесить затраты на продолжение рода. Кроме того, она отмечала, что выплаты матерям станут компенсацией за их неоплачиваемый труд в домашнем хозяйстве и воспитании детей. Французский публицист Фернан Бовера, отнюдь не будучи феминистом, но считая, что дети являются коллективным ресурсом всего общества, пришел к весьма сходным выводам. Он отметил, что перераспределение дохода от бездетных людей к тем, кто стал родителями, — дело справедливое и необходимое, поскольку у какой бы пары ни родились дети, они укрепят хозяйственную и военную мощь Франции⁶⁹.

Первая мировая война дала дополнительный толчок к введению социальной помощи матерям. Хотя Немецкая лига по защите

⁶⁹ Pedersen S. Family, Dependence, and the Origins of the Welfare State: Britain and France, 1914–1945. New York, 1993. P. 2–4.

матерей уже до войны требовала страхования по материнству и создания учреждений по уходу за детьми, пришлось ждать 1916 года, чтобы правительство Германии наконец ввело существенные выплаты матерям⁷⁰. В начале 1920-х годов различные схемы поддержки семей были созданы во Франции и в Бельгии (благодаря государственным указам или частной инициативе работодателей), а также в Австрии (благодаря коллективным договорам)⁷¹. В межвоенный период различные государства внесли правку в Налоговый кодекс с целью вознаградить семьи с детьми и наложить взыскание за бездетность. С 1920 года французское правительство повысило на 25% подоходный налог для мужчин и женщин старше тридцати лет, не состоящих в браке, и на 10% — для пар, остававшихся бездетными после десяти лет брака. В 1927 году Муссолини ввел налог на холостяков, платить который обязаны были неженатые итальянские мужчины в возрасте с двадцати пяти до шестидесяти пяти лет⁷². Кроме того, Италия и Франция начали выплачивать премии за деторождение, чтобы люди были заинтересованы заводить детей. В 1935 году правительство Италии приняло решение оказывать помощь многодетным итальянским семьям и выплачивать премии военнослужащим и гражданским чиновникам за рождение каждого нового ребенка. В 1939 году французский Семейный кодекс ввел премию в несколько тысяч франков за первенца, который родится в первые два года брака⁷³. Правительство нацистской Германии с 1935 года тоже начало оказывать денежную помощь многодетным семьям, но ограничило ее «наследственно здоровыми» немецкими семьями. Таким образом, на практике нацисты проводили селективное стимулирование рождаемости, поощряя

⁷⁰ *Quine M. S. Population Politics in Twentieth-Century Europe. P. 105–106; Osborne C. The Politics of the Body in Weimar Germany. P. 20–21.*

⁷¹ *Pedersen S. Family, Dependence, and the Origins of the Welfare State. P. 4.* Японское правительство в 1937 году опубликовало Закон о защите матери и ребенка, предоставив помощь нуждающимся матерям. См.: *Otsubo S. Eugenics in Imperial Japan. Ch. 6; Dower J. War without Mercy. P. 271.*

⁷² *Quine M. S. Population Politics in Twentieth-Century Europe. P. 71; Ipsen C. Dictating Demography. P. 73.*

⁷³ *Quine M. S. Population Politics in Twentieth-Century Europe. P. 79; Offen K. Body Politics. P. 138, 150; Horn D. G. Social Bodies. P. 89–90.*

воспроизводство только тех людей, которых они считали физически и расово подходящими⁷⁴.

Советское правительство использовало финансовые стимулы, сходные с теми, что применялись во Франции и в Италии. Тот самый закон, который запрещал аборт, вместе с тем вводил систему ежегодных выплат для многодетных женщин. Те, у кого было свыше шести детей, ежегодно получали 2 тысячи рублей за каждого ребенка после шестого, а те, кто имел свыше десяти детей, — 5 тысяч при рождении нового ребенка после десятого и 3 тысячи ежегодно. Эти выплаты вызвали мгновенную реакцию женщин, у которых было семь и более детей. Местные чиновники оказались завалены запросами от женщин, по большей части крестьянок, имевших право на получение выплат⁷⁵. Важно отметить, что советское правительство поощряло рождаемость среди всех слоев населения, без учета классовых или этнических различий. Правительственный доклад от ноября 1936 года уточнял, что матери семи и более детей должны получать выплаты вне зависимости от своего социального происхождения, даже в том случае, если их мужья были арестованы за контрреволюционную деятельность⁷⁶. Таким образом, советская власть поощряла воспроизводство даже тех, кого считала классовыми врагами.

Кроме того, советское правительство стремилось повысить фертильность национальных меньшинств. К примеру, чиновники в Казахстане искали способы повысить рождаемость у казашек. Аборты, даже когда они еще не были запрещены, оставались большой редкостью среди казахских женщин, поэтому пропаганда против абортов в Казахстане была нацелена главным образом на живущих там славянок. Совсем по-другому обстояло дело с пропагандой повышения рождаемости и соответствующими стимулами. В этом случае казашки воспринимались как целевая группа — и действительно, многие из них, родившие семь детей или больше, получили

⁷⁴ *Pine L. Nazi Family Policy*. P. 109. О нацистской политике в сфере стимулирования рождаемости см. ниже раздел, посвященный евгенике.

⁷⁵ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 34. 21 июля. С. 511; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 2753. Л. 4. Советское правительство было вынуждено выделить в 1936 году 35 миллионов рублей только на эти выплаты (см.: Там же. Л. 31).

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 2754. Л. 32.

выплаты⁷⁷. Уже в 1920-е годы советские чиновники здравоохранения подчеркивали необходимость усиливать меры по уходу за новорожденными у национальных меньшинств в целях сокращения детской смертности. Начиная с 1936 года советское правительство создало в республиках Средней Азии обширную систему родильных домов и яслей⁷⁸.

СССР поощрял материнство не только путем денежных выплат женщинам, но и создавая родильные дома, а также ведя пропаганду повышения рождаемости. В первые же месяцы после прихода к власти советское правительство открыло множество родильных домов, яслей, молочных кухонь и педиатрических клиник. В середине 1930-х, когда господствовало стремление к повышению рождаемости, финансирование родильных домов и яслей еще выросло, хотя по-прежнему не могло удовлетворить потребности миллионов работниц. Впрочем, в теории советское правительство полностью взяло на себя уход за матерью и ребенком⁷⁹. Кроме того, власти стремились добиться того, чтобы женщины не избегали беременности из-за страха потерять работу или заработную плату. Уже в 1921 году правительство издало указ, по которому беременные женщины, неспособные работать, должны были получать свою полную зарплату из рабочего страхового фонда. В 1927 году советские законы гарантировали женщинам восемь недель декретного отпуска перед родами и после них⁸⁰.

Помимо этого, советская власть прославляла материнство и изображала деторождение естественной частью женской жизни, реализацией женщины. Статьи в советской прессе подчеркивали, какое счастье женщине приносят дети. Публиковался рассказ

⁷⁷ *Michaels P. Motherhood, Patriotism, and Ethnicity: Soviet Kazakhstan and the 1936 Abortion Ban // Feminist Studies. 2001. Vol. 27. No. 2. P. 312–316, 322–323.*

⁷⁸ Резолюции III Всесоюзного совещания по охране материнства и младенчества. С. 2, 10; *Michaels P. Motherhood, Patriotism, and Ethnicity. P. 320–321.* См. также: *Cavanaugh C. Backwardness and Biology. Ch. 5.*

⁷⁹ *Дробижев В. З. У истоков советской демографии. С. 109, 122; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 2754. Л. 45. См., например, черновик статьи Елены Стасовой «Женщине в СССР все пути открыты», в котором она подчеркивает, какую материальную помощь советское руководство оказывает матерям: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 202. Л. 11.*

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 12. Д. 320. Л. 16; *Социальная гигиена: Руководство для студентов-медиков. С. 318.*

матери пятерых детей о том, как они ее любят. Другая статья рассказывала, как дети заботятся друг о друге, благодаря чему многодетность является преимуществом, а не бременем⁸¹. Подобные пропагандистские кампании, прославлявшие материнство, разворачивались по всему миру. Многие страны начали отмечать День матери, в том числе США, сделавшие его в 1914 году национальным праздником. Французское правительство награждало женщин, родивших пять, восемь или десять детей, соответственно бронзовыми, серебряными или золотыми медалями. Правительство нацистской Германии жаловало многодетным матерям Почетный крест немецкой матери и разрешило женщинам, рожавшим пятого ребенка, записывать видного национального деятеля крестным отцом младенца (впрочем, когда выяснилось, что они предпочитают называть Гинденбурга, а не Гитлера, программа была приостановлена)⁸².

Хотя советская кампания во славу материнства напоминала пропаганду повышения рождаемости в других странах, у нее было одно важнейшее отличие. Советское правительство поощряло женщин продолжать работать во время беременности и после родов — и ожидало этого от них. Чтобы гарантировать, что беременная женщина сможет найти работу вне дома и сохранит свое рабочее место, в октябре 1936 года Политбюро приняло закон, по которому отказ нанять беременную женщину на работу стал уголовным преступлением — как и снижение ее зарплаты⁸³. Советское гендерное строительство подчеркивало двойную роль женщин — работниц и матерей — и отказывалось видеть какое-либо противоречие между этими ролями. А в Западной Европе в это же самое время многие чиновники и публицисты сетовали на феминизм и работу женщин вне дома, утверждая, что именно данные факторы виноваты в падении рождаемости. В начале 1920-х годов французский генерал Метро заявил: «Здесь слишком много женщин-машинисток и женщин-служащих и недостаточно много матерей семейств. С точки зрения фертильности немецкие матери победили французских;

⁸¹ Мартеповка. 1936. 1 мая; Работница и крестьянка. 1936. № 15. С. 5. См. также: Гигиена и здоровье. 1938. № 4. С. 6.

⁸² *Offen K.* Body Politics. P. 138, 150; *Pine L.* Nazi Family Policy. P. 96.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 981. Л. 69.

это первый реванш, который немцы взяли над Францией»⁸⁴. Нацистские вожди тоже подчеркивали традиционные гендерные роли, и некоторые финансовые выплаты немецким роженицам были возможны лишь в том случае, если женщина отказывалась от оплачиваемой работы⁸⁵.

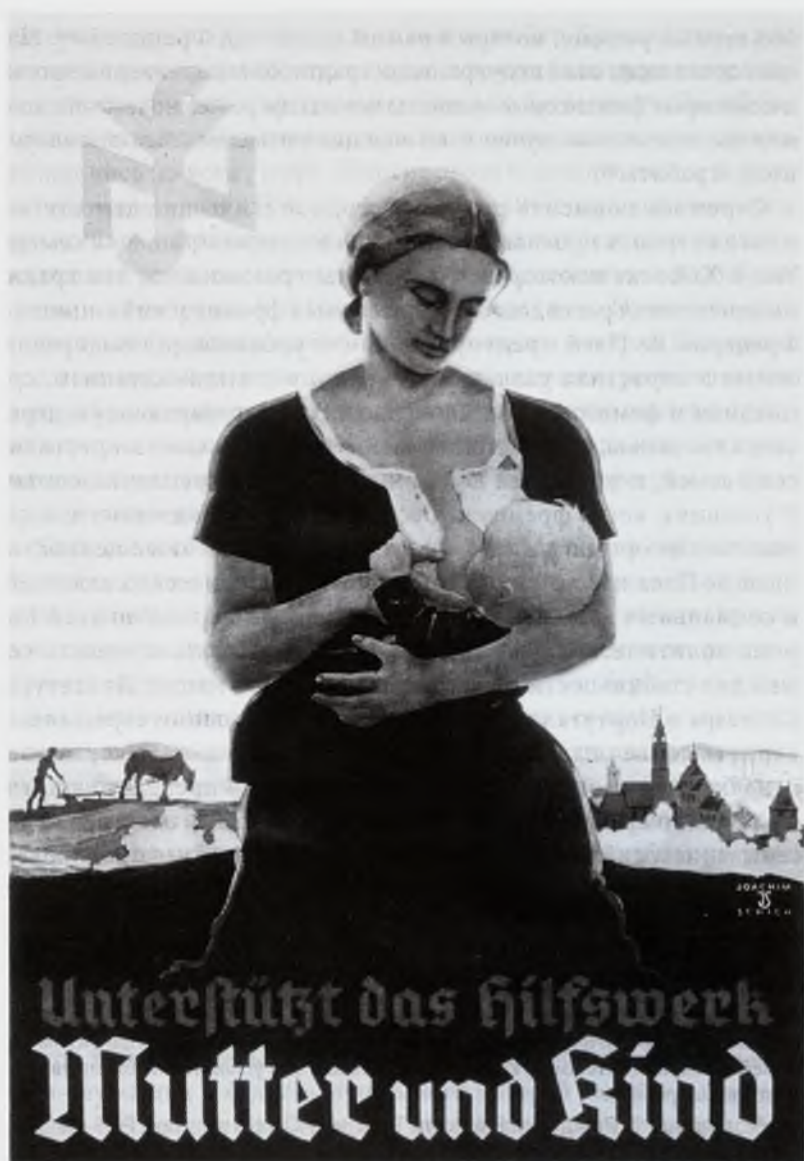
Стремясь повысить рождаемость, политические деятели во многих странах прославляли не только материнство, но и семью. Уже в XIX веке некоторые публицисты тревожились, что традиционная семья распадается. Влиятельный французский социолог Фредерик Ле Плей предупреждал, что урбанизация подорвала семью и взрастила разлагающие влияния: индивидуализм, социализм и феминизм. Идеалом он считал патриархальную деревенскую семью, отмечая повышенную плодovitость крестьянских семей, и предлагал юридические меры укрепления семьи. В условиях, когда французы беспокоились о рождаемости, а католические организации вели агитацию за семейные ценности, идеи Ле Пля находили отклик у многих политических деятелей и социальных мыслителей⁸⁶. В межвоенный период по всей Европе политические деятели начали подчеркивать важность семьи для стабильности общества и могущества нации. Диктатура Салазара в Португалии и режим Франко в Испании стремились вернуть семье роль столпа общества⁸⁷. Нацистские деятели воспевали традиционную крестьянскую семью — преграду на пути современной раздробленности и отчуждения. Они отстаивали эссенциалистский взгляд на женщин как на матерей и, в противовес другим странам, предпочитали выплачивать семейные пособия не

⁸⁴ *Offen K.* Body Politics. P. 138.

⁸⁵ *Hoffmann D. L., Timm A. F.* Utopian Biopolitics: Reproductive Policies, Gender Roles, and Sexuality in Nazi Germany and the Soviet Union // *Beyond Totalitarianism*. P. 117. Столкнувшись после 1936 года с растущим дефицитом рабочей силы, нацистское руководство отменило это условие, чтобы привлечь женщин на работу.

⁸⁶ *Quine M. S.* Population Politics in Twentieth-Century Europe. P. 55–58. Уже в публицистике XIX века возникло противопоставление, которое сохранится и в межвоенный период: с одной стороны — бесплодный город, с другой — «естественное» плодородие сельской местности. См.: *Horn D. G.* Social Bodies. P. 98–99.

⁸⁷ *Quine M. S.* Population Politics in Twentieth-Century Europe. P. 86; *Nash M.* Pronatalism and Motherhood in Franco's Spain. P. 160–166.

Ил. 9. Нацистский плакат, призывающий к повышению рождаемости, 1938. «Поддержи организацию помощи матери и ребенку» (Плакат GE 3869. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

матерям, а отцам, констатируя, что «теперь мужчина не окажется в худшем материальном или моральном положении по сравнению с так называемым умным холостяком просто из-за того, что выполнил свой долг перед нацией»⁸⁸.

Попытки укрепить семью, предпринимавшиеся в СССР, были схожи с тем, что делалось в других странах, как по содержанию, так и по целям (повышение фертильности). Но уникальной чертой Советского Союза был тот факт, что семья успела подвергнуться разоблачению как буржуазное учреждение. Отнюдь не было очевидно, что советские деятели выберут именно семью в качестве опоры для повышения рождаемости. Существовала ясно изложенная альтернативная модель сексуальной и социальной организации советского общества: рождение детей вне брака и коллективная ответственность за их воспитание. Ведущая советская феминистка Александра Коллонтай выступала за освобождение любви от ограничений брака и за избавление женщин от необходимости воспитывать детей — избавление при помощи введения коллективной ответственности и государственного финансирования. Ряд других советских мыслителей 1920-х годов поддерживали эти взгляды, в частности социолог С. Я. Вольфсон, мечтавший о том дне, когда семья будет сдана в антиквариат⁸⁹.

Тем не менее многие партийные лидеры, в том числе Ленин, верили в важность брака. С их точки зрения, сексуальное освобождение и уничтожение семьи отвлекали внимание от строительства социализма (а то и были извращением последнего)⁹⁰. Врачи тоже выступали за сохранение брака. Доктор А. О. Успенский заявлял, что нормальная половая жизнь может быть только в браке; если же брака нет, о ней не может быть и речи⁹¹. Советские юристы винили распад семьи в появлении тысяч бездомных и брошенных детей, представлявших собой серьезнейшую общественную

⁸⁸ Koonz C. Mothers in the Fatherland. P. 178; Bock G. Antinatalism, Maternity, and Paternity in National Socialist Racism // *Maternity and Gender Policies*. P. 243.

⁸⁹ Вольфсон С. Я. Социология брака и семьи. Минск, 1929. С. 450. Цит. в: Goldman W. Z. Women, the State and Revolution. P. 1.

⁹⁰ Цеткин К. Ленин о морали и вопросах пола. С. 18–21.

⁹¹ Цит. по: Bernstein F. L. The Dictatorship of Sex. P. 163. См. также: Ковалев К. Н. Вопросы пола, полового воспитания, брака и семьи. М., 1931. С. 2.

проблему⁹². В конечном счете партийные деятели решили сохранить семью и даже способствовать ее укреплению. И дело было не только в инструментальных функциях семьи, повышавшей рождаемость и обязывавшей родителей вырастить своих детей. Она, семья, еще и соответствовала взглядам партийных лидеров на то, что является приличным и как должно быть организовано социалистическое сообщество (хотя феминистки и не были с этим согласны).

В середине 1930-х годов советское правительство предприняло меры по поддержке семьи. Закон 1936 года, запретивший аборты, вместе с тем заметно усложнил развод. До введения этого закона действовал декрет 1918 года, принятый с целью ослабить брак и потому сделавший развод по заявлению любого из супругов легким и быстрым⁹³. Согласно новому закону, чтобы развестись, оба супруга должны были прийти в суд. Плата за развод выросла с 3 рублей до 50 (а также до 150 рублей в случае второго развода и 300 рублей в случае третьего)⁹⁴. Кроме того, советское правительство решило повысить значимость и почетность брака в глазах населения. Загсы стали более величественными, чиновники получили указания обращаться с новобрачными вежливо и уважительно, сертификаты о заключении брака стали красивее, а в магазинах начали продавать обручальные кольца. Пропагандистская кампания подчеркивала святость семьи и брака⁹⁵.

Наряду с укреплением семьи советское правительство решило повысить отцовские обязательства. Закон 1933 года, требовавший регистрации всех новорожденных в течение месяца, предоставлял матери право назвать отца ребенка вне зависимости от того, состояла ли она в браке с этим мужчиной, и даже в отсутствие последнего.

⁹² О расследовании и рассмотрении дел несовершеннолетних. М., 1937. С. 25–32; *Goldman W. Z. Women, the State and Revolution*. P. 324.

⁹³ Первый кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. М., 1918. Цит. по: *Goldman W. Z. Women, the State and Revolution*. P. 49.

⁹⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 34. 21 июля. С. 515.

⁹⁵ *Timasheff N. S. The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia*. New York, 1946. P. 200; Правда. 1935. 26 июня. С. 1; Работница и крестьянка. 1936. № 12. С. 2; Комсомольский работник. 1940. № 8. С. 3.

Мужчина, не признающий своего отцовства, все равно записывался отцом, если мать ребенка называла его таковым и предоставляла доказательства совместной жизни⁹⁶. Закон 1936 года, тот самый, который запрещал аборт и усложнял процесс развода, повысил требования к отцам по части алиментов. Минимальная сумма алиментов составляла четверть от доходов неженатого или разведенного отца в случае, если ребенок был один, треть — если детей было двое, и половину — если их было трое и больше. Наказание за неуплату алиментов выросло до двух лет тюрьмы⁹⁷. В последующие годы советское правительство показало, что оно серьезно относится к отцовской ответственности, приняв ряд мер по выслеживанию нерадивых отцов. Важность отцовства начала подчеркиваться и советской пропагандой: статья в «Правде» под названием «Отец» констатировала, что «отец, который не хочет нести своих отцовских обязанностей, — разрушитель семьи»⁹⁸.

Превознося семью, советское правительство не считало ее личным обязательством или способом самореализации⁹⁹. Всячески подчеркивалось, что сохранение семьи означает ответственность перед обществом и государством. Комсомольский лидер Александр Косарев говорил в 1934 году: «Чем крепче, чем гармоничнее семья, тем лучше она служит общему делу... Мы за серьезные, стабильные браки и большие семьи. Одним словом, нам нужно новое поколение, здоровое физически и морально». Один из советских юристов добавлял, что брак становится по-настоящему ценным для государства лишь в случае, если есть потомство¹⁰⁰. Пропаганда заявляла, что родители обязаны растить своих детей ради советского

⁹⁶ Государственное управление. Кодифицированный сборник законодательства РСФСР на 1 января 1934 года. М., 1934. С. 49.

⁹⁷ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 34 (21 июля). С. 515–516.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 9492. С. ч. Оп. 1. Д. 2. Л. 183; Правда. 1936. 9 июня. С. 1.

⁹⁹ Фрэнсис Бернштейн отмечает, что в отличие от сексуальных реформаторов в межвоенной Западной Европе, выступавших за брак-товарищество и сексуальное удовлетворение обоих супругов, работники советского полового просвещения вообще не говорили о сексуальном удовольствии, получаемом в браке (*Bernstein F. L. The Dictatorship of Sex. P. 161*).

¹⁰⁰ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1074. Л. 98–99, 108; Социалистическая законность. 1939. № 2.

государства. Один публицист в 1936 году писал, что родители должны работать рука об руку с государственными учреждениями и растить своих детей так, чтобы они стали сознательными и активными строителями социалистического общества. Более того, родители должны внушить детям готовность в любой момент пожертвовать жизнью ради социалистического отечества¹⁰¹.

Другие страны тоже продвигали семью не как независимое учреждение, но как инструмент государства или, в случае нацистской Германии, расы. Несмотря на всю риторику нацистов о восстановлении традиционных семей, модель, которую они выдвинули, была прямым нарушением консервативного идеала, предусматривавшего ограниченное вмешательство государства в частную жизнь. Нацистская семья должна была не защищать от государственного вмешательства, а, напротив, облегчать его, не воплощать личные свободы, связанные с рождением и воспитанием детей, а служить государственным целям роста населения и расовой чистоты. Как писал Гитлер в «Майн кампф», «брак не может быть сам по себе целью, он должен служить высшей цели, а именно размножению и сохранению вида и расы»¹⁰². Закон о здоровом браке, принятый в 1935 году, требовал от людей получить сертификат о пригодности к браку, а нацистская евгеническая политика означала, что женатые пары не всегда властны решать, заводить ли им ребенка. Более того, несмотря на бесконечную пропаганду семьи, в 1938 году нацистское правительство издало закон, позволявший развод в случае «преждевременной бесплодности» или «отказа продолжать род», а с началом войны даже стало поощрять секс вне брака, если он приводил к рождению новых «арийских» детей¹⁰³. Как пишет Жак Донзелло о французской семейной политике в эпоху модерна, семья стала «сферой прямого вмешательства» и произошел «переход от управления семьями к управлению через семьи»¹⁰⁴.

¹⁰¹ Svetlov V. *Socialist Society and the Family // Changing Attitudes in Soviet Russia: Documents and Readings* / Ed. R. Schlesinger. London, 1949. P. 334.

¹⁰² Pine L. *Nazi Family Policy*. P. 15. См. также: Koonz C. *Mothers in the Fatherland*. P. 14, 180.

¹⁰³ Pine L. *Nazi Family Policy*. P. 16–18; Hoffmann D. L., Timm A. F. *Utopian Biopolitics*. P. 108.

¹⁰⁴ Donzelot J. *The Policing of Families* / Transl. R. Hurley. New York, 1979. P. 89, 92.

Когда мы говорим, что советская политика «укрепляла» семью, необходимо иметь в виду одно уточнение. Поощряя брак, затрудняя развод и провозглашая семейную ответственность, советское правительство вместе с тем не укрепляло самостоятельность семьи, семейную автономию. Напротив, оно подчеркивало общественную и гражданскую роль семьи и не позволяло семье стать преградой на пути государственного вмешательства в частную жизнь. Советская семья, подобно семье во многих других обществах, стала важнейшим учреждением, выступавшим в роли посредника между личными желаниями и интересами государства¹⁰⁵. Советские чиновники использовали семью для создания норм сексуального поведения и социальной организации, потому что считали, что стабильные браки и большие семьи будут способствовать росту населения.

Другой причиной выбора в пользу семьи было то, что она отвечала представлениям партийных лидеров о пристойности. Большинство из них не приняли предложенную Коллонтай модель — со свободными союзами мужчин и женщин и коллективной ответственностью общества за воспитание детей, а к 1930-м годам этот вариант был отвергнут окончательно¹⁰⁶. Семья означала нормативную модель моногамных гетеросексуальных отношений, которая вписывалась в представления советских деятелей о надлежащей организации общества. Непосредственно перед кампанией по укреплению семьи советское правительство вновь объявило гомосексуализм преступлением¹⁰⁷. Дэн Хили отмечает, что повторная криминализация мужеложства совпала с кампанией советского руководства по чистке

¹⁰⁵ О том, как в европейской культуре брак стал единственным цивилизованным выражением секса, см.: *Hull I. Sexuality, State, and Civil Society in Germany, 1700–1815*. Ithaca, 1996. P. 294–296.

¹⁰⁶ Немалую роль играло в том числе и уничтожение мелкобуржуазного капитализма в конце 1920-х годов: теперь партийные деятели уже не боялись буржуазных влияний в семье. См.: *Hoffman D. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941*. Ithaca, 2003. P. 106.

¹⁰⁷ *Engelstein L. Soviet Policy toward Male Homosexuality: Its Origins and Historical Roots // Journal of Homosexuality*. 1994. Vol. 25. No. 3–4. P. 155–178. Закон, вновь признавший мужской гомосексуализм преступлением, был составлен в 1933 году и опубликован в марте 1934 года. См.: *Источник*. 1993. № 5–6. С. 164–165.

городов от «общественных аномалий» и кампанией в поддержку гетеросексуальной семьи¹⁰⁸. В 1936 году нарком юстиции Николай Крыленко назвал гомосексуалистов деклассированным мусором из отбросов общества и заявил, что им не место в обществе рабочих, предпочитающих нормальные отношения между полами и строящих общество на здоровых принципах¹⁰⁹. Таким образом, в поощрении семьи следует видеть часть более масштабной работы советского правительства, стремившегося сделать гетеросексуальность и продолжение рода обязательными — в интересах государства и общества в целом.

Вопреки ожиданиям политических вождей СССР и других стран запрет аборт, стимулирование рождаемости и законы в поддержку семьи не помогли повысить фертильность ни в одной стране. В Испании рождаемость в 1930–1940-е годы оставалась невысокой и повысилась (впрочем, весьма незначительно) только с улучшением экономических показателей в 1950–1960-е. Нет никаких данных о том, что испанские женщины вообще принимали всерьез государственную пропаганду, твердившую о материнстве как об их биологическом назначении¹¹⁰. В нацистской Германии, где были внедрены самые суровые репрессивные меры против абортов, рождаемость несколько выросла в период с 1933 по 1936 год, но затем перестала расти, так и не достигнув уровня конца 1920-х. И даже это незначительное увеличение фертильности было связано скорее с экономическим улучшением, чем с политикой поддержки рождаемости. Несмотря на нацистское прославление семьи, несмотря на денежные выплаты многодетным семьям, число семей с четырьмя детьми и более в нацистскую эпоху уменьшилось. Мало того, драконовские законы о запрете

¹⁰⁸ Healey D. *Homosexual Desire in Revolutionary Russia: The Regulation of Sexual and Gender Dissent*. Chicago, 2001. P. 182–190. Хили в том числе пишет о яростной пропагандистской войне между фашизмом и коммунизмом, в ходе которой обе стороны обвиняли друг друга в гомосексуализме и по итогам которой у советских чиновников возникла ассоциация между гомосексуализмом и фашизмом.

¹⁰⁹ Советская юстиция. 1936. № 7. Цит. по: Riordan J. *Sexual Minorities: The Status of Gays and Lesbians in Russian-Soviet-Russian Society // Women in Russia and Ukraine*. P. 160.

¹¹⁰ Nash M. *Pronatalism and Motherhood in Franco's Spain*. P. 174.

абортов не смогли помешать незаконным абортам, число которых достигало миллиона в год¹¹¹.

Советская кампания поддержки рождаемости тоже не дала особого эффекта. В правительственных докладах утверждалось, что люди «горячо приветствуют» закон о запрете аборт, а некоторые женщины, получившие выплаты за детей, действительно написали письма, в которых благодарили Сталина и обещали рожать еще¹¹². Но на практике большинство советских женщин отнюдь не приветствовали новый закон. Запрет на прерывание беременности привел к огромному количеству нелегальных аборт. В докладах Наркомата здравоохранения от октября и ноября 1936 года перечислялись тысячи случаев госпитализации женщин после плохо выполненных криминальных аборт. В 1937 году в больницах было осуществлено 356 200 прерываний беременности, а в 1938-м — 417 600, но только 10% из них были вполне легальны, остальные же представляли собой лишь доделывание работы после неудачно проведенных криминальных аборт¹¹³. Советское правительство приняло меры к выявлению тех, кто осуществлял нелегальные аборт: в 1937 году было арестовано и приговорено к тюремному заключению 4133 таких человека. В соответствии с законом те, кто был уличен в проведении аборт, приговаривались минимум к двум годам тюрьмы¹¹⁴. Но, несмотря на все усилия властей, выяснилось, что поймать подпольных мастеров аборт очень нелегко, поскольку женщины, оказавшиеся в боль-

¹¹¹ Bock G. Antinatalism, Maternity, and Paternity in National Socialist Racism. P. 245; Pine L. Nazi Family Policy. P. 181; Koonz C. Mothers in the Fatherland. P. 187.

¹¹² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 2753. Л. 15, 22, 26, 35. Свидетельства, собранные в ходе обсуждения Конституции 1936 года, указывают, что даже еще до выделения повышенных денежных средств для матерей, многие, и в первую очередь крестьяне, просили о финансовой помощи большим семьям. См.: Там же. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 18. Л. 117.

¹¹³ Там же. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 2753. Л. 85; РГАЭ. Ф. 1562. С. ч. Оп. 329. Д. 407. Л. 22–25. В другом докладе 1937 года отмечалось, что 323 438 случаев незаконченных аборт, которые пришлось доделывать в больницах РСФСР, очевидным образом указывают на огромную массу подпольных аборт. См.: ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 29. Д. 5. Л. 9.

¹¹⁴ Советская юстиция. 1936. № 34. С. 16; РГАЭ. Ф. 1562. С. ч. Оп. 329. Д. 407. Л. 25; ЦАГМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 27. Л. 12–15. Те, кто осуществил несколько аборт, часто приговаривались к четырем и более годам тюремного заключения.

нице после неумелой операции, редко соглашались сотрудничать с милицией¹¹⁵. В ходе устных бесед Дэвид Рэнсел обнаружил, что практически в каждой русской деревне имелся человек, осуществлявший нелегальные аборт, да и самостоятельно произведенное прерывание беременности было нередким явлением¹¹⁶.

Запрет аборт привел к повышению фертильности, но лишь ограниченному и временному. Если в 1935 году родилось 30,1 человека на тысячу, то в 1936 году этот показатель повысился до 33,6, а в 1937-м — до 39,6. Однако в 1938 году рождаемость снова пошла на спад, и к 1940 году в Европейской России женатые пары рожали уже меньше, чем в 1936-м¹¹⁷. Падение фертильности после 1938 года было отчасти связано с мощным разрушительным эффектом репрессий 1937 года, а также с подготовкой к войне. Но и без этих потрясений рождаемость даже не приблизилась к уровню, на котором находилась до индустриализации, а данные о нелегальных абортах указывают, что советские женщины в целом не приняли правительственный закон о запрете абортов. В 1936 году советская власть решила проигнорировать собственные выводы 1920 года о том, что запрет абортов лишь подталкивает женщин к нелегальному прерыванию беременности. Меры подавления не смогли привести к подъему рождаемости.

Прославление материнства и денежные выплаты тоже не принесли особых результатов. Денежные выплаты в первую очередь получили крестьянки, а у них и до введения материального вознаграждения было много детей¹¹⁸. Ресурсов, выделенных на родильные дома и детские сады, было недостаточно, чтобы заметно изменить жизнь матерей. Приоритетом государства продолжала оставаться

¹¹⁵ В 1938–1940 годах количество судебных преследований за аборт снизилось. И в целом, несмотря на рост числа обвинительных приговоров в 1941 году, криминализация абортов оказалась, если процитировать одного из ведущих ученых, «на редкость неэффективным расширением уголовного права» (*Solomon P. Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin*. P. 220–221).

¹¹⁶ *Ransel D. L. Village Mothers*. P. 71–72.

¹¹⁷ *Lorimer F. The Population of the Soviet Union*. P. 134; *Coale A., Anderson B., Harm E. Human Fertility in Russia*. P. 16. В первом квартале 1938 года рождаемость была значительно ниже, чем в 1937 году (см.: РГАЭ. Ф. 1562. С. ч. Оп. 329. Д. 186. Л. 5). Обсуждение этой темы см. также в кн.: *Goldman W. Z. Women, the State and Revolution*. С. 294–295.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 2753. Л. 8.

тяжелая промышленность, а детские учреждения и коммунальные столовые получали очень мало денег¹¹⁹. В не меньшей степени страдал от недофинансирования и сектор потребительских товаров, а значит, женщинам было чрезвычайно трудно доставать для своих детей товары даже самой первой необходимости. К примеру, в 1937 году Наркомат просвещения сообщал, что некоторые дети не ходят в школу, потому что матери не могут обеспечить их одеждой и обувью¹²⁰. В условиях сильнейшего дефицита еды, одежды и жилья на протяжении всех 1930-х годов женщины удерживались от того, чтобы заводить больше детей, — несмотря на все призывы властей.

Другим важнейшим препятствием была трудовая роль женщин. В 1930-е годы их активно набирали в промышленность, и официальный упор на материнство отнюдь не подразумевал, что женщины будут освобождены от обязанности выполнять «общественно полезный труд» вне дома. Советский гендерный порядок означал для женщины двойную роль — работницы и матери. Во время кампании по поддержке семьи советские чиновники ни разу не сказали, что место женщины — в доме. Напротив, советское правительство подчеркивало, что женщина обязана вносить вклад в хозяйство страны на рабочем месте, а также рожать и растить детей. В советской пропаганде 1930-х годов героини представляли одновременно как доблестные работницы и как нежные и любящие матери¹²¹. Советские законы предоставили женщинам оплачиваемый декретный отпуск — Сталин подчеркивал этот факт публично, — но это был недостаточно сильный стимул для того, чтобы заводить детей¹²². Советская реальность нагроулила женщи-

¹¹⁹ Там же. Оп. 17. Д. 315. Л. 71–72; ЦАГМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 174. Л. 3–4.

¹²⁰ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1264. Л. 6, 29. См. также: *Waters E.* The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937 // *Soviet Studies*. 1992. Vol. 44. No. 1. P. 123–135; *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998.

¹²¹ *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. P. 59; *Lapidus G. W.* Women in Soviet Society. Berkeley, 1978. P. 103–115. См. также: *Ilic M.* Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From «Protection» to «Equality». New York, 1999.

¹²² См. заявление Сталина по поводу резолюций съезда колхозников-ударников в 1935 году: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 138. Л. 85.

ну двойным бременем полной рабочей занятости и неоплачиваемой работы по дому.

ЕВГЕНИКА

Государственный контроль над воспроизводством населения достиг своего апогея в евгеническом движении, которое возникло в XIX веке, а в XX веке привело в ряде стран к государственным программам стерилизации. Именно евгеника является самым крайним воплощением попыток государства и ученых осуществить биосоциальную трансформацию населения. Если смотреть на нее из будущего, особенно вспоминая обширные евгенические программы нацистов, опасности евгеники легко признать и осудить. Но в начале XX столетия очень многие чиновники и врачи, происходившие из самых разных стран и придерживавшиеся самых разных политических взглядов, предрекали евгенике великое будущее, видя в ней науку, которая улучшит род человеческий¹²³.

С точки зрения многих социальных реформаторов, евгеника дарила шанс усовершенствовать физические и духовные способности населения, а также уничтожить наследственные болезни и физические недостатки. В представлении этих людей прибегнуть к евгенике означало использовать науку, чтобы улучшить человеческое общество в целом. Некоторые социологи считали, что преступность и нужда вызваны плохой наследственностью и евгеника предоставляет возможность избавиться от прежде неизлечимых социальных бед при помощи простой медицинской процедуры. Более того, евгенисты утверждали, что социальные реформы помогут лишь одному поколению, биологические же изменения, достигнутые при помощи евгеники, улучшат генофонд всех будущих поколений. Этот довод сильно поднял ставки в дискуссиях о стратегиях воспроизводства — он означал, что нынешняя репродуктивная политика сформирует людей на много поколений вперед.

¹²³ Как пишет один ученый, евгенику «приняли социальные реформаторы, признанные интеллектуалы и медицинские авторитеты от одного края политического спектра до другого, в том числе британские консерваторы и испанские анархисты», — см.: *Dikötter F. Race Culture: Recent Perspectives on the History of Eugenics // American Historical Review. 1998. Vol. 103. No. 2 (April). P. 467.*

Сам термин «евгеника» был предложен Фрэнсисом Гальтоном, двоюродным братом Чарльза Дарвина. Гальтон уже с 1860-х годов пропагандировал идею, что человеческую породу можно улучшить при помощи селекции, а в 1883 году впервые употребил термин «евгеника», в основе своей означавший «хорошего рода». Как Гальтон, так и его ученик Карл Пирсон, пытаясь объяснить человеческую наследственность, активно использовали статистику. Пирсон вместе с профессором зоологии У. Ф. Р. Уэлдоном разработали новую науку биометрию, сделавшую возможным статистическое измерение больших популяций. Гальтон прежде всего видел в евгенике средство увеличения численности «лучших пород», но помимо этого желал ограничить воспроизводство «худших», и его последователи, английские евгенисты, разделяли это стремление. Более того, Гальтон считал, что англосаксонская раса выше других, а предназначение высших рас — заменить собой низшие¹²⁴. Таким образом, с самых первых шагов евгеника сочетала расизм и социалдарвинизм со сциентизмом — верой в то, что человеческое общество можно усовершенствовать при помощи научных исследований и правильного руководства.

Важнейшей концепцией, на которую опиралось развитие евгеники, была идея Кетле об использовании статистических данных для составления портрета среднего гражданина. Раньше национальную или этническую группу описывали с точки зрения культуры, географии, религии или языка — теперь такую группу можно было описать, используя ее средние физические данные¹²⁵. Сбор статистических средних величин на протяжении лет позволял демографам выявить позитивные и негативные изменения. Соединив эти данные с идеями Дарвина об эволюции видов, евгенисты начали замышлять такую репродуктивную политику, которая подняла бы средний уровень населения. Евгеника представляла собой отход от индивидуальной медицины к социальной. Некоторые социалдарвинисты выразили беспокойство, что современная медицина сохранит генетически низших людей, которые, согласно теории о «выживании сильнейших», прежде не выжили бы. С этой точ-

¹²⁴ *Haller M. H. Eugenics: Hereditarian Attitudes in American Thought. Brunswick (N.J.), 1963. P. 8–17.*

¹²⁵ *Hacking I. The Taming of Chance. P. 107–108.*

ки зрения забота об отдельном человеке приносила вред обществу в целом, позволяя слабым выжить и оставить потомство. Некоторые мыслители увидели в обществе организм, который следовало защитить от больных клеток, и обратились к евгенике как к средству укрепить общество в целом¹²⁶.

В разных странах евгеническая мысль развивалась по-разному, в зависимости от господствующей идеологии, религии и представлений о том, что именно вызывает тревогу в связи с населением. Евгенику можно разделить на две основные категории: отрицательную (или жесткую) евгенику и положительную (или мягкую). Первая разновидность делала упор на селекцию и стремилась помешать воспроизводству людей, которые считались дефективными, а вторая выступала за улучшение условий воспроизводства в целях получения более здорового потомства. Отрицательная евгеника преобладала в протестантских странах Северной Европы и в США, а положительная — в католических странах Южной Европы и в развивающихся, в том числе и в Советском Союзе.

Этим двум видам евгеники соответствовали две различные теории генетики — менделевская и ламарковская. Первая, получившая свое название от имени жившего в XIX веке австрийского монаха Грегора Менделя, чьи исследования по генетике растений были вновь открыты в начале XX века, указывала, что приобретенные признаки невозможно унаследовать¹²⁷. Успеху менделевской генетики способствовал Август Вейсман, чьи исследования показали, что репродуктивные клетки человека (или «зародышевая плазма») не подвергаются влиянию других клеток. Иными словами, физическое или умственное совершенствование человека никак не повлияет на качества детей, которые от него впоследствии родятся. А вот ламарковской генетике был свойствен противоположный взгляд на вещи. Французский эволюционист Жан-Батист де Ламарк считал, что признаки, приобретенные живыми организмами, переходят

¹²⁶ См.: *Bock G. Sterilization and «Medical» Massacres in National Socialist Germany: Ethics, Politics, and the Law // Medicine and Modernity: Public Health and Medical Care in Nineteenth- and Twentieth-Century Germany. Cambridge, 1997. P. 155.*

¹²⁷ Слово «генетика» не использовалось до 1906 года.

к их потомству. На протяжении большей части XIX века ученые придерживались ламаркизма, в том числе и Чарльз Дарвин, и даже в первой половине XX века не прекращались дискуссии о наследовании приобретенных признаков¹²⁸. Противоборство менделевцев и ламаркистов заметно отразилось на евгенической мысли и на различных предложениях евгенистов.

Отрицательные евгенисты считали, что общественные проблемы можно решить, ограничив воспроизводство «дефективных» индивидуумов. В 1927 году, выступая на Женевской конференции по мировому населению, член Лондонского евгенического общества утверждал, что нищета, безумие и слабоумие — это явления наследственные и «несколько тысяч семейных групп, вероятно, создают великое бремя врожденной дефективности, с которым должно справляться все общество»¹²⁹. Директор отдела генетики Вашингтонского института Карнеги согласился с этой мыслью, отметив, что в некоторых «дефективных семьях» все становятся бродягами, а в других — ворами. Иными словами, он утверждал, что генетические дефекты определяют не только наличие отклонения от нормы, но и конкретный вид отклонения. В заключение он заявил, что «прекращение воспроизводства некоторых дефективных индивидуумов сократит... долю дефективных людей в населении»¹³⁰.

Население США уже было велико, и приток иммигрантов более чем компенсировал падение рождаемости, поэтому американские евгенисты сосредоточились на «улучшении расы», что означало укрепление физического и душевного здоровья населения, а также «улучшение» его этнического состава. Если говорить об идеологии, следует отметить, что именно благодаря всеобщей увлеченности прогрессом, имевшей место в начале XX века, некоторым психиатрам и другим специалистам было легко популяризовать евгенику. Как писал один ученый, стремление к прогрессу создавало «политическую культуру, которая позволяла искать решение социальных проблем в государственном вмешательстве,

¹²⁸ См.: Paul D. Controlling Human Heredity: 1865 to the Present. Atlantic Highlands (N.J.), 1995. P. 40–42.

¹²⁹ Proceedings of the World Population Conference. P. 326–332.

¹³⁰ Ibid. P. 343–344.

опирающемся на науку»¹³¹. Евгеническое движение в США набрало силу в первом десятилетии XX века, и несколько штатов приняли законы о стерилизации умственно отсталых. В 1927 году Верховный суд признал, что эти законы не противоречат Конституции США. В деле о насильственной стерилизации умственно неполноценной женщины председатель Верховного суда Оливер Уэнделл Холмс, высказываясь от лица большинства, дал санкцию на стерилизацию «тех, кто уже подтачивает силу государства» и утверждал, что «для всего мира будет лучше, если общество перестанет ждать, когда слабоумные проявят себя, и не позволит тем, кто очевидным образом является неполноценным, рожать себе подобных». Говоря об умственно неполноценной женщине и ее предках, он добавил: «Трех поколений слабоумных вполне достаточно»¹³².

Нацистские евгенисты искренне восхищались насильственными стерилизациями в США и вскоре после прихода к власти издали Закон о предотвращении потомства с наследственными болезнями. Уже в 1912 году на Международной евгенической конференции в Лондоне немецкие евгенисты рекомендовали меры отрицательной евгеники в качестве средства по уничтожению наследственных дефектов, и законопроект о стерилизации, составленный Прусским советом здравоохранения в 1932 году, тоже сосредоточился главным образом на наследственных дефектах¹³³. Нацистские евгенисты имели в виду «низших» людей в физическом, умственном и расовом отношениях. За годы нацистской власти в Германии были насильственно стерилизованы 400 тысяч человек, в том числе 200 тысяч

¹³¹ *Dowbiggin I. R. Keeping America Sane: Psychiatry and Eugenics in the United States and Canada, 1880–1940. Ithaca, 1997. P. 236.* Те идеи о нравственном преобразении и научном материнстве, которые продвигались женскими организациями, тоже повлияли на евгеническое движение в США. См.: *Klaus A. Depopulation and Race Suicide: Maternalism and Pronatalist Ideologies in France and the United States // Mothers of a New World: Maternalist Politics and the Origins of Welfare States / Eds. S. Koven and S. Michel. New York, 1993. P. 189–190.*

¹³² *Haller M. H. Eugenics. P. 130–141.*

¹³³ *Quine M. S. Population Politics in Twentieth-Century Europe. P. 104; Pine L. Nazi Family Policy. P. 12.* Об общих чертах Веймарской и нацистской Германии см.: *Grossmann A. Reforming Sex: The German Movement for Birth Control and Abortion Reform, 1920–1950. Oxford, 1995. Ch. 6.*

женщин¹³⁴. Разумеется, в своем окончательном виде нацистская версия расовой гигиены вышла далеко за рамки евгеники, приведя к массовому убийству евреев, цыган и до 200 тысяч душевнобольных или инвалидов. Это был самый экстремистский метод устранения «непригодных людей» из общественного тела¹³⁵.

В 1920–1930-е годы евгеника стала частью нарождавшихся социальных программ в Скандинавии. В 1929 году Дания стала первой скандинавской страной, принявшей закон о стерилизации, а в 1934 году за ней последовала Швеция. Шведские реформаторы утверждали, что стерилизация умственно отсталых позволит сильно сэкономить расходы на стационары и на помощь бедным и что в интересах государства «держат расу в порядке и улучшать ее»¹³⁶. В 1941 году шведский парламент распространил действие Акта о стерилизации и на людей, страдающих от сильных физических или умственных дефектов. Один из членов парламента сказал, что этот закон — «важный шаг к очищению шведского народа, освобождающий его от передачи генетического материала, который в будущих поколениях привел бы к появлению таких личностей, какие совершенно нежеланны в мире разумных и здоровых людей»¹³⁷.

Во Франции, в Италии и Латинской Америке евгеника пошла по другому пути. В этих странах положительная евгеника (поощрение «здорового» воспроизводства) возобладала над мерами евгеники отрицательной (стерилизации генетически «непригодных»).

¹³⁴ Bock G. Antinatalism, Maternity, and Paternity in National Socialist Racism. P. 234–240.

¹³⁵ Dikötter F. Race Culture. P. 470. См. также: Burleigh M., Wippermann W. The Racial State: Germany 1933–1945. New York, 1991.

¹³⁶ Dikötter F. Race Culture. P. 468; Broberg G., Tydén M. Eugenics in Sweden: Efficient Care // Eugenics and the Welfare State: Sterilization Policy in Denmark, Sweden, Norway, and Finland / Eds. G. Broberg and N. Roll-Hansen. East Lansing, 1996. P. 100–103. См. также: Källemark A.-S. More Children of Better Quality? Aspects of Swedish Population Policy in the 1930s. Uppsala, 1980. P. 56–59, 108–112; Blom I. Voluntary Motherhood 1900–1930: Theories and Policies of a Norwegian Feminist in International Perspective // Maternity and Gender Policies. P. 34; Seip A.-L., Ibsen H. Family Welfare, Which Policy? Norway's Road to Child Allowances // Ibid. P. 50–51.

¹³⁷ Broberg G., Tydén M. Eugenics in Sweden. P. 107. К 1960 году как минимум 50 тысяч жителей Швеции были стерилизованы в соответствии с евгеническими законами, отмененными только в 1975 году. См.: Dikötter F. Race Culture. P. 468; Johannisson K. The People's Health. P. 468.

В 1912 году на Международном евгеническом конгрессе в Лондоне французские и итальянские делегаты отвергли менделевский подход своих немецких и английских коллег и сосредоточились на идеях улучшения среды и получения более здорового населения при помощи общественного здравоохранения¹³⁸. Вернувшись на родину, французские делегаты основали Французское евгеническое общество, но остались верны своим ламаркистским взглядам, поэтому занялись в первую очередь просвещением на тему правильных условий для продолжения рода¹³⁹. Нет ничего удивительного в том, что многие медицинские специалисты и чиновники здравоохранения выбирали ламарковскую евгенику, а не менделевскую. В самом деле, менделевская евгеника подрывала традиционное здравоохранение, потому что (как указано выше) медицинский уход за больными и бедными мог восприниматься в качестве помехи естественному отбору и отсеканию «непригодных». А вот неоламаркизм утверждал, что общественные проблемы — это не только проявление, но и причина наследственных бед. Улучшением гигиены, жилищных условий и морального поведения людей можно улучшить и генетический материал, который перейдет к следующим поколениям. Подобный образ мысли способствовал развитию программ здравоохранения и социальной помощи и требовал срочного вмешательства государства с целью предотвратить генетическое вырождение, к которому могут привести бедность, алкоголизм и другие общественные проблемы¹⁴⁰.

Иным существенным фактором во Франции, в Италии и других католических странах стало неприятие католической церковью такой меры, как стерилизация. В 1930 году папа Пий XI издал свою энциклику «*Casti connubii*», недвусмысленно осудив евгенику: «Государственные органы не обладают прямой властью над телами своих подданных... В отсутствие преступления, в отсутствие причины для сурового наказания они не имеют права никогда, ни при каких обстоятельствах вредить целостности тела или нарушать ее по

¹³⁸ *Quine M. S. Population Politics in Twentieth-Century Europe.* P. 104.

¹³⁹ *Stepan N. L. «The Hour of Eugenics»: Race, Gender, and Nation in Latin America.* Ithaca, 1991. P. 80.

¹⁴⁰ *Ibid.* P. 74–91.

евгеническим или любым иным причинам». Католическая церковь осудила отрицательную евгенику как «зоотехнику, приложенную к роду человеческому», тем самым создав существенное религиозное и нравственное препятствие для стерилизации в католических странах¹⁴¹. Существовавшие во Франции и в Италии опасения по поводу недостаточной плодovitости населения тоже способствовали тому, что большинство французских и итальянских евгенистов заключили союз с поборниками рождаемости, выступавшими против отрицательной евгеники¹⁴².

Итальянские евгенисты специально использовали термин «положительная евгеника» (или «эутеника»), чтобы противопоставить свои программы «негативной евгенике» нацистской Германии. Кроме того, итальянские фашисты уделяли гораздо меньше внимания расе, чем нацисты, и поэтому не нуждались в отрицательной евгенике для укрепления расовой чистоты. В интервью 1932 года Муссолини отверг идею чистокровных рас и утверждал, что «часто нация приобретает силу и красоту именно благодаря удачному смешению». Некоторые итальянские евгенисты, в полном соответствии с его тезисом, считали, что сильная раса образуется благодаря смешению генов¹⁴³. Латиноамериканские врачи в большинстве своем следовали за итальянскими и французскими евгенистами. Отказавшись от отрицательных евгенических стратегий вроде стерилизации, они стремились распространить принципы общественного здравоохранения и на сферу продолжения рода. Они связывали евгенику с акушерством и заботой о младенцах, а также с кампаниями против алкоголизма, туберкулеза и венерических заболеваний. Как утверждает Нэнси Лейс Степан, неоламаркистский подход латиноамериканских врачей оправдывал их усилия по укреплению здоровья народа и повышению его благополучия, поскольку означал,

¹⁴¹ *Grazia V. de. How Fascism Ruled Women. P. 54; Horn D. G. Social Bodies. P. 61.*

¹⁴² *Schneider W. H. Quality and Quantity. P. 8, 119; Horn D. G. Social Bodies. P. 61.* Впрочем, в 1930-е годы некоторые французские евгенисты разошлись с поборниками рождаемости и стали рекомендовать методы отрицательной евгеники, в том числе и стерилизацию. См.: *Schneider W. H. Quality and Quantity. P. 9.*

¹⁴³ *Horn D. G. Social Bodies. P. 59–62; Grazia V. de. How Fascism Ruled Women. P. 53.*

«что улучшения, достигнутые при жизни индивидуума, могут быть переданы его потомству на генетическом уровне, что улучшений можно добиться»¹⁴⁴.

Евгеника в Советском Союзе следовала скорее латиноамериканской модели, чем англосаксонской. Как и во всех других странах, в СССР врачи придерживались самых разных взглядов, но в целом склонность к ламаркизму преобладала — в соответствии с упором на среду, который был свойственен марксизму и русской медицинской культуре. Если принять во внимание, что советские деятели стремились к революционному преобразованию, несложно увидеть, чем евгеника их привлекала. Вот, казалось, научный метод, позволяющий улучшать и преобразовывать население¹⁴⁵. Тем не менее в конечном счете советское правительство не только отвергло евгенику, но и яростно атаковало ее.

Евгенические идеи проникли в Россию из Западной Европы еще до революции. Между 1890 и 1910 годами несколько молодых русских ученых прошли обучение в Западной Европе, и в это же время ряд работ по экспериментальной биологии, генетике и эволюции был переведен на русский язык и опубликован в России. Отчасти благодаря этим связям в период между 1900 и 1930 годами в России были весьма популярны такие новые дисциплины, как евгеника, биогеохимия и биологическая физика. Все эти направления указывали на интерес к научному руководству вопросами продолжения рода. Первое евгеническое исследование в России было проведено в 1914 году,

¹⁴⁴ *Stepan N. L.* «The Hour of Eugenics». P. 74, 80. Евгеническая мысль в разных латиноамериканских странах могла заметно варьироваться в зависимости от социально-политического положения в конкретной стране. Так, левое правительство Мексики стремилось к улучшению репродуктивного здоровья всех групп населения. А в Аргентине, где у власти находились консерваторы, а жители европейского происхождения были озабочены сохранением своей расовой чистоты, евгенисты проявляли больше интереса к биотипологии — классификации населения по биологическому и расовому типу. См.: *Stepan N. L.* «The Hour of Eugenics». P. 55–60, 119.

¹⁴⁵ В 1936 году американский социалист Герман Мюллер, работавший в московском Институте генетики, писал Сталину, восхваляя евгенику: она позволяет контролировать биологическую эволюцию человека и ставить ее на службу эволюции общественной. О письме Мюллера и реакции на него Сталина (в высшей степени негативной) см.: *Carlson E. A.* *Genes, Radiation, and Society: The Life and Work of H. J. Muller.* Ithaca, 1981. P. 233.

когда был создан Институт экспериментальной биологии, а в годы Первой мировой войны Российская академия наук создала Комиссию по изучению естественных производительных сил¹⁴⁶.

После революции советское правительство заинтересовалось евгеникой, и в 1920 году при Наркомате здравоохранения было создано Русское евгеническое общество. На следующий год было открыто Бюро евгеники в составе Российской академии наук. Эти официальные организации помогали русским евгенистам поддерживать контакты с иностранными коллегами. Русское евгеническое общество выбрало представителя в Международную комиссию по евгенике, установило связи с евгеническими обществами в США, Великобритании и Германии, а в 1924 году отправило своего председателя на Международный евгенический конгресс в Милан¹⁴⁷. Печатный орган общества, «Русский евгенический журнал», публиковал многочисленные обзоры иностранных трудов по евгенике и программы иностранных евгенических обществ. Кроме того, в нем были статьи, анализировавшие воздействие войны на различные группы населения в Европе и рекомендовавшие регистрацию брачных союзов и контроль над ними из евгенических соображений¹⁴⁸.

В 1920-е годы советские мыслители рекомендовали применять меры как отрицательной, так и положительной евгеники. Генетик Николай Кольцов, выступая в 1921 году на Всероссийском совещании по охране материнства и младенчества, превозносил евгенику в качестве новой науки, имеющей много общего с селекцией животных и растений. С видимым сожалением он признавал, что государства не должны разводить людей так, как коннозаводчики разводят лошадей. Тем не менее, по словам Кольцова, ответственность

¹⁴⁶ Adams M. *Eugenics in Russia, 1900–1940 // The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia / Ed. M. Adams. New York, 1989. P. 157–160; Idem. Eugenics as Social Medicine in Revolutionary Russia. P. 206.*

¹⁴⁷ *Idem. Eugenics as Social Medicine in Revolutionary Russia. P. 204–207; Graham L. Between Science and Values. New York, 1981. P. 232–235.*

¹⁴⁸ Горбунов А. В. Влияние мировой войны на движение населения Европы // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1. № 1. С. 39–63; Люблинский П. И. Брак и евгеника // Там же. 1927. Т. 5. № 2. С. 49–89. Бюро заграничной санитарной информации при Наркомате здравоохранения тоже сообщало о евгенических идеях, которые продвигались в других странах (см.: ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 144. Л. 306–312).

государства в сфере евгеники включает в себя помощь матерям¹⁴⁹. В 1928 году Александр Серебровский предложил проводить искусственное осеменение спермой «выдающегося и ценного производителя». Он заявлял, что «при таких условиях селекция человека пойдет вперед гигантскими шагами»¹⁵⁰. В том же самом году Зинаида Мичник писала, что наследственные болезни не должны воспроизводиться, а вот люди одаренные, здоровые и сильные обязаны передать свои природные богатства следующему поколению. Она утверждала, что воспроизводство населения должно быть рационализировано, упорядочено и отрегулировано с целью обеспечить качество будущих поколений¹⁵¹.

На первых порах евгеника не вызвала противодействия в Советском Союзе. Но в 1925 году разгорелась дискуссия между последователями Менделя и Ламарка в генетике. Поскольку русские медицинские традиции противоречили генетическому детерминизму менделевской евгеники, большинство советских евгенистов придерживались ламаркизма. Однако существовало и противоположное мнение, озвученное Юрием Филипченко. По его словам, принять ламаркизм означало согласиться с тем, что тяжелая жизнь рабочих, от которой они страдали в течение многих поколений, привела к их генетической деградации. Он выступал за менделевскую генетику, утверждавшую, что годы нищеты и угнетения никак не повлияли на гены пролетариев¹⁵². Аргумент Филипченко не только демонстрирует, насколько сложны были евгенические дискуссии в СССР, но и указывает на более серьезную проблему дискуссий между менделевцами и ламаркистами. В то время как менделевская генетика обычно ассоциируется с отрицательной евгеникой, а ла-

¹⁴⁹ Кольцов Н. К. Евгеника как научная база в работе Отдела охраны материнства и младенчества // Материалы Первого Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. М., 1921. С. 41–49. Он также предупреждал, что нежелание женщин рожать достаточное количество детей уже привело в прошлом к вымиранию «многих рас» и «целых культурных наций».

¹⁵⁰ Бабков В. В. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 532; Adams M. Eugenics as Social Medicine in Revolutionary Russia. P. 216.

¹⁵¹ Мичник З. О. Сознательное материнство и регулирование деторождения // Журнал по изучению раннего детского возраста. 1928. № 1. С. 72.

¹⁵² Graham L. Between Science and Values. P. 239.

маркизм — с положительной, на самом деле ламаркистские позиции тоже вполне позволяли выступать за политику стерилизации. Выдающийся французский неоламаркист Фредерик Урсэ полагал: совокупные негативные последствия вредной среды могут до такой степени испортить наследственность, что социальные реформы ей уже не помогут и непригодных людей (например, хронических алкоголиков) придется попросту стерилизовать¹⁵³.

Вопреки аргументам Филипченко, большинство советских евгенистов продолжали придерживаться ламаркизма и делать выбор в пользу положительной, а не отрицательной евгеники. М. В. Волоцкой, в 1923 году поддержавший программу стерилизации, впоследствии начал развивать марксистскую евгенику, подчеркивавшую роль факторов среды¹⁵⁴. Еще чаще встречались работники полового просвещения, которые, не используя слово «евгеника», сосредоточились на способах улучшения репродуктивного здоровья населения. Многие из этих специалистов признавали важность как фактора среды, так и наследственности, но, будучи глубоко заинтересованы в улучшении здоровья и благополучия людей, ставили фактор среды на первое место¹⁵⁵. К примеру, доктор Б. А. Ивановский заявил, что изменения в общественной сфере и воспитании имеют не менее важное значение для улучшения расы, чем наследственные факторы¹⁵⁶.

Несмотря на всю популярность евгеники в СССР, несмотря на кажущуюся совместимость ламаркизма и марксизма, советская евгеника в конце концов вошла в конфликт с официальной идеологией. В 1930 году, когда диктат марксизма был навязан всем социальным наукам, советские руководители распустили Русское евгеническое общество. Поспешность, с которой государство бросилось осуществлять индустриализацию, диктовала свои правила, и российские евгенисты были вынуждены признать, что разработка природных ресурсов является более важным и практичным делом, чем евгеническое развитие населения¹⁵⁷. Впрочем, хотя формально

¹⁵³ *Stepan N. L.* «The Hour of Eugenics». P. 111.

¹⁵⁴ *Adams M.* Eugenics as Social Medicine in Revolutionary Russia. P. 210; *Graham L.* Between Science and Values. P. 243.

¹⁵⁵ *Bernstein F. L.* The Dictatorship of Sex. P. 173.

¹⁵⁶ Цит. в работе: *Eadem.* «What Everyone Should Know about Sex». P. 334.

¹⁵⁷ *Adams M.* Eugenics as Social Medicine in Revolutionary Russia. P. 219.

евгеническое движение закончилось, это не означало, что советские ученые отказались от евгенического образа мысли. Многие евгенисты перешли в Научно-исследовательский медико-генетический институт имени М. Горького и там продолжали обсуждать человеческие гены, уже не используя сам термин «евгеника». Институт публиковал сообщения об открытиях, приводившиеся в британском журнале *Annals of Eugenics*, а также множество статей по различным вопросам евгеники, от генетических причин человеческих болезней до влияния межэтнических браков и инбридинга на население Москвы¹⁵⁸. Кроме того, советское руководство разрешило создать в Москве германско-советскую Лабораторию расовых исследований, которая, несмотря на все трудности, действовала с 1931 по 1938 год¹⁵⁹.

Окончательное крушение советской евгеники произошло в 1936–1937 годах, когда работу генетиков Института имени Горького связали с фашистской евгеникой. Трофим Денисович Лысенко и его последователи атаковали менделевскую генетику, чтобы укрепить собственные ламаркистские позиции, и выступили с разоблачениями ряда ведущих медиков-генетиков, которые впоследствии были арестованы и расстреляны¹⁶⁰. Тот факт, что евгеника в конечном счете была заклеяна как фашистская наука, свидетельствует не только о влиянии марксистской идеологии, но и о желании партийных лидеров провести четкую границу между двумя репродуктивными политиками — социалистической и фашистской. Вопреки заявлениям партийных деятелей евгеника вовсе не являлась исключительно фашистской наукой: она была широко распространена и в нефашистских странах, таких как США. Но в 1930-е годы, на фоне растущего идеологического

¹⁵⁸ *Adams M.* Eugenics as Social Medicine in Revolutionary Russia. P. 188–189.

¹⁵⁹ *Weindling P.* German-Soviet Cooperation in Science: The Case of the Laboratory for Racial Research // *Nuncius*. 1986. Vol. 1. No. 2. P. 105–107. Закон о запрете на аборт, принятый Политбюро в 1936 году, сам по себе отражал евгенический образ мысли: аборт позволялся в случае угрозы проявления у ребенка наследственных болезней или нарушений (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 982. Л. 126–130). Прошедшая в 1938 году конференция, посвященная комиссиям по абортам, вновь подтвердила позволительность аборта в том случае, если отец или мать ребенка страдают от наследственной болезни (ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 29. Д. 20. Л. 5–10).

¹⁶⁰ *Adams M.* Eugenics in Russia. P. 196.

противостояния и международной напряженности, советское руководство отвергло евгенику более решительно, чем когда-либо. И это произошло не только потому, что евгеника противоречила советской установке на особое внимание к условиям среды, а также советскому универсализму, но и потому, что она стала ассоциироваться с фашизмом.

Возможно, евгеника является самым откровенным примером попыток государства и ученых взять под контроль воспроизводство населения и осуществить его биосоциальное преобразование. Она стала популярной, пообещав улучшить род человеческий при помощи технократических средств. Неудивительно, что в тот век, когда управление населением казалось не только возможным, но и необходимым, столь многие политические деятели и социальные реформаторы обратились к евгенике. Не менее интересно и то, что она могла принимать совершенно разные формы — в зависимости от политических идеологий, условий жизни общества, религии и этнического состава различных групп населения. Как мы видели выше, главная линия раздела в Западной Европе проходила между протестантскими странами Северной Европы, которые придерживались отрицательной евгеники, и католическими странами Южной Европы, предпочитавшими евгенику положительную. По всей видимости, аналогичное разделение наблюдалось и в Америке, Северной и Южной: в то время как в США возобладали отрицательная евгеника, в Латинской Америке воцарилась положительная.

Впрочем, добавив в уравнение другие страны, мы отчетливо увидим, что немалую роль в восприятии евгенической мысли играли и факторы, не имевшие никакого отношения к религии. Если взять СССР и Румынию, две преимущественно православные страны Восточной Европы, то можно заметить, что русские врачи интересовались положительной евгеникой (пока все движение в целом не было запрещено советским правительством), а румынские евгенисты склонялись к евгенике отрицательной — в большой степени под влиянием немецкой и американской медицинской науки. Хотя законодательство Румынии в сфере здравоохранения не дошло до стерилизации, румынские евгенисты, многие из которых учились в Германии или США (при содействии Фонда Рокфеллера),

решительно выступали за менделевскую генетику, против ламаркизма. Они считали, что улучшение среды повысит уровень здоровья населения, но не сможет привести к изменению его наследственных черт¹⁶¹.

В большинстве других развивающихся стран господствовала положительная евгеника. В республиканской Турции, несмотря на все влияние немецкой медицинской мысли, отрицательная евгеника была отвергнута, а стерилизация оказалась в 1936 году под запретом. Вместо этого турецкие евгенисты стремились к улучшению гигиены, репродуктивного здоровья и ухода за детьми, считая, что это приведет к повышению качества населения в целом¹⁶². Подобно своим русским коллегам, турецкие врачи и социологи считали, что если массы пребывают в тяжелом положении, виной тому условия их жизни, а не какие-либо врожденные недостатки. Помимо прочего, нежелание прибегнуть к отрицательной евгенике было в данном случае связано и с неприятием тех расистских иерархий, выстроенных некоторыми европейскими евгенистами, в которых туркам отводилось место низшей расовой группы¹⁶³. Не нашла признания менделевская генетика и в Японии, поскольку, в сочетании с европейскими представлениями об иерархии рас, навечно закрепляла за японцами низшее положение. Японские евгенисты сделали выбор в пользу ламаркизма и подчеркивали, что улучшить биологическое качество населения можно при помощи повышения уровня образования и физического развития женщин¹⁶⁴. Нечто подобное наблюдалось и в республиканском Китае: хотя здесь в 1930-е годы и не обошлось без недолговечного увлечения менделевской генетикой, в целом китайские врачи и ученые сделали выбор в пользу положительной евгеники и программ полового образования и социальной

¹⁶¹ *Bucur M.* Eugenics and Modernization in Interwar Romania. P. 59–61, 67. Как отмечает Букур, румынские евгенисты отличались от своих немецких коллег тем, что предлагали добровольные, а не принудительные меры и в меньшей степени интересовались расовой чистотой (см.: *Ibid.* P. 79).

¹⁶² *Alemдарođlu A.* Politics of the Body and Eugenic Discourse in Early Republican Turkey. P. 70–71.

¹⁶³ *Ibid.* P. 71–72. Алемдароглу сообщает, что турецкие евгенисты не считали низшими даже этнические меньшинства своей страны, следуя кемалистскому дискурсу национального единства.

¹⁶⁴ *Otsubo S.* Eugenics in Imperial Japan. Ch. 7.

гигиены¹⁶⁵. Даже в таких странах, как Египет, где главной заботой была перенаселенность, разговоры о стерилизации не получили особой поддержки со стороны ученых-медиков, вместо этого предложивших организовать государственные услуги по улучшению гигиены, здоровья и жилищных условий крестьянок¹⁶⁶.

В Советском Союзе окончательный разгром евгеники произошел по идеологическим причинам — она была отвергнута как фашистская наука. Но и вне всякой связи с идеологическими заявлениями отрицательная евгеника никогда не пользовалась особым успехом среди советских интеллектуалов. Подобно своим коллегам в католических странах Европы и многих развивающихся странах, советские социологи и врачи считали, что качество населения следует повышать не при помощи стерилизаций, а улучшая жилищные условия людей и их репродуктивное здоровье. Советская интеллигенция, взяв на себя нравственное обязательство по улучшению жизни крестьян и рабочих, не считала, что они сами повинны в своих тяжелых жизненных обстоятельствах, а их положение бесперспективно. В планы советской интеллигенции отрицательная евгеника попросту не вписывалась, а вот репродуктивная политика, уделявшая особое внимание гигиене и благополучию матерей, вполне им соответствовала. При всем своем стремлении к трансформации общества ученые СССР решительно отвергли биологическую манипуляцию, основанную на генетическом детерминизме.

УХОД ЗА ДЕТЬМИ И ИХ ВОСПИТАНИЕ

Стремясь к трансформации населения при помощи репродуктивного контроля, государства начали вмешиваться в уход за детьми и их воспитание. Перелом наступил тогда, когда возобладали мнение, что родители не располагают полными и исключительными правами на своих детей, которые в первую очередь принадлежат обществу, нации или расе. Различные правительства начали разработку

¹⁶⁵ *Dikötter F.* Imperfect Conceptions: Medical Knowledge, Birth Defects, and Eugenics in China. New York, 1998. P. 5, 71–74.

¹⁶⁶ *El Shakry O.* Barren Land and Fecund Bodies: The Emergence of Population Discourse in Interwar Egypt // *International Journal of Middle East Studies.* 2005. Vol. 37. P. 360–361. Об аналогичных идеях в Иране см.: *Schayegh C.* Hygiene, Eugenics, Genetics, and the Perception of Demographic Crisis in Iran. P. 337–339.

программ и законов, ставивших целью обеспечить детское здоровье и правильное выращивание детей. Специалисты-медики и правительственные чиновники устанавливали нормы ухода за ребенком и обеспечивали их выполнение при помощи самых разнообразных программ обучения и вмешательства — таких, как домашние визиты врачей, родильные дома, лишение родительских прав, детские и юношеские организации. Советские чиновники тоже разделяли эту общую озабоченность детьми и обратились к аналогичным методам государственного вмешательства, хотя содержание их программ в некоторой степени отличалось от того, что происходило в других странах.

В конце XVIII — начале XIX века западноевропейские врачи стали публиковать труды, посвященные тому, как лечить детей и растить их, — труды первоначально в рамках культа домашнего очага и стремления изолировать буржуазную семью от низших классов¹⁶⁷. К концу XIX столетия забота о благополучии детей распространилась на все население, поскольку здоровье детей из низших классов стало считаться чрезвычайно важным для благополучия общества в целом. Парижский врач Альфред Карон изобрел термин *пуэрикультура*, означавший выращивание детей в соответствии с требованиями науки, что, по словам Карона, было чрезвычайно важно «с точки зрения улучшения породы». В 1890-е годы популяризатором новой дисциплины стал один из ведущих французских врачей, Адольф Пинар, превративший заботу о матери и ребенке в одну из важнейших сфер здравоохранения. Идеи Пинара быстро распространились по Европе и за ее пределами, что привело к расцвету всех составляющих пуэрикультуры: акушерства, гинекологии и педиатрии¹⁶⁸. Средством распространения идей вновь стали публикации и международные встречи. Детское здоровье удостоилось особого внимания на международных конгрессах, посвященных охране детей и состоявшихся в 1883 году в Париже, в 1895-м — в Бордо и в 1913-м — в Брюсселе. Пинар выступил с речью на X Международном конгрессе по здоровью и демографии, прошедшем в 1900 году в Париже. В этой речи он настойчиво высказал

¹⁶⁷ Donzelot J. The Policing of Families. P. 17.

¹⁶⁸ Schneider W. H. Quality and Quantity. P. 63, 74; Stepan N. L. «The Hour of Eugenics». P. 78.

свои мысли о том, что важнейшим средством по борьбе с вырождением является уход за беременными женщинами и новорожденными¹⁶⁹. Одной из причин стремительного развития пуэрикультуры был тот факт, что она давала ответ на широко распространенный страх перед вырождением. Хотя пуэрикультура преследовала те же цели, что и отрицательная евгеника, а именно обеспечение высокого биологического качества следующего поколения, ее методы были куда более мягкими.

Идеи пуэрикультуры оказали значительное влияние на врачей и чиновников Латинской Америки. Как писал один ученый, благодаря новой дисциплине мать и ребенок оказались в центре особого внимания медиков, а женщин стали учить, как растить здоровых детей ради блага страны. Дети предстали «биологически-политическими ресурсами нации, а регулирование их здоровья стало считаться обязанностью государства»¹⁷⁰. Эту линию проводили в том числе и панамериканские детские конгрессы, регулярно собиравшиеся с 1916 года и заявлявшие, что для государства чрезвычайно важно обеспечить благополучие детей¹⁷¹.

За программами обеспечения детского здоровья в начале XX века стали отчетливо видны военные соображения: политики желали обеспечить себе запас здоровых солдат на будущее. В 1900 году французский публицист Поль Стросс писал, что пуэрикультура «защищает ребенка от опасностей и рисков непредсказуемой жизни. Когда царит вооруженный мир, а нации находятся в экономическом соперничестве друг с другом, именно в этом заключаются важнейшая работа и самое надежное средство обеспечения национальной обороны»¹⁷². Когда английские реформаторы озаботились детским питанием и уходом за детьми, их главной задачей тоже было обеспечение военной готовности. Британская армия плохо себя показала в Англо-бурской войне, и правительство приняло

¹⁶⁹ *Schafer S.* Children in Moral Danger and the Problem of Government in Third Republic France. Princeton, 1997. P. 6–7; *Schneider W. H.* Quality and Quantity. P. 69.

¹⁷⁰ *Stepan N. L.* «The Hour of Eugenics». P. 78.

¹⁷¹ *Guy D. J.* Women Build the Welfare State. P. 34–35.

¹⁷² *Schneider W. H.* Quality and Quantity. P. 69. Как пишет Нэнси Степан, о детях начали «думать как о биолого-политических ресурсах нации» (*Stepan N. L.* «The Hour of Eugenics». P. 78).

решение финансировать ряд исследований физического здоровья школьников. В результате обнаружилась прямая корреляция между плохими жилищными условиями и недостаточным питанием детей, с одной стороны, и низким ростом и слабым здоровьем с другой. Британская комиссия по физической деградации и питанию школьников, созданная в 1905–1906 годах, заключила, «что для государства чрезвычайно важно вмешаться как можно раньше и обеспечить, если возможно, хотя бы какое-то минимальное питание для детей, которых оно обязывает являться в школу». Кроме того, английское правительство финансировало программы по снижению детской смертности, включавшие в себя врачебные посещения молодых матерей¹⁷³.

В годы Первой мировой войны детским здоровьем стали заниматься более интенсивно во всем мире. Алан Браун, известный как отец канадской педиатрии, писал в 1919 году: «Великая война дала нам понять в большей степени, чем когда-либо прежде, насколько важно не просто сохранить детей, но дать им все возможности к нормальному развитию. Поиск лучшего средства для предотвращения детской смертности и сохранения жизни ребенка... стал патриотическим долгом врачей, их профессиональным долгом»¹⁷⁴. Теперь государство целенаправленно взялось за детское здоровье, оказывая непосредственную медицинскую помощь и осуществляя образовательные программы для матерей. Чтобы подчеркнуть важность здоровья новорожденных, Великобритания в июне 1917 года провела «Неделю младенца». Епископ Лондонский заявил, что «в 1915 году каждый час умирало девять солдат и двенадцать младенцев, а значит, младенцем быть опаснее, чем солдатом. Потеря человеческих жизней на этой войне сделала жизнь каждого младенца ценной вдвойне»¹⁷⁵. В следующем году английское правительство

¹⁷³ PRO Parliamentary Papers. 1903. Vol. XXX. Microfiche 109.257. P. 22; Ibid. 1907. Vol. LXV. Microfiche 113.608. P. 273–277; PRO. ED 24/106; Ibid. RG 41/3. Комиссия отметила, что несколько других европейских стран уже снабжают нуждающихся детей едой. Кроме того, она рекомендовала проводить для «детей старшего возраста (особенно девочек) в школах» обязательные курсы по детской гигиене и детскому питанию.

¹⁷⁴ *Comacchio C. R.* «The Infant Soldier». P. 105.

¹⁷⁵ *Winter J. M.* *The Great War and the British People.* Cambridge (Mass.), 1986. P. 192–193.

издало Акт о социальном обеспечении матери и ребенка, санкционировав обширные траты на клиники по уходу за детьми раннего возраста и на домашние посещения педиатрами. Одной из причин принятия этих программ была гуманная забота о детях бедняков, но данные меры поддержало и Евгеническое общество, стремившееся к повышению «качества» населения¹⁷⁶.

В России забота о детском здоровье развивалась по тем же лекалам. В XVIII веке стремились создавать детские приюты, снижать число детоубийств и детскую смертность, а в XIX веке — развивать педиатрию и улучшать охрану здоровья детей¹⁷⁷. В России не было обширного буржуазного класса и, в отличие от Европы, не возник культ домашнего очага, но русские врачи потратили немало сил на изучение и улучшение детского здоровья. Значительную часть этой работы проделали земские доктора и филантропические общества, а стало быть, речь шла о местных, негосударственных инициативах¹⁷⁸. Впрочем, накануне Первой мировой войны программы по улучшению здоровья детей стали заметно более централизованными. В мае 1913 года указом царя было создано Всероссийское попечительство об охране материнства и детства, находившееся под патронажем Александры Федоровны и, таким образом, получившее статус квазигосударственной организации. Предшествовавшие филантропические общества, такие как Московское общество борьбы с детской смертностью, стали филиалами Всероссийского попечительства, которое финансировало и координировало проекты по всей стране¹⁷⁹.

¹⁷⁶ PRO. МН 48/160; *Marks L. Mothers, Babies, and Hospitals: «The London» and the Provision of Maternity Care in East London // Women and Children First.* P. 49; *Lewis J. Models of Equality for Women: The Case of State Support for Children in Twentieth-Century Britain // Maternity and Gender Policies.* P. 85. Впоследствии британское правительство приняло аналогичные меры и в колониях. В 1937 году оно направило меморандум колониальным властям, призвав обучать акушеров и специалистов по уходу за детьми, чтобы снизить детскую смертность. См.: *Manderson L. Women and the State: Maternal and Child Welfare in Colonial Malaya, 1900–1940 // Women and Children First.* P. 172.

¹⁷⁷ *Ransel D. L. Village Mothers.* P. 8, 31, 291.

¹⁷⁸ Более подробное рассмотрение дореволюционных инициатив по развитию ухода за детьми и улучшению их здоровья см. в кн.: *Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991.* New Haven, 2007. Ch. 1.

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 1795. Оп. 1. Д. 10. Л. 2; Там же. Д. 7. Л. 26–27.

С началом Первой мировой войны Всероссийское попечительство и связанные с ним организации стали действовать активнее, стремясь особенно помочь «детям лиц, призванных к участию в защите родины». С этой целью они открывали ясли, молочные кухни и детские консультации, где врачи могли осмотреть грудных младенцев и дать матерям советы по уходу за ними. В 1916 году Всероссийское попечительство раздобыло денег на осуществление этих программ и обеспечение сирот и детей беженцев пищей (так, лишь на долю одного Московского общества борьбы с детской смертностью пришлось 6 тысяч рублей)¹⁸⁰. На съезде Всероссийского попечительства, состоявшемся в 1916 году, один из ораторов сообщил о стремительном росте детской смертности в военные годы и призвал оказывать помощь матерям и детям; в пример он приводил поддержку семей беженцев в Австрии и Германии. Другой оратор потребовал, чтобы государственные и гражданские организации открывали новые ясли и молочные кухни для детей. Он заявил, что «каждая молодая жизнь... может оказать родине много пользы»¹⁸¹. При Временном правительстве Всероссийское попечительство продолжало работать в еще большем масштабе. Летом 1917 года оно предприняло новые шаги по сокращению детской смертности, в частности призвав Министерство труда проследить за тем, чтобы фабричные работницы с малолетними детьми имели время позаботиться о них. Всероссийское попечительство и связанные с ним организации становились все более централизованными. Они стремились координировать свою деятельность в соответствии с общероссийским планом и даже выражали намерение стать «единым государственным учреждением» при Министерстве государственного призрения¹⁸². Эти стремления были осуществлены уже советским правительством, создавшим Отдел охраны материнства и младенчества.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 1795. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 12, 26. Тульское отделение Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны в одном только 1915 году потратило 6 тысяч рублей на строительство детских яслей (см.: РГИА. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 69. Л. 7–9).

¹⁸¹ Редлих А. А. Война и охрана материнства и младенчества. Пг., 1916. С. 29–30.

¹⁸² ГАРФ. Ф. 4100. Оп. 1. Д. 69. Л. 4–6; Там же. Ф. 1795. Оп. 1. Д. 7. Л. 26–27.

Советский Наркомат социального обеспечения создал Отдел охраны материнства и младенчества в 1918 году. При этом были приняты следующие руководящие принципы:

1. Деторождение — социальная функция женщин, и обязанность государства — поставить мать-труженицу в условия, облегчающие ей выполнение этой функции.
2. Воспитание матери-гражданки — долг государства.
- ...
4. Дети, как будущие граждане Советской Социалистической Республики, с первых же дней жизни являются предметом забот Социалистического Государства¹⁸³.

Данная новая ветвь бюрократии в большой степени опиралась на опыт дореволюционных специалистов, которые на протяжении долгих лет рекомендовали заняться детским здоровьем и получили при советской власти шанс осуществить свои идеи¹⁸⁴. Первоочередной задачей Отдела охраны материнства и младенчества было снижение детской смертности в годы Гражданской войны. Вера Лебедева, первой возглавившая Отдел, в докладе 1918 года писала о «колоссальной убыли населения и борьбе за жизнь младенцев». Она добавляла, что в отличие от Германии, старающейся увеличить население ради укрепления своей военной мощи, советское государство стремится сохранить молодые жизни во имя производительного труда в будущем¹⁸⁵.

По окончании Гражданской войны Лебедева доложила, что Отдел (теперь составлявший часть Наркомата здравоохранения) будет заниматься не только матерями, поскольку для улучшения детского здоровья требуется работать со всеми группами населения. На протяжении 1920-х годов Отдел открыл сотни клиник для матерей и их детей, а к концу 1930-х внимание советских чиновников к родильным домам и детским больницам еще более повысилось¹⁸⁶.

¹⁸³ Там же. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1. Л. 16.

¹⁸⁴ Kelly C. *Children's World*. P. 61–62.

¹⁸⁵ Первый Всероссийский съезд комиссаров социального обеспечения. С. 36.

¹⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 305. Л. 63–64.

В 1922 году советское руководство основало Государственный научный институт охраны материнства и младенчества. Научные исследования повлекли за собой стандартизацию: были составлены таблицы, в которых значился средний рост и вес новорожденных, и параметры реальных детей стали сравнивать с данными из этих таблиц, чтобы определить, нормального ли размера эти дети¹⁸⁷. Подобный процесс проверки и классификации распространился и на детей постарше. Советские чиновники установили три категории «дефективных» детей: физически дефективные, умственно дефективные и морально дефективные. Основываясь на своих диагнозах, врачи предписывали соответствующее лечение — к примеру, отправляя «морально дефективных» детей в исправительные школы¹⁸⁸.

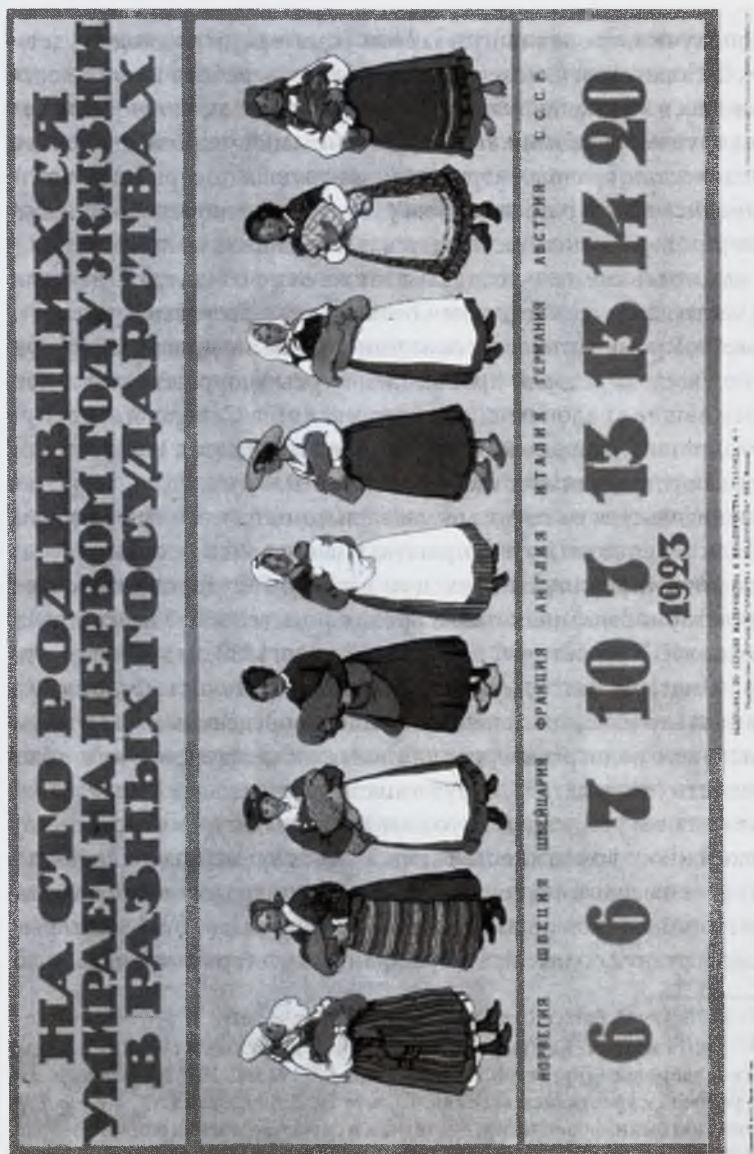
Как в Советском Союзе, так и в других странах мира в межвоенные годы твердо закрепился принцип государственного вмешательства в уход за детьми. Сформировались соответствующие учреждения, которые при помощи образовательных программ для молодых и потенциальных матерей насаждали нормы ухода за ребенком, его гигиены и питания. Правительственные чиновники самых разных стран, от Франции до Аргентины и Японии, выступали за научно обоснованное материнство и приказывали учить школьниц основам ухода за детьми¹⁸⁹. В 1921 году в США был принят Акт Шеппарда — Таунера по защите материнства и младенчества, предоставивший федеральные гранты детским поликлиникам и медсестрам, которым надлежало посещать беременных женщин и молодых матерей¹⁹⁰. В 1927 году египетское Управление общественного здравоохранения основало Секцию детского

¹⁸⁷ Дробижев В. З. У истоков советской демографии. С. 143; Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1926. № 20. С. 7.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 11. Д. 19. Л. 64; Там же. Д. 79. Л. 36.

¹⁸⁹ Garon S. Molding Japanese Minds. P. 359; Schneider W. H. Quality and Quantity. P. 122; Stepan N. L. «The Hour of Eugenics». P. 121.

¹⁹⁰ Ladd-Taylor M. «My Work Came Out of Agony and Grief»: Mothers and the Making of the Sheppard — Towner Act // Mothers of a New World. P. 321–322; Skocpol T. Protecting Soldiers and Mothers. P. 511. О бюро ухода за детьми, учрежденном в Нидерландах, см.: Marland H. The Medicalization of Motherhood: Doctors and Infant Welfare in the Netherlands, 1901–1930 // Women and Children First. P. 89. О домашних визитах к молодым матерям в Германии см.: Pine L. Nazi Family Policy. P. 23–24.

Ил. 10. Советский плакат, на котором сравниваются уровни детской смертности в разных странах, 1923. «На сто родившихся умирает на первом году жизни в разных государствах». Из упомянутых здесь стран (это только европейские страны) СССР имеет наивысший уровень смертности — 20 (Плакат RU/SU 907. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

благополучия, проводившую занятия с матерями по уходу за детьми¹⁹¹. В Советском Союзе просветительская работа воплотилась в плакатах и журналах, объяснявших матерям всю важность кормления грудью, знакомивших их с правилами купания младенцев и с опасностью грязных игрушек или игрушек с острыми краями. Издавались книги о правильном уходе за ребенком, сообщавшие, какие продукты питания содержат витамины, и подчеркивавшие важность свежего воздуха, а также отмечавшие, что детская лень часто является следствием беспорядка и отсутствия чистоты в доме¹⁹². Кроме того, советские чиновники внедряли набор правил по уходу за детьми, проводя конкурсы здоровых младенцев, подражавшие аналогичным мероприятиям в Северной Америке (проходившим одновременно с выставками скота), и награждая знаками отличия самых здоровых детей¹⁹³.

Правительства не только оказывали помощь молодым матерям и давали им советы, но и напрямую вмешивались в семьи с целью обеспечить «правильный» уход за детьми. Государственное вмешательство и связанная с ним эрозия родительской власти начались уже в XIX столетии. Французский закон 1889 года заявлял, что «отцы и матери, которые своим постоянным пьянством, широко и скандально известным неподобающим поведением или дурным обращением подвергают риску безопасность, здоровье или нравственность своих детей», будут лишены родительских прав. Некоторые критики утверждали, что этот закон предоставил государству слишком много возможностей вмешиваться в семейные отношения. Но другие возражали: государство, будучи хранителем социальной и национальной общности, должно защищать детей, «которые однажды станут солдатами и гражданами», и гарантировать, «что

¹⁹¹ *El Shakry O. Barren Land and Fecund Bodies. P. 361.*

¹⁹² Книга матери: Как вырастить здорового и крепкого ребенка и сохранить свое здоровье / Под ред. В. П. Лебедевой. М., 1926. С. 19–53; Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1926. № 19. С. 8–9; Луиц Р. О., Жорно Я. Ф. Учебник анатомии, физиологии, диететики и гигиены ребенка раннего возраста. М.; Л., 1938. С. 102–104; Аркин Е. А. Письма о воспитании детей. М., 1936. С. 43, 78. См. также: Макаренко А. С. Книга для родителей. М., 1950. Как считал Макаренко, именно правильное воспитание, а не наследственность определяет, вырастет ли из ребенка ценная личность.

¹⁹³ Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1926. № 17. С. 9; Там же. № 18. С. 16.

не случится вырождения расы»¹⁹⁴. Британская межминистерская комиссия по физическому вырождению тоже рекомендовала более активное вмешательство в домашнюю жизнь граждан в целях охраны здоровья детей, и в 1909 году британский парламент принял Акт о детях, который позволял правительству забрать детей у родителей, «если обнаружено, что они [родители] нищенствуют, бродяжничают или сильно нуждаются», а также у пьяниц и преступников¹⁹⁵. Немецкое правительство начало активно вмешиваться в семейную жизнь в годы Первой мировой войны. Теперь все дети должны были проходить регулярный медицинский осмотр в школах, а всех нездоровых детей надлежало забирать у родителей и отправлять в деревню для улучшения здоровья¹⁹⁶.

Советское государственное вмешательство тоже повлекло обязательные медосмотры детей. Местом их проведения стала школа — учреждение, призванное дать государству контроль над воспитанием детей, а врачам позволявшее отслеживать состояние детского здоровья. Уже в 1918 году Наркомат здравоохранения опубликовал инструкции для школьных врачей, по которым те обязаны были не только улучшать санитарные условия и лечить болезни, но и следить за здоровьем и физическим развитием всех детей¹⁹⁷. В годы Гражданской войны, когда все боялись эпидемий, школьные врачи получили широкие полномочия, позволявшие им ежедневно обследовать каждого ребенка и в случае, если тот оказывался грязным, отправлять его в общественную баню. И хотя нехватка медицинского персонала порой не позволяла проводить «систематическое подробное освидетельствование школьников», к которому стремились советские чиновники здравоохранения, к 1920 году практически в каждой школе был введен медицинский контроль¹⁹⁸. Кроме того, представители

¹⁹⁴ Schafer S. Children in Moral Danger. P. 19–21; Donzelot J. The Policing of Families. P. 83–84.

¹⁹⁵ PRO Parliamentary Papers, 1904. Microfiche 110.279. P. 55–63, 91; PRO. HO 45/20115.

¹⁹⁶ Domansky E. Militarization and Reproduction. P. 451. Веймарская конституция тоже предоставляла государству право принять «необходимые меры», чтобы защитить детей от нерадивых родителей. См.: A History of the Peace Conference of Paris / Ed. H. W. V. Temperley. London, 1920. Vol. 3. P. 368.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 37. Л. 18.

¹⁹⁸ Там же. Оп. 11. Д. 40. Л. 3, 20, 76.

советского здравоохранения приходили домой к людям, чтобы проверить, как те растят своих детей. В 1920-е годы, ссылаясь на примеры Бельгии и Германии, Лебедева организовала систему домашних визитов медсестер в целях проверки здоровья новорожденных. Она объясняла, что «сестра-посетительница является проводником идей рационального ухода за ребенком», и указывала, что московский Институт охраны материнства и младенчества будет обучать сестер-посетительниц особым научным методикам ухода за ребенком. Советское руководство создало также ряд «Домов матери и ребенка», где молодые матери могли оставаться вместе со своими детьми на протяжении нескольких месяцев под надзором врачей¹⁹⁹.

Советское государство заявляло, что может забрать детей у родителей, на какой-то срок или навсегда, в целях улучшения здоровья ребенка или обеспечения правильного воспитания. Больные и недоедающие дети направлялись в специальные санатории, где оставались до того момента, пока их здоровье не улучшалось, после чего их можно было вернуть в семьи²⁰⁰. Советские законы предусматривали возможность забрать детей из семьи навсегда, если родители не выполняли своих обязанностей по воспитанию, и в конце 1930-х годов советские суды регулярно прибегали к этому закону, отнимая детей у «нерадивых» родителей²⁰¹. Дети, отобранные у родителей, помещались в детские дома. Советское правительство открыло множество детдомов, приютивших не только детей, отнятых у родителей, но и миллионы осиротевших в результате Первой мировой и Гражданской войн, коллективизации и голода 1930-х годов. Хотя эти учреждения были

¹⁹⁹ Лебедева В. П. Охрана материнства и младенчества // Социальная гигиена: Руководство для студентов-медиков. С. 348–353; Материалы Первого Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. С. 9. См. также: Социальное обеспечение за пять лет. С. 16; Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1926. № 18. С. 1.

²⁰⁰ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 11. Д. 40. Л. 6; Там же. Д. 79. Л. 33; Там же. Ф. 5528. Оп. 5. Д. 39. Л. 2.

²⁰¹ Алякринский А. И. Брак, семья и опека: Практическое руководство для органов ЗАГС. М., 1930. С. 124; ЦАГМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 465. Л. 25–26. Российский семейный кодекс 1882 года, который был составлен, но так и не вошел в силу, тоже подчеркивал обязанность родителей вырастить из своих детей продуктивных граждан и указывал, что жестокие или нерадивые родители могут быть лишены родительских прав. См.: Wagner W. G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. New York, 1994. P. 166–167.

переполнены и получали недостаточное финансирование, советские чиновники считали, что именно там детей можно должным образом сформировать и превратить в продуктивных граждан. Советские законы и правительственные директивы предусматривали, что обитателей детских домов нужно приучать к «трудовым принципам» и «навыкам дисциплины и коллективной работы»²⁰².

Другим процессом, который шел параллельно с усилением государственного вмешательства и упадком родительского авторитета, стал рост внесемейных детских и юношеских организаций. Как мы уже обсуждали в предыдущей главе, в числе подобных организаций в других странах были бойскауты и герлскауты. В Советском Союзе эти организации были распущены, но возродились в ином обличье в 1922 году — с учреждением комсомола и пионерского движения. Обе организации позаимствовали девизы и правила (быть «всегда готовыми», честными, чистыми и храбрыми) напрямую у скаутов, но отказались от восхваления Бога и почтительности. Будучи похожи на скаутов по форме, комсомольская и пионерская организации отстаивали совсем другие ценности — не здоровый индивидуализм и религиозность, а коллективизм и атеизм²⁰³. Кроме того, советские организации отличались тем, до какой степени они ставили государство выше семьи, а также своим чисто государственным характером. Героем и образцом для пионеров был Павлик Морозов, мальчик, который, как считалось, разоблачил собственного отца перед советской властью²⁰⁴. Дет-

²⁰² Алякринский А. И. Брак, семья и опека. С. 109; ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 27. Л. 26. По поводу советских детских домов см.: Ball A. M. And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley, 1994; Caroli D. L'enfance abandonnée et délinquante dans la Russie soviétique (1917–1937). Paris, 2004; Smirnova T. M. Children's Welfare in Soviet Russia: Society and the State, 1917–1930s // Soviet and Post-Soviet Review. 2009. Vol. 36. No. 2. P. 169–181. О суровых мерах по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних см.: Solomon P. Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin. P. 197–209.

²⁰³ Правила поведения пионеров см. в: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 326. Л. 15–16. Число пионеров выросло с 6,7 миллиона в 1934 году до 11 миллионов в 1939-м (см.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1361. Л. 1).

²⁰⁴ В некоторых версиях этой истории в середине 1930-х годов не упоминалось, что предатель, разоблаченный Павликом Морозовым, был его родной отец. См.: Thurston R. W. The Soviet Family during the Great Terror, 1935–1941 // Soviet Studies. 1991. Vol. 43. No. 3. P. 559–560. См. также: Kelly C. Children's World. P. 103.

Ил. 11. Советский плакат, пропагандирующий медосмотры младенцев, 1930-е. «Полно в консультациях — пусто на детских кладбищах. Дети не должны умирать!» (Плакат RU/SU 1630. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

ские и юношеские организации в других странах учили патриотизму, но не доносили на собственных родителей. И в то время, как в других странах внесемейными организациями часто руководили структуры негосударственные (политические партии, профсоюзы, церкви), в Советском Союзе были позволены только государственные организации²⁰⁵. Вмешательство в воспитание детей в СССР было во многом похоже на то, что происходило в других странах. Специфическими же чертами пионерской организации и комсомола были их исключительный размах, тесная связь с государством и ценности, которым они учили.

Итак, государства эпохи модерна начали наступление на права личности и семьи сразу на всех этапах продолжения рода и воспитания потомства. Воспроизводство населения стало государственной заботой. То, что прежде считалось естественным феноменом, теперь надлежало отслеживать, регулировать и контролировать. В самых разных странах, но в первую очередь в промышленных державах, где показатели фертильности снижались, стали популярны борьба за повышение рождаемости и различные методы увеличения численности населения. Особенно широко эти веяния распространились после Первой мировой войны. Репродуктивная политика, проистекавшая из новых взглядов, включала в себя запрет аборт, кампании против венерических заболеваний, попытки контролировать сексуальность, подразумевала меры по поддержке семьи как орудия государственных интересов и особое внимание к детскому здоровью и воспитанию детей. Возможно, ни в одной другой сфере стремление социальных реформаторов и правительственных чиновников к преобразованию мира не проявилось столь явно, как в попытках государства повлиять на воспроизводство населения. Замыслы по переустройству общества отнюдь не были прерогативой Советского Союза.

В рамках этой обширной картины вмешательства государства и специалистов в процесс воспроизводства населения репродуктивную политику СССР можно охарактеризовать следующим образом. Советское руководство тоже стремилось повысить рождаемость, но, в отличие от правительств Северной Европы и США, не желало ограничивать воспроизводство «непригодных» людей.

²⁰⁵ Domansky E. Militarization and Reproduction. P. 460.

Советские врачи отвергли отрицательную евгенику еще до того, как правительство разоблачило евгенику как фашистскую науку. В этом они напоминали своих коллег из католических стран Европы и большинства развивающихся стран мира. Кроме того, советское руководство стремилось регулировать половую жизнь, улучшать репродуктивное здоровье и вводить современные методы ухода за детьми, а в 1930-е годы стало прибегать ко все более принудительным мерам. Советская репродуктивная политика и учреждения ухода за детьми отвечали общему представлению о том, что общественное вмешательство, соответствующее научным нормам и нуждам государства, — явление нормальное. Данное представление, характерное для эпохи модерна, возникло под влиянием европейской социологии и новой медицины и окончательно сформировалось благодаря требованиям массовой войны и широкомасштабного промышленного производства. В случае Советского Союза эта точка зрения дополнительно укрепилась в результате революции, которая, казалось, подарила возможность создать совершенно новое общество и нового человека. Возникновение новой политической системы означало, что советское государство было создано в тот исторический момент, когда социальные нужды и государственная безопасность представлялись куда более важными, чем автономия семьи и индивидуальные свободы.

ГЛАВА 4

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАДЗОР И ПРОПАГАНДА

Важнейшей задачей госинформации является освещение настроений всех групп населения и факторов, влияющих на изменение этих настроений.

Приказ ВЧК № 85 от 23 февраля 1922 года

[Надежда Крупская] обобщила задачи нынешнего режима. Его цель, как она сказала, — дать каждому человеку возможность личного развития. Произошедшая экономическая и политическая революция не является целью, это лишь средство и основа культурного развития, которое еще предстоит... Экономические перемены произошли ради того, чтобы каждый человек мог в полной мере участвовать в том, что только и придает человеческой жизни ценность.

Джон Дьюи. Великий эксперимент и будущее. 1928 год

Политический надзор и пропаганда были важнейшими чертами советского режима. Руководство страны создало обширную сеть надзора, включавшую громадный аппарат советской тайной полиции, множество осведомителей, перлюстрацию писем и регулярные отчеты о «политических настроениях населения». Государство старалось не только следить за тем, о чем думают его граждане, но и формировать их образ мыслей при помощи образовательных программ и пропагандистских кампаний. С точки зрения партийных лидеров, насаждение «классовой сознательности» было важнейшим средством обеспечить режиму политическую поддержку. Если изучать СССР отдельно от других стран, широкое

использование надзора и пропаганды может показаться лишь следствием идеологии, требовавшей преобразования общества. Действительно, советские деятели считали, что пропаганда и другие формы политического просвещения являются важнейшими средствами построения социализма и создания нового советского человека.

Однако если поместить СССР в международный контекст, широкое использование надзора и пропаганды окажется довольно универсальным феноменом: все государства эпохи модерна использовали эти инструменты, чтобы быть в курсе того, о чем думают их граждане, и влиять на их образ мыслей. Идеал народовластия требовал, чтобы жители страны участвовали в государственных делах и были не пассивными подданными, но просвещенными гражданами. А когда пришла эпоха массовой войны, в самых разных странах Европы и мира руководство озаботилось моральным духом и политической благонадежностью своего населения. Как следствие, были развернуты новые технологии слежки и пропаганды.

Большевики имели опыт революционной агитации еще до захвата власти. После Октябрьской революции они взяли на вооружение новые методы надзора и создали громадный аппарат пропаганды с целью укрепить политическую поддержку нового порядка. В надзоре и пропаганде нужно видеть технологии управления, широко распространившиеся в годы Первой мировой, в то время, когда общество было мобилизовано на тотальную войну. Поскольку советское государство было создано именно в этот момент, методы слежки и пропаганды стали важнейшими компонентами советского режима. В скором времени советские руководители захватили мировое лидерство в сфере пропаганды, и политика других стран даже начала подражать советским агитационным технологиям. Здесь случай советского государства служит яркой иллюстрацией к тому, как изменилась политика в XX веке. Даже в недемократических странах пришествие массовой политики означало, что политические лидеры должны знать образ мыслей своих сограждан и уметь повлиять на него.

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА НАСТРОЕНИЯМИ В ОБЩЕСТВЕ

Первая мировая война стала водоразделом в мировой истории политического надзора за людьми. Конечно, и задолго до войны

правительства занимались сбором сведений о том, что происходит в их стране, но масштабы и цели этой слежки были ограничены. Главная задача секретных служб внутри стран заключалась в сдерживании конкретных политических угроз, в особенности угрозы со стороны революционеров, стремившихся свергнуть существующие режимы. Правительство царской России располагало масштабной тайной полицией, превышавшей по своей численности аналогичные службы в других европейских государствах¹. Некоторые историки даже заявляли, что существует несомненное сходство между царским полицейским государством и СССР². Не может быть сомнений: полномочия царской тайной полиции были обширны, что, в сочетании с отсутствием личных прав и свобод при самодержавии, часто приводило к полицейским злоупотреблениям и не создавало какой-либо основы, которая позволила бы в будущем защитить гражданские свободы или демократическое правительство. Но тем не менее царский надзор за населением в довоенные годы был несравним с советским ни по масштабу, ни по широте охвата. Внимание царской полиции было сосредоточено на относительно небольшом числе людей — на противниках режима и на тех, кого подозревали в революционной деятельности. До Первой мировой войны российская полиция не занималась слежкой за населением в целом и не беспокоилась о мыслях и чувствах своих подопечных, обращая внимание лишь на их действия.

Сдвиг к всеобъемлющей государственной политике отслеживания и формирования «настроений в народе» произошел в годы Первой мировой войны. Именно тогда, в условиях тотальной мобилизации, которая сопутствовала военному времени, различные правительства широко развернули работу по изучению мыслей, настроений и степени лояльности своего населения. В этом смысле надзор означал нечто гораздо большее, чем просто слежку за подрывными элементами. Новый честолюбивый замысел заключался в том, чтобы составить подробную картину мышления людей, а затем придать ему совершенно иную форму. Более того, теперь

¹ См.: *Daly J. Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905.* DeKalb, 1998.

² *Pipes R. A Concise History of the Russian Revolution.* New York, 1996. P. 397–399.

ставилась задача не просто защитить правительство от подрывной деятельности или революционного переворота, но создать просвещенное и лояльное общество, которое от всей души внесет вклад в военные усилия страны. Советское государство унаследовало эти формы надзора, задачей которых было узнать мысли людей, чтобы затем видоизменить их, получив сознательных граждан с высокой мотивацией.

Все главные воюющие страны — участники Первой мировой войны создали сложнейшие системы надзора, позволявшие отслеживать народные настроения. Одним из методов сбора информации была перлюстрация корреспонденции — тайное вскрытие части писем, проходящих через почтовую службу. В небольшом масштабе она практиковалась уже давно, начавшись в «черных кабинетах» Франции в XVII столетии и распространившись на Россию в конце XVIII века³. Но решительно вырос этот масштаб только в Первую мировую войну. Вначале правительства использовали перлюстрацию как меру безопасности — чтобы солдаты в своих письмах домой случайно не открыли важную информацию, которая могла бы попасть в руки врага. Однако война затянулась, и когда моральное состояние солдат начало вызывать растущее беспокойство властей, перлюстрация писем дала возможность измерения общественного мнения — как среди солдат, так и среди гражданских лиц.

К примеру, в 1915 году Франция ввела на военной почте цензуру в качестве средства против шпионажа, а в 1916-м — приказала цензорам докладывать о содержимом и солдатских писем. Цензоры начали систематически анализировать настроения во французской армии и включали в свои доклады как статистические данные, так и длинные цитаты, позволявшие наглядно показать, что думают солдаты⁴. В Великобритании штат почтовой цензуры, составлявший в конце 1914 года всего лишь 170 служащих, за год вырос до 1453 человек. В 1917 году это ведомство задержало доставку 356 тысяч писем, в которых, по его мнению, имелись сведения, ценные для

³ *Daly J. Autocracy under Siege. P. 41–42.*

⁴ *Englander D. The French Soldier, 1914–1918 // French History. 1987. Vol. 1. No. 1. P. 50.*

врага⁵. К концу года британские почтовые цензоры уже не только охраняли военные тайны, но и собирали информацию о моральном состоянии солдат и мирных жителей, а британская армия начала составлять на основе этой информации еженедельные сводки о том, что́ думают в обществе по поводу войны⁶.

Подобным же образом перлюстрация писем распространилась и в России. В довоенных «черных кабинетах» не пытались фильтровать переписку всего населения страны: внимание было сосредоточено на перечне подозреваемых в революционной деятельности, письма которых прочитывались для сбора информации о подрывных мероприятиях. После революции 1905 года тайная полиция расширила сферу своей деятельности, включив в нее надзор за корреспонденцией депутатов Государственной думы и оппозиционных политиков, но по-прежнему не делала попыток следить за населением в целом. До Первой мировой войны в петербургской почтовой системе отслеживанием переписки занималось лишь двенадцать служащих, а в московской — лишь семеро⁷.

С началом войны царское правительство издало временное Положение о военной цензуре, предусматривавшее контроль за прессой и почтовыми отправлениями. Положение позволило вскрывать все письма, отправленные на фронт и с фронта, а также все письма, отправленные в газеты, все письма от вражеских военнопленных, все письма к русским военнопленным, а в скором времени и всю корреспонденцию целых этнических меньшинств, которые считались ненадежными, — евреев, прибалтов, немцев и поляков. Как отметил Питер Холквист, эти меры означали количественное и качественное расширение довоенной практики перлюстрации. Царские чиновники уже не ограничивались изучением писем отдельных подозреваемых. Теперь они перехватывали целые категории почтовых отправлений и следили за целыми

⁵ Hiley N. Counter-Espionage and Security in Great Britain during the First World War // *English Historical Review*. 1986. Vol. 101. No. 400 (July). P. 640, 647.

⁶ Englander D. Discipline and Morale in the British Army, 1917–1918 // *State, Society and Mobilization*. P. 137.

⁷ Измозик В. С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах. СПб., 1995. С. 19. См. также: Holquist P. *Making War*. P. 207.

группами населения. Каждую неделю военно-цензурные комиссии вскрывали сотни тысяч писем⁸.

В России, как и в других странах, на первых порах задачей военных почтовых цензоров было помешать распространению секретной информации. Но и они, подобно своим зарубежным коллегам, в скором времени стали отслеживать отношение народа к войне. Уже на ранних ее этапах российские военные цензоры составляли еженедельные сводки содержимого переписки, с цитатами из отдельных посланий и статистическими данными по числу писем, выражавших патриотизм, апатию или недовольство. К концу 1915 года, после сокрушительных поражений русской армии и отступления ее на сотни миль в глубь территории России, военные цензоры получили инструкции докладывать не только о моральном состоянии солдат, но и о более общих политических вопросах⁹.

Во время войны европейские правительства разработали и другие средства слежки, помимо перлюстрации писем. В ноябре 1915 года военное министерство Германии приказало командующим тыловыми военными округами докладывать о состоянии их округов, а через несколько месяцев напрямую потребовало докладов о «расположении духа гражданского населения»¹⁰. Начиная с лета 1917 года префекты всех французских департаментов посылали доклады о народных настроениях Министерству внутренних дел, и в скором времени руководство французской армии приказало своим генералам, находившимся в тыловых округах, составлять ежемесячные доклады о моральном состоянии местных жителей, основываясь на сведениях армейских офицеров, префектов и местной полиции¹¹. В Англии своими разведывательными ведомствами

⁸ *Holquist P. Making War. P. 208.* См. также: *Daly J. W. The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917. DeKalb, 2004. P. 160.*

⁹ *Holquist P. Making War. P. 209.*

¹⁰ *Idem. Information Is the Alpha and Omega of Our Work // Journal of Modern History. 1997. Vol. 69. P. 442.* В Соединенных Штатах в годы войны значительно расширился внутренний политический надзор. См.: *Nagler J. Victims of the Home Front: Enemy Aliens in the United States during the First World War // Minorities in Wartime: National and Racial Groupings in Europe, North America, and Australia during the Two World Wars / Ed. P. Panayi. Oxford, 1993. P. 203.*

¹¹ *Becker J.-J. The Great War and the French People. P. 228–232; Flood J. France, 1914–1918: Public Opinion and the War Effort. New York, 1990. P. 147.*

обзавелись армия, полиция, Министерство боеприпасов и Министерство труда. С конца 1917 по 1920 год отделение разведки Генерального штаба британской армии отслеживало настроения не только среди солдат, но и среди всего населения. Оно составляло еженедельные сводки, опиравшиеся на самые разные источники — наблюдения за перепиской, газетные колонки с письмами читателей, граффити и подслушивание разговоров. Переодетые в штатское полицейские офицеры, находившиеся в зданиях муниципалитетов, на вокзалах, военных складах, в танцевальных залах и пивных, подробно пересказывали услышанные ими беседы и непатриотичные рассуждения, а их информацию дополняли доносы добровольных осведомителей¹².

В России представлять доклады о настроениях среди народа начали на два года раньше, чем в других воюющих странах, за исключением Германии. Притом в отличие от Германии, где подобную систему ввела армия, в России само правительство проявило желание знать мнение населения. Уже в октябре 1915 года российское Министерство внутренних дел потребовало от губернских и уездных полицейских учреждений составлять ежемесячные доклады о настроениях населения и направило список вопросов, на которые каждый доклад должен был ответить¹³. В это время правительство столкнулось с ростом оппозиции. К лету 1915 года в Государственной думе сформировался Прогрессивный блок — мощная коалиция, подвергшая критике самодержавие и его методы ведения войны. Кроме того, царская тайная полиция собирала информацию при помощи сети осведомителей, общее число которых на момент падения самодержавия в 1917 году составляло более 1,5 тысячи человек¹⁴.

Февральская революция стала поворотным моментом в истории России, хотя и не в истории надзора. Временное правительство, взявшее власть после свержения царя, в знак символического разрыва с репрессивной политикой старого режима распустило царскую полицию. Но отделы военно-политической цензуры продолжали работать, докладывая о настроениях солдат и их

¹² *Englander D. Military Intelligence and the Defence of the Realm // Bulletin of the Society for the Study of Labour History. 1987. Vol. 52. No. 1. P. 27–29.*

¹³ *Holquist P. Making War. P. 209.*

¹⁴ *Daly J. W. The Watchful State. P. 213.*

корреспондентов среди мирного населения. Кроме того, Временное правительство приказало губернским комиссарам своего нового Министерства внутренних дел докладывать о том, что происходит на местах, и к середине апреля направило в регионы уже конкретные директивы по сбору информации. Министерство распределило эту информацию по шестнадцати тематическим категориям, таким как, к примеру, крестьянские волнения в сельской местности, и дало указания губернским комиссарам сосредоточить внимание не столько на событиях, сколько на тенденциях общественно-политической жизни¹⁵. Сотрудники Центрального комитета социально-политического просвещения при Временном правительстве собирали данные по уровню политической поддержки правительства и даже еженедельно чертили и заштриховывали цветными карандашами карты, позволявшие выявить очаги поддержки или противостояния, а также места, где наблюдались крестьянские волнения, трудности снабжения продовольствием и т. д.¹⁶

Особый интерес представляли мнения русских солдат и их моральное состояние. Временное правительство продолжило отслеживать народные настроения, уделяя этому больше внимания, чем при царе, и ввело для данной цели специальные политические органы. В конце апреля 1917 года оно назначило комиссаров на главные фронты с двойной целью — гарантировать надежность офицеров, часть из которых враждебно относились к новому порядку, и обеспечить лояльность войск¹⁷. Александр Керенский, будущий глава Временного правительства, в мае 1917 года находился на посту военного министра и создал для этой должности кабинет, включавший политический отдел, осведомительный отдел и отдел связи с войсками. Политический отдел издавал указания для комиссаров. В конце лета 1917 года глава комиссариата Военного министерства приказал комиссарам, прикрепленным к воинским

¹⁵ *Holquist P.* Making War. P. 218–219.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9505. Оп. 2. Д. 7–10, 13, 16.

¹⁷ *Wildman A. K.* The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1987. Vol. 2: The Road to Soviet Power and Peace. P. 23–24; *Hagen M. von.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. Ithaca, 1990. P. 27. См. также: *Erickson J.* The Soviet High Command: A Military-Political History, 1918–1941. New York, 1962. P. 41–45.

подразделениям, направлять ему подробные еженедельные сводки об отношении солдат к правительству и даже распространил стандартные формы таких сводок¹⁸.

Итак, при Временном правительстве надзор за населением стал более развитым, более стандартным и в большей степени политическим. Цели надзора уже не сводились к предупреждению шпионажа, а аппарат по сбору информации вырос и стал более сложным. Но основные инструменты надзора — перлюстрация писем, использование осведомителей и регулярные доклады о народных настроениях — возникли до Февральской революции и широко использовались по всей Европе в годы Первой мировой войны. В свою очередь, знакомство с мнениями населения стало основой для правительственных попыток укрепить патриотизм. При Временном правительстве надзор оказался тесно связан с кампаниями по образованию для взрослых и политической пропаганде — с попытками добиться, чтобы солдаты новой, демократической России были уже не покорными подданными царя, а активными гражданами, готовыми сражаться за свою страну и ее дело.

ПРОПАГАНДА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

С усилением надзора в военные годы были тесно связаны мощные пропагандистские кампании, запущенные правительствами воюющих стран с целью повлиять на формирование образа мыслей своих граждан и добиться их лояльности. Конечно, использование пропаганды ради сплочения народа началось не в Первую мировую. Характер войны изменился во времена Французской революции и Наполеона: на смену профессиональным солдатам, воевавшим за своего монарха, пришли массовые армии призывников, сражавшиеся за свои нации. Массовая война требовала сплочения всего народа в борьбе за общее дело, и этой цели служила военная пропаганда. В России всеобщую воинскую повинность ввел Александр II в 1874 году, по совету военного министра Дмитрия Милютин и других деятелей, извлекших уроки из сокрушительных побед прусской национальной армии над Австрией в 1866 году и над

¹⁸ Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army. P. 24; Holquist P. Making War. P. 215–218.

Францией в 1871-м. Манифест Александра II отсылал к бисмарковской Германии как к доказательству того, что «сила государства не в одной численности войска, но преимущественно в нравственных и умственных его качествах, достигающих высшего развития лишь тогда, когда дело защиты отечества становится общим делом народа, когда все, без различия званий и состояний, соединяются на это святое дело»¹⁹.

В годы Первой мировой войны правительства количественно и качественно нарастили свои усилия по влиянию на образ мысли населения. В контексте тотальной войны, и в первую очередь — повторной мобилизации, которая началась во второй половине войны, политические и военные деятели начали считать национальную волю необходимым условием ратной победы. Соответственно, пропаганда, которая впервые предназначалась для каждого члена общества, приобрела совершенно новые формы и измерения²⁰. К концу войны политические и военные деятели не только добились расширения и централизации пропаганды, но и поставили перед собой более масштабные цели, в том числе образование и «просвещение» своих солдат. В большей степени, чем какое-либо другое событие, Русская революция показала наблюдателям по всему миру, что продолжение военных действий и само выживание существующих политических режимов зависят от состояния умов народа.

С самого начала Первой мировой войны правительства воюющих стран ввели строжайшую цензуру печати и искали способы контролировать поток информации о войне²¹. Но на первых порах официальная пропаганда предназначалась главным образом для иностранных, нейтральных государств, а внутренняя военная пропаганда

¹⁹ Манифест Александра II о введении всеобщей воинской повинности, 1 января 1874 года. Цит. в: *Sanborn J. Drafting the Russian Nation*. P. 3–4.

²⁰ *Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. France and the Great War, 1914–1918*. New York, 2003. P. 53. По словам этих авторов, именно в Первую мировую войну родилась современная пропаганда.

²¹ Во Франции, к примеру, серия государственных указов, принятых в начале войны, имела целью поставить под контроль все публикации, а Бюро прессы на протяжении всей войны заведовало цензурой. Кроме того, журналистам был закрыт доступ на фронт, и правительственные доклады были единственным официальным источником, освещавшим ход военных действий. См.: *Flood J. France, 1914–1918*. P. 25–26.

была в первую очередь направлена на нужды вербовки (в Великобритании), военных займов и мобилизации промышленности. Общую пропаганду в поддержку военных действий неофициально вели газеты и церкви, но не правительства²². Однако в 1917 году упадок духа среди гражданского населения заставил французское и британское правительства начать широкомасштабные пропагандистские кампании при посредстве окологосударственных организаций, которые числились независимыми, но в действительности были тесно связаны с правительством. Во главе Союза крупных ассоциаций против вражеской пропаганды, созданного во Франции в марте 1917 года, стояли правительственные чиновники, а свои патриотические идеи Союз распространял через посредство Лиги образования и школьной системы Французской Республики. В ответ на промышленные забастовки мая 1917 года английское правительство военного времени создало Национальный комитет по военным целям — он считался автономной организацией, но возглавлялся членами парламента. Комитет вел пропаганду в поддержку военных действий, опираясь на структуру и личный состав политических партий (консерваторов и либералов, но не лейбористов)²³. Аналогичная окологосударственная организация (номинально — частная, но с министром во главе) была создана и в Италии — в целях объединения пропагандистских усилий различных патриотических ассоциаций. После разгрома итальянской армии при Капоретто, произошедшего в октябре 1917 года, правительство Италии начало агитировать население страны напрямую, при помощи публичных лекций, плакатов и листовок. В феврале 1918 года правительство сформировало Комиссариат гражданской

²² *Horne J. Remobilizing for «Total War»: France and Britain, 1917–1918 // State, Society and Mobilization. P. 198. Российские газеты тоже вели неофициальную военную пропаганду. См.: Stites R. Days and Nights in Wartime Russia: Cultural Life, 1914–1917 // European Culture in the Great War: The Arts, Entertainment, and Propaganda, 1914–1918 / Eds. A. Roshwald and R. Stites. New York, 1999. P. 10–12.*

²³ *Horne J. Remobilizing for «Total War». P. 199–201. В марте 1918 года британское правительство создало Министерство информации, которое заведовало всей внешней и внутренней пропагандой. Национальный комитет по военным целям продолжал действовать отдельно от Министерства информации, но находился под его надзором. См.: Sanders M. L., Taylor P. M. British Propaganda during the First World War. London, 1982. P. 78–79.*

помощи и пропаганды, который ведал как социальным обеспечением, так и пропагандой²⁴.

Английские генералы, на протяжении большей части войны считая, что боевой дух солдат поддержат армейские капелланы, тем не менее взяли на себя весной 1918 года непосредственное руководство политическим просвещением солдат и начали разработку всеобъемлющей программы гражданского воспитания²⁵. Немецкие генералы тоже взяли под контроль образование и пропаганду в армии. В июле 1917 года они создали центральную организацию, подчиненную Генеральному штабу, в ведение которой передали все патриотическое образование. Их план указывал, что «пропаганда... не должна напрямую отрицать то, чему люди в целом верят... но должна нести просвещение». Он констатировал, что «армия и немецкая общественность находятся в тесной связи друг с другом, и поэтому образование на местах и в армии должно развиваться параллельно»²⁶. Верховное командование Австро-Венгрии тоже развернуло в войсках пропаганду и просветительскую работу. В начале 1918 года военный министр этой страны написал всем командующим, что русская армия разложилась, поскольку ее «органы образования» были слишком слабы, чтобы противостоять революционной агитации. В марте австро-венгерское армейское командование создало в составе армии Ведомство по защите от военной пропаганды, в задачи которого входили подготовка офицеров и общее наблюдение за патриотическим воспитанием. Ведомство работало со следующими темами: любовь к династии Габсбургов, взаимное уважение всех национальностей, жизнеспособность и преимущества Австро-Венгерского государства. Генералов беспокоил не только пример

²⁴ *Corner P., Procacci G.* The Italian Experience of «Total» Mobilization. P. 228–229.

²⁵ *Englander D.* Discipline and Morale in the British Army. P. 140–143.

²⁶ *Ludendorff E.* The General Staff and its Problems. New York, 1920. Vol. 2. P. 385–338. В отличие от военных в других странах, немецкие военные в ходе Первой мировой войны осуществляли гораздо более строгий контроль над всеми внутренними делами, в том числе и над пропагандой. См.: *Welch D.* Mobilizing the Masses: The Organization of German Propaganda during World War I // *War and Media: Reportage and Propaganda, 1900–2003* / Eds. M. Connelly and D. Welch. New York, 2005. P. 19–20, 35–37.

Русской революции, но и итальянская пропаганда, нацеленная на разжигание националистических волнений в австро-венгерской армии²⁷.

В России военной пропагандой тоже занималась околоправительственная организация — Скобелевский комитет, названный в честь генерала Михаила Скобелева, популярного военного деятеля XIX века, называвшего себя русским националистом. Формально считавшийся частной организацией, на деле Скобелевский комитет был тесно связан с царским правительством и стремился учить солдат патриотизму и покорности царю и Православной церкви. Царь даровал Скобелевскому комитету исключительное право киносъемки на фронте, результатом чего стали патриотические фильмы, как игровые, так и документальные, например «Штурм и взятие Эрзерума» (снимался на Кавказском фронте). Поскольку ресурсы комитета, в том числе людские, были весьма ограничены — в частности, на все фронты приходилось лишь пять кинооператоров, — он не реализовал в полной мере пропагандистский потенциал кинематографа, но обращался с новой технологией изобретательно и добился огромной популярности. Фильмы Скобелевского комитета показывались по всей стране, а с 1916 года — и на фронте, при помощи автомобилей, оборудованных генераторами, проекторами и выдвигными экранами²⁸.

Другим новым средством пропаганды стали патриотические плакаты. Поначалу российские плакаты Первой мировой войны выпускались частными организациями и имели ограниченные цели, призывая к пожертвованиям в виде денег и теплой одежды для солдат. В 1916 году царское правительство выпустило плакаты с призывом подписаться на военный заем, сделанные по образцу

²⁷ Cornwall M. *Morale and Patriotism in the Austro-Hungarian Army, 1914–18* // *State, Society and Mobilization*. P. 83–85.

²⁸ Jahn H. *Patriotic Culture in Russia during World War I*. Ithaca, 1995. P. 40, 155–157; Youngblood D. J. *A War Forgotten: The Great War in Russian and Soviet Cinema* // *The First World War and Popular Cinema* / Ed. M. Paris. New Brunswick, 2000. P. 173. Использование передвижного кинематографа Скобелевским комитетом являлось предвестием того особого внимания, которое большевики будут уделять кинопропаганде. Французы и англичане тоже использовали киноавтомобили в ходе Первой мировой войны. См.: Horne J. *Remobilizing for «Total War»*. P. 206. См. также: Sorbin P. *France: The Silent Memory* // *The First World War and Popular Cinema*. P. 115–137.

британских. В Петрограде в том же году прошла выставка английских патриотических плакатов, а в 1917 году в Лондоне и Нью-Йорке — выставки российских плакатов в поддержку военного займа²⁹. Один русский журналист отметил, что в ходе войны появился плакат совершенно нового типа, призванный не рекламировать тот или иной продукт, но выступить в роли «агитатора и организатора масс»³⁰.

В отличие от Англии и Франции, Россия не располагала развитой сетью политических партий и республиканской системой школ, которая позволила бы распространять пропаганду и насаждать политическое просвещение. Царская власть противодействовала частной инициативе, и это привело к тому, что российское общество почти не имело средств самоорганизации. Такую возможность интеллигенции давали только земства — единственные широко распространенные негосударственные организации, созданные для нужд ограниченного местного самоуправления. Подобно тому как это произошло и в других сферах жизни, война вынудила царскую власть позволить интеллигенции принять более активное участие в политическом просвещении. Павел Николаевич Игнатъев, занявший в 1914 году пост министра образования, даже приветствовал войну, увидев в ней возможность научить жителей страны патриотизму. Он заявил, что земства должны провести кампанию публичных лекций по русской истории и географии, а также о войне. Видя в войне возможность для вовлечения крестьянства в государственные дела, он, безусловно, был прав, поскольку, к примеру, спрос крестьян на газеты и географические карты в военные годы резко вырос³¹.

Земские деятели с восторгом ухватились за новую возможность преобразить деревню в культурном плане и в плане гражданской сознательности. Они создали программу образования для взрослых, ставя задачу просветить крестьян и сделать их гражданами страны.

²⁹ *Jahn H. Patriotic Culture in Russia during World War I. P. 63, 68.* Ян также рассказывает про издательский бум Первой мировой войны, во время которой было опубликовано множество патриотических картинок и почтовых открыток. См.: *Ibid. P. 13–16.*

³⁰ *Славенсон В. Современный плакат // Русская мысль. 1917. № 3–4. С. 81–94.*

³¹ *Seregny S. Zemstvos, Peasants, and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and World War I // Slavic Review. 2000. Vol. 59. No. 2 (summer). P. 294–297.*

Организовали лекции, увеличили число библиотек и создали избы-читальни — деревенские дома с книгами и газетами (впоследствии это учреждение будет поднято на щит советским правительством, которое увидит в нем средство просвещения крестьян). В дни, когда приходила почта, крестьяне битком набивались в местные библиотеки и избы-читальни, чтобы узнать свежие военные новости. Поскольку многие крестьяне оставались неграмотными, библиотекари и учителя зачитывали им газеты вслух, отвечая на вопросы и выслушивая замечания аудитории. Но просветительская работа в военные годы оказалась подорвана тяжелой нехваткой ресурсов и квалифицированных служащих. Крестьяне подавали прошения об открытии новых школ и библиотек, однако в 1916 году земским руководителям уже не хватало денег даже на поддержание существующей инфраструктуры. Мало того, более половины учителей мужского пола были призваны в армию, что привело к серьезной нехватке учителей в деревнях в тот самый момент, когда в них там особенно нуждались³².

Примечательно, что давняя мечта русской интеллигенции о просвещении угнетенных масс получила зеленый свет только в контексте войны. В то время как интеллигенция стремилась дать русским крестьянам и рабочим образование и улучшить их положение, ее образовательные программы, развернутые в годы войны, включали в себя еще и обучение патриотизму, а также установку на сплочение общества вокруг войны. Таким образом, эти программы были призваны не только сделать людей грамотными, но и достичь конкретной политической цели — подготовить граждан-солдат, готовых сражаться за свою страну. И хотя другие европейские страны стояли перед тем же сочетанием массовой войны, массовой политики и необходимости политического просвещения, население России далеко отставало от них по части образования, поэтому параллельно с военной пропагандой приходилось учить его грамотности и другим базовым навыкам. Подобная ситуация, в сочетании с недостаточно развитой системой образования, нехваткой денег и людей,

³² Ibid. Сереньи приводит в качестве противоположного примера Францию и Германию, которые отличались не только гораздо более развитыми школьными системами, но и меньшим процентом учителей, призванных на фронт.

сильно ослабила выполнение образовательных программ в годы Первой мировой войны.

Падение самодержавия в феврале 1917 года подарило шанс организовать народную поддержку на демократической основе. Сбросив путы репрессивного самодержавного правительства, интеллигенты приложили огромные усилия, чтобы просветить крестьян и рабочих и интегрировать их в новый общественный строй. Но Временное правительство продолжало испытывать огромное напряжение войны, и в конечном счете у него было лишь восемь хаотичных месяцев на то, чтобы обучить миллионы солдат, рабочих и крестьян обязанностям гражданина либерально-демократического государства. Как впоследствии вспоминал Сергей Чахотин, находившийся во главе Центрального комитета социально-политического просвещения при Временном правительстве, в начале 1917 года интеллигенция безоговорочно верила, что массы проникнутся политической сознательностью и поддержат новое, демократическое российское государство, однако в течение этого года «необоснованные ожидания сменило разочарование, смешанное нередко с озлоблением на этот же самый народ, в который до сих пор верили»³³.

Временное правительство создало обширный аппарат пропаганды и политического просвещения. Он поглотил Скобелевский комитет и сделал его официальным правительственным бюро, специализирующимся на патриотической пропаганде³⁴. Кроме того, Временное правительство взяло под контроль и реорганизовало другую полунезависимую организацию — Комитет по организации духа. После начала Первой мировой войны инженерные общества сформировали Комитет военно-технической помощи, а тот после Февральской революции сформировал свой Комитет по организации духа. Участники нового комитета видели своей задачей преодоление «социально-политической неграмотности народных масс»,

³³ Чахотин С. В Каноссу! // Смена вех. 2-е изд. Прага, 1922. С. 151–152. Цит. в: Holquist P. Making War. P. 105. См. также: Orlovsky D. T. The Provisional Government and its Cultural Work // *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution* / Eds. A. Gleason, P. Kenez and R. Stites. Bloomington, 1985. P. 39–56.

³⁴ Kenez P. *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929*. New York, 1985. P. 105–106.

которая, по их мнению, происходила от «преступного нежелания царского режима даровать народу свет и знания»³⁵. Будучи военным министром, Керенский включил Комитет по организации духа в состав Военного министерства и переименовал в Центральный комитет социально-политического просвещения. Члены комитета считали, что в армии гражданская сознательность нужна в большей степени, чем где-либо, и развить ее легче всего именно там. По их мнению, именно армия предоставляла лучшую возможность для внедрения знаний, нужных всей стране, а организационные ресурсы армии облегчали работу по привнесению и распространению политических знаний, необходимых для решения огромных задач, стоявших перед Россией³⁶.

Большинство армейских офицеров не возражали против этих мер по просвещению и повышению политической сознательности их солдат. Глубоко возмущенные Приказом № 1 Петроградского Совета, создавшим солдатские комитеты и внедрившим советскую власть в армии, многие офицеры тем не менее считали необходимым политическое просвещение в той или иной форме, надеясь превратить своих пассивных подопечных в сознательных граждан-солдат. В сентябре 1917 года Политическое управление Военного министерства ввело обязательное образование для всех солдат и учредило отдел, ответственный за распространение брошюр и книг в войсках³⁷. Центральный комитет социально-политического просвещения организовал курсы по подготовке лекторов и отправил ораторов к военным и гражданским слушателям, стремясь повысить сознательность аудитории и заручиться политической поддержкой³⁸.

В конечном счете Временное правительство, разумеется, так и не смогло добиться поддержки со стороны русских солдат и населения в целом³⁹. Но виной тому было отнюдь не отсутствие заинтересо-

³⁵ ГАРФ. Ф. 9505. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 1–3.

³⁷ *Holquist P. Making War. P. 216–217.*

³⁸ ГАРФ. Ф. 9505. Оп. 1. Д. 4. Л. 9–10; Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 1–16.

³⁹ Политика на местах, проводимая в 1917 году, рассматривается в работах: *Retish A. B. Russia's Peasants in Revolution and Civil War; Hickey M. C. The Rise and Fall of Smolensk's Moderate Socialists: The Politics of Class and the Rhetoric of*

ванности народа в политике. В ходе Первой мировой войны и Русской революции солдаты и крестьяне сильно политизировались, а радикализм среди рабочих, распространившийся еще до войны, стал особенно интенсивным. Истинной проблемой, с которой столкнулось Временное правительство, было то, что у низших классов имелись собственные ожидания от революции. Солдаты, крестьяне и рабочие хотели прекращения войны, немедленного перераспределения земли и установления рабочего контроля на фабриках. Более того, Временное правительство в 1917 году было не единственной силой, стремившейся внушить свои идеи массам. Революционные партии, прежде всего большевики, воспользовались падением самодержавия и введением свободы собраний и свободы прессы, чтобы развернуть в полную мощь свои агитационные и пропагандистские кампании. Большевистские лозунги мира, земли и хлеба были созвучны представлению крестьян и рабочих о социальной справедливости и вели к дальнейшему ослаблению поддержки Временного правительства.

СОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАДЗОР

Взяв власть в октябре 1917 года, большевики не имели планов осуществлять слежку за людьми, тем более не собирались создавать всепроникающий аппарат надзора. Так почему же они не просто сохранили, но и значительно расширили практику перлюстрации писем, использования осведомителей, составления систематических докладов о народных настроениях, причем всем этим руководила вновь созданная тайная полиция, учреждать которую большевики тоже не планировали? Конечно, в какой-то мере решения большевиков объяснялись политической необходимостью текущей ситуации — ситуации, которую они же сами отчасти и создали, когда, будучи партией меньшинства, захватили власть в стране, страдавшей от социальных и политических конфликтов. Стараясь удержать власть перед лицом вооруженной оппозиции и растущей анархии, Ленин и его соратники, не колеблясь, прибегли к надзору и принуждению. Сведения о населении и политических пристрастиях

различных его групп были для большевиков, пытавшихся получить более высокую поддержку и подавить оппозицию, важнейшей информацией. Эти сведения имели огромную ценность и для их идеологической цели — преобразования общества.

Впрочем, формы политического надзора, к которым прибегли партийные лидеры, восходили не к какому-либо политическому или идеологическому плану, а к уже существовавшей на тот момент практике. Технологии надзора, усовершенствованные в годы Первой мировой войны, предоставляли большевистским руководителям возможности для сбора жизненно важной для них информации об их соперниках и политических мнениях населения в целом. В некоторых случаях большевики даже получали доклады, о которых и не просили, исходившие от бывших чиновников Временного правительства, продолжавших наблюдать за народными настроениями и после Октябрьской революции, — тот редкий пример, когда бюрократическая преемственность возобладала над революционным разломом. Немаловажен и факт, что даже после того, как советское правительство положило конец участию России в Первой мировой войне, мир в стране не наступил. Именно в ходе кровавой Гражданской войны, когда само выживание нового режима зависело от того, удастся ли ему мобилизовать народ в свою поддержку и уничтожить политических противников, всеобъемлющая слежка прочно вошла в состав советской системы. В ходе тотальной войны лидеры большевиков укрепили и расширили слежку, впервые развернутую в широком масштабе в годы Первой мировой войны.

Перлюстрация почты по-прежнему занимала центральное место среди прочих практик слежки. Указ советского правительства о цензуре и выемке почты, принятый в июле 1919 года, создал новую структуру для слежки за почтой, телеграфом, радио и телефонами. На каждое направление правительство выделило немалое число человек — в целом всеми видами перлюстрации занималось более 10 тысяч чиновников. Многие из них «перешли по наследству» от Временного правительства: по состоянию на конец 1918 года примерно половина сотрудников Московского военного почтово-телеграфного контрольного бюро, начала работать там еще до Октябрьской революции⁴⁰.

⁴⁰ Измозик В. С. Глаза и уши режима. С. 49–50, 54.

Хотя практические методы выемки писем не изменились и даже отчасти осуществлялись теми же людьми, советское правительство начало использовать эту форму слежки для решения новых задач. Сведения, полученные из вскрытых писем, продолжали оставаться одним из главных источников для докладов о «политических настроениях» населения. Но советская тайная полиция стала использовать эти сведения и с иной целью: для выявления и ареста людей, занимающихся «спекуляцией» — куплей-продажей различных предметов, в первую очередь еды, вне государственной системы рацийонов и твердых цен. Доклады тайной полиции в Петрограде в 1918 году показывают, что выемка писем сыграла большую роль в борьбе с этим низовым капитализмом, перешедшим при большевиках на нелегальное положение⁴¹. На протяжении всей Гражданской войны за перлюстрацию писем отвечали органы, осуществлявшие надзор за почтой, но собранные сведения они передавали партии и тайной полиции, а в августе 1920 года вошли в состав Особого отдела ВЧК⁴².

Подобно перлюстрации, сохранилась при советской власти и возникшая в годы Первой мировой войны система докладов о настроениях. В декабре 1917 года большевистские военные руководители жаловались, что политические комиссары, назначенные Временным правительством, посылают им доклады о солдатских настроениях, используя формуляры, напечатанные еще Временным правительством. Но вместо того чтобы устранить этих комиссаров, им приказали продолжить подавать доклады, просто включив в них ряд дополнительных вопросов, не предусмотренных формулярами. В январе 1918 года политическое руководство Красной армии опубликовало новые правила составления этих докладов, внеся в них такие категории, как, например, «устранение контрреволюционных элементов»⁴³. В ходе Гражданской войны Политическое управление Красной армии создало «информационный отдел», собиравший данные по военным подразделениям по всей стране. В этом отделе составляли графики, отражавшие «настроение» солдат, «дисциплину», «уровень сознательности», «отношение к Советской

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2484. Л. 11–13.

⁴² Измозик В. С. Глаза и уши режима. С. 66.

⁴³ Holquist P. Making War. P. 218.

власти» и «отношение к коммунистам». В случае пораженческих настроений предлагались различные их причины — от «недостаточного продовольственного снабжения» до «слабой политической работы»⁴⁴. Как и в случае с перлюстрацией писем, советские доклады о настроениях населения создавались при помощи прежних методов работы и руками прежних служащих. Изменились только политические цели.

В скором времени коммунистическая партия создала и собственный аппарат надзора. К 1919 году информационный отдел ЦК партии регулярно составлял доклады по губерниям об отношениях между населением и местными партийными организациями⁴⁵. Доклады о суждениях и настроениях жителей составляли не только партийные органы, но и ветви правительства. Наркомат внутренних дел, Российское телеграфное агентство, ВЧК — все они регулярно подавали доклады партийному руководству⁴⁶. Поток докладов от растущей советской бюрократии может показаться чрезмерным, но на самом деле он отражает то, до какой степени советские руководители были одержимы желанием понимать, о чем думает народ и каковы его политические пристрастия. В августе 1918 года Ленин потребовал, чтобы доклады о настроениях рабочих и крестьян в различных местностях приносили ему лично, и на протяжении всей Гражданской войны партийные деятели получали соответствующую информацию⁴⁷. Советские руководители стремились узнать чувства населения не для того, чтобы им соответствовать: тех, кто выступал против их власти, они объявляли «отсталыми», «политически несознательными» или «контрреволюционерами». Они желали узнать, о чем думают люди, чтобы «просветить» их и преобразовать. В годы Гражданской войны от этого зависело само выживание советского государства, не говоря уже о более широком проекте интеграции людей в новый, социалистический общественный строй.

Использование советским правительством надзора отражало более масштабные изменения в политике как таковой, и лучшим

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 261. Л. 4–11.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 5. Л. 98–101.

⁴⁶ Измозик В. С. Глаза и уши режима. С. 31–32, 67.

⁴⁷ Там же. С. 27.

доказательством этому служит тот факт, что и враги большевиков в Гражданскую войну тоже прибегали к слежке. Белые армии создавали обширные сети надзора с целью узнать чувства жителей и повлиять на них. Белогвардейцы, действовавшие на юге, — Вооруженные силы Юга России под руководством генерала Антона Деникина и его зарождавшееся правительство — создали отдел пропаганды, в задачи которого входило докладывать о настроениях жителей и вести пропаганду, стремясь добиться народной поддержки. Отдел, в свою очередь, создал информационные комитеты по всей территории, находившейся под контролем Деникина и его армии, и белые чиновники, работавшие в этих комитетах, поставляли все более и более стандартизированные доклады о настроениях среди населения. Кроме того, правительство Всевеликого Войска Донского, вначале союзное армии Деникина, а позднее подчинявшееся ей, организовало собственную структуру слежки, тоже имевшую многочисленные филиалы и агентов, разъезжавших по всей территории Войска Донского. Некоторые из этих агентов открыто работали агитаторами и лекторами, выступавшими за белых. Другие маскировались под студентов, врачей и железнодорожных рабочих, собирая информацию о настроениях в народе. Эти агенты подавали доклады, на основе которых руководство Войска Донского составляло ежедневные сводки о настроениях среди местных жителей⁴⁸. Хотя в ходе Гражданской войны белогвардейцы не смогли добиться такой народной поддержки, как коммунисты, сам факт того, что эта разношерстная группа политических и военных деятелей, включавшая в себя как монархистов, так и конституционных демократов, увидела необходимость отслеживать настроения в народе и влиять на них, свидетельствует о понимании ими новых политических реалий.

Советские доклады о настроениях населения помогали вести политическую работу. Например, составленный в сентябре 1919 года доклад Красной армии о «политическом и культурно-просветительском» состоянии солдат содержал характеристику «политической сознательности» и «народного настроения» каждой бригады. Революционный настрой одной из бригад относился на счет регулярной политико-просветительской работы, а недостаток политической

⁴⁸ *Holquist P. Making War. P. 227–229.*

сознательности другой бригады объяснялся отсутствием опытных пропагандистов. Методы политической работы и ресурсы, имевшиеся в распоряжении пропагандистов, тоже нашли отражение в этом докладе: в большинстве бригад были небольшие библиотечки и проводились регулярные лекции, а в некоторых еще и обучали грамоте, а также устраивали спектакли⁴⁹. Тайная полиция большевиков в своих докладах о настроениях населения часто объясняла недовольство советской властью как экономическими трудностями, так и недостатком политического просвещения. В одном докладе 1919 года отмечалось, что антисоветские настроения особенно сильны в тех местах, где наблюдается продовольственный кризис. В другом докладе сообщалось, что Углич стал средоточием «белогвардейских банд» из-за своего отдаленного расположения и политической недоразвитости городского населения⁵⁰. В третьем докладе указывалось, что население Ярославской губернии в силу своей отсталости легко попало под влияние контрреволюционеров, а крестьяне после реквизиций зерна настроены «реакционно»⁵¹.

Уже в годы Гражданской войны решающую роль в сфере надзора взяла на себя тайная полиция. Хотя до революции большевистское руководство вообще не предполагало создавать тайную полицию, 7 декабря 1917 года была учреждена Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, ставшая известной как ВЧК, или просто Чека. Предполагалось, что это временная комиссия, которая создается лишь для борьбы с конкретной политической угрозой (общей стачкой государственных служащих), но на деле ВЧК стала постоянной полицией безопасности, осуществлявшей надзор за населением. В своей работе эта полиция преследовала несколько разных целей⁵². Кроме сообщений о настроениях среди жителей, ВЧК собирала данные о тех, кого подозревала в антисоветской деятельности, и, основываясь на этих данных, производила многочисленные аресты, приводившие к тюремным срокам и казням. В циркуляре, вышедшем в апреле 1919 года, Мартын

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 84. Л. 51–54.

⁵⁰ Измозик В. С. Глаза и уши режима. С. 68.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 415. Л. 88 об.

⁵² Более подробный рассказ о создании советской тайной полиции см. в кн.: Leggett G. The Cheka: Lenin's Political Police. New York, 1986. P. 16–18.

Янович Лацис, один из основателей и руководителей ВЧК, отметил, что она должна вести наблюдение за каждым бывшим царским чиновником, офицером, полицейским, помещиком, банкиром и священником. В следующем году он писал, что «контрреволюционные целые классы», и заявлял, что «необходимо учредить наблюдение за всей крупной и мелкой буржуазией»⁵³. Действия ВЧК по слежке за всеми, кого она считала подрывными элементами, напоминали слежку царской полиции за оппозицией и революционерами. Однако советская тайная полиция отличалась не только гораздо более широким размахом действий (она следила за тысячами, а потом и миллионами людей), но и тем, что осуществляла надзор не за отдельными лицами, а за целыми социальными слоями.

ВЧК даже создала классификацию разных сегментов буржуазии, оценив исходившую от них политическую опасность. В докладе, составленном ВЧК в июне 1919 года, отмечалось, что большинство специалистов — противники советской власти, и давалось приказание чекистам-оперативникам расспрашивать рабочих о «политических взглядах» специалистов на их фабриках. Затем в докладе перечислялись пять разновидностей специалистов, начиная от «явных или тайных контрреволюционеров» и до тех, чьи политические взгляды еще предстояло выяснить. Доклад призывал агентов внимательно следить за деятельностью специалистов и создать картотеку по ним, а также подчеркивал, что контрреволюционеров следует арестовывать и заключать в концентрационный лагерь⁵⁴.

Численность личного состава ВЧК росла по экспоненте: это было необходимо для поддержания столь обширной сети надзора. В декабре 1917 года ее центральный аппарат насчитывал всего 25 человек; к марту их число выросло до 219, к июню — до 481, к сентябрю — до 779. Еще более стремительно росла ее численность на местном уровне: советская тайная полиция стремилась распространить свою власть на все части страны. К лету 1921 года общее число служащих ВЧК составляло около 60 тысяч, и это не считая обширной сети осведомителей⁵⁵. На конференции ВЧК было принято решение, что все члены партии, состоящие в Красной армии, должны

⁵³ Измозик В. С. Глаза и уши режима. С. 60, 62.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 65. Л. 51–55.

⁵⁵ Измозик В. С. Глаза и уши режима. С. 60, 65.

стать осведомителями и собирать данные как о подозрительных лицах, так и о настроениях среди солдат⁵⁶. Были созданы «особые отделы» ВЧК в каждом военном подразделении, а также в других учреждениях. Как считает Владлен Измозик, к концу Гражданской войны сеть советской тайной полиции проникла во все сферы политической и экономической жизни страны⁵⁷. Хотя ВЧК, как я уже отмечал, создавалась в качестве временного учреждения для борьбы с контрреволюционной угрозой, она превратилась в постоянный институт советского государства. И ее методы надзора — тоже.

Завершение Гражданской войны предоставило партийным деятелям возможность ослабить надзор за советскими гражданами. С разгромом белых армий непосредственная угроза контрреволюции отступила, и всеобщая слежка уже не казалась столь необходимой, как в военное время. Когда в 1921 году на X съезде партии Ленин заявил о переходе к новой экономической политике (нэпу), он дал таким образом пример того, как партийные деятели могут отступить от политики военного коммунизма хотя бы в экономической среде. Тем не менее подавляющее большинство членов партии не поддержало нэп. В лучшем случае они считали его стратегическим отступлением, необходимым по причине экономического коллапса и сопротивления крестьян продразверстке. Но многие коммунисты сочли нэп предательством, уступкой тем самым «буржуазным элементам», ради победы над которыми они проливали кровь в годы Гражданской войны. Вместо того чтобы привести к политической либерализации советского режима, введение нэпа заставило партийных руководителей стать еще более бдительными в деле защиты революции, будущее которой по-прежнему не было обеспечено.

Партийные деятели опасались пагубного влияния нэпа. В условиях социально-экономической системы, позволявшей существовать мелкому капитализму, вознаграждавшему тех, кто эксплуатировал чужой труд, народ мог отойти от идеалов социализма и проникнуться буржуазными ценностями. Будучи экономическими детерминистами, партийные деятели считали, что мелкобуржуазная среда, созданная нэпом, оказывает формирующее влияние на

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 114. Л. 10.

⁵⁷ Измозик В. С. Глаза и уши режима. С. 74.

образ мыслей и поведение людей. Некоторые партийные моралисты опасались, что рядовые члены партии тоже могут «разложиться» под влиянием нэпа. Центральная контрольная комиссия ВКП(б), созданная в 1920 году, возглавила иерархию контрольных комиссий, которым было поручено поддерживать среди членов партии высочайшие стандарты идеологической и этической чистоты. На XI съезде партии в 1922 году секретарь Центральной контрольной комиссии Арон Сольц предупредил о «разложении» в партии и указывал, что нэп увеличил вероятность того, что слабые члены партии приобретут мелкобуржуазные привычки⁵⁸. Съезд постановил, что контрольные комиссии должны вычистить «всех тех, кто позорит партию», в том числе освободить ее от «чуждых, вредных, разлагающих элементов», а также от людей, которые начнут вести «некоммунистический образ жизни (частная торговля, пьянство, моральная распущенность)»⁵⁹.

Но нэп вызывал опасения не только тем, что мог оказать дурное влияние на членов партии. Буржуазия стала более многочисленной и заметной. Нэпманы открывали предприятия, магазины, заводы. Некоторые даже начали выставлять напоказ свое богатство, надевая дорогую одежду и ужиная во вновь открытых ресторанах и кабаре. Советские чиновники возмущались нэпмановским показным потреблением и беспокоились, что классовые враги, осмелевшие благодаря нэпу, будут стремиться не только к экономическому влиянию, но и к политической власти. Вышедший в 1922 году приказ ВЧК требовал отслеживать «рост мелко-буржуазного элемента» в обществе⁶⁰. Продолжение надзора было средством держать нэпманов под контролем, а также отслеживать распространение в обществе мелкобуржуазных взглядов.

Партийные деятели решили сохранить и усилить слежку не только из-за общего страха перед буржуазной заразой, но и после серии

⁵⁸ Сольц А. А. Из отчета Центральной контрольной комиссии на XI Съезде РКП(б) // Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов / Под ред. А. А. Гусейнова; сост. и авт. примеч. М. А. Макаревич. М., 1989. С. 141–142.

⁵⁹ Партийная этика. С. 147–148. О мерах XI съезда по укреплению Центральной контрольной комиссии см: *Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. 2nd ed. New York, 1971. P. 261.*

⁶⁰ Измозик В. С. Глаза и уши режима. С. 107–108.

восстаний, произошедших в 1921 году. Кронштадтский мятеж, который совпал с прошедшим в 1921 году X съездом партии, глубоко потряс большевиков: они поняли, насколько слаба их поддержка в обществе. Хотя этот мятеж был жестоко подавлен, он побудил ЦК партии выпустить циркуляр, призывавший к созданию «всеобъемлющей системы государственной информации в целях своевременного и полного осведомления и принятия соответствующих мер»⁶¹. Кроме того, на конец Гражданской войны пришлось многочисленные крестьянские бунты, в том числе масштабное восстание в Тамбовской губернии. Эти выступления против советской власти, а также антикоммунистические заговоры (например, создание Петроградской боевой организации, участники которой были арестованы в июне 1921 года за планирование вооруженного восстания) закрепили у партийных лидеров впечатление, что они находятся в осажденной крепости⁶².

По мере того как нэп способствовал смягчению недовольства, вызванного экономическими причинами, в особенности среди крестьян, партийные деятели еще больше убеждались, что власть в стране принадлежит меньшинству. Они взяли власть во имя рабочего класса, а между тем рабочие составляли на деле менее 5% российского населения, в то время как подавляющее его большинство (примерно 85%) составляло крестьянство. Как следствие смертности в Первой мировой войне, экономического коллапса, оттока населения из городов пролетариат стал еще более малочисленным. Партия, находившаяся в его авангарде, та партия, которой предстояло повести Россию, а затем и весь мир к социализму, сама оказалась в окружении врагов — крестьян и буржуазии, а поддержка ее

⁶¹ Там же. С. 80. См. также: *Виноградов В. К.* Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): В 10 т. / Ред. совет: Г. Н. Севостьянов, А. Н. Сахаров, Я. Ф. Погоний и др. М., 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 31–73.

⁶² В это время заместитель главы ВЧК, Иосиф Уншлихт, послал в Политбюро меморандум, наметив план «организованной и систематической борьбы с контрреволюционными движениями». См.: *Finkel S.* An Intensification of Vigilance: Recent Perspectives on the Institutional History of the Soviet Security Apparatus in the 1920s // *Kritika*. Vol. 5. No. 2 (spring). P. 303. Об антибольшевистских заговорах в этот период, в том числе и о тех, что были организованы эмигрантами, такими как Борис Савинков, см.: *Leggett G.* The Cheka. P. 288–296.

в народе была невелика. Не могли коммунисты рассчитывать и на помощь из-за границы — в других странах пролетарским революциям закрепиться не удалось. Большевики очутились в «капиталистическом окружении». Ощущение осажденной крепости особенно упрочилось после военной интервенции Антанты в годы Гражданской войны: хотя интервенция была ограниченной по объему и неэффективной, символически она отражала желание лидеров капитализма раздавить советское государство в зародыше.

В начале 1922 года советская тайная полиция была полностью реорганизована и получила новое имя. Выступая на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 года, Ленин произнес хвалу ВЧК и ее роли в разгроме антисоветского сопротивления в годы Гражданской войны, но отметил, что новая экономическая политика требует «большей революционной законности». Делегаты съезда приняли резолюцию, ограничившую полномочия ВЧК в пользу судебных органов. 6 февраля 1922 года советское правительство упразднило ВЧК и передало ее полномочия вновь созданному Государственному политическому управлению (ГПУ), которое в следующем году было переименовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). Но, несмотря на перемену вывески, советская тайная полиция по большому счету продолжала действовать так же, как и прежде. Феликс Дзержинский, возглавлявший ВЧК, руководил и ОГПУ. А в конце февраля 1922 года Ленин предупреждал, что за нэпманами необходимо следить и карать их безжалостно. 22 августа того же года советское правительство вновь предоставило тайной полиции внесудебные полномочия, и ОГПУ продолжило осуществлять надзор за населением, не сильно отличавшийся от надзора ВЧК⁶³.

В результате нэпа и сокращения ресурсов, находившихся под контролем государства, бюджет советской тайной полиции на первых порах был урезан, а персонал несколько сократился, но в скором времени все вернулось на круги своя. В письме в Политбюро от

⁶³ Leggett G. The Cheka. P. 343–352. См. также: *Леонов С. В.* Реорганизация ВЧК в ГПУ // Исторические чтения на Лубянке (1999 год): Отечественные спецслужбы в 20–30-е годы / Подгот. текста: В. М. Комиссаров. М., 2000. С. 14–18; *Литвин А. Л.* «На каждого интеллигента должно быть дело»: Как ВЧК перделывали в ГПУ и что из этого вышло // Родина. 1995. № 6. С. 31–34.

2 ноября 1923 года Дзержинский заявил, что сокращение бюджета «ставит нас в положение, когда мы не в состоянии будем выполнить возложенную на нас задачу». Он стал убеждать Политбюро в том, что «сейчас внутреннее положение в смысле натиска всех антисоветских и шпионских и бандитских сил очень напряженное. Мы уже сокращение довели до пределов»⁶⁴. Другие видные чекисты потребовали увеличения численности персонала ОГПУ. Начальник контрразведывательного отдела Секретно-оперативного управления ОГПУ А. Х. Артузов доложил, что «при слабости Советской власти в деревне элементарная задача ОГПУ — предотвращение восстаний на селе — не может быть выполнена без достаточной агентуры в наиболее опасных местах»⁶⁵. Начальник Секретного отдела Т. Д. Дерibas тем временем жаловался на нехватку персонала, необходимого, чтобы вести слежку за всеми, кто представляет собой угрозу: за анархистами, меньшевиками, социалистами-революционерами, монархистами, сектантами, а также за бывшими царскими офицерами полиции, чиновниками и помещиками⁶⁶.

Конечно, чекистам было выгодно преувеличивать контрреволюционную угрозу, но, по всей видимости, партийное руководство и ОГПУ действительно испытывали страх перед внутренними врагами. И вне зависимости от того, насколько опасны были для советской власти люди, перечисленные Дерibasом, факт состоит в том, что в 1920-е годы в Советском Союзе по-прежнему жили многочисленные представители элит царской эпохи и бывшие члены оппозиционных политических партий. Сама ситуация, сложившаяся после революции, способствовала продолжению слежки в СССР. В стране после столь радикальных политических изменений находилось много людей, лояльность которых была сомнительной, потому что в прошлом они следовали совсем за другими силами. Пережив Гражданскую войну, советские деятели исходили из того, что тяготение к другим силам приведет к яростной борьбе с советской властью.

В 1920–1930-е годы надзор стал гораздо более продуманным. ОГПУ создало «особые отделы» во всех крупных учреждениях — на

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 306. Л. 50.

⁶⁵ Там же. Л. 6.

⁶⁶ Там же. Л. 141.

заводах, в университетах, больницах и т. д. Советская тайная полиция использовала множество секретных сотрудников: только в одной Москве к концу 1920-х годов их численность, согласно одному из источников, превысила 10 тысяч человек⁶⁷. Кроме того, в распоряжении чекистов были тысячи осведомителей, которые тоже вели слежку, добровольно или принудительно. В одной из средних школ Донбасса осведомителями тайной полиции были тринадцать из двадцати сотрудников. Они не только сообщали об общем настроении среди учеников и учителей, но и пересказывали представителям ОГПУ каждый диалог с одним из педагогов, находившимся под подозрением⁶⁸. Вышедший в 1935 году доклад ЦК сообщал, что тайная полиция пользуется услугами 27 650 постоянных агентов и 270 777 осведомителей⁶⁹. На основании данных, полученных от осведомителей и агентов, ОГПУ составило досье на сотни тысяч советских граждан⁷⁰. В свою очередь, на основании этих досье чекисты проводили аресты и допросы. Таким образом, надзор позволял не только отслеживать настроения в народе, но и выявлять и уничтожать тех, кто представлялся «антисоветскими элементами»⁷¹.

Члены коммунистической партии тоже вели слежку. У партии была своя ячейка в каждом советском учреждении, а с начала 1920-х годов члены партии были обязаны предоставлять тайной полиции сведения о политических настроениях сослуживцев⁷². Кроме

⁶⁷ Измозик В. С. Глаза и уши режима. С. 117. Цитируется оценка офицера ОГПУ, бежавшего на Запад в 1930 году (Агабеков Г. ГПУ: Записки чекиста. Берлин, 1930. С. 18).

⁶⁸ *Semystiaha V. The Role and Place of Secret Collaborators in the Informational Activity of the GPU-NKVD in the 1920s and 1930s (on the basis of materials in the Donbass region) // Cahiers du monde russe. 2001. Vol. 42. No. 2–4. P. 235–236, 240.*

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 118. Л. 4. Цит. в: *Shearer D. Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1933–1952 // Journal of Modern History. 2004. Vol. 76 (December). P. 846. См. также: Idem. Policing Stalin's Socialism: Repressions and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven, 2009. P. 134–140.*

⁷⁰ Уже в 1922 году Дзержинский приказал создать систему классификации, которая позволила бы систематизировать материалы, полученные в результате слежки. См.: *Finkel S. An Intensification of Vigilance. P. 314.*

⁷¹ Более подробно этот вопрос рассматривается в работе: *Hooper C. V. Terror from Within: Participation and Coercion in Soviet Power, 1924–1964: Ph.D. diss. Princeton University, 2003. P. 60.*

⁷² *Semystiaha V. The Role and Place of Secret Collaborators. P. 233.*

того, согласно циркуляру ЦК, вышедшему в сентябре 1921 года, каждая партийная ячейка должна была предоставлять ежедневные, еженедельные и ежемесячные доклады о настроениях различных социальных и профессиональных групп — рабочих, крестьян, солдат, служащих и т. д. В случае выявления антисоветских настроений, забастовок, бунтов и бандитизма в доклады следовало включать не только подробный рассказ о том, какими политическими и экономическими трудностями обусловлены эти феномены, но и описание того, как население относится к партии и советским декретам. Должны были партийные чиновники докладывать и о «культурно-просветительской работе» и ее эффективности в деле влияния на настроения в народе⁷³. Затем Информационно-инструкторский отдел ЦК собирал воедино все данные из местных партийных ячеек и публиковал ежемесячные доклады об «общеполитическом и экономическом состоянии» каждой губернии. В свою очередь, эта информация использовалась для координирования политико-просветительской деятельности местных партийных организаций⁷⁴.

Другим важным источником сведений для Информационно-инструкторского отдела были письма, которые крестьяне и рабочие направляли в газеты. Будучи гораздо менее откровенными, чем личная переписка, такие обращения тем не менее считались важным источником информации. Чиновники отдела называли неопубликованные письма «материалами, характеризующими настроения широких масс». Подчиняясь партийным директивам, редакции крупных газет представляли еженедельные обзоры всех полученных писем не только в Информационно-инструкторский отдел, но и лично Ленину, а позднее Сталину и Молотову. Например, издатели двух главных газет для советского крестьянства, «Крестьянской газеты» и «Бедноты», посылали Сталину доклады (а также образцы писем), подводившие итог мнениям крестьян по тому или иному вопросу⁷⁵. Кроме того, партийные лидеры собирали информацию из писем, которые адресовались лично им.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 108. Л. 88–92 об.

⁷⁴ Там же. Д. 44. Л. 3–4.

⁷⁵ *Измозик В. С. Глаза и уши режима. С. 87–88.* Начиная с 1924 года Наркомат внутренних дел получал образцы писем, присылаемых в «Крестьянскую газету». См.: *Hooper C. V. Terror from Within. P. 123.*

В 1920–1930-е годы люди посылали письма и петиции советским руководителям, нередко жалуясь на несправедливость или прося о помощи⁷⁶. К примеру, во время коллективизации тысячи крестьян писали партийным лидерам. Михаил Калинин в своем качестве председателя Центрального исполнительного комитета советского правительства получил невероятные 3847 писем всего за четыре дня в апреле 1930 года. Чиновники Информационного отдела ЦИК писали доклады с обзором крестьянских писем и выдержками из них, которые служили образцами крестьянского образа мыслей⁷⁷.

Эти многочисленные разновидности надзора позволили выявить широчайшее недовольство населения. Хотя я в первую очередь пишу о механизмах надзора, краткое обсуждение содержимого подобных докладов позволяет объяснить, почему партийные лидеры по-прежнему не чувствовали себя в безопасности и требовали сохранения практики надзора. Во вскрытых письмах нередко встречалось осуждение советской власти. Одно письмо, составленное в 1924 году, содержало такие строки: «Говорят граждане, было бы лучше пропасть при старом режиме в ярме, чем жить при советской свободе, в тюрьме словно». Автор другого письма в том же году писал: «Русская революция, Октябрьская... не есть социальная революция, а результат искусственной, зловредной, не соответствующей задачам экономики, политической демагогии большевиков»⁷⁸. Еще более распространенными были указания на экономические тяготы и на сопутствующее им недовольство. Письмо из Тамбовской губернии, написанное и вскрытое в 1925 году, сообщало, что «кругом, на сто верст, сильный голод», а другое — что в предместьях Ленинграда множество умирающих от голода людей⁷⁹. Доклады 1930-х годов приводили примеры не только недовольства экономическими условиями, но и политической враждебности, вплоть

⁷⁶ См.: Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York, 1994 (см. рус. пер.: *Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня*. М.: РОССПЭН, 2001); Alexopoulos G. *Stalin's Outcasts*.

⁷⁷ *Rapports Secrets Soviétiques 1921–1991: La société russe dans les documents confidentiels* / Eds. N. Werth and G. Moullec. Paris, 1994. P. 132–134.

⁷⁸ *Izmozik V. S. Voices from the Twenties: Private Correspondence Intercepted by the OGPU* // *The Russian Review*. 1996. Vol. 55. No. 2 (April). P. 289–290.

⁷⁹ *Ibid.* P. 292.

до прямых обвинений в адрес Сталина и партийного руководства⁸⁰. В некотором роде отточенная советская система слежки была самовоспроизводящейся: из нее исходил непрерывный поток данных об антисоветских настроениях и экономической неудовлетворенности, что беспокоило партийных руководителей и укрепляло их в решимости продолжать слежку за населением.

В минуты кризиса коммунистическое руководство начинало волноваться еще больше. После смерти Ленина, последовавшей в январе 1924 года, Дзержинский направил телеграммы всем офицерам ОГПУ, приказывая внимательно следить за «настроением масс» и уделить особое внимание монархистам, белогвардейцам и другим контрреволюционерам⁸¹. Во время военной тревоги 1927 года ОГПУ выпустило особый доклад «О реагировании различных слоев населения СССР на опасность войны». В числе прочего доклад перечислял «антисоветские» группы, которые могут воспользоваться надвигающейся войной, и предупреждал, что кулаки проводят «антисоветскую агитацию» и даже готовятся к осуществлению «вооруженных действий»⁸². Как мы видим, усиление внешней угрозы требовало более высокой бдительности по отношению к внутренним врагам. Руководители партии и тайной полиции боялись одновременного нападения со стороны капиталистических стран и со стороны внутренних врагов — и этот страх впоследствии приведет к использованию государственного аппарата насилия.

«Социалистическое наступление» партийных деятелей в начале 1930-х годов привело к дальнейшему расширению слежки. В годы коллективизации число докладов о положении в сельской местности, составленных ОГПУ, значительно выросло. Используя свои стандартные методы — перлюстрацию писем, сообщения осведомителей и наблюдения агентов, — тайная полиция выпускала специальные доклады о «коллективизации и политических настроениях в деревне», «кулацком терроре» и т. д. В докладах содержались

⁸⁰ ЦАОПИМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 41. Л. 16–17; ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1072. Л. 108–109. См. также: *Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. New York, 1997. Ch. 8.*

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 287. Л. 19.

⁸² Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 2–19.

выдержки из личной переписки крестьян, в том числе тех, кого выслали как кулаков, и анализировалась связь между трудным материальным положением новосозданных колхозов и неудовлетворительным моральным состоянием колхозников⁸³. Один доклад сообщал, что кулаки агитируют против колхозов, бедняки готовы конфисковать имущество кулаков, а середняки беспокоятся, что могут стать следующей мишенью коллективизации⁸⁴.

Суровый дефицит продуктов питания и голод, начавшиеся в результате коллективизации и реквизиции зерна, привели в 1932–1933 годах к новому кризису. Партийные деятели направляли руководству срочные сообщения о том, что люди умирают от голода в пострадавших регионах Украины, Северного Кавказа и Поволжья⁸⁵. Одновременно нехватка зерна и сокращение рационов в городах привели к широчайшим волнениям, в том числе к забастовкам рабочих. Поскольку партийные лидеры правили страной от лица рабочего класса, их особенно обеспокоили именно протесты со стороны рабочих. Советским руководством были выпущены особые доклады о волнениях — в частности, о волне забастовок среди текстильных рабочих Ивановской области⁸⁶.

Хотя экономические кризисы и политическое недовольство сами по себе являлись причиной для того, чтобы следить за населением, у партийных лидеров имелись и более общие основания продолжать отслеживать его образ мыслей. Они стремились превратить слаборазвитую сельскую страну с полуграмотным крестьянским населением в современное, индустриализированное социалистическое государство с многочисленным, политически сознательным пролетариатом. Ликвидация капитализма и частного земледелия и их замена государственной экономикой и коллективизированным

⁸³ Danilov V., Berelowitch A. Les Documents de la VCK-OGPU-NKVD sur la Campagne Soviétique 1918–1937 // Cahiers du monde russe. 1994. Vol. 35. No. 3. P. 633–682, здесь P. 636–646.

⁸⁴ Rapports Secrets Soviétiques. P. 116–117.

⁸⁵ Ibid. P. 147–159.

⁸⁶ См.: Rossman J. J. Worker Resistance under Stalin: Class and Revolution on the Shop Floor. Cambridge (Mass.), 2005. Подробнее о забастовках см.: Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Industrial Relations, 1928–1941. New York, 1986. P. 81–85; ГАРФ. Ф. 5475. Оп. 13. Д. 276. Л. 9; Там же. Д. 426. Л. 76.

сельским хозяйством сами по себе означали распространение государственного контроля на все аспекты экономической жизни. Попытка партийных деятелей мобилизовать людские ресурсы для индустриализации требовала еще лучшего представления о населении страны. Возможно, особенно важную роль играла цель, которую поставило перед собой партийное руководство: привить людям новый вид сознательности, фундаментально изменив их образ мыслей и действий. Для достижения этой цели требовалось досконально изучить образ мыслей населения, а также усилить работу над политическим просвещением. Как констатировал один партийный чиновник, советских граждан нужно было приучить нести на своих плечах «все трудности работы по организации социализма»⁸⁷.

Официальные доклады, выходявшие в 1930-е годы, отмечали живучесть мелкобуржуазного поведения и призывали удвоить усилия по прививанию рабочим надлежащей политической сознательности. К примеру, чиновники возмущались тем, что значительные группы населения продолжают верить в Бога и участвовать в богослужениях, поэтому немало усилий тратилось на пропаганду атеизма⁸⁸. Кроме того, в партийных и правительственных докладах содержались сетования на широко распространенное пьянство и на то, что рабочие предпочитают выпивку и игру в карты официально предписанным видам досуга⁸⁹. Поскольку главным приоритетом была индустриализация, особое внимание в партийных докладах уделялось повышению производительности труда рабочих, причем отмечалось, что лучшим средством для достижения этой цели будет насаждение политической сознательности. Один доклад призывал «воспитать массу политически неразвитой молодежи, которая пришла из деревни» на фабрику. Другой провозглашал величайшей задачей партии «перевоспитание вновь пришедших на заводы в духе, способствующем выполнению исторических задач пролетариата»⁹⁰. Хотя в докладах партии и тайной

⁸⁷ ЦАОПИМ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 221. Л. 53.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13. Д. 76. Л. 51; Там же. Ф. 7952. Оп. 3. Д. 522. Л. 1–4; ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 220. Л. 25–26. См. также: *Husband W. B.* «Godless Communists»; *Peris D.* *Storming the Heavens*.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 255. Л. 66; ЦАГМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 173. Л. 1.

⁹⁰ ЦАОПИМ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 69. Л. 16; Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 50. Л. 169.

полиции ответственными за негативные настроения среди народа часто назначались антисоветские агитаторы, нередко указывался и недостаточно высокий уровень образования и пропагандистских мер⁹¹. Таким образом, благодаря слежке появлялся стимул для дополнительной работы по политическому просвещению, а также выяснялось, среди каких социальных групп такую работу нужно проводить в первую очередь.

Другим измерением советской системы слежки, способствующим ее широкому распространению, стало государственное поощрение доносов⁹². Хотя надзор по большей части осуществляли тайная полиция и партия, советские чиновники способствовали развитию практики народной слежки, позволявшей рабочим и крестьянам доносить на своих начальников и друг на друга⁹³. С самой революции партийные деятели стремились вовлечь массы в дело поддержания порядка в новом социалистическом обществе. Вскоре после захвата власти Ленин призвал к «сотрудничеству массы рабочих и крестьян в учете и контроле за богатыми, за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами». Он объяснил, что «земля, банки, фабрики, заводы перешли в собственность всего народа», и призвал к «всенародному контролю» за «врагами социализма»⁹⁴. Кроме того, партийные лидеры считали, что участие народа позволит разрушить барьеры между государством и массами и станет заслоном на пути бюрократизма⁹⁵. Такие учреждения, как Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин) и «Легкая кавалерия» комсомола, дали возможность высказаться служащим, желавшим обвинить свое

⁹¹ Davies S. *Popular Opinion in Stalin's Russia*. P. 14.

⁹² Общий обзор этого феномена см. в работе: Fitzpatrick S. *Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation during the 1930s // Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989* / Eds. F. Gellately and R. Gellately. Chicago, 1997. P. 85–120.

⁹³ Более подробное рассмотрение этой практики представлено в работе: Hooper C. V. *Terror from Within*. Ch. 2.

⁹⁴ Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 35. С. 200. Эта статья была перепечатана в «Правде», в номере за 20 января 1929 года — в начале первой пятилетки, когда вновь слышались призывы к народному участию в управлении.

⁹⁵ Примечательно, что мобилизация рабочих и крестьян для контроля над бюрократами привела к необходимости создания новых слоев бюрократии. См.: Hooper C. V. *Terror from Within*. P. 80.

начальство в коррупции или некомпетентности⁹⁶. Советские газеты, пользовавшиеся услугами рабкоров (рабочих корреспондентов) и селькоров (сельских корреспондентов), часто публиковали рассказы о плохом управлении фабриками и колхозами⁹⁷. Изучение этой практики, появившейся в 1920-е годы и широко распространившейся в 1930-е, позволяет лучше понять, под какой угрозой разоблачений со стороны народа находились элиты⁹⁸.

Практика народной слежки позволяла обычным людям критиковать друг друга. Хотя разоблачения в общесоюзной и местной прессе обычно касались руководителей, широко распространились небольшие газеты (в том числе стенгазеты — печатные листки, висевшие на стенах заводов или колхозных контор), в которых собирались и публиковались разоблачения в адрес отдельных рабочих и крестьян, уличенных в прогулах, небрежности или пьянстве⁹⁹. «Товарищеские суды» позволяли рабочим высказывать мнение о товарищах по работе, которых обвиняли в прогулах или плохой дисциплинированности¹⁰⁰. «Общества сотрудничества с милицией» представляли собой другое средство, позволявшее простым людям отслеживать поведение других людей и доносить на них. В одной только РСФСР эти организации к 1930 году насчитывали 45 тысяч волонтеров¹⁰¹.

⁹⁶ См.: *Rees E. A. State Control in Soviet Russia: The Rise and Fall of the Workers' and Peasants' Inspectorate, 1920–1934.* Basingstoke, 1987.

⁹⁷ О советских газетах см.: *Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War.* Princeton, 2000; *Lenoe M. Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers.* Cambridge (Mass.), 2004; *Mueller J. K. A New Kind of Newspaper: The Origins and Development of a Soviet Institution.* Ph.D. diss. University of California, Berkeley, 1992; *Coe S. Peasants, the State, and the Languages of NEP: The Rural Correspondents' Movement in the Soviet Union, 1924–1928.* Ph.D. diss. University of Michigan, 1993.

⁹⁸ К 1934 году в распоряжении Рабкрина было около 750 тысяч активных волонтеров, вдобавок к которым он мобилизовал в предыдущем году 4,74 миллиона человек на массовые рейды. В расследованиях, проводимых «Легкой кавалерией», принимали участие четверть миллиона комсомольцев. См.: *Hooper C. V. Terror from Within.* P. 94–95.

⁹⁹ *Рубцов О. Стенгазету каждый день.* М., 1931. См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 538. Л. 5; ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 15. Д. 10. Л. 144.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 5469. Оп. 15. Д. 10. Л. 155. См. также: *Дворников И. С. Товарищеские суды и их роль в борьбе за укрепление трудовой дисциплины.* М., 1956.

¹⁰¹ *Hooper C. V. Terror from Within.* P. 85–86. О народном вмешательстве в судебную систему см.: *Ibid.* P. 87–92.

В 1930-е годы народное участие в надзоре и слежке постепенно оказалось под государственным контролем. Советские деятели сохранили глубокое недоверие к низовым инициативам и даже когда способствовали развитию народного участия в управлении, старались все контролировать. В конечном счете все инструменты народного участия стали звеньями всесоюзной бюрократической иерархии. Чиновники начали распространять опросные листы для волонтеров и правила, которым те должны были следовать. Кроме того, советская тайная полиция установила связи с Рабкрином и газетными редакциями, чтобы получать информацию, которую они собирали в форме писем и жалоб. Волонтеры «Легкой кавалерии» комсомола в первую пятилетку действовали по собственной инициативе, но к середине 1930-х их деятельность стала подвергаться ограничениям. В 1934 году Рабкрин был упразднен, и его волонтеры оказались под надзором тайной полиции¹⁰². Тем не менее народное участие в слежке сделало ее поистине вездесущей. Доносы и разоблачения привели к тому, что советские граждане следили друг за другом. В условиях советской системы не могло быть и речи о законе, который защищал бы права индивидуума и частную жизнь; более того, система поощряла советских граждан следить друг за другом и друг друга изобличать.

Вернемся к вопросу об истоках советской системы надзора и о роли марксистско-ленинской идеологии в ее формировании. Отметим, что захват власти большевиками и их программа преобразования общества сами по себе повысили необходимость слежки. Насильственные политические и социальные перемены вызвали широкое сопротивление, которое, в свою очередь, вызвало опасения партийных руководителей и подтолкнуло их к усилению слежки. Но методы массового надзора были разработаны раньше и применялись в годы Первой мировой войны всеми воюющими странами. Советская власть унаследовала эти методы от своих предшественников — царского и Временного правительств. Советская слежка была не порождением большевистской идеологии, но результатом идеологизации уже существовавшей практики. Слежка вошла в идеологическую программу большевиков и стала неотъемлемой частью нового советского государства.

¹⁰² Hooper C. V. *Terror from Within*. P. 118–125, 145, 162.

Создание многочисленных бюрократических аппаратов надзора и поощрение народных разоблачений способствовали укреплению и расширению слежки. Сама природа советской тайной полиции заключалась в том, чтобы раскрывать политическую оппозицию и заговоры, а это, в свою очередь, требовало еще более всеобъемлющей слежки. Но еще важнее было то, что советский надзор отражал горячее желание партийных лидеров узнать и преобразовать образ мыслей населения. Советское государство родилось в момент тотальной войны, когда отслеживание политических настроений и приверженности той или иной партии играло для государства огромную роль в деле мобилизации людских ресурсов и борьбы с врагом. После победы в Гражданской войне партийные руководители сделали практику слежки частью своей идеологической программы, нацеленной на избавление от классовых врагов и строительство социализма.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Задолго до 1917 года большевики считали, что пропаганда и политическое просвещение — важнейшие инструменты революционного движения. Уже в 1890-е годы российские социал-демократы печатали листовки и вели пропаганду среди промышленных рабочих. В своей важнейшей работе «Что делать?» (1902) Ленин провел различие между агитацией, которую следует вести устно, преследуя цель разжечь негодование рабочих, и пропагандой, которую нужно распространять в первую очередь в письменной форме, в целях насаждения политической сознательности. Ленин писал: «Идеальной аудиторией для политических обличений является рабочий класс, которому всестороннее и живое политическое знание нужно прежде всего и больше всего; который наиболее способен претворять это знание в активную борьбу»¹⁰³. Ленин и другие большевистские лидеры считали, что пропаганда должна быть не эмоциональным призывом с целью взбудоражить массы, а разновидностью политического образования или просвещения¹⁰⁴. Итак, как и подобало

¹⁰³ Ленин В. И. Что делать? // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1963. Т. 6. С. 1–192.

¹⁰⁴ Я использую термин *политическое просвещение*, чтобы охватить в том числе и более широкое значение слова *пропаганда*. В своем исследовании

марксистским революционером, большевики признавали важность пропаганды еще до взрывного развития государственной пропаганды в годы Первой мировой войны.

Придя к власти в 1917 году, большевики изменили главное направление своей деятельности. Теперь речь шла не о свержении действующего режима, а о поддержании собственной власти. Большевики подошли к вопросу творчески и показали себя новаторами. Фашистские деятели Италии и Германии, проявившие свою активность позже, восхищались технологиями советской пропаганды и подражали ей¹⁰⁵. В ряде аспектов советская программа «политического просвещения» была подобна военной пропаганде других стран, а цель политического образования была поставлена уже при Временном правительстве. Подобно своим предшественникам, большевики использовали новые средства массовой информации (фильмы, листовки, пропагандистские плакаты) и уже существовавшие учреждения (прежде всего военные) с целью охватить как можно более широкую аудиторию. Их особым вниманием пользовались не узкопропагандистские цели, а более широкие — такие, как грамотность и политическая грамотность, то есть представление о политической ситуации в мире и о месте России в нем. В деле воспитания политической грамотности большевики даже положились на многих людей, работавших еще при Временном правительстве, в том числе беспартийных интеллигентов. Но в политических вопросах стремились к воспитанию классовой сознательности, то есть осознания рабочими и крестьянами своей роли в борьбе против буржуазии. Как решили политработники Красной армии, основанием политического просвещения должен служить «революционный марксизм, который пробудит и организует классовую сознательность и творческую инициативу трудящихся масс»¹⁰⁶. Они стремились к созданию нового советского человека, чьи мышление и личные

советской пропаганды Питер Кенез определяет пропаганду как «попытку передать общественные и политические ценности в надежде повлиять на мысли и чувства, а следовательно, и на поведение людей» (*Kenez P. The Birth of the Propaganda State. P. 4.*)

¹⁰⁵ Ibid. P. 10.

¹⁰⁶ Политработник. 1920. Т. 1. С. 15. Цит. в: *Hagen M. von. Soldiers in the Proletarian Dictatorship. P. 96.*

качества были бы фундаментально иными, чем у людей, живших при капитализме.

В программе политического просвещения, реализуемой коммунистами, особенно важную роль играла возможность связи с населением. Прежде чем рассмотреть учреждения и средства массовой информации, которые позволяли им добиваться этой цели, я сделаю паузу, чтобы вкратце обрисовать оборотную сторону медали, а именно цензуру. Желая на свой лад сформировать у людей образ мыслей, советские чиновники решили не только транслировать свои сообщения, но и ограничить возможность других транслировать альтернативные версии происходящего. Советское правительство, в отличие от Временного, быстро приняло решение ограничить свободу слова и печати. Большевики закрыли оппозиционные газеты, арестовали тех, кто выступал против нового режима, и запретили другие политические партии. Постепенно советская власть создала сложный и всепроникающий цензурный аппарат, контролировавший все средства массовой информации в стране¹⁰⁷. Конечно, не большевики изобрели цензуру, и ее использование большевиками следует рассматривать в более широком контексте. Как указано выше, в ходе Первой мировой войны правительства всех воюющих стран практиковали цензуру и стремились контролировать информацию, которая могла повлиять на общественное мнение. В конце войны, когда другие страны ослабили или вообще упразднили цензуру, советское государство сохранило ее и сделало частью своей системы.

Перед партийным руководством стояла и более сложная задача: «просветить» население, состоявшее в большинстве своем из крестьян. В марте 1919 года, в самый разгар Гражданской войны, Ленин вынес на VIII съезд РКП(б) резолюцию, призывавшую улучшить пропагандистскую работу в деревнях по всей стране. Резолюция предписывала местным партийным организациям создавать деревенские избы-читальни (повторяя в этом земских активистов) и обеспечивать их газетами, а также устраивать в них лекции, которые повысят политическую сознательность крестьянства. Кроме

¹⁰⁷ См.: Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994; Давидян И. Военная цензура в России, 1918–1920 // Cahiers du monde russe. 1997. Vol. 38. No. 1–2. P. 117–125.

того, съезд вновь призвал грамотных граждан зачитывать вслух для неграмотных газетные статьи и указы (впервые подобный призыв советского правительства прозвучал в 1918 году). Наконец, съезд рекомендовал создать областные комитеты пропаганды — для обучения активистов и наблюдения за ними, что в значительной степени расширило сеть большевистской пропаганды, существовавшую на тот момент¹⁰⁸.

Хотя у партии уже имелся немалый, еще дореволюционный опыт пропаганды, ее прежние кампании были направлены в первую очередь на рабочих и солдат, а чтобы добиться поддержки крестьянства, требовалось охватить своей пропагандистской сетью сельскую местность. Соответствующие структуры стали неотъемлемой частью партии в годы Гражданской войны. В августе 1920 года ЦК РКП(б) создал Отдел пропаганды и агитации (Агитпроп). В структуру Агитпропа входили подотделы политического образования, публикации и распределения пропаганды по губерниям¹⁰⁹. Постепенно Отдел пропаганды и агитации ЦК превратился в огромный бюрократический аппарат, направлявший все партийные пропагандистские кампании.

Крестьянская неграмотность по-прежнему была серьезной проблемой для пропагандистов. Отчасти по этой причине советское руководство опиралось на нелитературные формы пропаганды (фильмы, плакаты и театральные постановки), как я расскажу ниже. Но не менее важно и то, что советское правительство, подобно своему предшественнику, Временному правительству, сделало ликвидацию безграмотности одним из главных приоритетов. И причиной тому было не только желание обзавестись грамотными гражданами, которые смогут воспринимать политическую пропаганду. Советские руководители разделяли стремление русской интеллигенции к просвещению масс и улучшению их жизни. В частности, считали, что крестьяне должны стать грамотными, чтобы в полной мере раскрыть свой человеческий потенциал и принять полноценное участие в гражданской жизни. А кроме того, полагали, что грамотные крестьяне поймут и разделят их, коммунистов, политические ценности. Как заявила Валентина Суздальцева, игравшая важную

¹⁰⁸ Kenez P. *The Birth of the Propaganda State*. P. 57.

¹⁰⁹ *Ibid.* P. 123.

Ил. 12. Советский плакат по борьбе с неграмотностью, 1923. «Долой неграмотность! Неграмотность вредит хозяйству страны и увеличивает смертность населения. Чем меньше в стране неграмотность — тем больше урожай!» На плакате показано, что с грамотностью и смертностью дела в России обстоят хуже, чем в Бельгии (Плакат RU/SU 2340. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

роль в политотделе Красной армии, неграмотный и невежественный человек не может сколь-либо глубоко понять высокие идеалы коммунистической морали, осмыслить их или сознательно овладеть ими. Неграмотный человек, добавила она, неспособен понять сложные задачи социалистического строительства¹¹⁰.

В декабре 1919 года советское правительство издало декрет о ликвидации безграмотности, который обязывал всех неграмотных жителей страны в возрасте от восьми до пятидесяти лет учиться читать. Декрет начинался со слов: «В целях предоставления всему населению Республики возможности сознательного участия в политической жизни страны...». Ответственность за обучение грамоте была возложена на Наркомат просвещения (за вычетом армии, где ликбез находился в ведении политотделов), при этом наркомат получил полномочия привлекать грамотных граждан в качестве учителей. Чтобы дать неграмотным взрослым время на учебу, декрет освобождал их от работы на два часа в день без снижения заработной платы¹¹¹. Уже в 1918 году Надежда Крупская призвала создать сеть «ликпунктов» (школ для ликвидации безграмотности), которые могли бы добраться до крестьян в каждой деревне в любой части страны. Хотя в период Гражданской войны, в условиях нехватки ресурсов, создание ликпунктов тормозилось, в 1920-е годы их насчитывались тысячи¹¹².

Советское правительство, опять же подобно своему предшественнику, уделяло особое внимание политико-просветительской работе в армии как в силу необходимости склонить солдат на свою сторону, так и потому, что армия была уникальным средством, способным донести послание большевиков до значительной части населения. Командиры Красной армии, в том числе Лев Троцкий, Михаил Фрунзе и Михаил Тухачевский, разделяли идеал солдата как просвещенного гражданина, а в 1918 году Троцкий заявил офицерам Красной армии, что их дело не только сражаться — им выпала

¹¹⁰ Из отчета Политуправления при Реввоенсовете Республики о партийно-политической работе в Красной армии с начала ее организации до 1 октября 1920 г. 8 октября 1920 г. // Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 — февраль 1919 г.): Документы. М., 1961. Т. 1. С. 70. Цит. в: Hagen M. von. Soldiers in the Proletarian Dictatorship. P. 96–97.

¹¹¹ Kenez P. The Birth of the Propaganda State. P. 76–77.

¹¹² Ibid. P. 75.

великая культурная и моральная миссия¹¹³. Незадолго до начала Гражданской войны советское правительство создало структуру всеобщего военного обучения (Всевобуч), чтобы готовить рабочих и крестьян к военной службе. Возглавивший эту гражданскую организацию Николай Подвойский был горячим сторонником всеобщего образования для солдат. Он нанял сотни беспартийных интеллигентов, которые преподавали чтение, изобразительное искусство, литературу, естественную историю и физическую культуру¹¹⁴.

Красная армия располагала своей собственной администрацией, руководившей работой политотделов в военных округах. В каждом отделе были секции агитации, информации, культуры и т. д. В годы Гражданской войны обязанности политотделов значительно выросли и стали включать всю пропагандистскую и просветительскую работу в армии. Политотделы публиковали памфлеты и газеты, проводили митинги и лекции, ставили политические спектакли. Комиссии, находившиеся в ведении политотделов, составляли списки всех неграмотных солдат и учили их читать и писать. Во второй половине 1919 года бюджет политотделов Красной армии составил 450 миллионов рублей — огромную сумму, особенно если принять во внимание нехватку ресурсов в это время¹¹⁵.

В годы Гражданской войны РКП(б) создала иерархическую систему образовательных учреждений, обучавших членов партии и готовивших пропагандистов. На вершине иерархии находились Социалистическая академия общественных наук

¹¹³ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 327. Цит. в: Hagen M. von. Soldiers in the Proletarian Dictatorship. P. 93.

¹¹⁴ Цит. в: Hagen M. von. Soldiers in the Proletarian Dictatorship. P. 93–94. Устремления Подвойского и его работников несколько противоречили установкам руководства партии и командования Красной армии, которые считали, что для победы в Гражданской войне культурное образование играет второстепенную роль. Сами солдаты не придерживались ни той, ни другой точки зрения: их больше интересовало обучение практическим навыкам, чем высокой культуре или советскому патриотизму. См.: Ibid. P. 94.

¹¹⁵ Ibid. P. 91–95. Чтобы получить представление о величине подобной суммы на фоне стремительной инфляции той эпохи, фон Хаген сравнивает данную сумму с результатом подсчетов Дэвиса: согласно им, все оборонные расходы советского государства за этот же период составили 10,74 миллиарда рублей (Davies R. W. The Development of the Soviet Budgetary System. New York, 1958. P. 42–43).

(впоследствии — Коммунистическая академия), основанная в 1918 году, а также коммунистические университеты, число которых в 1922 году достигло десяти. Ниже располагались партийные школы, проводившие краткие курсы по подготовке пропагандистов. К 1921 году существовало 255 партийных школ, в которых обучалось 50 тысяч человек. Нижнюю ступеньку партийного образования занимали политграмотшколы, проводившие вечерние занятия, которые позволяли рядовым членам партии ознакомиться с основами марксизма-ленинизма и политическими задачами, стоявшими перед советским правительством¹¹⁶. В ноябре 1920 года, незадолго до конца Гражданской войны, эти учреждения были подчинены Главному политико-просветительному комитету Наркомпроса (Главполитпросвету) — новосозданному отделу Наркомата просвещения. В свою очередь, новый отдел, главой которого стала Крупская, подчинялся непосредственно ЦК РКП(б). Главполитпросвет взял под свой надзор все политическое образование, от ликвидации безграмотности до партийных школ, и усилил государственный и партийный контроль, приняв на себя в том числе и функции, которые раньше выполняла Красная армия¹¹⁷.

В годы Гражданской войны советская пропаганда приобрела самые разнообразные формы. Особенно важными средствами информации советские лидеры считали книги, памфлеты и газеты. В мае 1919 года советским правительством было создано Государственное издательство (Госиздат), в структуре которого самым значительным стал отдел агитации и пропаганды¹¹⁸. Вдобавок к избам-читальням (число которых к 1920 году достигло 24 413) важную роль играли рабочие и солдатские клубы, где распространялись печатные пропагандистские листки и проводились лекции¹¹⁹. Профсоюзы, подразделения Красной армии и комсомольские организации тоже создавали клубы, которые не только служили центрами политического просвещения, но и предлагали альтернативу таким способам

¹¹⁶ Kenez P. *The Birth of the Propaganda State*. P. 129–131.

¹¹⁷ Fitzpatrick S. *The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October 1917–1921*. New York, 1970. P. 243; Hagen M. von. *Soldiers in the Proletarian Dictatorship*. P. 132.

¹¹⁸ Kenez P. *The Birth of the Propaganda State*. P. 100–101.

¹¹⁹ Ibid. P. 135–137. Число солдатских клубов в Красной Армии к октябрю 1919 года превысило тысячу. См.: Wood E. A. *Performing Justice*. P. 42.

проведения досуга, как пьянство и карточная игра. Видный партийный деятель Емельян Ярославский указывал на необходимость создания опрятных и привлекательных рабочих клубов, утверждая, что подобная среда обеспечит достойный досуг, способствующий саморазвитию¹²⁰.

У советских изб-читален и рабочих клубов были аналоги в других странах. К примеру, правительственные рабочие клубы в фашистской Италии весьма напоминали советские клубы тем, что стремились внедрять фашистские политические ценности и руководить досугом рабочих в соответствии с интересами государства¹²¹. В республиканской Турции кемалистское правительство создало «народные дома» — в значительной степени по образу и подобию итальянских фашистских клубов. Эти учреждения, подобно советским клубам и избам-читальням, знакомили крестьян с литературой, спортом, наукой и современным сельским хозяйством, а также с турецким национализмом и другими элементами кемалистской идеологии¹²². Параллели между СССР и Турцией были особенно сильны, потому что руководители обеих стран стремились к модернизации населения, остававшегося по большей части крестьянским, и преследовали во многом сходные цели, в число которых входили достижение всеобщей грамотности, секуляризация общества и эмансипация женщин¹²³. Таким образом, советские чиновники не были одиноки ни в своем стремлении окультивировать массы и внушить им свои ценности, ни в том, какие учреждения они для этих целей использовали.

Советские лидеры признавали важность фильма как нового средства пропаганды. Ленин даже заявил: «Из всех искусств для нас

¹²⁰ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 75. Л. 1–4; *Alemdaroğlu A. Politics of the Body and Eugenic Discourse in Early Republican Turkey // Body and Society. 2005. Vol. 11. No. 3. P. 65.*

¹²¹ *Siegelbaum L. The Shaping of Soviet Workers' Leisure: Workers' Clubs and Palaces of Culture in the 1930s // International Labor and Working Class History. 1999. Vol. 56 (October). P. 89.*

¹²² *Alemdaroğlu A. Politics of the Body and Eugenic Discourse in Early Republican Turkey. P. 65.*

¹²³ *Khalid A. Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in Comparative Perspective // Slavic Review. 2006. Vol. 65. No. 2 (summer). P. 234.*

важнейшим является кино»¹²⁴. Комиссариат просвещения создал подотдел кино в январе 1918 года, а спустя несколько месяцев, в мае, были созданы кинокомитеты в Москве и Петрограде. Скобелевский комитет, в 1917 году состоявший по большей части из эсеров и меньшевиков, отстранился от правительства после Октябрьской революции и продолжил выпускать антибольшевистские по духу кинохроники. После разгона Учредительного собрания большевики закрыли Скобелевский комитет и конфисковали его имущество. В августе 1919 года советское правительство национализировало всю киноиндустрию (хотя к тому времени большинство частных студий уже прекратили существование) и передало здания и оборудование, ранее находившиеся в частной собственности, Киноотделу Наркомата просвещения. В ходе Гражданской войны эта организация и ее студии выпустили около шестидесяти фильмов, в основном коротких и пропагандистских («агиток»), направленных на такие темы, как поддержка Красной армии и предупреждение эпидемических заболеваний¹²⁵.

В числе других средств массовой информации, которые использовало советское правительство, были пропагандистские плакаты, политические спектакли и агитационный транспорт. Большевики восприняли опыт использования политических плакатов в годы Первой мировой и расширили его, создав сотни плакатов, посвященных Гражданской войне, чтобы распространить информацию и сплотить население¹²⁶. Политические спектакли стали мощным средством коммуникации, особенно действенным в отношении малограмотных слоев. Работники политпросвещения в армии, поняв, что лекции навевают скуку, решили использовать спектакли, чтобы совместить обучение солдат с развлечением. Спектакли могли воздействовать на солдат одновременно на эмоциональном и интеллектуальном уровне и тем самым поднимать их на борьбу за советское

¹²⁴ Цит. в: *Taylor R. Agitation, Propaganda and the Cinema: The Search for New Solutions, 1917–1921 // Art, Society, Revolution: Russia, 1917–1921 / Ed. N. A. Nilsson. Stockholm, 1979. P. 237.*

¹²⁵ *Kenez P. The Birth of the Propaganda State. P. 106–110.* О распространении фильмов в советских деревнях в 1920-е годы см. документальную ленту «Область потерянного кино» (режиссеры А. Герштейн, Т. Лахузен, Т. Мак-Дональд и А. Никитин, производство Chemodan Films, 2008 год).

¹²⁶ *Kenez P. The Birth of the Propaganda State. P. 111–112.*

правительство¹²⁷. В обширной стране с недостаточно развитой инфраструктурой было нелегко охватить все население пропагандой, и агитпоезда, а также агиткорабли стали могучим инструментом, позволявшим добраться до крестьян в самых отдаленных деревнях. Эти агитационные средства транспорта доставляли в сельскую местность книги, газеты, фильмы, лекторов и театральные труппы, позволяя пропагандистам значительно увеличить свою аудиторию по сравнению с тем, что было раньше¹²⁸.

Не следует недооценивать пропагандистские таланты коммунистов. Они добились массовой поддержки не только благодаря своим лозунгам «Мир, земля и хлеб», но и благодаря эффективной коммуникации с солдатами и рабочими. Впрочем, не надо забывать и о том, что в 1917 году и в ходе последовавшей затем Гражданской войны пропаганду вели все политические партии и движения. Первая мировая война и массовая мобилизация вызвали тектонический сдвиг в самой природе политики, и лидеры всех идеологических течений не могли закрывать глаза на необходимость транслировать свои политические позиции.

Командиры белых армий разработали пропагандистские методы, весьма сходные с красноармейскими. В июне 1918 года Белая армия на юге России создала «военно-политический отдел», обращавшийся с призывами к гражданскому населению и публиковавший памфлеты и периодические издания для солдат¹²⁹. Едва зародившееся на юге белое правительство организовало свое Осведомительное агентство с пропагандистскими бюро, которые организовывали лекции и публиковали памфлеты и плакаты. Это агентство даже открыло агитационную школу для подготовки пропагандистов¹³⁰. Вслед за земскими активистами Первой мировой войны и параллельно с советским правительством Осведомительное агентство белых создало сеть изб-читален, позволявших распространять пам-

¹²⁷ Wood E. A. *Performing Justice*. P. 42–43. Об использовании в годы Гражданской войны такого подвиды политических спектаклей, как агитационный суд, см.: *Ibid.* P. 44–56.

¹²⁸ *Argenbright R. Soviet Agitational Vehicles: Bolsheviks in Strange Places // Space, Place, and Power in Modern Russia: Essays in the New Spatial History / Eds. M. Bassin, C. Ely and M. K. Stockdale. DeKalb, 2010.*

¹²⁹ *Holquist P. Making War*. P. 222.

¹³⁰ *Kenez P. The Birth of the Propaganda State*. P. 64, 113.

флеты и газеты среди населения. Оно тоже использовало агитпоезда и агитпароходы для распространения печатных материалов, а также для широкого показа пропагандистских спектаклей и фильмов. Как заключает Питер Холквист, белые тоже стремились «поднять граждан на должный уровень сознательности» и «проводили многие из „культурно-просветительских мер“, которые практиковала советская сторона»¹³¹.

Победа коммунистов в Гражданской войне была обусловлена не тем, что они использовали пропаганду, но тем, что их пропаганда как по содержанию, так и по форме оказалась более успешной. Советское государство — такое, каким оно возникло в ходе Гражданской войны и каким продолжало существовать в 1920-е, 1930-е годы и в период Второй мировой, — было самым настоящим образцом мобилизационного государства. Искусно сочетая пропаганду, стимулы и принуждение, коммунистические лидеры смогли мобилизовать в поддержку своего государства и своих программ важнейшие группы населения. Эти лидеры показали себя экспертами как в использовании новых средств информации, так и в создании пропагандистских учреждений. Учреждения эти, основанные в час тотальной войны, стали неотъемлемыми элементами советского государства.

С окончанием Гражданской войны могло показаться, что политическое образование частично ушло с повестки дня. Непосредственная угроза белых армий была устранена, и советским лидерам уже не нужно было воодушевлять солдатские массы на защиту революции. В то же время большевистская программа трансформации общества означала стремление просветить крестьян и насадить в их среде новую сознательность. Как и в случае со слезкой, в результате введения нэпа произошло не ослабление, а удвоение политической работы: чтобы преодолеть «мелкобуржуазные» влияния, распространявшиеся из-за элементов капитализма, советские чиновники сделали кампании по политическому просвещению еще более интенсивными.

За некоторыми из этих действий стояли вполне конкретные политические цели — например, внедрение верности советскому правительству. На протяжении всех 1920-х годов политработники

¹³¹ Holquist P. Making War. P. 227.

Красной армии, опираясь на культ Ленина и уроки истории, старались вселить в солдат преданность советскому государству¹³². Впрочем, как сказано выше, многие партийные деятели не считали политическое просвещение узкопатриотическим образовательным проектом. Подобно другим представителям интеллигенции, они стремились к культурному подъему масс и были убеждены, что все крестьяне и рабочие должны не только стать грамотными, но и научиться ценить литературу¹³³. В 1921 году в своей речи перед II съездом работников Главполитпросвета Ленин обозначил цели политического просвещения очень широко: борьба с неграмотностью, усилия по повышению культурных стандартов и внедрение коммунистического отношения к работе¹³⁴. Нарком просвещения Анатолий Луначарский рассказывал читателям, что главной целью самообразования должно быть не приобретение особых навыков, а превращение в «сознательного гражданина»¹³⁵. Работники политического просвещения использовали все те же средства, перечисленные нами выше (газеты, плакаты, фильмы и политические спектакли), для достижения целого ряда целей, от обеспечения гигиены и рабочей дисциплины до борьбы с алкоголизмом и сквернословием¹³⁶. Сформированное советскими чиновниками общество «Долой неграмотность» в 1920-е годы создало тысячи центров обучения грамотности для взрослых, которые посещало более 8 миллионов

¹³² *Hagen M. von*. Soldiers in the Proletarian Dictatorship. P. 289–294. См. также: *Tumarkin N*. Lenin Lives: The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge (Mass.), 1983.

¹³³ Этот «культ литературы» был еще более ярко выражен в 1930-е годы. См.: *Clark K., Schlögel K*. Mutual Perceptions and Projections: Stalin's Russia in Nazi Germany — Nazi Germany in the Soviet Union // *Beyond Totalitarianism*. P. 436–437.

¹³⁴ *Ленин В. И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов // *Ленин В. И. Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М., 1970. Т. 44. С. 155–175.

¹³⁵ Помощь самообразованию. 1923. № 1. С. 4. Цит. по: *Kelly C*. Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. New York, 2001. P. 268.

¹³⁶ *Wood E. A.* Performing Justice. P. 70–71; *Smith S*. The Social Meaning of Swearing: Workers and Bad Language in Late Imperial and Early Soviet Russia // *Past and Present*. 1998. Vol. 160 (August). P. 192–198. Об усилиях по продвижению «дисциплинированного» и «культурного» языка в 1930-е годы см.: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 85. Л. 41–42; *Куликов Ф.* За нового человека: Из дневника культурмейца // *На рубеже*. 1935. № 10. С. 101.

человек¹³⁷. К 1932 году число посещавших подобные занятия превысило 14 миллионов, что не могло не привести к решительному повышению уровня грамотности¹³⁸.

Не менее важную роль в создании полностью грамотного общества играла начальная школа. Еще до революции русские прогрессивные учителя считали современную систему образования важнейшим средством просвещения крестьян и формирования общества более рационального и эгалитарного. Их идеи соответствовали тому, что предлагали прогрессивные педагоги и радикальные теоретики педагогики за границей, которые видели в образовании средство достижения общественных перемен¹³⁹. Действительно, советские педагоги 1920-х годов стремились подражать прогрессивной педагогике Джона Дьюи, и сам Дьюи, посетив Москву в 1928 году, очень высоко отозвался о советском образовании¹⁴⁰. Советское правительство ввело декретом всеобщее начальное образование и стремилось создать государственные школы в каждой деревне страны. Несмотря на нехватку ресурсов и квалифицированных учителей, со временем число детей в школах решительным образом выросло¹⁴¹.

¹³⁷ Подобно околоправительственным организациям по борьбе с религией и алкоголизмом, общество «Долой неграмотность» создавалось при участии партийных и государственных чиновников. См.: *Kenez P. The Birth of the Propaganda State. P. 153–157.*

¹³⁸ Изменения социальной структуры советского общества, 1921 — середина 30-х годов. М., 1979. С. 206; ЦАГМ. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 185. Л. 2. Конечно, грамотность сама по себе еще не обеспечивала «политической сознательности». См.: *Василевская В. Как читают книгу малограмотные // Красный библиотекарь. 1931. № 5–6. С. 90–96; ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 39. Д. 78. Л. 3.*

¹³⁹ *Johnson M. Russian Educators. The Stalinist Party-State and the Politics of Soviet Education, 1929–1939: Ph.D. diss. Columbia University, 1995. P. 29.* См. также: *Law R. D. Humanity's Workshops: Progressive Education in Russia and the Soviet Union, 1856–1927: Ph.D. diss. Georgetown University, 2001.* Мнение ведущего американского педагога-новатора см. в кн.: *Counts G. Dare the School Build a New Social Order? Carbondale, 1978.*

¹⁴⁰ *Ewing E. T. The «Virtues of Planning»: American Educators Look at Soviet Schools // Education and the Great Depression: Lessons from a Global History / Eds. E. T. Ewing and D. Hicks. New York, 2006; Engerman D. C. Modernization from the Other Shore. P. 176–177.*

¹⁴¹ *Holmes L. E. The Kremlin and the Schoolhouse: Reforming Education in Soviet Russia, 1917–1931. Bloomington, 1991. P. 148.* См. также: *Gringlas L. Shkraby*

Ил. 13. Советский плакат по борьбе с неграмотностью, пропагандирующий образование, 1920. «Дети! Страшно жить безграмотному! Живет он, как в темном лесу... А пройдет безграмотный школу, — сразу из слепого зрячим станет!» (Плакат RU/SU 1271. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

Не все партийные деятели разделяли всеобъемлющий подход к образованию, сформулированный Лениным. Конечно, руководители Наркомата просвещения, Луначарский и Крупская, широко подходили к просвещению. Но экономические планировщики и комсомольские активисты решили уделить особое внимание профессионально-техническому образованию и политико-идеологической обработке. Они призывали вводить образовательные программы, которые принесли бы немедленную пользу в таких вопросах, как индустриализация, коллективизация и повышение классовой сознательности. В ходе «Великого перелома» 1928–1931 годов этот подход к просвещению вытеснил прежнее представление

ne Kraby: Rural Teachers and Bolshevik Power in the Russian Countryside, 1921–1928: M. A. thesis. Columbia University, 1987.

об образовании, более гуманистическое и рассчитанное на постепенное развитие человека¹⁴².

В то же время было бы ошибкой заключить, что советское правительство отказалось от своих целей преобразования человека и общества. Напротив, «Великий перелом» означал новое стремление к преобразованию всего советского общества, причем как можно быстрее. Хотя в основе этого процесса должны были находиться экономические изменения, партийные деятели и комсомольские активисты продолжали уделять весьма повышенное внимание политическому просвещению. От учителей они требовали активного участия в революционных переменах. В годы первой пятилетки тысячи комсомольцев были мобилизованы на преподавание, так что количество сельских учителей выросло более чем вдвое, а число учеников начальных школ — с 11 до 23 миллионов¹⁴³.

Новый нарком просвещения, А. С. Бубнов, занявший это место в 1929 году, призвал школы принять участие в «классовой борьбе» против кулаков, религии и неграмотности¹⁴⁴. Как сам Бубнов, так и другие люди, пришедшие с ним в руководство наркомата, ожидали, что в будущем общество и школа сольются воедино, а образование станет играть самую непосредственную роль в построении социализма. По этой причине они подчеркивали важность технического обучения колхозных крестьян и рабочих, и число студентов технических вузов за 1928–1932 годы утроилось¹⁴⁵. Кроме повышенного внимания, уделявшегося техническому обучению, советские образовательные программы продолжали делать упор на грамотность, антирелигиозную пропаганду и марксизм-ленинизм. Таким образом, в сфере образования «Великий перелом» положил конец гуманистическому подходу, рассчитанному на постепенное развитие человека. Вместо этого советские чиновники обратились к более грубому, догматическому подходу, который соответствовал

¹⁴² Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union*. Cambridge, 1979. P. 123, 144–145; Holmes L. E. *The Kremlin and the Schoolhouse*. P. 109–119.

¹⁴³ Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility*. P. 174–75. См. также: Ewing E. T. *The Teachers of Stalinism: Policy, Practices, and Power in Soviet Schools of the 1930s*. New York, 2002.

¹⁴⁴ Holmes L. E. *The Kremlin and the Schoolhouse*. P. 119–120.

¹⁴⁵ Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility*. P. 188. См. также: Holmes L. E. *The Kremlin and the Schoolhouse*. P. 126–133.

пафосу коллективизации и индустриализации, но политическое просвещение продолжало оставаться для них приоритетом.

С точки зрения советской власти, расширение образования и распространение грамотности было призвано позволить крестьянам и рабочим принять полноценное участие в культурной и общественной жизни. В этом смысле советский подход к грамотности напоминал происходившее в других странах, где учителя и специалисты тоже стремились улучшить положение масс путем широкого распространения образования. Однако советский проект не сводился только к грамотности и политической осведомленности. Партийные деятели и теоретики стремились обновить человечество, создав нового советского человека, с качественно иными ценностями и образом мышления, чем у тех, кто жил при капитализме. В годы нэпа, когда продолжали существовать мелкий капитализм и частные крестьянские хозяйства, создание нового человека оставалось невозможным. Но в 1930-е годы, с построением полностью некапиталистической, государственной экономики, начался, как считали партийные лидеры, новый исторический этап. Теперь новый советский человек мог стать реальностью.

НОВЫЙ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Концептуальные истоки идеала нового человека можно проследить до Просвещения и Французской революции. Просвещение исходило из предпосылки, что порядки в человеческом обществе не установлены Богом и не освящены традицией, а созданы самими людьми и, следовательно, человеческое поведение можно изменить. Французская революция укрепила это представление двумя способами. Во-первых, она свергла существующий порядок и положила начало периоду бурных общественных потрясений. Во-вторых, новый принцип верховенства народа требовал от всех людей активного участия в политике, а стало быть, и нового образа мыслей и действий. Вдохновленные революционным идеалом превращения мужчин и женщин в добродетельных граждан, радикальные мыслители начали представлять себе нового человека — качественно новую личность, не ограниченную мелочными инстинктами прошлого.

К этим идеям обратились и российские интеллигенты XIX века, стремившиеся одолеть деспотическое царское самодержавие. В своем романе «Что делать?» Николай Чернышевский описал круг новых людей, рациональных, бескорыстных и морально чистых. Рахметов, образец нового человека у Чернышевского, готовится к революции, каждый день делая гимнастику, занимаясь тяжелым физическим трудом и придерживаясь трезвости и полного целомудрия¹⁴⁶. Ленин был глубоко впечатлен произведением Чернышевского и взял этот роман за образец того, какой жизнью должны жить революционеры. Вместе с тем Ленин и другие марксисты дистанцировались от «утопического» социализма Чернышевского, сделав выбор в пользу «научного» марксизма. Они исходили из того, что новый человек возникнет не в среде интеллигенции, а в рядах пролетариата, и лишь после того, как пролетарская революция низвергнет капиталистические порядки¹⁴⁷.

Хотя идеал нового человека был особенно популярен среди российских радикалов, он отражал более обширные интеллектуальные течения, имевшие распространение как в России, так и за границей. В начале XX века российских марксистов, футуристов, символистов, неославянофилов и православных философов, несмотря на крайние идеологические различия между ними, объединяло то, что никто из них не был удовлетворен отношениями в обществе. Все они стремились переделать и само общество, и психофизические черты людей, составляющих его. Одни обвиняли во всех бедах буржуазный индивидуализм, призывая к коллективизму; другие утверждали, что человеческая жизнь пришла в упадок из-за науки и нуждается в духовном обновлении. Но все считали необходимым революционное преобразование человеческих отношений. Русские ученые предлагали менее радикальные решения, однако и их глубоко тревожили социальные противостояния и общая неупорядоченность новой эпохи. После бурной революции 1905 года они окончательно уверились в том, что

¹⁴⁶ Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1969.

¹⁴⁷ Fritzsche P., Hellbeck J. The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany. P. 307–308.

необходимы не только политические реформы, но и обновление самого общества и людей, из которых оно состоит¹⁴⁸.

В других странах в начале XX века общественные мыслители тоже рассматривали вопрос о переделывании человека в соответствии с требованиями современной промышленной цивилизации. К примеру, сторонники солидаризма во Франции выступали за научное использование социальных сил и отказ от эксплуатации, предлагая таким образом вернуть общество в его природное состояние гармонии¹⁴⁹. Американские интеллектуалы 1920-х годов тоже отклонились от индивидуализма к коллективизму. Джон Дьюи заявлял, что жесткий индивидуализм американских пионеров уже не актуален в «коллективную эпоху», и призывал к соединению интегрированных в социальные сети индивидуальностей¹⁵⁰. Один из последователей Дьюи, Джордж Каунтс, посетив Советский Союз, сообщил, что там идет работа над созданием новой человеческой психологии, подходящей для промышленного мира, и рекомендовал советский подход, «направляющий течение социальной эволюции при помощи контроля за образовательными учреждениями»¹⁵¹. Даже Герберт Гувер призывал к «лучшему, более светлому, более широкому» индивидуализму, который «способствует ответственности и служению нашим ближним». Гувер объяснял, что появление крупных экономических предприятий сделало обособленных индивидов бесполезными в современном обществе, и отмечал, что

¹⁴⁸ *Beer D. Renovating Russia.* P. 8–11. О желании Ивана Павлова создать психофизиологическую науку, способную преобразовать и рационализировать человеческое поведение, см.: *Rüting T. Pavlov und der neue Mensch: Diskurse über Disziplinierung in Sowjetrussland.* Munich, 2002.

¹⁴⁹ *Rabinow P. French Modern.* P. 169–170, 185–186; *Elwitt S. The Third Republic Defended.* P. 23. Такие французские городские планировщики, как Ле Корбюзье, тоже стремились привить людям коллективистский образ мыслей — при помощи городского планирования, создания образцовых сообществ и коммунального жилья. Ле Корбюзье работал над проектами в Советском Союзе и стал наставником для советских архитекторов-конструктивистов. См.: *Clark K. Petersburg.* P. 51; *Starr S. F. Visionary Town Planning during the Cultural Revolution.* P. 207–240.

¹⁵⁰ *Engerman D. C. Modernization from the Other Shore.* P. 181.

¹⁵¹ Каунтс посетил Советский Союз в составе делегации экспертов Стюарта Чейза в 1927 году и восхитился как советской системой образования, так и советским социально-экономическим планированием. См.: *Engerman D. C. Modernization from the Other Shore.* P. 175–181.

индивид может достичь своих целей, лишь участвуя в коллективном труде ассоциаций и организаций¹⁵².

После Октябрьской революции партийные лидеры сделали коллективизм главной ценностью советского порядка. Хотя их упор на коллективизм не был уникальным, партийные деятели построили особую разновидность современной промышленной цивилизации, основанную на некапиталистической, государственной экономике. Они считали, что коллективизация и первая пятилетка проложили дорогу к истинно социалистическому обществу и к новому человеку, который будет в нем жить. Таким образом, в точном соответствии с прежними грезами российских марксистов создание нового человека оказалось тесно связано с индустриализацией и государственной экономикой. Россия превращалась из отсталой крестьянской страны в передовую промышленную державу, и люди тоже преобразались. Один советский психолог писал в 1931 году, что главной целью стало создание нового человека¹⁵³.

Коллективизация воплощала желание коммунистов установить новый образ жизни и в сельской местности. Принуждая крестьян вступать в колхозы, советская власть меняла отношение этих людей к средствам производства. В теории это должно было повлечь за собой и изменение их образа мыслей: теперь, перестав быть владельцами небольших наделов, крестьяне могли перерасти свои мелкобуржуазные привычки и усвоить социалистический образ жизни. По мнению Семашко, вступая в колхозы, они переходили к коллективной жизни, которая видоизменяла их индивидуалистический образ мыслей¹⁵⁴. Другой советский чиновник приветствовал перевоспитание колхозных крестьян, миллионы которых учились

¹⁵² Цит. по: *Engerman D. C. Modernization from the Other Shore*. P. 180–181.

¹⁵³ *Гельмонт М.* Педолого-педагогическое изучение коллективизированного труда и быта // *Педология*. 1931. № 13. С. 17. Цит. в: *Halfin I. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge (Mass.), 2003. P. 231. В годы первой пятилетки педология стала важнейшей советской педагогической и психологической наукой, сочетавшей педагогику, возрастную психологию и физиологию. Она считалась средством, способным дать рабочим и крестьянам образование и превратить их в новых советских людей. О взлете и падении педологии см.: *Halfin I. Terror in My Soul*. P. 233–243; *Johnson M. Russian Educators*. P. 47, 291–304.

¹⁵⁴ *Гарштейн С.* За здоровый культурный быт. М., 1932. С. 5.

ставить интересы общества выше своих личных¹⁵⁵. Сам Сталин описывал коллективизацию как средство перевоспитать крестьян «на базе коллективного труда» и помочь их продвижению на пути к коммунизму¹⁵⁶.

Индустриализация, с точки зрения партийного руководства, играла в деле создания нового советского человека еще более важную роль. Только за годы первой пятилетки число индустриальных рабочих удвоилось — за счет миллионов крестьян, переезжавших в города и поступавших работать на заводы¹⁵⁷. Советские теоретики ожидали, что пролетаризация будет способствовать преобразению сознания бывших крестьян и их картины мира. Например, Максим Горький описывал, как крестьянский парень, приходя на завод, «попадает в мир явлений, которые, поражая его воображение, возбуждая мысль, освобождают ее от древних диких суеверий и предрассудков. Он видит работу разума, воплощенную в сложнейших машинах и станках... Он очень скоро убеждается, что завод для него — школа, открывающая перед ним возможность свободного развития его способностей». В завершение Горький отмечал, что «новый человек», появляющийся в Советском Союзе, «чувствует себя творцом нового мира»¹⁵⁸.

Впрочем, чиновники быстро обнаружили, что новые пролетарии (да и кадровые рабочие) вовсе не торопятся автоматически переключиться на предписанные образ мысли и поведение. Большинство продолжали предпочитать свои личные интересы «строительству социализма»; текучесть кадров стремительно выросла, а производительность труда снизилась¹⁵⁹. Член Политбюро Лазарь Каганович считал, что причина текучести кадров — появление среди пролетариата масс новых рабочих, которые нередко приносят с собой мелкобуржуазные настроения, а партийные лидеры заявляли, что

¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 138. Л. 36–37.

¹⁵⁶ XVII съезд ВКП(б), 26 января — 10 февраля 1934 г.: Стенографический отчет. М., 1934. С. 24.

¹⁵⁷ Более 23 миллионов крестьян переехали в советские города в 1930-е годы. См.: *Hoffman D. L. Peasant Metropolis*. P. 1–2.

¹⁵⁸ *Горький М. О старом и новом человеке (1932)* // Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1953. Т. 26. С. 288–289.

¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 30. Л. 82; Экономическое строительство. 1930. № 9–10. С. 45; *Кац Я. Текучесть рабочей силы в крупной промышленности*. С. 21.

главная задача, которая перед ними стоит, — «перевоспитание вновь пришедших на заводы в духе, способствующем выполнению исторических задач пролетариата»¹⁶⁰. Партийные директивы напоминали мастерам, из последних сил учившим толпы новичков труду на заводах, что они обязаны заботиться и о повышении культурного уровня рабочих, чтобы создать нового человека, на котором могла бы покоиться социалистическая система¹⁶¹. Политические инструкторы приняли вызов, проводя новые лекции, организуя читательские кружки и выпуская новые газеты. Политическое обучение отнимало столько времени, что заводское руководство начало жаловаться на ежедневные встречи, мешавшие функционированию заводов¹⁶². Тот факт, что политическая работа расширялась даже в ущерб промышленному производству, подчеркивает, какую важность партийные деятели придавали политпросвещению.

Партийные пропагандисты желали научить крестьян и рабочих приносить личные интересы в жертву ради коллектива. Согласно советской идеологии, отдельные люди могли реализоваться, только вступив в коллектив, а новый советский человек должен был освободиться от эгоизма и себялюбия. В отличие от либерально-демократических систем, выстраивавших либеральную субъективность, основанную на частной собственности и индивидуальных правах, советская система способствовала субъективности нелиберальной, в которой частная жизнь была уничтожена, а индивиды могли открыть свои лучшие черты, только участвуя в общественном целом. Один из моральных принципов советского педагога Антона Макаренко заключался, по его словам, в том, что «интересы коллектива стоят выше интересов личности». Он считал, что члены коллектива связаны таким долгом, который выходит за пределы дружбы и требует совместного участия в работе коллектива¹⁶³. Из

¹⁶⁰ Вопросы продвижения. 1933. № 1–2. С. 26–27; ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 50. Л. 169.

¹⁶¹ Спутник коммуниста. 1930. № 2. С. 38–39.

¹⁶² Комсомольская правда. 1932. 20 мая. С. 3; История Московского автозавода им. И. А. Лихачева. М., 1966. С. 197; Говорят строители социализма: Воспоминания участников социалистического строительства в СССР. М., 1959. С. 280.

¹⁶³ Макаренко А. С. Проблемы школьного советского воспитания. М., 1949. С. 51–52. Дальнейшее рассмотрение вопроса см. в кн.: *Kharkhordin O. The Collective and Individual in Russia: A Study of Practices.* Berkeley, 1999. P. 204.

принципа коллективизма проистекали и другие ценности и качества. Макаренко говорил о «фактической солидарности трудящихся», о «ликвидации жадности», об «уважении к интересам и жизни товарища»¹⁶⁴. В 1933 году, обращаясь к одному из пионерских вожатых, Каганович задавал ему вопрос, насколько советские дети ушли вперед в отношениях друг с другом, в деле избавления от прежнего образа мыслей — от эгоизма, гордыни, себялюбия и других дурных элементов, сохранившихся от прошлого¹⁶⁵.

Первая пятилетка была переходным этапом — временем для строительства социалистической экономики и создания нового советского человека. Как только первая пятилетка и коллективизация завершились, Сталин и другие лидеры коммунистов сочли, что капитализм и мелкобуржуазная среда в стране ликвидированы¹⁶⁶. Теперь новый советский человек мог стать реальностью. Советские рабочие, освобожденные от оков капиталистической эксплуатации и имеющие возможность наслаждаться плодами собственного труда, могли наконец в полной мере осуществить свой потенциал как в промышленности, так и в жизни. Это был поистине прорывной скачок вперед с точки зрения не только промышленного прогресса, но и человеческого развития.

В последние годы указанного десятилетия советские деятели, теоретики и писатели приветствовали появление нового человека. Съезд детских писателей в 1936 году призывал литераторов помочь «формировать сознание и характер будущего гражданина бесклассового социалистического общества, будущего борца за торжество коммунизма во всем мире». Один из участников съезда, В. Бубенкин, заявил, что советское общество «рождает нового человека, рождает здоровые понятия, здоровые вкусы, здоровые привычки», и отметил, что задача писателей — «создать такие книги, которые прививали бы детям новые, благородные, коммунистические качества»¹⁶⁷. Один из комсомольских журналов сообщал, что Советский Союз

¹⁶⁴ Макаренко А. С. Книга для родителей. С. 357.

¹⁶⁵ Siegelbaum L., Sokolov A. Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents. New Haven, 2000. P. 384.

¹⁶⁶ Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). С. 308–309.

¹⁶⁷ Комсомольская правда. 1936. 29 января. С. 1; Там же. 30 января. С. 3.

создает «поколение новых людей, для которых ложь, непорядочность, шовинизм, лицемерие... и другие мерзости буржуазного общества чужды»¹⁶⁸. Таким образом, ожидалось, что новый советский человек будет свободен от эгоизма, себялюбия и лицемерия капиталистического общества. Преданность коллективу позволит проявиться лучшим качествам людей — их бескорыстию, скромности, честности и искренности.

Горький добавил к чертам нового человека героизм. Он утверждал, что отдельные люди не лишены внутренней силы и красоты, но эти качества невозможно реализовать, если ограничиться эгоистичными целями. Рабочие могли осуществить свой геройский потенциал, лишь мобилизуя личную силу воли и энергию на служение высокой цели социализма¹⁶⁹. Хотя в идеях Горького были отчетливо слышны ницшеанские нотки, он не считал, что сверхчеловеческие способности свойственны исключительно сверхлюдям. Напротив, он утверждал, что каждый человек, способный отказаться от собственных эгоистичных интересов, может стать героем и помочь подтолкнуть человечество в сторону коммунизма. По словам Горького, новому человеку предстояло «создать всемирное братское общество, каждый член которого работает по способности, получает по потребности»¹⁷⁰.

Стахановское движение, начавшееся в 1935 году, создало героев-рабочих, ставших воплощением нового советского человека. Когда прозвучало сообщение, что донбасский шахтер по имени Алексей Стаханов сумел добыть более ста тонн угля в одну смену, нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе приказал провести широкую рекламную кампанию, превратив Стаханова в героя¹⁷¹. В скором времени стахановцы начали ставить производственные рекорды и в других отраслях промышленности, часто экспериментируя с оборудованием и нарушая сложившийся распорядок работ¹⁷². Ста-

¹⁶⁸ Комсомольский работник. 1940. № 8. С. 1–2.

¹⁶⁹ *Fritzche P., Hellbeck J. The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany.* P. 308.

¹⁷⁰ *Горький М. О старом и новом человеке.* С. 290.

¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 640. Л. 3–7. Более полное обсуждение рекордов стахановцев см. в кн.: *Siegelbaum L. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity.* P. 67–74.

¹⁷² ЦАГМ. Ф. 415. Оп. 2. Д. 448. Л. 10–13.

хановская погоня за рекордами мешала руководителям заводов упорядочить работу. Но это бурное проявление творческого начала рабочих соответствовало представлению партийных деятелей, что в социалистическую эпоху производительность труда рабочих уже ничем не будет ограничена. Как писал Горький, «стахановское движение — вулканическое извержение массовой энергии, извержение, пробужденное колоссальными успехами, которых достиг труд, осознанием... его власти освободить трудящееся человечество от ига прошлого»¹⁷³. Будучи коллективными собственниками средств производства, рабочие могли использовать личную изобретательность для того, чтобы решительным образом увеличить объем промышленной продукции. Характерными чертами нового советского человека были творческий труд и целеустремленность. В отличие от рабочих при капитализме, такой человек обнаруживал, что труд обогащает его и позволяет достичь самореализации.

На I Всесоюзном совещании стахановцев Сталин назвал их «люди новые, особенные»¹⁷⁴. Один за другим стахановцы описывали свое личное преобразование. Многие подчеркивали собственное скромное происхождение и ту степень эксплуатации и бедности, которой подвергались их семьи. Сам Стаханов рассказал, что родился в бедной деревне и мальчиком с рассвета до заката таскал мешки зерна для кулака — хозяина мельницы. Его «настоящая жизнь» началась только после того, как он стал советским шахтером и героическим рабочим¹⁷⁵. А. В. Душенков признался, что прежде был «неактивным и непросвещенным рабочим», но, став стахановцем, с удивлением обнаружил, какая перемена с ним произошла¹⁷⁶. Выступавший на совещании пропагандист заявил, что стахановское движение превратило неуправляемых рабочих и пьяниц в героев труда, и выразил гордость за то, что принял участие в великом процессе переделывания людей, который происходит в стране¹⁷⁷.

¹⁷³ Labour in the Land of Socialism: Stakhanovites in Conference. Moscow, 1936. P. 5.

¹⁷⁴ Сталин И. В. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года // Сталин И. В. Сочинения. М.: Писатель, 1997. Т. 14. С. 79.

¹⁷⁵ Labour in the Land of Socialism. P. 126–127.

¹⁷⁶ Ibid. P. 220.

¹⁷⁷ Ibid. P. 216–217.

Советская власть подчеркивала материальный уровень и культурное развитие стахановцев. Участники совещания комбайнеров-стахановцев рассказывали, что покупают велосипеды, граммофоны и книги¹⁷⁸. В советских журналах особое внимание стало уделяться красивой одежде, воплощавшей культурную зрелость стахановцев, особенно женского пола¹⁷⁹. Пропаганда показывала, как живут стахановцы: у них новые и просторные жилища, которые они поддерживают в идеальной чистоте и со вкусом украшают¹⁸⁰. Да и в культурном плане эти люди — всем пример: часто посещают лекции, кино и театры¹⁸¹. Хорошая одежда стахановцев и их культурное времяпрепровождение символизировали появление нового советского человека. Стахановцы стали живым свидетельством того, насколько далеко продвинулся Советский Союз в деле построения современного, процветающего социалистического общества. Не случайно первые рабочие-стахановцы были крестьянского происхождения, а их стахановские автобиографии подчеркивали перерождение отсталого крестьянина в сознательного рабочего, превращение неотесанного деревенского парня в культурного горожанина¹⁸². Стахановцы, символ нового советского человека, были не просто рабочими-героями. Они раскрыли свой потенциал во всех сферах, и их жизнь — и с производственной, и с культурной точки зрения — должна была послужить примером того, как люди меняются при социализме¹⁸³.

Став образцом для всех, стахановцы, как считалось, повышали материальный уровень всех рабочих и крестьян. В 1933 году Сталин говорил: «Социализм требует не лодырничанья, а того, чтобы все люди трудились честно, трудились не на других, не на богатеев

¹⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 146. Л. 11, 43.

¹⁷⁹ Работница и крестьянка. 1936. № 6. С. 12–13; Гигиена и здоровье. 1936. № 21. С. 7. См. также: *Siegelbaum L. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity*. P. 231.

¹⁸⁰ Работница и крестьянка. 1936. № 8. С. 10–11.

¹⁸¹ Культурная работа профсоюзов. 1938. № 5. С. 48. См. также: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 20. Д. 21. Л. 18.

¹⁸² *Бусыгин А. Х. Моя жизнь, моя работа*. Л., 1935; *Гудов И. Судьба рабочего*. М., 1974.

¹⁸³ См. более подробное рассмотрение вопроса: *Hellbeck J. Revolution on My Mind*. P. 255.

и эксплуататоров, а на себя, на общество. И если мы будем трудиться честно, трудиться на себя, на свои колхозы, — то мы добьемся того, что в какие-нибудь 2–3 года поднимем всех колхозников, и бывших бедняков, и бывших середняков, до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь»¹⁸⁴. Емельян Ярославский, отмечая «ведущую роль» членов партии и стахановцев, отметил, что их личный пример может привлечь отсталых рабочих, сделать их передовиками и перевоспитать¹⁸⁵. Считалось, что, в отличие от капиталистического общества, в СССР невозможно получить материальную выгоду от эксплуатации других людей, а повышение уровня жизни в будущем предстоит всем. Защищая право комсомольцев на материальные потребности, комсомольский лидер Александр Косарев заявил, что советская молодежь не желает присваивать продукты чужого труда — комсомольцы знают, что достичь выгод для себя они могут лишь путем повышения жизненного уровня всего коллектива, в котором живут и работают¹⁸⁶.

С практической точки зрения партийные деятели использовали стахановские рекорды для повышения производственных норм и прославляли материальное благополучие стахановцев, чтобы добиться от рабочих повышения выработки¹⁸⁷. Но те, кто считает стахановское движение лишь циничной попыткой повысить производительность труда, упускают более широкий его смысл¹⁸⁸. Провозглашенное в 1934 году достижение социализма подразумевало, что впервые в истории рабочие смогут в полной мере наслаждаться плодами своего труда. Выступая на XVII съезде ВКП(б), Сталин заявил: «Социализм означает не нищету и лишения, а уничтожение нищеты и лишений, организацию зажиточной и культурной

¹⁸⁴ Сталин И. В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. С. 249. Доступно на сайте grachev62.narod.ru/stalin/t13/cont_13.htm.

¹⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 91. Л. 8.

¹⁸⁶ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1074. Л. 107–108.

¹⁸⁷ РГАЭ. Ф. 7995. Оп. 1. Д. 344. Л. 116–120; ЦАГМ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 4. Л. 181; Профсоюзный работник. 1937. № 1. С. 3.

¹⁸⁸ Как указывает Льюис Сигельбаум, стахановцы занимали центральное место в «культурной мифологии 1930-х годов» в Советском Союзе (*Siegelbaum L. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity*. P. 210).

жизни для всех членов общества». Как он добавил, «марксистский социализм означает не сокращение личных потребностей... а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно-развитых людей»¹⁸⁹.

Хотя социализм наступил, партийные лидеры не ожидали, что преобразование людей совершится само собой. Сам Сталин в речи 1935 года признал: на то, чтобы переделать человеческую психологию, уйдет немало времени¹⁹⁰. Советская власть, веря в могущество экономических факторов и в их способность изменить образ мыслей и действий отдельных людей, вместе с тем полагалась на средства культуры и образования, которые должны были помочь созданию нового человека. Искусство и литература сталинской эпохи транслировали коллективистские ценности, а литературные герои воплощали качества нового человека — самопожертвование и бескорыстную службу на благо коллектива¹⁹¹. Кроме того, советская власть разработала новые основы для самоидентификации, желая, чтобы рабочий или крестьянин ассоциировал себя с большим коллективом, связанным с построением социализма. Проект заводской истории, к примеру, подразумевал, что рабочие будут описывать, чем они занимались на заводе в прошлом и чем занимаются в настоящее время. Этот ритуал подталкивал их к самоидентификации с рабочим коллективом и к самоутверждению через участие в советской индустриализации¹⁹².

Йохен Хелльбек убедительно доказывал, что советская власть стремилась сделать из людей субъектов революции¹⁹³. Советские учреждения и пропаганда стремились не подавить у людей чувство собственного «я», не уничтожить его, а воспитать сознательных граждан, которые будут добровольно участвовать в строительстве

¹⁸⁹ XVII съезд ВКП(б). С. 26, 30–31.

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 138. Л. 78–80.

¹⁹¹ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 20. Л. 161–162; *Robin R. Stalinism and Popular Culture // The Culture of the Stalin Period / Ed. H. Gunther. New York, 1990. P. 33; Lane C. The Rites of Rulers. New York, 1981. P. 207.*

¹⁹² Горький и создание истории фабрик и заводов: Сборник документов / Под ред. Л. М. Зак и С. С. Зиминой. М., 1959.

¹⁹³ *Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // The Russian Review. 2001. Vol. 60. No. 3 (July). P. 340–359. См. также: Idem. Revolution on My Mind.*

социализма и идентифицировать себя с ним. Таким образом, государственная власть была продуктивной: она могла предложить людям логически последовательное самоощущение и чувство цели. Процесс создания нового человека требовал интенсивной саморефлексии и работы над собственным преобразованием. Советские публикации убеждали людей проверять свои знания, повышать уровень культуры и «работать над собой»¹⁹⁴. Чтобы граждане размышляли о своей жизни и понимали собственную роль в строительстве социализма, советская власть подталкивала их к написанию и озвучиванию автобиографий, а порой и требовала этого. Необходимость подобных автобиографических размышлений была важной субъективизирующей практикой, нацеленной на формирование у людей чувства собственного «я». В первую очередь члены партии, но также и многие другие граждане были обязаны рассказывать историю своей жизни, которая вписывалась в более широкое революционное повествование о построении социализма¹⁹⁵. Кроме того, автобиографические размышления подталкивали людей к самосовершенствованию, заставляя их признать свои эгоистичные привычки и переключить внимание на героическое и коллективное дело социалистического строительства¹⁹⁶.

Конечно, подобная постановка вопроса позволяла повысить уровень поддержки партии в обществе. Но партийные деятели считали, что понимание своей жизни в этом ключе необходимо и для личного роста человека. А они хотели повысить уровень образования и культуры всех советских граждан. Советская система была до крайности репрессивной, она отправляла в тюрьму и даже на смерть тех, кто ей не соответствовал, но ее власть имела и положительные последствия. Тем гражданам, которые делали выбор в пользу официальных ценностей, СССР давал возможность самореализации, позволяя избежать конкуренции и отчуждения, свойственных капиталистической системе, и принять участие в выполнении всемирно-исторической задачи построения социализма, а также развить

¹⁹⁴ См., например, последнюю страницу одного из номеров журнала «Огонек» (1936. № 1–3. С. 10).

¹⁹⁵ *Halfin I. From Darkness to Light: Student Communist Autobiography during NEP // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. Vol. 45. No. 2. P. 210–236.*

¹⁹⁶ *Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming. P. 351.*

лучшие качества в себе самих¹⁹⁷. Хотя идеал нового человека редко находил практическое воплощение, он представлял собой политическую альтернативу либеральному индивидуализму.

Итак, концепцию нового человека можно проследить до Французской революции, когда принцип верховенства народа потребовал создания добродетельных граждан, которые, перестав быть подданными, начнут управлять государством и защищать его по собственной инициативе. Развитие социальных наук вызвало к жизни новые формы власти, в том числе власть ученых-социологов, стремившихся изменить поведение человека. К концу XIX — началу XX века многие социальные мыслители и политические деятели стремились создать новый тип человечества, который соответствовал бы современной индустриальной цивилизации. Многие из них соглашались, что индивиды должны слиться в коллектив — как в целях достижения успеха, так и для того, чтобы принести пользу обществу в целом. Одним словом, усилия советской власти по созданию нового человека вписывались в рамки более широкого современного этоса, который требовал не только рационального общественного порядка, но и наличия индивидов, настроенных на слияние с коллективом, которые были бы способны полноценно функционировать в эпоху массовой промышленности.

Впрочем, у нового советского человека были свои отличительные черты. Необходимым условием его/ее формирования была полностью государственная экономика, построенная вокруг тяжелой промышленности, без частной собственности или свободного рынка. Советский коллективизм представлял собой не модифицированную версию либерализма, а решительный отказ от мелкобуржуазного индивидуализма — в Советском Союзе индивид мог раскрыть свой человеческий потенциал, только став частью коллектива. Идеал нового советского человека относился к женщинам не в меньшей степени, чем к мужчинам, и советское правительство выступало (по крайней мере в теории) за абсолютное равенство женщин с мужчинами в экономической и общественной жизни. Кроме того, в отличие от нового нацистского человека — мужчины-солдата, чьей главной целью была защита Германии от

¹⁹⁷ *Kotkin S. Magnetic Mountain. P. 21–23; Hellbeck J. Self-Realization in the Stalinist System: Two Soviet Diaries of the 1930s // Russian Modernity. P. 234–235.*

«вырождающейся» Европы, — новый советский человек должен был стать универсальным идеалом всего человечества¹⁹⁸.

Универсальность этой модели подтверждалась советской национальной политикой. Партийные деятели считали нового советского человека образцом для всех граждан, в том числе и для представителей национальных меньшинств, и, в отличие от правителей европейских колоний, стремились не увековечить разницу между управителями и управляемыми, а сделать население однородным¹⁹⁹. Адиб Халид подчеркивает, что хотя советская власть (подобно турецким кемалистам) заимствовала у европейских ориенталистов элементы этнической классификации различных народов, она делала это не с целью закрепить их неравенство, а чтобы добиться от всех народов политического участия и поддержки революционных перемен²⁰⁰. Адриенн Эдгар тоже отмечает, что советские действия по эмансипации женщин Средней Азии имели мало общего с французской или британской колониальной политикой, но во многом напоминали действия стран, стремившихся к модернизации, — межвоенной Турции, Ирана и Афганистана, где власти также добивались эмансипации женщин, стремясь к созданию современного, однородного общества²⁰¹. Советскую национальную

¹⁹⁸ *Fritzsche P., Hellbeck J.* The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany. P. 314. К тому же описание нового нацистского человека было составлено в основном с физической точки зрения, а новый советский человек должен был преобразить свой ум и свою личность путем чтения, самокритики и сознательных усилий по отказу от буржуазных привычек (см.: *Ibid.* P. 340).

¹⁹⁹ *Blitstein P.* Cultural Diversity and the Interwar Conjuncture: Soviet Nationality Policy in its Comparative Context // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. No. 2 (summer). P. 273–293.

²⁰⁰ *Khalid A.* Backwardness and the Quest for Civilization. P. 250–251. Халид отмечает, что в некоторых случаях стремление советской власти и кемалистов к преобразованиям означало, что социальное вмешательство и разрушение традиций было куда более сильным, чем в европейских колониях. Это особенно верно в случае СССР. См.: *Ibid.* P. 232–233.

²⁰¹ *Edgar A.* Bolshevisms, Patriarchy, and the Nation: The Soviet «Emancipation» of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. No. 2 (summer). P. 252–272. Эдгар объясняет, что в отличие от Турции и Ирана, где режимы обладали некоторой национальной легитимностью, советская власть в Средней Азии воспринималась местным населением как чуждая и имперская даже в тех случаях, когда вовсе не стремилась быть таковой. См.: *Ibid.* P. 271–272. О советской политике в отношении женщин в Средней Азии см.

политику характеризовал «государственный эволюционизм» — подход, опиравшийся как на марксистскую концепцию исторических стадий, так и на европейские антропологические теории культурной эволюции, предполагавшие, что все этнические группы стремятся к общей конечной точке. Советские чиновники считали, что «отсталость» некоторых национальных меньшинств проистекает от социально-экономических условий, в которых те находятся, а не от расовой или биологической неполноценности, и верили, что могут подтолкнуть эти народы вперед на общем пути исторического развития, который приведет к социализму, а в конечном счете — к коммунизму²⁰².

В целом стремление советской власти узнать, о чем думает население, и повлиять на его образ мыслей отражало как международные тенденции, так и чисто советские особенности. В ходе Первой мировой войны правительства всех воюющих стран стремились узнать образ мыслей, мнения и «политические настроения» людей и на все это повлиять. Массовая политика и массовая война требовали мобилизации населения и сознательного, активного участия народа в политике. Как утверждал Джошуа Сэнборн, царское правительство обнаружило опасность сочетания массовой политики с правлением меньшинства после того, как приступило к массовой мобилизации в Первой мировой войне. Оно было свергнуто, а вслед за ним — и Временное правительство. Коммунисты решили проблему массовой политики и ее центробежных сил, установив, при помощи политической пропаганды и цензуры, монополию на ресурсы для мобилизации²⁰³. Иными словами, они успешно сочетали правление меньшинства и массовую мобилизацию, эффективно используя методы военного времени и сделав их постоянными.

В самом широком смысле первопричиной советского надзора и пропаганды было изменение самой природы политики в эпоху, с одной стороны, верховенства народа, а с другой — массовой

также: *Northrop D. Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, 2004.

²⁰² Свою характеристику советской национальной политики, в том числе термин «государственный эволюционизм», я почерпнул из кн.: *Hirsch F. Empire of Nations*. P. 6–9.

²⁰³ *Sanborn J. Drafting the Russian Nation*. P. 97.

войны. В деспотических режимах старого порядка от населения ожидали только верности монарху. В современных же политических системах, даже недемократических, граждане должны были играть важную роль в политике, а для этого иметь представление о национальных интересах страны и о своей роли в достижении их. В современную эпоху политическая власть стала скорее внутренней, чем внешней, и стремилась не столько подчинить людей, сколько добиться их участия в политике²⁰⁴. Теперь государственным деятелям необходимо было знать, о чем думает народ, и иметь возможность повлиять на его мысли. Первая мировая война сделала эти задачи неотложными и породила новые методы слежки и политического образования. Эти методы оказались востребованы в советском государстве и стали неотъемлемой частью устройства СССР, поскольку советская власть, несмотря на свой авторитарный характер, стремилась воспитать революционных граждан, которые построят новое социалистическое общество.

Отнюдь не было случайностью то, что именно на этом этапе тотальной войны к власти в России пришло правительство, которое основывалось на четко выраженной идеологии. Мобилизационные требования массовой войны повлекли растущую идеологизацию, особенно широко распространившуюся к началу Второй мировой войны²⁰⁵. Впрочем, на завершающем этапе Первой мировой войны пропаганда в Англии и во Франции уже включала в себя вильсоновскую риторику, провозглашавшую новый, демократический мировой порядок. Кроме того, в годы войны возник новый тип политического деятеля — демократический военный лидер. Примерами таких лидеров могут служить Клемансо, Ллойд Джордж и Вильсон, которые обращались напрямую к населению, опираясь на свою харизму и ораторское искусство. Впоследствии этот стиль будет отточен Черчиллем и Рузвельтом²⁰⁶. Призыв к массам с опорой на интеллектуально и эмоционально привлекательную идеологию характеризовал мобилизационную политику не только

²⁰⁴ *Baker K. M.* A Foucauldian French Revolution? P. 194.

²⁰⁵ *Horne J.* Remobilizing for «Total War». P. 17. Хорн цитирует идею Раймона Арона о том, что предметом Первой мировой войны была гегемония, а предметом Второй — идеология.

²⁰⁶ *Ibid.* P. 14–15.

советской власти, но и всех государств межвоенной Европы. Несмотря на очень разные послания — демократия и национальное самоопределение (либерализм), защита расы (фашизм), пролетарская революция (социализм), — все политические деятели опирались на идеологию и новые средства массовой информации, чтобы добиться народной поддержки.

ГЛАВА 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАСИЛИЕ

Не следует забывать, что [бунтовщик] — растение, произрастающее лишь на некоторых почвах, и самый надежный способ борьбы с ним — сделать почву неподходящей для него... Если кто-то желает возделывать участок земли, на который вторгаются дикие растения, недостаточно их выкорчевывать... когда земля вскопана, необходимо изолировать завоеванную землю, огородить ее и затем засеять добрыми зернами, что само по себе делает ее недоступной для сорняков.

Генерал Дюшемен о подавлении восстаний в Индокитае. 1895 год

Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов... и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ Советского государства.

Оперативный приказ НКВД № 00447. 1937 год

Ни одна дискуссия о советском вмешательстве в жизнь общества не будет полной без рассмотрения государственного насилия. В самом деле, государственное насилие, и в особенности ГУЛАГ, часто считается символом советской системы в целом. Только в 1937–1938 годах, согласно официальным цифрам, советская тайная полиция арестовала 1,575 миллиона человек, из которых 681 692 были казнены, а 663 308 оказались в лагерях. К концу 1940 года советское правительство заключило в трудовые лагеря ГУЛАГа более 1,930 миллиона человек, и это даже без учета более полутора миллионов «кулаков», депортированных в спецпоселения

в ходе коллективизации в начале 1930-х годов¹. Советские репрессии в этот период представляли собой государственное насилие над населением, осуществляемое в совершенно беспрецедентных масштабах.

«Черная книга коммунизма», отражающая популярный взгляд на вещи, дает понять, что причиной советского государственного насилия была коммунистическая идеология. Издатель книги Стефан Куртуа, оценивая общее число смертей, вызванных коммунистическими режимами, примерно в 100 миллионов, утверждает, что «преступления» этих режимов вписываются в общую картину, к которой относятся «расстрел, повешение, утопление, забивание до смерти; смерть в результате искусственно вызванного голода, оставление на произвол судьбы жертвы с запретом оказывать ей помощь; депортация — смерть во время транспортировки (передвижение пешком порядком или в непригодных вагонах), в местах высылки и принудительных работ (изнурительный труд, болезни, недоедание, холод). Использовались также боевые отравляющие вещества, организовывались автомобильные катастрофы»². Когда Куртуа пишет конкретно о советском режиме, он делает вывод, что применение террора проистекало из идеологии ленинизма, а в предисловии к книге Мартин Малиа аплодирует этому «акценту на идеологии как на причине массовых убийств, совершенных коммунистами»³.

Действительно, марксистский подход, ставивший превыше всего классовую борьбу и насильственную пролетарскую революцию, означал идеологическое оправдание насилия. Более того, советские деятели видели в насилии главное средство создания нового общества. В 1920 году Николай Бухарин писал: «Пролетарское

¹ *Верт Н.* Государство против своего народа. Насилие, репрессии и террор в Советском Союзе // *Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии.* М.: Три века истории, 1999. С. 192, 215. Эти цифры не включают тех, кто умер от пыток в ходе допросов или в лагерях. О депортациях в процессе коллективизации см.: *Viola L.* The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. New York, 2007.

² *Куртуа С.* Преступления коммунизма // *Черная книга коммунизма.* М., 1999. С. 36.

³ *Он же.* Почему? // Там же. С. 673–674; *Malia M.* Foreword // *The Black Book of Communism: Crime, Terror, Repression.* Cambridge (Mass.), 1999. P. XIX.

принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, *методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи*⁴. Таким образом, если говорить в общем, то и доктрина марксизма, и советские руководители поддерживали насилие как часть революционного процесса.

Однако, как я уже отмечал, идеология сама по себе не содержит шаблонов для будущей политики и не диктует единственно возможного курса действий. То внимание, которое марксизм уделяет классовой борьбе, отнюдь не является ответом на вопрос, почему советские деятели прибегали к государственному насилию в том или ином случае и почему они использовали именно ту или иную форму насилия⁵. Тогда как в годы Гражданской войны политика большевиков была исключительно жесткой, в межвоенные годы возобладало не показательное, а отсекающее насилие — удаление определенных групп населения с их последующей изоляцией или уничтожением. Проводя расказачивание, советские комиссары стремились к полному истреблению элиты казачества; в ходе раскулачивания Сталин заявил о «ликвидации кулаков как класса»; паспортный режим позволил чиновникам изгнать из городов маргинальные элементы; а в 1937–1938 годах тайная полиция стремилась «раз и навсегда» уничтожить «антисоветские элементы». Целью отсекающего насилия — депортаций, взятия под стражу, казней — было вычищение из общества всех тех, кто считался общественно вредным или политически опасным.

Отсекающее насилие зародилось не в России и не было уникальной чертой марксистских режимов. Следовательно, мы должны выяснить его концептуальные и практические истоки. Как политические деятели пришли к идее разделять свое население на группы и решать политические проблемы путем отсеечения тех или иных из этих групп? Когда и где были разработаны такие

⁴ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168, 454. Часть цитаты, выделенная курсивом, была подчеркнута Лениным, который написал на полях: «Именно!»

⁵ На первых порах после Октябрьской революции большевики не занимались систематическим государственным насилием. Лишь летом 1918 года, в момент кризиса в Гражданской войне, Ленин приказал начать красный террор.

технологии общественной изоляции, как концентрационные лагеря?⁶ Чтобы понять сущность советского государственного насилия, я уделю особое внимание тому, как оно было задумано и как осуществлялось. Я буду исследовать не только концептуальные, но и практические предпосылки конкретных форм государственного насилия, использовавшихся советскими лидерами. Подобно другим видам государственного вмешательства, рассмотренным в этой книге, масштабные депортации, тюремные сроки и казни основывались на концепции общества как объекта преобразования. Они стали возможны в результате статистического отображения общества и каталогизации всего населения. Оправданием репрессивных действий послужили рассуждения ученых об отклонениях от нормы и обновлении общества. Ученые исходили из самых лучших побуждений, но их слова означали санкцию на устранение индивидов, которые, как представлялось, могли угрожать обществу в целом.

Кроме того, я рассмотрю вопрос, как именно осуществлялись советскими деятелями столь масштабные программы государственного насилия, и продемонстрирую бюрократические, судебные и полицейские структуры, позволявшие высылать, заключать под стражу и казнить значительное число людей. Также я обращу внимание на технологии социального отсечения, которыми эти деятели пользовались. Некоторые из технологий, например концентрационные лагеря, впервые были разработаны в контексте колониализма, а во время Первой мировой распространились по всей Европе. В ходе Гражданской войны в России советское правительство (как и белые армии) активно применяло депортацию и интернирование, и эти практики стали неотъемлемой частью советской системы лагерей. Вдобавок ко всему именно в годы Гражданской

⁶ Подобные вопросы можно задать и касательно других объяснений советского государственного насилия, сводящих все к одной причине, например к психологическим наклонностям Сталина к жестокости. Выступая против этой идеи, Дэвид Пристланд показывает, что Сталин действовал в тех же политико-идеологических рамках, что и другие большевистские вожди. Эрик ван Рее считает, что центральное место в образе мыслей и политике Сталина занимала марксистская идеология. См.: *Priestland D. Stalinism and the Politics of Mobilization; Ree E. van. The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism. London, 2002.*

войны советское правительство учредило тайную полицию, которая впоследствии осуществляла бóльшую часть сталинского государственного насилия.

Наконец, я покажу, каким именно образом методы и инструменты государственного насилия оказались неразрывно связаны с целями преобразования общества. В ходе раскулачивания советское правительство причислило несколько миллионов крестьян к кулакам и разделило их на несколько категорий, служивших для обозначения, кого лишить собственности, кого выслать, а кого казнить. Это масштабное применение государственного насилия вызвало сопротивление и волнения, что, в свою очередь, привело к более жестким мерам контроля над обществом, в том числе к введению системы внутренних паспортов⁷. В конце 1930-х годов советские лидеры, считая, что они построили социализм и находятся перед лицом растущей угрозы со стороны иностранных государств, решили раз и навсегда покончить с внутренней оппозицией и потенциальной пятой колонной при помощи еще одной масштабной волны насилия⁸. Таким образом, главную роль в государственном насилии сталинского строя играли историческая случайность и события на мировой арене.

Я не утверждаю, что социологическое разделение общества на различные категории и метод социального отсекаения сами по себе стали причиной советского государственного насилия. СССР высылал людей, заключал их в лагерь и казнил, выполняя решения

⁷ Shearer D. R. Policing Stalin's Socialism. P. 5–6.

⁸ О социально-политической динамике, ставшей фоном к тому, что называют «Большой террор», см.: Rittersporn T. G. Stalinist Simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR. Philadelphia, 1991; Getty J. A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. New York, 1985; Goldman W. Z. Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression. New York, 2007. О внешней угрозе как о мотиве сталинских репрессий см.: Khlevniuk O. The Objectives of the Great Terror, 1937–1938 // Soviet History, 1917–1953: Essays in Honor of R. W. Davies. Basingstoke, 1995. P. 158–176; *Idem*. The Reasons for the «Great Terror»: The Foreign-Political Aspect // Russia in the Age of Wars, 1914–1945 / Eds. S. Pons and A. Romano. Milan, 2000. P. 159–169; Rees E. A. The Great Purges and the XVIII Party Congress of 1939 // Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928–1941 / Ed. E. A. Rees. Basingstoke, 2002. P. 191–211; Pons S. Stalin and the Inevitable War, 1936–1941. London, 2002. Другие цитаты и обзор дискуссий о сталинском насилии см. в кн.: McDermott K. Stalin: Revolutionary in an Era of War. New York, 2006. P. 104–109.

партийных деятелей, не признававших каких-либо границ своих полномочий и обладавших бесконечной диктаторской властью. Каталогизация общества, технологии социального отсека, высокий уровень централизации бюрократического и полицейского аппаратов были необходимыми условиями, позволявшими партийным лидерам осуществлять государственное насилие. Таким образом, я считаю, что разделение общества на категории и социальное отсека являются необходимыми концептуальными и практическими условиями советского государственного насилия, но не его причинами. Эти условия возникли и в других странах, однако за вычетом таких исключений, как нацистская Германия, не привели к масштабному государственному насилию. Непосредственной его причиной была та безжалостная решительность, с которой сталинское руководство стремилось уничтожить «кулаков» в годы коллективизации и потенциальную пятую колонну накануне Второй мировой войны. Сталин и его соратники использовали существовавшие на тот момент технологии государственного насилия ради своих целей революционного преобразования и обеспечения государственной безопасности.

Истоки насилия в современном государстве

Чтобы осветить концептуальные и технические истоки разделения общества на категории и социального отсека, я буду использовать два разных подхода. Прежде всего я обращу внимание на развитие науки об обществе и покажу, как социологи, психологи и криминологи XIX века пришли к представлению о злокачественных вкраплениях в социальном теле и практических шагах по их устранению. Затем я рассмотрю влияние колониализма, а именно — как колониальный подход способствовал разделению туземных народов на категории и породил новые технологии изоляции групп, считавшихся социально или политически опасными. Эта практика социальной каталогизации и устранения сыграла важную роль в появлении последующих форм советского государственного насилия.

Конечно, политические лидеры не стеснялись применять силу против населения своих стран и задолго до Нового времени. На

протяжении всей истории человечества правители убивали, ссылали, порабощали своих подданных, в особенности после военного завоевания, а также в ответ на реальные или воображаемые угрозы своей власти. Но лишь в эпоху модерна государство обратилось к социологическим исследованиям, нацеленным на решение общественных проблем путем разделения людей на категории. Достижения ученых XIX века — экономистов, демографов, психологов, криминологов — позволили выявить группы и типы индивидов, которые, как считалось, угрожали политическому или общественному порядку. В результате развития этих дисциплин на смену традиционной метафоре отношений между индивидом и обществом пришла концепция отдельных личностей как неотъемлемых частей социального тела. Она подразумевала, что болезнь индивида или его отклонение от нормы могут повредить обществу в целом⁹.

В Западной Европе социальные реформаторы и государственные чиновники сосредоточили свое внимание в первую очередь на городской бедноте, считая, что эта группа населения представляет угрозу для здоровья и безопасности общества. Некоторые даже увлеклись конструированием физического стереотипа низших классов, описывая рабочих такими же терминами, как и преступников: «уродливые», «отталкивающие», «невежественные». Эти старания отражали общее представление о том, что рабочие, преступники и иммигранты представляют собой часть городской клоаки, кишасей болезнями и преступлениями, — питательной почвы для возникновения мятежных толп¹⁰. С целью предотвратить политические беспорядки и притупить остроту таких общественных проблем, как преступность, бедность и инфекционные заболевания, власти все чаще инспектировали подобные районы и составляли статистику, которая, в свою очередь, подталкивала их к вмешательству с целью регулировать или устранять «злокачественные» группы населения.

⁹ См.: Gallagher C. The Body versus the Social Body in the Works of Thomas Malthus and Henry Mayhew // *Representations*. 1986. Vol. 14. P. 83–106.

¹⁰ Chevalier L. *Laboring Classes and Dangerous Classes in Paris during the First Half of the Nineteenth Century* / Transl. F. Jellinek. New York, 1973. P. 369, 413. См. также: Jones G. S. *Outcast London: A Study in the Relationship between Classes in Victorian Society*. Oxford, 1971.

Развитие криминологии в XIX веке привело к появлению новой концепции преступности и нового подхода к поддержанию порядка. Так называемые моральные статистики, Адольф Кетле и Андре-Мишель Герри, опубликовали в начале 1830-х годов работы, в которых проанализировали статистику преступности и показали, что уровень преступности год от года практически не меняется, а стало быть, вопреки господствовавшему ранее мнению, она не является следствием экономических спадов и бедности. Хотя как Кетле, так и Герри считали преступность следствием устройства общества, более поздние криминологи сделали выбор в пользу индивидуально-биологических ее объяснений. Наиболее видным представителем этой линии был Чезаре Ломброзо, чья книга «Преступный человек», вышедшая в 1876 году, утверждала, что преступник — особый антропологический тип с характерными физическими чертами¹¹. Кроме того, в течение XIX века власти ряда стран разработали «научный» подход к поддержанию порядка, включавший в себя полицейский надзор и ведение документации, которая позволяла бы выявить преступников и устранить их из общества. В Германии, к примеру, правительственные чиновники и образованные люди сошлись на том, что обуздать растущую преступность и политические беспорядки можно лишь при помощи жестких полицейских мер — самоограничение и самосовершенствование вопроса не решат¹².

Хотя устранение индивидов из общества существовало задолго до XIX столетия, важнейшим шагом в развитии современного отсекающего насилия стало появление концепции криминального класса. Уже в начале XIX века многие английские социологи и социальные мыслители пришли к мнению, что в составе общества существует такая особая группа, как «криминальный класс». Иначе говоря, причиной преступности они считали не социально-экономические

¹¹ В разных странах труд Ломброзо был воспринят неодинаково, что было связано с разным уровнем развития психиатрии и криминальной юриспруденции. См.: *Wetzell R. Inventing the Criminal: A History of German Criminology, 1880–1945.* Chapel Hill, 2000. P. 21–31. О Ломброзо см. также: *Horn D. The Criminal Body: Lombroso and the Anatomy of Deviance.* New York, 2003.

¹² *Lüdtke A. The Permanence of Internal War: The Prussian State and its Opponents, 1870–1871 // On the Road to Total War: The American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871 / Eds. S. Förster and J. Nagler.* New York, 1997. P. 388–390.

условия, а существование подобного общественного слоя, который можно было документировать и измерить при помощи статистики преступности. Описание криминального класса, в свою очередь, привело к стремлению устранить этот социальный слой — в целях не столько возмездия, сколько профилактики. Британское правительство создало штрафную колонию в Австралии и депортировало («перевезло») туда в течение XIX века около 150 тысяч каторжников. Как заключает один ученый, главная цель этой транспортировки состояла не в том, чтобы наказать преступников или удержать их от дальнейших преступлений, а в том, чтобы с корнем вырвать «криминальный класс» из британского общества¹³. Французские криминологи постепенно тоже пришли к взгляду на преступников как на особый тип людей, которые неспособны к исправлению и должны быть насильственно исторгнуты из общества. В середине XIX столетия Бенедикт Огюстен Морель предположил, что люди, оказавшиеся в патологической среде, например на городском преступном дне, не только сами склонятся к антиобщественному поведению, но и передадут его своим детям. Хотя французские криминологи не дошли до анатомического детерминизма Ломброзо, они тем не менее полагали, что город является питательной средой для преступности, а рецидивистов считали особым слоем населения, который следует физически устранять из общества¹⁴. В 1852 году правительство Франции начало ссылать политических преступников в штрафную колонию, Французскую Гвиану, а через два года ссылке стали подвергать и уголовников¹⁵.

Следующий важный шаг в развитии отсекающего насилия был совершен после подавления Парижской коммуны 1871 года. Французские военные трибуналы провели быстрый суд над коммунарами.

¹³ *Hughes R. The Fatal Shore. New York, 1987. P. 40–41, 66, 161–168.* Высылка каторжников из Англии началась в действительности уже в первые годы XVII века, когда небольшие группы преступников, приговоренных к смерти, вместо этого направлялись работать на плантации в североамериканских колониях. О британском Билле о законенных преступниках (1869) см.: *Pick D. Faces of Degeneration. P. 182–183.*

¹⁴ *Toth S. A. Beyond Papillon: The French Overseas Penal Colonies, 1854–1952. Lincoln, 2006. P. 4–5, 31–33.* См. также: *Pick D. Faces of Degeneration. P. 39.*

¹⁵ *Nye R. Crime, Madness, and Politics in Modern France. Ch. 3; Toth S. A. Beyond Papillon. P. 10–11.*

А затем составили списки виновных и занесли худших из них (лидеров революции, иностранцев, уголовников и дезертиров) в первую категорию — для казни или депортации. Французская армия казнила около 20 тысяч коммунаров и депортировала еще 5 тысяч в штрафные колонии в Новой Каледонии. Генерал Гастон Александр Огюст де Галифе заявил: «У нас более чем достаточно иностранцев и отбросов общества, нам необходимо избавиться от них»¹⁶. Таким образом, военные деятели провели казни не в пылу битвы, а когда сражение уже закончилось и непосредственная революционная угроза миновала. Возможно, ими отчасти двигало желание возмездия, но еще более важную роль играла их решимость устранить из французского общества тех, кого они считали неисправимыми.

Правительство Франции отказалось признавать за Парижской коммуной политическое значение. Коммунаров изображали безнравственными преступниками и даже называли «нечистью». Казнь и депортация коммунаров, по словам одного исследователя, «представляли собой социальную чистку Парижа»¹⁷. Виконт Отнен д'Оссонвиль, возглавлявший парламентскую комиссию по преступности, был убежден, что в большинстве своем коммунары являются преступниками-рецидивистами. Вместе со своими единомышленниками он связывал опасения национального упадка (после унижительного поражения во Франко-прусской войне) с проблемой рецидивизма и рекомендовал депортировать не только опасных преступников, но и тех, кто повторно совершает мелкие правонарушения¹⁸. Французское уголовное законодательство середины 1880-х годов позволяло осуществлять массовую высылку рецидивистов, бродяг, нищих и прочих маргиналов¹⁹.

Как недолгое существование Парижской коммуны, так и ее кровавый разгром стали важным ориентиром для революционеров-марксистов. Сам Карл Маркс прославлял Коммуну в качестве «смелой поборницы освобождения труда» и заявлял, что «Париж

¹⁶ *Tombs R.* The War against Paris 1871. New York, 1981. P. 179–180, 191.

¹⁷ *Bullard A.* Exile to Paradise: Savagery and Civilization in Paris and the South Pacific, 1790–1900. Stanford, 2000. P. 67, 81.

¹⁸ *Toth S. A.* Beyond Papillon. P. 31–33.

¹⁹ Дальнейшее рассмотрение темы см. в кн.: *Nye R.* Crime, Madness, and Politics in Modern France. P. 59–95.

рабочих с его Коммуной всегда будут чувствовать как славного предвестника нового общества»²⁰. И Маркс, и Энгельс почерпнули уроки из истории Парижской коммуны, еще более укрепившись в концепции диктатуры пролетариата. Размышляя о Коммуне, Энгельс заключил, что «государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим», и заявил: после победоносной пролетарской революции государство сохранится как «зло, которое по наследству передается пролетариату» и будет использоваться против врагов пролетариата «до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности»²¹. Последующие марксисты, в том числе Троцкий, тоже извлекли уроки из подавления Коммуны. Они подчеркивали, что революционерам необходим центральный аппарат, чтобы вести войну против капиталистов, подобно тому как капиталисты использовали свой государственный аппарат для подавления революционеров²².

В царской России ссылка преступников и революционеров была давней традицией. С конца XVII века власти ссылали небольшие группы каторжников и политзаключенных в отдаленные регионы. Порой ссылка подразумевала принудительный труд. В 1827 году Михаил Сперанский, генерал-губернатор Сибири, ввел правила транспортировки каторжников и использования их труда. Он стремился превратить ссыльных в сельскохозяйственных колонистов, имея в виду долгосрочную цель интеграции Сибири в Российскую империю²³. Подобно своим западноевропейским коллегам, царские чиновники XIX века тоже опасались революционного потенциала рабочих и старались во второй половине столетия регламентировать

²⁰ Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 17. С. 350, 366.

²¹ Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции». Доступно на сайте www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Civwar/civwar-00.html.

²² Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм. Пг.: Государственное издательство, 1920. С. 91–92.

²³ Schrader A. M. Languages of the Lash: Corporeal Punishment and Identity in Imperial Russia. DeKalb, 2002. P. 79–83. См. также: Gentes A. Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle between State and Society in Tsarist Russia, 1593–1917: Ph.D. diss. Brown University, 2002.

фабричный труд, а также выступать посредниками в трудовых конфликтах²⁴. Русская либеральная интеллигенция тоже беспокоилась о низших классах, но придерживалась совершенно иных позиций. Стремясь улучшить положение угнетенных масс, либералы-интеллигенты вместе с тем опасались, что российская жизнь с ее политическим угнетением и экономической отсталостью способствует девиантному поведению и беспорядкам среди рабочих и крестьян. Таким образом, либералы считали, что в бедности, алкоголизме и преступности низших классов повинно самодержавие, но вместе с тем испытывали по отношению к массам смесь беспокойства и чувства вины²⁵.

В конце XIX — начале XX века российские социальные мыслители обратились к идее «защиты общества» — новому принципу карательной политики, который ввели в 1880-е годы Франц фон Лист и другие немецкие судебные реформаторы. В противовес классической теории сдерживания, этот подход предполагал, что наказание должно быть обусловлено не преступлением, а потенциальной опасностью преступника в будущем. Сторонники данного принципа призывали к пожизненному заключению неисправимых рецидивистов с целью защитить общество от преступности²⁶. Концепция защиты общества приобрела влияние по всей Европе, включая такие страны, как Франция, где социальные мыслители в целом отвергли теории преступности, основанные на биологическом детерминизме. Российские криминологи и психологи тоже с энтузиазмом обсуждали эти идеи, выступая за продолжительную изоляцию некоторых преступников в целях защиты общества. В России эти идеи возобладали на фоне роста общественных беспорядков в начале века, кульминацией которых стала революция 1905 года²⁷.

Один русский криминолог утверждал, что морально испорченных преступников нужно не сурово наказывать, но просто изолировать, удаляя из повседневной жизни, чтобы защитить общество

²⁴ Zelnik R. E. *Labor and Society in Tsarist Russia*. P. 92–96.

²⁵ См.: Engelstein L. *The Keys to Happiness*. P. 24.

²⁶ Wetzell R. *Inventing the Criminal*. P. 33–34.

²⁷ Beer D. *Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930*. Ithaca, 2008. P. 125. О страхах перед растущей волной преступности и беспорядка, исходящих от низших классов, см.: Neuberger J. *Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914*. Berkeley, 1993.

от их вредного влияния²⁸. Другие соглашались и заботливо добавляли, что подобная изоляция необходима для блага самих преступников, поскольку защитит их от пагубного воздействия современного мира²⁹. Криминолог А. А. Жижиленко рекомендовал учредить трудовые колонии, где можно было бы разместить опасных рецидивистов и, если удастся, вернуть их к честной жизни³⁰. Таким образом, уже до революции принцип социального отсеечения, или физической изоляции, тех, кто представлял угрозу обществу, вполне укоренился среди русских психологов и криминальных антропологов. Некоторые из них и в советское время продолжали играть важную роль, формулируя принципы карательной политики. Хотя было бы неверно винить в советском государственном насилии этих либеральных интеллигентов, их предписания по устранению отклонений указывают, что большевики были не единственными, кто желал обновить общество путем насильственного удаления испорченных людей.

Таким образом, к началу XX века идея устранения преступников и их изоляции от общества прочно укоренилась в среде западноевропейских и русских психологов и криминологов. Мало того, этот принцип социального отсеечения все в большей степени казался применимым не только к отдельным личностям, но и к целым социальным слоям, представлявшим угрозу обществу. Способы определения того, какие именно группы являются лишними, зависели от социальной статистики и классификации общества — от технологий, которые сами по себе помогали обосновать идею социального отсеечения. Эти принципы и методы каталогизации общества впоследствии повлияли на образ мыслей советских криминологов и стали одной из основ советского отсекающего насилия.

До Первой мировой войны государственные методы отсекающего насилия в самих европейских странах оставались ограниченными, но в колониях европейских стран развернулись в полную

²⁸ Воротынский В. И. Психофизические особенности преступника-дегенерата // Ученые записки Казанского университета. 1900. № 3. С. 101. Цит. в: *Beer D. Renovating Russia*. P. 126.

²⁹ *Beer D. Renovating Russia*. P. 127.

³⁰ Жижиленко А. А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников // Право. 1910. № 35. С. 2078–2091; № 36. С. 2136–2143; № 37. С. 2167–2177. Цит. в: *Beer D. Renovating Russia*. P. 128.

мощь. Хотя вмешательство государства в общественную жизнь зародилось не в колониях, методы отсекающего насилия развились и расширились именно там — по мере того как колониальные администраторы разрабатывали новые технологии контроля над обществом³¹. Опыт империализма не только укрепил европейские теории культурного и расового превосходства, но и породил многочисленные проявления отсекающего насилия, в том числе насильственные депортации населения и массовые убийства, предвещавшие геноцид³².

Концентрационные лагеря были изобретены в колониях. В 1896 году Валериано Вейлер-и-Николау, испанский военный губернатор Кубы, стремясь подавить кубинское восстание, предшествовавшее Испано-американской войне, заключил часть мирного населения под стражу, чтобы помешать партизанам прятаться среди жителей и получать от них помощь. Четырьмя годами позже, в годы Англо-бурской войны, английские генералы лорд Фредерик Слей Робертс и Горацио Герберт Китченер организовали концентрационные лагеря с той же целью³³. Эти первые случаи использования концлагерей привлекли внимание самых разных военных теоретиков (а в случае Англо-бурской войны — и внимание общественности). В частности, два будущих русских военачальника изучали испанский и английский опыт концлагерей. Полковник Генерального штаба Яков Григорьевич Жилинский, российский военный атташе на Кубе, впоследствии главнокомандующий армиями русского Северо-Западного фронта Первой мировой войны, в высшей степени подробно описал, как выглядело заключение мирных

³¹ К. А. Бейли отмечает, что стремление разбить общество на категории и цивилизовать его зародилось не в колониях, а в самой Европе (*Bayly C. A. Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870. Cambridge, 1996. P. 179*). См. также: *Scott J. Seeing Like a State. P. 378*.

³² О сохранившейся актуальности тезиса Ханны Арендт об «эффekte бу- меранга», идее, что расистский образ мыслей и ожесточенность колониализма были ввезены обратно в Европу и внесли вклад в тоталитаризм XX века, см.: *King R. H., Stone D. Introduction // Hannah Arendt and the Uses of History / Eds. R. H. King and D. Stone. New York, 2007*.

³³ *Hull I. Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany. Ithaca, 2005. P. 73*. См. также: *Spies S. B. Methods of Barbarism: Roberts and Kitchener and Civilians in the Boer Republics, January 1900 — May 1902. Cape Town, 1977*.

жителей в концлагеря. Василий Иосифович Ромейко-Гурко, которому предстояло стать в 1916 году российским главнокомандующим, подобным же образом изучил британские меры по борьбе с партизанами, а также концлагеря Англо-бурской войны и составил их описание³⁴.

Наблюдение за военными действиями и международный обмен военными специалистами широко распространились во второй половине XIX века. Алексей Николаевич Куропаткин, игравший ведущую роль в российском завоевании Средней Азии и управлении ею, провел значительную часть 1875 года в Алжире и описал французские методы подчинения местного населения. Этот обмен мыслями отнюдь не был однонаправленным: Юбер Лиоте, ведущий теоретик и практик французской колониальной войны в Алжире, Индокитае, на Мадагаскаре и в Марокко, внимательно изучил опыт российского завоевания Кавказа и Средней Азии. В своих работах Лиоте подчеркивал, что, если стоит цель искоренения восстаний, мало одерживать победы над отрядами повстанцев — необходимо устранить бунтовщиков физически и преобразовать общественную среду³⁵.

Подобно тому как это было и с другими формами государственного вмешательства, администраторы в своих действиях могли опираться на тот статистический образ населения, который был создан в результате разделения общества на категории и их каталогизации. Переписи населения были впервые разработаны и применены колониальными чиновниками³⁶. При помощи переписей и классификации населения английская администрация в Индии не столько обнаружила, сколько укрепила кастовую систему и иерархию

³⁴ Жилинский Я. Г. Испано-американская война: Отчет командированного по Высочайшему повелению к испанским войскам на остров Куба Генерального штаба полковника Жилинского. СПб., 1899; Ромейко-Гурко В. И. Война Англии с Южно-Африканскими республиками, 1899–1901 гг.: Отчет командированного по Высочайшему повелению к войскам Южно-Африканских республик Генерального штаба полковника В. И. Ромейко-Гурко. СПб., 1901. Цит. в: Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Eds. R. G. Suny and T. Martin. New York, 2001. P. 123.

³⁵ Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 119–120, 132.

³⁶ Hacking I. The Taming of Chance. P. 17.

«воинственных рас»³⁷. В Восточной Африке английские управленцы также классифицировали племена по их военной силе и политической лояльности³⁸. Эта дифференциация и каталогизация туземного населения, в свою очередь, стала направлять действия колониальных властей, которые в моменты восстаний начали опираться на одни группы населения и наносить удары по другим³⁹.

Принципиальным отличием Российской империи от западноевропейских морских империй был ее континентальный характер. Соответственным образом отличалась и имперская идеология, которой придерживались российские элиты: многие считали основой империи миграцию русских крестьян — с культурным обменом, взаимовлиянием и ассимиляцией — и находили, что подобная миграция — мероприятие более естественное и гуманное, чем заморский империализм Англии и Франции⁴⁰. Кроме того, Россия была империей полиэтничной и многоконфессиональной, отличавшейся куда более разнообразным населением, чем страны Западной

³⁷ *Dirks N. Castes of Mind // Representations. 1992. Vol. 37. P. 56–78; Barua P. Inventing Race: The British and India's Martial Races // Historian. 1995. Vol. 58. No. 1. P. 107–116. См. также: Anderson B. Imagined Communities. Expanded ed. New York, 1991; Cohn B. S. The Census, Social Stratification, and Objectification in South Asia // An Anthropologist among the Historians and Other Essays / Ed. B. S. Cohn. New Delhi, 1987.*

³⁸ См.: British War Office report on Somaliland // PRO. WO 106/18. Об использовании британцами переписей как средства колониального завоевания в Южной Африке см.: *Crais C. The Politics of Evil: Magic, State Power, and the Political Imagination in South Africa. New York, 2002. P. 79–82.*

³⁹ О британском подавлении восстания *May-May* в послевоенный период см.: *Elkins C. Imperial Reckoning: The Untold Story of the British Gulag in Kenya. New York, 2005.*

⁴⁰ *Geraci R. Genocidal Impulses and Fantasies in Imperial Russia // Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, and Subaltern Resistance in World History / Ed. A. D. Moses. New York, 2008. P. 361–362.* Как отмечает Джераси, те, кто придерживался этого взгляда, не отрицали, что русские колонисты позаимствуют у местных народов элементы культуры и даже часть их крови (смешение рас не запрещалось), но ожидали, что возобладает тенденция к русификации. См. также об отличиях в имперской идеологии различных русских чиновников: *Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000. Vol. 59. No. 1 (spring). P. 74–100; Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism // Kritika. 2000. Vol. 1. No. 4. P. 691–699; Knight N. On Russian Orientalism: A Response to Adeb Khalid // Ibid. P. 701–715.*

Европы. В деле классификации завоеванного населения русские чиновники прибегали к таким же методам, как и их европейские колониальные коллеги, но включали в сферу своего действия все население страны, в том числе и народы западного пограничья, входившие в Российскую империю уже не первое столетие.

Этническая классификация имперской России показывает, сколь глубоко статистика влияла на образ мыслей царских чиновников и русских интеллектуалов. Несколько министерств, в том числе Министерство внутренних дел и Министерство финансов, а также земства составляли статистику населения, при этом каждое учреждение исходило из собственной повестки дня и использовало свои категории для классификации⁴¹. Русская армия с середины XIX века тоже сводила население империи в единую таблицу — на основе новой дисциплины: военной статистики. Ставший впоследствии военным министром Дмитрий Алексеевич Милютин после поездки по Европе в 1845 году, в ходе которой он особенно внимательно изучил прусскую армию, начал вести в Академии Генерального штаба такую дисциплину, как военная статистика. Публикации Милютина и других офицеров Генштаба на тему военной статистики делили население по этническому принципу и содержали не только цифровые данные, но и подробное этнографическое описание различных народов империи. Хотя теоретически это предприятие было объективным, на деле классификация и описание разнообразных этнических групп неизбежно влекли за собой нормативные суждения и выстраивание иерархий. Военно-статистические исследования содержали качественную оценку каждого из «элементов» населения, приводящую к заключению, что этнически русское ядро империи является политически благонадежным, а этнические меньшинства — нежеланными. Отмечая патриотизм и лояльность русских, подобные исследования характеризовали евреев как людей непатриотичных и эгоистичных, а поляков и мусульман — как ненадежных чужаков⁴².

⁴¹ См.: *Darrow D. W. The Politics of Numbers: Zemstvo Land Assessment and the Conceptualization of Russia's Rural Economy // The Russian Review. 2000. Vol. 59. No. 1 (January). P. 52–75.*

⁴² *Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 113–115. См. также: Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики: В 2 т. СПб., 1847–1848; Золотарев А. М. Записки военной статистики: В 2 т. СПб., 1885. Дополнительные*

Указанные выводы стали непосредственной причиной того, что царское правительство, как я расскажу ниже, провело массовую депортацию немцев, евреев и мусульман из западного пограничья и с Кавказа в годы Первой мировой войны. Впрочем, еще до этих депортаций русская армия занималась переселением жителей на Кавказе и в Средней Азии (в случае Кавказа это происходило с самого начала XIX века)⁴³. После Крымской войны перемещение населения на Кавказе стало значительно более масштабным: царские администраторы данного региона, в том числе Дмитрий Милютин, желали обеспечить контроль над Черноморским побережьем. В 1858 году царь Александр II одобрил депортацию враждебных горских племен, и в ходе последующих кампаний на Западном Кавказе русская армия стремилась «очистить» его территорию от нежеланных групп населения при помощи отсекающего насилия — сжигая аулы и высылая или убивая людей.

Государственное насилие на Кавказе, вероятно, не было неизбежным следствием статистических изысканий и этнической классификации. Главным поставщиком этнографических и статистических данных по туземным народам был Кавказский отдел Императорского Русского географического общества, и царские чиновники считали, что эти данные позволят им более эффективно использовать различные этнические группы, предоставив каждой из них определенное место в экономическом порядке. В рамках кампании умиротворения горной части Западного Кавказа, прилегающей к морю, некоторые администраторы предложили переселить «горных черкесов» на равнины, где они смогли бы заниматься сельскохозяйственным трудом и интегрироваться в общество Российской империи. Впрочем, подавляющее большинство местных жителей выступили против этого переселения, и в 1864 году около 370 тысяч человек предпочли эмигрировать в Османскую империю, чтобы не оставаться под властью России⁴⁴.

сведения о понимании этничности царским военным командованием можно найти в кн.: *Sanborn J. Drafting the Russian Nation*. P. 65–74.

⁴³ О переселении осетин и кабардинцев царской армией, а также о поселении казаков на Северном Кавказе см.: *Barrett T. At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860*. Boulder, 1999. P. 41–42.

⁴⁴ *Sherry D. L. Imperial Alchemy: Resettlement, Ethnicity, and Governance in the Russian Caucasus, 1828–1865*: Ph.D. diss. University of California, Davis, 2007. P. 5, 9–12.

В целом в период с 1858 по 1864 год с Кавказа было выселено около 450 тысяч человек, в числе которых были не только черкесы, но и ногайцы и другие народы. Те жители прибрежных гор, которые отказывались от переселения или эмиграции, были насильственно согнаны со своей земли русскими военными экспедициями, уничтожавшими аулы и преследовавшими беженцев в горных ущельях. Великий князь Михаил Николаевич, наместник на Кавказе, заявил, что береговая линия Черного моря полностью очищена, а горцы переселены в Турцию. Офицеры Главного штаба Кавказской армии доложили, что ни один горец не остался на своем прежнем месте и принимаются меры по очищению региона и подготовке его для новых российских поселенцев⁴⁵. Подобным же образом осуществлялось и завоевание империей Средней Азии. Военные теоретики 1870-х годов подчеркивали необходимость заместить местных жителей «русским элементом», чтобы преобразовать облик всей страны⁴⁶.

Европейские и колониальные управленцы XIX века, стремясь осуществлять свою власть и противостоять предполагаемым политическим угрозам, все в большей степени опирались на статистику. Сама по себе статистика не была причиной государственного насилия, но создавала картину населения, которой могли пользоваться чиновники в своем желании выявить и отсечь группы людей, несущие, по мнению этих чиновников, угрозу для всего общества в целом. Хотя отсекающее насилие возникло раньше колониализма, европейское завоевание и управление неевропейскими народами подразумевали социальную и этническую классификацию и новые технологии насилия, в том числе концлагеря. В результате колониализма и колониальных войн подобное насилие стало частью жизненного опыта многих военных офицеров и колониальных администраторов, значительная часть которых сыграла ведущую роль в Первой мировой войне. В ходе этой войны отсекающее насилие развернулось в полном масштабе уже на территории самой Европы.

⁴⁵ *Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal, 2002. P. 23–25.*

⁴⁶ *Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 116–120. Цит. из публикации: Венюков М. И. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россиею и Индиею // Сборник государственных знаний. 1877. Т. 3. С. 61–65.*

ИНТЕРНИРОВАНИЕ, ДЕПОРТАЦИИ И ГЕНОЦИД В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война означала не только невиданный масштаб военных действий, но и слияние гражданской и военной сфер. Граница между солдатами и мирными жителями оказалась размыта. Это было очевидно в оккупационной политике — в частности, немцы использовали принудительный труд мирных жителей, — но также проявилось и в политике различных правительств по отношению к собственным мирным жителям. Многие воюющие государства создали лагеря, в которые интернировали «враждебных иностранцев» — тех людей родом из стран противоположного лагеря, что не прошли натурализацию. Некоторые страны высылали и интернировали даже собственных подданных — Австро-Венгрия, Россия и Османская империя. Впрочем, последняя дошла даже до геноцида своих армянских подданных. Таким образом, Первая мировая война привела к такому масштабу и таким формам государственного насилия в отношении мирных жителей, которые ранее были характерны только для колониальной политики.

Немецкая оккупационная политика в Северной Франции и в Бельгии служит примером того, как гражданское население оказывалось во власти государственного насилия. Немецкие военачальники в Северной Франции, не имевшие никаких планов, руководств и идеологических схем, тем не менее полностью инструментализировали местное население. В поисках ресурсов для войны они выдали каждому человеку удостоверение личности, а начиная с осени 1914 года ввели принудительный труд. По мере продолжения войны они создали сеть трудовых лагерей. В 1916 году, когда в Германии остро ощущалась нехватка рабочей силы, немецкое правительство начало высылку бельгийских рабочих: около 60 тысяч были направлены на принудительные работы в Германию. В ходе подготовки к наступлению 1918 года германская армия депортировала гражданское население Северной Франции. Ни одна из этих мер не была запланирована до войны, ни одна не имела целью этническую чистку. Использование государственного насилия против мирных жителей было результатом решений немецких военачальников, исходивших из военно-оперативных потребностей⁴⁷.

⁴⁷ Hull I. *Absolute Destruction*. P. 234–240, 248–257.

Таким же образом германская армия задействовала и гражданское население на Восточном фронте. Она выдала удостоверения личности всем, кто был старше десяти лет, и переписала все материальные ресурсы — заводы, дома, строения и скот. С 1915 года германские власти ввели принудительный труд, а в ноябре 1916-го приказали всем мужчинам от семнадцати до шестидесяти лет явиться в трудовые лагеря. Большинство принудительных работников оставались в зоне оккупации, но не менее 34 тысяч были насильственно перевезены на работы в Германию⁴⁸. Стремясь гарантировать здоровье и полезность людских ресурсов на оккупированной территории, германские чиновники обязали местное население мыться и проходить дезинфекцию в специальных пунктах. Объективация людей — превращение их в инструменты, подлежащие документированию, очистке и использованию для работы, — являлась частью того, что один историк назвал той «сеткой с мелкой ячейкой для контроля над территорией и ее коренным населением, которая руководила всей деятельностью в этой области и направляла ее на нужды милитаристского государства»⁴⁹.

Существенно изменилась и политика разных государств в отношении населения на их собственной территории. Вскоре после начала Первой мировой войны английское правительство создало лагеря, в которые интернировало всех находившихся на территории Великобритании германских резервистов. В мае 1915 года вышел приказ об интернировании всех взрослых мужчин-немцев, пребывающих в Великобритании и не являющихся британскими гражданами⁵⁰. Германия, Франция, Канада и Австралия тоже создали лагеря для интернированных, куда было заключено соответственно 110 тысяч, 60 тысяч, 8 тысяч и 4,5 тысячи «враждебных иностранцев»⁵¹. В момент своего вступления в войну правительство

⁴⁸ Ibid. P. 244–247.

⁴⁹ Liulevicius V. G. *War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. New York, 2000. P. 8, 106.

⁵⁰ PRO. HO 45/10729/255193, 45/10946/266047. См. также: Panayi P. *The Enemy in Our Midst: Germans in Britain during World War One*. New York, 1991.

⁵¹ Lohr E. *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I*. Cambridge (Mass.), 2003. P. 178 (см. рус. пер.: Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное

США задержало 6,3 тысячи граждан враждебных стран, поместив их в четыре крупных лагеря для интернированных лиц и отдав эти лагеря под управление Военного министерства⁵². В России царское правительство интернировало примерно половину из 600 тысяч «враждебных иностранцев», находившихся на территории страны в 1914 году, — подданных Германии, Австро-Венгрии и Османской империи⁵³. Опасаясь шпионажа и саботажа, правительства решали проблему «враждебных иностранцев», удаляя их из общества и заключая в концлагеря.

Руководители многонациональных империй использовали аналогичные методы против собственных подданных, относившихся к национальным меньшинствам, которым эти руководители не доверяли. С 1912 года австро-венгерская полиция вела секретный список потенциальных врагов государства — прежде всего сербов, хорватов и румын, живших вблизи границы. Начав в июле 1914 года мобилизацию, полицейские подразделения осуществили и массовые аресты. Правительство Австро-Венгрии создало концлагеря для подозрительных национальных меньшинств, заключив туда значительное число русинов, а также, после вступления Италии в войну, не менее 75 тысяч этнических итальянцев⁵⁴.

Российское правительство провело массовую депортацию собственных граждан из западного пограничья и с Кавказа. Эти депортации напрямую отражали образ мыслей, продвигаемый царскими специалистами по военной статистике: некоторые группы населения, поддающиеся идентификации и классификации по этническому принципу, являются политически неблагонадежными и представляют угрозу в военное время. В декабре 1914 года русские военачальники приказали выслать из польских провинций Российской империи всех взрослых мужчин — этнических немцев. Начальник Генерального штаба Николай Янушкевич утверждал, что немцы шпионят в пользу германской армии, и велел подталкивать

обозрение, 2012). См. также: *Farcy J.-C. Les camps de concentration français de la première guerre mondiale. Paris, 1995.*

⁵² *Nagler J. Victims of the Home Front: Enemy Aliens in the United States during the First World War. P. 211.*

⁵³ *Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 122–127.*

⁵⁴ *Herwig H. H. The First World War. P. 127, 160; Cornwall M. Morale and Patriotism in the Austro-Hungarian Army. P. 175–176.*

к переселению целые семьи. Другие русские военачальники призывали полностью вычистить «вредные элементы» из района ведения военных действий⁵⁵.

В январе 1915 года Янушкевич приказал выселить из района военных действий «всех евреев и подозрительных лиц», вновь исходя из убеждения, что евреи политически неблагонадежны и шпионят в пользу Германии и Австро-Венгрии. Весной того же года русская армия начала массовую депортацию евреев, решив очистить от них не только прифронтовую область, но и целые губернии. В результате сотни тысяч евреев были высланы на поездах к востоку от Волги, а некоторые группы евреев — даже на запад, через пограничную полосу, на территории, находившиеся под контролем Германии и Австро-Венгрии⁵⁶. В том же январе 1915 года российский наместник Кавказа приказал выслать российских подданных — мусульман, обвинив их в шпионаже и помощи турецким войскам. В общей сложности было выслано более 10 тысяч мусульман: 5 тысяч — в лагерь для интернированных лиц, устроенный на необитаемом острове в Каспийском море, а остальные — во внутренние российские губернии⁵⁷.

Масштабные депортации, проводимые царским правительством в годы Первой мировой войны, снизили порог чувствительности к дальнейшему использованию этого вида отсекающего насилия. Подобные действия не только получили оправдание в качестве мер безопасности, но и стали частью опыта как жертв, так и организаторов депортаций. Тот факт, что высылка и интернирование были признаны в качестве метода государственной политики и средства социальной профилактики, имел серьезные последствия. Отныне военные и политические деятели могли спокойно прибегать к таким методам во имя охраны национальной безопасности или ввиду определенной идеологической повестки дня. Кроме того, высылка

⁵⁵ Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 130–131. Лор отмечает, что русские военачальники считали этнических немцев неассимилировавшимися чужаками, и цитирует письмо, в котором Янушкевич заявляет: «немецкие колонисты», принявшие российское подданство, тем не менее питают преступную привязанность к своей германской родине (Ibid. P. 133).

⁵⁶ Sanborn J. Drafting the Russian Nation. P. 119–121; Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 137–139.

⁵⁷ Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 151–152.

этнических меньшинств укрепила (хотя и безосновательно) представление военных статистиков о том, что население можно классифицировать по этническому признаку, чтобы определить степень его политической лояльности и общественной ценности. Некоторые российские деятели беспокоились о том, какое воздействие перемещенные лица окажут на внутренние провинции, куда они были высланы. В 1915 году начальник штаба Северо-Западного фронта М. Д. Бонч-Бруевич, впоследствии один из руководителей Красной армии, предупредил, что враждебные элементы разлагают чисто русские губернии, и предлагал регистрировать депортированных лиц, чтобы к концу войны полностью избавиться от всех враждебных элементов⁵⁸.

До своей крайности отсекающее насилие Первой мировой войны дошло в Османской империи. Накануне войны османское правительство в целях обеспечения безопасности выслало из прибрежных районов 200 тысяч своих подданных — греков. Затем, весной 1915 года, оно начало депортацию турецкоподданных армян из Восточной Анатолии, ставшую первым этапом армянского геноцида⁵⁹. Еще до войны комитет «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки»), взявший под контроль османское правительство, поднял вопрос о депортациях по этническому признаку. С 1909 года радикальное крыло этой политической организации обсуждало «окончательное решение армянского вопроса», подразумевавшее депортацию армян и достижение этнической однородности. В феврале 1914 года комитет провел секретные встречи, на которых была спланирована ликвидация «центров нетурецкого населения». В мае 1915 года, после того как русские отбили турецкое наступление первых месяцев войны, османское правительство издало временный закон, предоставлявший военачальникам право «в случае военной необходимости или подозрений в шпионаже или измене удалять жителей в индивидуальном либо массовом порядке из деревень и городов, с последующим поселением их в других областях». Опираясь на этот закон, турецкие офицеры начали высылку армян в концентрационные лагеря, учрежденные в сирийской пустыне.

⁵⁸ Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 155.

⁵⁹ Naimark N. M. Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. Cambridge (Mass.), 2001. P. 27.

По дороге армян истребляли как армейские подразделения, так и курдские банды, а из тех, кто все же прибыл к месту назначения, значительная доля умерла в концлагерях⁶⁰.

Сами по себе депортации не были для Османской империи чем-то новым. Она практиковала их с XVI века. Но все предыдущие депортации имели целью более эффективное порабощение какой-то группы населения, а не ее уничтожение. Депортация армян в годы Первой мировой войны была масштабной военно-бюрократической операцией, задуманной как часть стратегии тотальной войны. Турецкие руководители опирались на этику полного истребления, которую почерпнули из прусской военной доктрины, и считали депортацию средством более эффективного истребления армян⁶¹.

Принято полагать, что геноцид и насилие в целях массового уничтожения являются производными от идеологии, в особенности от таких утопических идеологий, как нацизм или советский коммунизм, претендующих на то, чтобы делать историю. Но, как указывает Изабель Халл, целые народы были уничтожены без каких-либо великих идеологических планов. Геноцид может быть «побочным продуктом обычных методов и организационной динамики военного времени, генерирующих „окончательные решения“ всех предполагаемых проблем». Исследовательница делает вывод, что «цели, „окончательные решения“, в реальности были обусловлены ожиданиями и привычками, проистекавшими от самих средств — от насилия — и от мер, принятых для осуществления насилия или контроля над насилием»⁶². Как я покажу ниже, использованию методов государственного насилия, конечно, могут придаваться идеологические цели. Однако не следует считать, что государственное насилие обусловлено идеологией. Гораздо вернее будет заключить, что методы государственного

⁶⁰ Hull I. *Absolute Destruction*. P. 263, 271–277.

⁶¹ Reid J. J. *Total War, the Annihilation Ethic, and the Armenian Genocide, 1870–1918* // *The Armenian Genocide: History, Politics, Ethics* / Ed. R. G. Hovannisian. New York, 1992. P. 41–44.

⁶² Hull I. *Absolute Destruction*. P. 2. Исследование Халл посвящено не только армянскому геноциду, но и оккупационной политике Германии в Первую мировую войну, а также германскому подавлению восстания гереро в Юго-Западной Африке в 1904 году.

насилия сформировались до Первой мировой войны и в ходе ее, а затем были идеологизированы и приспособлены к целям преобразования общества.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ И 1920-Е ГОДЫ

Если в годы Первой мировой войны граница между солдатами и мирным населением оказалась размыта, то Гражданская война привела к окончательному слиянию военного и штатского. Во многих случаях разница между комбатантами и штатскими исчезла полностью, поскольку и красные, и белые военачальники применяли насилие против всех, кого они считали врагами. Действительно, даже линии фронта часто оставались нечеткими. На долю большевиков выпала не только вооруженная борьба с белыми, но и огромная задача — подавить крестьянские восстания и мятежи анархистов по всей стране. В этом контексте политические и военные деятели прибегли к социальной классификации и технологиям отсекающего насилия, используя их с большей интенсивностью, чем когда-либо.

Государственное насилие в годы Гражданской войны было выстроено по шаблону политики, применявшейся к населению в Первую мировую, — с ее использованием социологической статистики, этнической классификации, депортаций, интернирования в лагерь. Хронологически одна война перетекла в другую: с 1914 по 1921 год российское общество непрерывно воевало. Поэтому опыт Первой мировой и методы, применявшиеся в ней, влияли на действия обеих сторон Гражданской войны. В частности, из царского офицерского корпуса происходило большинство как красных, так и белых военачальников. Тухачевский — лишь наиболее яркий пример красноармейского командира, прошедшего обучение в Академии Генштаба и служившего в Русской императорской армии. Из царских офицеров, сражавшихся в Первой мировой войне, 70% участвовали и в Гражданской: 40% — на стороне белых и 30% — на стороне красных⁶³.

Свирепость Гражданской войны и ощущение битвы не на жизнь, а на смерть, свойственное руководителям и той и другой сторон, тоже

⁶³ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М., 1988. С. 176–177.

способствовали продолжению и интенсификации государственного насилия. В первые месяцы после Октябрьской революции большевики вели отчаянную борьбу за удержание власти и, как было указано в предыдущей главе, в момент кризиса в декабре 1917 года сформировали тайную полицию (ВЧК). Первоначально созданная лишь с целью расследований, ВЧК в скором времени начала проводить аресты и внесудебные казни⁶⁴. В то время как умеренные большевики возражали против наращивания полицейской власти, Ленин выступал за расширение государственного насилия. 9 августа 1918 года он предупредил нижегородское руководство, что «в Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание», и приказал казнить всех, у кого найдется оружие, а также провести «массовый вывоз меньшевиков и ненадежных». В тот же день он телеграфировал пензенскому губисполкому, потребовав «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев» и приказав «сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»⁶⁵.

М. С. Урицкий, председатель Петроградской ЧК, выступал против призывов к государственному террору, но 30 августа 1918 года он был убит⁶⁶. В один день с его убийством произошло покушение на Ленина, и большевистские деятели решили, что их жизни угрожает контрреволюционный заговор. Советское руководство немедленно создало специальные трибуналы тайной полиции («тройки») для разбирательства с «контрреволюционными элементами». Наркомат юстиции протестовал против внесудебных приговоров, но мнение Ленина и других ведущих большевиков перевесило⁶⁷. Дзержинский, глава ВЧК, составил обращение к рабочему классу, призывав к «массовому террору» против контрреволюционеров. 5 сентября советское правительство издало постановление, гласившее, что «необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»⁶⁸. Чекисты

⁶⁴ Leggett G. The Cheka. P. 18, 32.

⁶⁵ Ibid. P. 103.

⁶⁶ Rabinowitch A. The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd. Bloomington, 2007. P. 317 (см. рус. пер.: Рабинович А. Е. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: АИРО-XXI, Новый хронограф, 2008).

⁶⁷ Ibid. P. 331–332; Leggett G. The Cheka. P. 47, 59.

⁶⁸ Leggett G. The Cheka. P. 109–110.

создали сеть концлагерей, в которых к маю 1919 года находилось 16 тысяч человек, а к сентябрю 1921 года — более 70 тысяч⁶⁹. Некоторые из этих концлагерей располагались на месте бывших лагерей военнопленных Первой мировой войны⁷⁰.

Концлагеря были одной из форм отсекающего насилия, удалявшей тех, в ком подозревали врага, из общества и имевшей целью нейтрализовать таким способом оппозицию. Но советская власть не пренебрегала и показательным насилием — сжигала деревни, брала заложников и устраивала публичные казни. С точки зрения большевистских лидеров, эти формы показательного насилия представляли собой «красный террор», задачей которого было напугать оппозицию и заставить ее подчиниться. Так, М. Я. Лацис, один из руководителей ВЧК, оправдывал террор следующим способом: «Необходимо не только уничтожить живую силу противника, нужно показать, что каждый, поднявший меч против существующего строя, от меча и погибает. В этом — смысл гражданской войны, который хорошо учтен буржуазией, но нами очень туго или совсем не усваивается»⁷¹.

Чтобы эти моменты государственного насилия не показались проявлением большевистской идеологии или фанатизма, отметим, что белогвардейцы в ходе Гражданской войны использовали весьма сходные методы. Они тоже проводили бессудные расправы, заключали под стражу тех, кого подозревали во враждебности, и сжигали деревни. Даже зеленые — восставшие крестьяне, отвергавшие как власть красных, так и власть белых, — создавали трибуналы («народные суды»), карательные подразделения и мобилизовывали людей на принудительный труд⁷². Таким образом, Гражданская война в России привела к интенсификации государственной практики отсекающего и показательного насилия, а также социальной и этнической классификации, позволявшей определить мишени этого насилия.

⁶⁹ Верт Н. Государство против своего народа // Черная книга коммунизма. М., 1999. С. 101. Второе число не учитывает 50 тысяч заключенных в концлагеря в Тамбовской губернии во время крестьянского восстания в 1921 году.

⁷⁰ Applebaum A. Gulag: A History. New York, 2003. P. xxxiii (см. рус. пер.: Эн-пльбаум Э. ГУЛАГ. М.: АСТ, 2017).

⁷¹ Цит. в: Верт Н. Государство против своего народа // Черная книга коммунизма. М., 1999. С. 96.

⁷² Holquist P. Making War. P. 204–205.

Хотя формы государственного насилия, осуществляемого всеми сторонами Гражданской войны, были исключительно сходными, мишени его различались. В ноябре 1918 года Лацис писал в «Красном терроре», официальном журнале ВЧК: «Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуев как класс»⁷³. Ленин не был согласен с этой позицией. Тоже не доверяя «буржуазным специалистам», он тем не менее стремился защитить их, считая, что их опыт необходим для построения социализма. Хотя высказывание Лациса и было, с точки зрения Ленина, слишком радикальным, оно отражало тот политико-социологический трафарет, по которому действовали большевистские деятели. В их глазах Гражданская война была войной между классами, в которой рабочие и крестьяне-бедняки сражались на их стороне, а купцы и кулаки — на стороне противника. Подобно тому как царские военные статистики делили население на этнические группы, классифицируя их по степени политической лояльности, большевики отнесли различные социальные группы к числу своих друзей или врагов.

Как большевики, так и белогвардейцы использовали и другие критерии в своей социально-политической классификации. Казаки, статус которых в царское время был привилегированным, считались в Гражданскую войну врагами большевиков и союзниками белогвардейцев. Когда весной 1919 года Красная армия пришла на Дон, советское правительство провозгласило политику «раскалывания», которая в крайних своих проявлениях включала полное искоренение казачьей элиты. Местные комиссары разделили казаков на три категории: богатые, средние и бедные, и первая из них (в некоторых регионах составлявшая более 20%) подлежала истреблению по приказам военных трибуналов. Кроме того, советское правительство спланировало программу колонизации, целью которой было разбавить казачий «элемент» «крестьянским элементом из Центральной России», чтобы укрепить большевистское влияние на Дону⁷⁴.

Спустя несколько месяцев советское правительство умерило свою политику и, вместо того чтобы преследовать казаков как класс,

⁷³ Цит. в: Leggett G. The Cheka. P. 114.

⁷⁴ Holquist P. «Conduct Merciless Mass Terror»: Decossackization on the Don, 1919 // Cahiers du monde russe. 1997. Vol. 38. P. 1–2 (January — June). P. 131–135.

распорядилось покарать лишь тех, кто сражался на стороне белых. В 1920 году оно приказало отправить всех казаков, служивших офицерами в антисоветских армиях, в концентрационные лагеря. На практике некоторые местные власти заключали под стражу всех казаков, вне зависимости от их роли в Гражданской войне, но официально советское правительство от политики расказачивания отказалось⁷⁵. Тем не менее советские деятели продолжали смотреть на казачество с подозрением, и в октябре 1920 года Политбюро велело выслать тысячи казачьих семей, проживавших на Северном Кавказе, и заселить на их место «горцев». Как отмечал Питер Холквист, советские деятели, проводившие эту политику, использовали те же категории, что и царские чиновники, но наоборот. Если царские власти выселяли местные народы, а для контроля над Кавказом создавали казачьи поселения, то большевики действовали в противоположном порядке. Таким образом, и те и другие исходили из того, что политическая лояльность могла измеряться этническими и социальными категориями⁷⁶.

На последнем этапе Гражданской войны советское правительство и Красная армия столкнулись со множеством крестьянских бунтов, в том числе с масштабным крестьянским восстанием под руководством Александра Антонова в Тамбовской губернии. На своем пике в конце 1920 года армия Антонова насчитывала более 50 тысяч бойцов и контролировала всю губернию, за вычетом нескольких городских центров. Генерал Тухачевский, которому было поручено подавить восстание, прибег к крайним мерам, включавшим, помимо прочего, использование ядовитых газов против прячущихся в лесу «бандитов», а также депортации семей и, в некоторых случаях, целых деревень, подозреваемых в поддержке повстанцев. Подавив это восстание, советское руководство казнило без суда и следствия 15 тысяч человек, а еще 100 тысяч выслало⁷⁷.

⁷⁵ *Holquist P. Making War.* P. 201.

⁷⁶ *Idem.* To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 129.

⁷⁷ *Вепм Н.* Государство против своего народа // Черная книга коммунизма. М., 1999. С. 125–131; *Holquist P.* To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 131. См. также: Антоновщина: Документы и материалы / Под ред. В. П. Данилова. Тамбов, 1994; *Landis E. C.* Bandits and Partisans: The Antonov Movement in the Russian Civil War. Pittsburgh, 2008.

Подавление Антоновского восстания и подобных ему крестьянских волнений в других регионах в 1920–1921 годах стало важным этапом в развитии советских методов государственного насилия, а также в становлении концепции врагов не как политических оппонентов, а как «бандитов». Поскольку Гражданская война была конфликтом без четко видимой линии фронта, лидеры с обеих сторон использовали насилие, чтобы обеспечить политический контроль над территорией и гражданским населением. Но до 1920 года большевики обычно называли своих противников «белогвардейцами», «классовыми врагами» или же, когда речь шла о конкурирующих с большевиками социалистических партиях, «меньшевиками», «эсерами» и т. д. Использование термина *бандиты* показывало, что отныне в глазах большевиков восставшие крестьяне были не политической оппозицией, а девиантными преступниками, незаконными и неадекватными, что, в свою очередь, оправдывало чрезвычайные меры против них.

В середине 1920-х годов Тухачевский написал серию статей, в которых свел воедино уроки, извлеченные им из подавления крестьянских восстаний. Он утверждал, что подобные операции должны быть нацелены на все население, а не на отдельных индивидов и что группы населения, которые представляются ненадежными, должны быть физически удалены из региона. Рассуждая о методах подобного удаления, он рекомендовал депортацию «бандитских семей», которые прячут кого-либо из членов семьи. Если же депортация не может быть проведена немедленно, отмечал Тухачевский, необходимо создать широкую сеть концентрационных лагерей. Подытоживая, он подчеркивал, что если «чистка населения» будет проходить параллельно с военными операциями против банд повстанцев, то последние будут либо истреблены на поле боя, либо высланы из своих регионов⁷⁸. Получается, для Тухачевского, бывшего царского офицера и военачальника Гражданской войны, ключом к установлению советской власти в том или ином регионе была «чистка населения» при помощи таких методов, как депортация и концлагеря.

⁷⁸ Тухачевский М. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. 1926. № 6. С. 11–13. Цит. в: Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 131.

Полководцы Красной армии и партийные лидеры были не единственными, чей образ мыслей и действий оказался сформирован опытом Гражданской войны. Всем партийным руководителям, красным командирам, правительственным чиновникам и агентам советской тайной полиции пришлось в этот период тотальной войны проводить бессудные казни, депортации и заключать людей в лагеря. Подобные методы продолжали влиять на их образ действий и позже: много лет спустя они по-прежнему были готовы к применению государственного насилия⁷⁹. В последующие периоды кризиса и мобилизации, особенно в годы коллективизации, партийные деятели обращались все к тем же методам, которые затем проводили в жизнь те же самые правительственные чиновники, агенты тайной полиции и ветераны Красной армии, что осуществляли государственное насилие уже в годы Гражданской войны⁸⁰.

Период нэпа часто считается временем политической умеренности и ограничения государственного насилия. Действительно, окончание продразверстки и введение элементов рыночной экономики в большой степени успокоили крестьян и разрядили напряженность. Но 1920-е годы в Советском Союзе можно считать относительно спокойными лишь в том случае, если не принимать во внимание события, происходившие на периферии страны. В 1923–1927 годах советское правительство проводило крупномасштабные военные операции на Кавказе и в Средней Азии с целью укрепить свое господство в этих регионах. Как подразделения Красной армии, так и войска советской тайной полиции осуществляли программы умиротворения, включавшие внесудебные расправы, аресты и депортации. Их действия, в сущности, повторяли кампанию Тухачевского в Тамбовской губернии на последнем этапе Гражданской войны. К примеру, в военной операции 1925 года на Северном Кавказе было задействовано более 7 тысяч солдат, которые при поддержке артиллерии и авиации подавляли волнение в Чеченской

⁷⁹ О прославлении насилия Гражданской войны и ее наследия см.: *Sanborn J. Drafting the Russian Nation*. P. 175–176.

⁸⁰ См.: *Wheatcroft S. G. Agency and Terror: Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror* // *Australian Journal of Politics and History*. 2007. Vol. 53. No. 1. P. 20–43.

автономной области. Советские войска обстреляли более ста аулов, стремясь достичь своей цели — избавиться от «бандитского элемента», — доклад властям сообщал об устранении более трехсот представителей данного «элемента»⁸¹. Другая кампания против «бандитов» и тех, кто им помогал, менее масштабная, имела место в Сибири в 1926–1927 годах — самые «неисправимые» из этих людей были арестованы и расстреляны или заключены в концлагеря⁸².

Хотя Средняя Азия была завоевана уже в 1920 году, восстания против советской власти продолжались на протяжении всего десятилетия⁸³. Михаил Фрунзе, руководивший завоеванием, изложил основы тактики, которую использовали офицеры Красной армии в борьбе с отрядами восставших («басмачей»). Стремясь к полному уничтожению басмачей, Фрунзе подчеркивал необходимость изолировать их от местного населения. Он создал «летучие колонны» кавалерии и сеть крепостей, позволявшие преследовать повстанцев и отрезать их от снабжения⁸⁴. Кроме того, Фрунзе указывал на важность политического образования, которое позволило бы добиться расположения со стороны местного населения и ослабить поддержку басмачей. Эта тактика, продолжаемая и при преемниках

⁸¹ *Holquist P.* To Count, to Extract, and to Exterminate. P. 111. О массовых депортациях, осуществленных в Азербайджане советскими властями в ситуации межэтнических конфликтов 1920-х годов, см.: *Baberowski J.* Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus. Munich, 2003. S. 15–19.

⁸² *Заковский Л. М.* ПП [Полномочное представительство] ОГПУ Сибкрая. Докладная записка тов. Сырцову и Эйхе // Hoover Archives. Shishkin Collection. Box 3.

⁸³ *Верт Н.* Государство против своего народа // Черная книга коммунизма. М., 1999. С. 149–150. Новые границы, прочерченные в Средней Азии, привели к широчайшим этническим конфликтам и выселению целых групп (см.: *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001. P. 59–74). Более того, кампания против ношения мусульманских платков вызвала в 1927 году в Узбекистане активное противостояние, на которое советское правительство ответило арестами и привлечением военных (см.: *Northrop D.* Veiled Empire. P. 139–147).

⁸⁴ *Marshall A.* Turkfront: Frunze and the Development of Soviet Counter-Insurgency in Central Asia // *Central Asia: Aspects of Transition* / Ed. T. Everett-Heath. London, 2003. P. 11. По мнению Маршалла, Фрунзе позаимствовал эти методы у британцев, изучив их тактику в Англо-бурской войне. Кроме того, ученый считает, что основы советской борьбы с повстанцами заложил именно Фрунзе, а не Тухачевский, которого в этой связи вспоминают куда чаще (см.: *Ibid.* P. 20).

Фрунзе, оказалась успешной, и к 1926 году отряды повстанцев были уничтожены или бежали в Афганистан⁸⁵.

Тот факт, что на периферии страны использование методов государственного насилия не прекращалось, означал сохранение в силе таких практик Гражданской войны, как внесудебные приговоры и казни. Отмена ВЧК в 1922 году подразумевала реорганизацию тайной полиции, главной целью которой становилось не вынесение приговора, а расследование преступления. Тем не менее в периферийных регионах, которые советские деятели считали опасными, тайная полиция по-прежнему могла вынести и привести в исполнение смертный приговор. На Северном Кавказе, к примеру, специально назначенные полномочные представители ОГПУ имели право действовать как при военном положении. Во второй половине 1920-х годов под руководством деятелей советской тайной полиции, в том числе Ефима Евдокимова и Михаила Фриновского, было проведено несколько тысяч бессудных казней северокавказских «бунтовщиков». Впоследствии Евдокимов сыграл важнейшую роль в Шахтинском процессе, в раскулачивании и массовых репрессиях 1937–1938 годов, а Фриновский в 1937 году стал заместителем Николая Ежова и руководил репрессиями⁸⁶. Таким образом, между Гражданской войной и 1930-ми годами наблюдалась заметная преемственность — как в самих репрессивных методах, так и в личном составе тайной полиции.

Кроме того, именно в 1920-е годы советское правительство превратило систему трудовых лагерей в постоянно действующий институт. Как указано выше, создание первых концлагерей датируется 1918 годом, а цель их состояла в изоляции «белогвардейцев» и других врагов. К апрелю 1919 года концлагеря приобрели новый вид и новые функции. Дело в том, что советское правительство учредило лагеря принудительного труда, находившиеся в ведении Наркомата внутренних дел. Дзержинский рекомендовал использовать трудовые лагеря, чтобы заставить заниматься общественно полезным трудом тех, кто неспособен работать без принуждения⁸⁷. На протяжении всей Гражданской войны концлагеря по-прежнему

⁸⁵ Marshall A. Turkfront. P. 11–20.

⁸⁶ Wheatcroft S. G. Agency and Terror. P. 23, 27–28, 32.

⁸⁷ Leggett G. The Cheka. P. 176–179.

предназначались в первую очередь для того, чтобы держать под замком врагов, но задействование этих людей в принудительном труде стало важным прецедентом.

Использование принудительного труда в лагерях было связано с вопросом перевоспитания. К концу Гражданской войны советские чиновники начали указывать на трудовые лагеря как на средство перевоспитания классовых врагов и людей с отклонениями от социальной нормы. Считалось, что труд преобразует человека, а стало быть, может изменить отношение «буржуев» к средствам производства и превратить их в сознательных пролетариев. Чтобы способствовать этому процессу, руководителями трудовых лагерей были созданы комнаты чтения и образовательные программы. В 1921 году глава Тамбовского лагеря заявил:

В концентрационном лагере перевоспитание идет на широкую ногу. Сами бандиты стали сознавать... что такое Советская власть и к чему она стремится. Политпросветная работа ведется. Организован кружок... В концлагере имеется больше двух тысяч заключенных. В библиотеке ежедневно бывает до ста человек читателей.

Директор лагеря признал, что некоторые «бандиты», возможно, не откликнутся на политическое просвещение и их придется казнить, но утверждал, что большинство заключенных поддаются перевоспитанию и смогут выйти на волю «сознательными» индивидами⁸⁸. В советских трудовых лагерях, создаваемых позднее, также действовали библиотеки и программы политического просвещения, которые, несмотря на хроническое недофинансирование, были нацелены на перевоспитание заключенных и их последующую реинтеграцию в общество⁸⁹. Вместе с тем данная ситуация привела к тому, что возникло напряжение — между теми, кто считал трудовые лагеря средством перевоспитания, и теми, кто был в первую очередь заинтересован в использовании труда заключенных. Уже

⁸⁸ «Сфотографированные речи»: говорят участники ликвидации антоновщины // Отечественные архивы. 1996. № 2. С. 65.

⁸⁹ См.: Barnes S. A. *Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society*. Princeton, 2011. Соловецкий лагерь располагал библиотекой, насчитывавшей 30 тысяч томов (Applebaum A. *Gulag*. P. 26). См. также: Бродский Ю. А. *Соловки. Двадцать лет Особого Назначения*. М., 2002.

в начале 1920-х годов некоторые советские руководители, в том числе Дзержинский, выступили за использование принудительного труда при осуществлении экономических проектов в дальних регионах⁹⁰.

В 1922 году советское правительство приказало тайной полиции создать обширный комплекс трудовых лагерей на Соловецких островах в Белом море, около Архангельска. Первые заключенные прибыли туда следующим летом, а к 1925 году их число выросло до 6 тысяч. Соловецкий лагерь стал прообразом огромной системы тюремных лагерей ГУЛАГ, возникшей в 1930-е годы. Заключенные были обязаны выполнять тяжелую работу, вначале считавшуюся средством перевоспитания, а с 1926 года — источником дохода для государства. В этом, 1926 году руководство лагеря заключило договоры с государственными предприятиями о лесоповале. Соловецкий лагерь расширился географически — ведь теперь его заключенные должны были вырубать леса в регионе⁹¹.

Спор о том, что является целью трудовых лагерей — перевоспитание или эксплуатация труда заключенных, не утихал ни в конце 1920-х, ни в первой половине 1930-х. Несмотря на заявления о перевоспитании классовых врагов, руководители трудовых лагерей явно стремились в первую очередь к выполнению производственного плана, вне зависимости от того, каких страданий это стоило заключенным⁹². В идеологическом же отношении советские специалисты по карательной политике смогли примирить эти две функции трудовых лагерей. В 1929 году Евсей Ширвиндт, начальник Главного управления мест заключения Наркомата внутренних дел, заявил, что участие заключенных в первой пятилетке поможет им осознать важность собственного труда для общества и тем самым развить в себе новую сознательность⁹³. Затем Ида Леонидовна Авербах углубила эти идеи в своей монографии «От преступления

⁹⁰ *Ivanova G. M. Labor Camp Socialism: The Gulag in the Soviet Totalitarian System. Armonk (N. Y.), 2000. P. 186.*

⁹¹ *Верм Н. Государство против своего народа // Черная книга коммунизма. М., 1999. С. 148–149; Applebaum A. Gulag. P. 20–22.*

⁹² *Baron N. Conflict and Complicity: The Expansion of the Karelian Gulag, 1923–1933 // Cahiers du monde russe. Vol. 42. No. 2–4. P. 639.*

⁹³ *Jakobson M. Origins of the Gulag: The Soviet Prison Camp System 1917–1934. Lexington, 1993. P. 141.*

к труду». Она рекомендовала использовать труд заключенных на важнейших социалистических стройках, таких как Беломорско-Балтийский канал, поскольку подобная работа «дает возможность каждому лагернику... наглядно ощутить величие этого целого, созданного от начала до конца при участии его личного труда»⁹⁴. По завершении строительства Беломорско-Балтийского канала около 12,5 тысячи лучших тружеников-заключенных были сочтены полностью исправившимися и освобождены, поскольку своим трудом продемонстрировали преданность социализму⁹⁵.

Как мы видим, концентрационные лагеря — форма насилия, возникшая в ходе колониальных войн и Первой мировой, — сохранили при советской власти свою форму, но получили новое значение. Советские криминологи славил преобразующее начало ручного труда и тот факт, что каждый вынужден принимать участие в строительстве социализма. Идея труда как средства к исправлению человека не была ни специфически советской, ни даже марксистской — к примеру, французские реформаторы пенитенциарной системы в XIX веке выступали за создание сельскохозяйственных тюремных колоний во внутренней Франции, которые позволили бы каторжникам вносить экономический вклад в развитие общества и вместе с тем достичь духовного исправления путем труда⁹⁶. В советском контексте принудительный труд приобрел особое значение для «паразитических классов», которые, как считалось, раньше эксплуатировали чужой труд. Это было средство преобразовать их сознание и вселить в них пролетарскую самоидентификацию, которая позволила бы им преодолеть мелкие эгоистические инстинкты и стать частью социалистического коллектива.

⁹⁴ Авербах И. Л. От преступления к труду. М., 1936. С. 24. См. также: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства, 1931–1934 гг. / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха и С. Фирина. М., 1934. Англ. пер.: *Belomor: An Account of the Construction of the New Canal Between the White Sea and the Baltic Sea* / Eds. M. Gorky, L. Averbakh and S. Firin; transl. A. Williams-Ellis. New York, 1935.

⁹⁵ Jakobson M. *Origins of the Gulag*. P. 141. О библиотеках и отделах политического просвещения в проекте Беломорско-Балтийского канала см. также: ГУЛАГ в Карелии, 1930–1941: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1992.

⁹⁶ Toth S. A. *Beyond Papillon*. P. 4–7.

Если посмотреть на вещи более широко, можно увидеть, что концлагеря при советской власти приобрели новую функцию. Прежде они применялись в ходе колониальных завоеваний и в военное время. Советская же власть, напротив, использовала их в мирное время, и не только в целях сдерживания того, что считала угрозой, но и во имя преобразования общества. Хотя сам метод изоляции групп населения при помощи концлагерей уходил корнями в колониальные войны и Первую мировую, идея использования этой технологии в целях перевоспитания целого класса общества была совершенно новой. Таким образом, советские деятели превратили практику военного времени в постоянную и применяли ее в рамках программы преобразования общества в мирный период.

Большевики, ссылавшиеся на мандат, предоставленный им революцией, были в полной мере готовы к использованию государственного насилия ради преобразования общества. Но их план социальной трансформации должен быть помещен в более широкий контекст идей общественного обновления, имевших хождение среди интеллектуалов до и после революции. Как указано выше, либеральные интеллигенты поздней Российской империи предписывали устранять из общества рецидивистов и социально девиантных людей — в целях защиты здоровья общества в целом. В 1920-е годы психологи и криминологи продолжали очерчивать категории социальных отклонений и предлагать введение программ социального отсека и принудительного исправления⁹⁷. Советские деятели считали, что классовая борьба играет важнейшую роль в победе социализма, но у них не было четкой программы того, как следует поступать с «обломками буржуазии». Дэниел Бир продемонстрировал, что именно здесь пригодились наработки криминологии и психиатрии, позволившие определить «классовых врагов» как таких людей с отклонениями, которые могут заразить новый общественный порядок, если их не устранить из общества и не изолировать. Бир считает, что соединение биомедицинских наук с советским марксизмом «позволило четко сформулировать методы отсека

⁹⁷ О происхождении советской криминологии и ее учреждениях см.: *Kowalsky S. A. Who's Responsible for Female Crime? Gender, Deviance, and the Development of Soviet Social Norms in Revolutionary Russia // Russian Review. 2003. Vol. 62. No. 3 (July). P. 370–372.*

для борьбы [с обломками старого порядка] и дало санкцию на их применение»⁹⁸.

Один из ученых, которых называет Бир, — Виктор Осипов, профессор психиатрии в Казанском университете, а впоследствии — в Военно-медицинской академии в Ленинграде. В 1920-е годы Осипов приветствовал «биосоциальную перспективу» советской юридической системы, в которой наказание строилось не на возмездии, а на «социальной защите от вредных и опасных антиобщественных элементов»⁹⁹. Криминолог Г. Н. Удальцов тоже подчеркивал «социальную опасность» и «социальную защиту», заявляя, что люди, проявляющие антиобщественные реакции и, следовательно, являющиеся врагами общества, должны быть изолированы в целях насильственного лечения или перевоспитания¹⁰⁰. Другой криминолог, Тимофей Сегалов, призывал к «профилактическим мерам» с целью защитить жизнь и труд «здоровых» людей путем изоляции «больных» — тех, кто не приспособился к определенным трудовым процессам¹⁰¹. Хотя либеральные ученые никогда не рекомендовали такие методы, как массовые депортации, именно их рассуждения об отклонениях от социальной нормы и обновлении общества легли в основу представления о том, что для очищения всего общества следует устранить отдельных индивидов. Этот образ мыслей мог привести и к более мягкой политике, поэтому не следует считать его непосредственной причиной государственных репрессий, но он внес свой вклад в интеллектуальный климат, позволивший советским лидерам применять отсекающее насилие.

К концу 1920-х годов советская власть уже неоднократно использовала эти методы, как в Гражданскую войну, так и при закреплении своей власти на Кавказе и в Средней Азии. Практика

⁹⁸ *Beer D. Renovating Russia. P. 203.*

⁹⁹ *Осипов В. К вопросу о хулиганстве // Хулиганство и преступление: Сборник статей / Под ред. Л. Г. Оршанского, А. А. Жижиленко, И. Я. Дерзибашева. М.; Л., 1927. С. 85. Цит. в: Beer D. Renovating Russia. P. 195.*

¹⁰⁰ *Удальцов Г. Н. Правонарушения в войсках с точки зрения патологической физиологии // Обзорение психиатрии, неврологии и рефлексологии. 1927. № 2. С. 132. Цит. в: Beer D. Renovating Russia. P. 195.*

¹⁰¹ *Сегалов Т. Преступное хулиганство и хулиганские преступления // Хулиганство и хулиганы: Сборник / Под ред. В. Н. Толмачева. М., 1929. С. 73–74. Цит. в: Beer D. Renovating Russia. P. 198.*

отсекающего насилия прочно укоренилась и была теоретически обоснована такими ведущими советскими военачальниками, как Тухачевский. Эта практика опиралась на обширную сеть мест заключения — систему исправительно-трудовых лагерей. Более того, издавна существовавший дискурс обновления общества и устранения лиц с девиантным поведением привел к тому, что сделался приемлем сам принцип физического устранения лиц, считавшихся опасными для общества в целом. Став частью большевистской программы преобразования общества, этот отсекающий импульс оказался направлен на тех, кто, как представлялось, не хочет или не может приспособиться к новому общественному порядку. Хотя ни один из этих факторов нельзя считать непосредственной причиной сталинского государственного насилия 1930-х годов, все они стали его необходимыми предпосылками.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И ПАСПОРТИЗАЦИЯ

Коллективизация представляла собой массовую и насильственную попытку партийного руководства преобразовать советское крестьянство путем уничтожения частного сельского хозяйства и создания государственных колхозов. Совпадение по времени с советской индустриализацией и установлением плановой экономики показывает, что коллективизация была частью масштабной попытки уничтожить капитализм и направить страну на путь социализма. Процесс коллективизации был многогранным и включал в себя не только экономические перемены, но и уничтожение сельских элит, атаку на крестьянскую религиозность и традиционную культуру, а также попытку преобразовать не только образ жизни, но и менталитет крестьянства. Я обращаю внимание в первую очередь на то, как и почему советское правительство прибегло к широко-масштабному государственному насилию при коллективизации, причем особое место отведи раскулачиванию — лишению имущества и/или депортации нескольких миллионов крестьян, отнесенных к категории кулаков.

Коллективизация отвечала как идеологическим наклонностям, так и практическим нуждам партийного руководства. Уничтожение частного сельского хозяйства положило конец капитализму

в деревне, а создание государственных колхозов дало возможность взять под контроль зерно и другие сельскохозяйственные ресурсы, что, в свою очередь, позволило оплатить индустриализацию¹⁰². Но решение партийных лидеров провести коллективизацию сельского хозяйства не объясняет, почему были выбраны именно такие способы ее проведения. Партийные чиновники могли осуществлять коллективизацию постепенно, устанавливая штрафы и используя материальные стимулы, которые подтолкнули бы крестьян к вступлению в колхозы. Вместо этого коллективизацию провели стремительно — как военную кампанию, с массовым принуждением. Еще большее впечатление производят те методы принуждения, к которым прибегали. Коммунисты не ограничились тем, что заставили крестьян вступить в колхозы. Они использовали такие методы насилия, как конфискации имущества, депортации и даже казни, чтобы физически устранить «кулаков» из деревни. Таким образом, коллективизация проводилась при помощи отсекаания — насильственного устранения целой социальной группы.

В речи, произнесенной в декабре 1929 года Сталин провозгласил политику «ликвидации кулачества как класса». Он заявил: «...раскулачивание представляет... составную часть образования и развития колхозов. Поэтому смешно и несерьезно распространяться теперь о раскулачивании. Снявши голову, по волосам не плачут»¹⁰³. Уже летом — осенью 1929 года, в рамках своих действий по коллективизации сельского хозяйства несколько региональных партийных комитетов принялись за конфискацию имущества кулаков и высылку их самих¹⁰⁴. После речи Сталина эта политика стала играть ведущую роль в коллективизации. В начале 1930 года, 11 января, Генрих Ягода, фактический глава советской тайной полиции, разослал своим подчиненным служебную записку, в которой приказал провести «сплошную очистку деревни от кулацкого элемента» и предупредил, что если не разобраться с кулаками самым решительным образом, они организуют ряд восстаний против

¹⁰² О решении провести всеобщую коллективизацию см.: *Davies R. W. The Socialist Offensive: The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930. Cambridge (Mass.), 1980. P. 399–408.*

¹⁰³ *Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. С. 170.*

¹⁰⁴ *Viola L. The Unknown Gulag. P. 19.*

коллективизации¹⁰⁵. Вслед за этим Ягода направил директиву всем областным руководителям ОГПУ, проинструктировав их сообщить ему, каково на вверенных им территориях приблизительное число кулаков, которых следует раскулачить. Две недели спустя, основываясь на полученных цифрах, Ягода установил квоты на раскулачивание для каждого региона¹⁰⁶. Кроме того, он создал при помощи Евдокимова сеть внесудебных органов (уже упомянутых троек), которым было поручено выносить приговор кулакам, ссылать их или казнить¹⁰⁷.

30 января 1930 года Политбюро издало постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Кулаки были разделены на три категории: 1) «контрреволюционный кулацкий актив», который подлежал полной конфискации имущества и заключению под стражу; 2) «остальные элементы кулацкого актива», которых следовало выслать, оставив им только личные вещи; 3) все остальные кулаки — их лишали только средств производства и переселяли на новые земли, за пределами колхозного хозяйства. К первой категории предполагалось отнести 60 тысяч человек, которые должны были подвергнуться заключению в концлагеря или, если речь шла об особо опасных индивидах, — казни. Во вторую категорию должны были попасть 150 тысяч семей, предназначенных к депортации в Северный край, Сибирь, Казахстан и на Урал¹⁰⁸.

На деле процесс коллективизации и раскулачивания оказался жестоким и хаотичным. В то время как тайная полиция ведала заключением в лагеря кулаков первой категории и депортацией кулаков второй категории, самые разные фигуры — местные активисты, комитеты крестьянской бедноты, бригады городских

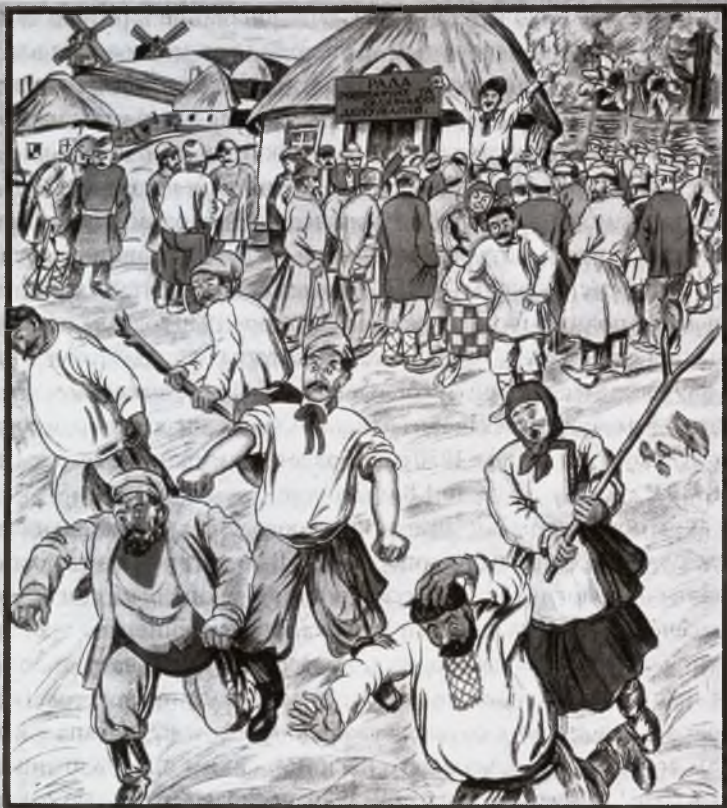
¹⁰⁵ Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы, 1929–1939: В 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Т. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000. Т. 2. С. 103–104.

¹⁰⁶ *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание. М., 1994. С. 102–110; *Werth N.* The Mechanism of a Mass Crime: The Great Terror in the Soviet Union 1937–1938 // *The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective* / Eds. R. Gellately and B. Kiernan. New York, 2003. P. 225–226.

¹⁰⁷ *Wheatcroft S. G.* Agency and Terror. P. 32.

¹⁰⁸ *Davies R. W.* The Socialist Offensive. P. 203–204; *Viola L.* The Unknown Gulag. P. 22–23.

**ВЫБИРАЙТЕ В СОВЕТЫ
БЕДНОТУ И СРЕДНЯКОВ**

**ГОНИТЕ В ШЕЮ
КУЛАКОВ!**

Ил. 14. Советский предвыборный плакат, 1920-е. «Выбирайте в Советы бедноту и середняков. Гоните в шею кулаков!» (Плакат RU/SU 1137. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

рабочих — играли решающую роль в отнесении кулаков к той или иной категории и в конфискации их имущества. Во многих случаях экспроприации проходили в виде пьяного грабежа: коллективизаторы выпивали спиртное, найденное в кулацких домах, и снимали с хозяев последнюю рубашку¹⁰⁹. Само попадание в разряд «кулаки» часто было произвольным. В то время как московские власти стремились определить кулаков, разделить их на категории и перечислить с максимальной точностью, местные активисты часто не имели четкого представления о том, какие именно крестьяне являются кулаками. Нередко к кулакам относили всех крестьян, сопротивлявшихся коллективизации, и даже в партийных рапортах отмечалось, что некоторые середняки были ошибочно признаны кулаками и раскулачены¹¹⁰. ОГПУ тоже далеко вышло за квоты, назначенные политбюро. С января по сентябрь 1930 года были заключены под стражу 283 717 человек, из которых кулаками являлись 124 889 (остальные были духовные лица, бывшие помещики и т. д.). Около 30 тысяч человек были казнены. Общее число депортированных кулаков составило в 1930 году более полумиллиона человек, а за 1930–1931 годы — от 1,6 до 1,8 миллиона¹¹¹.

Таким образом, раскулачивание отнюдь не стало тщательно контролируемой полицейской операцией. В то же время в его основе лежали социологическая классификация и технологии социального отсека. Раскулачивание отражало убеждение, что крестьян можно разделить на категории по классовому признаку, и опиралось на предшествовавшие практики депортации и арестов. Более того, раскулачивание соответствовало многим принципам и методам советского отсекающего насилия, каким оно сформировалось в ходе Гражданской войны и 1920-х годов. Партийные лидеры, и в первую очередь Ягода, исходили из того, что кулаки, если их оставить в деревнях, займутся саботажем колхозов и организуют восстания. Местное партийное руководство разделяло этот взгляд:

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 5475. Оп. 13. Д. 426. Л. 12–14; Объединенная IV Московская областная и III городская конференция ВКП(б). М., 1934. С. 51; Коллективизация: истоки, сущность, последствия: Беседа за круглым столом // История СССР. 1989. № 3. С. 43.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 314. Л. 50.

¹¹¹ Davies R. W., Wheatcroft S. G. *The Years of Hunger*. New York, 2004. P. 492; Viola L. *The Unknown Gulag*. P. 30–32.

оно начало лишать кулаков имущества и ссылать их еще до призыва Сталина покончить с кулаками как с классом. И лидеры коммунистов, и партийные чиновники считали, что задача установления нового порядка в сельской местности неразрывно связана с устранением «социально чуждых элементов». Как сообщала служебная записка советской тайной полиции, составленная в 1932 году, целью депортаций было «полностью очистить [регион] от кулаков»¹¹².

Коллективизация совпала с реорганизацией советской системы тюремного заключения. В июне 1929 года Политбюро приняло решение создать сеть самостоятельных тюремных лагерей, переименованных в исправительно-трудовые лагеря. Они находились в ведении Главного управления исправительно-трудовых лагерей (или ГУЛАГа) в составе тайной полиции. Подобно созданному ранее Соловецкому лагерю особого назначения, тоже перешедшему под руководство ГУЛАГа, новые трудовые лагеря предназначались для содержания 50 тысяч заключенных и должны были находиться в отдаленных регионах — для разработки залежей полезных ископаемых при помощи труда заключенных. Если бы не коллективизация, создание сети трудовых лагерей могло стать лишь еще одной попыткой по реорганизации пенитенциарной системы, но тысячи арестов в ходе раскулачивания привели к тому, что ГУЛАГ стремительно вырос, превратившись в огромный комплекс трудовых лагерей¹¹³.

Кроме нескольких тысяч кулаков первой категории, арестованных и отправленных в трудовые лагеря, более полутора миллионов кулаков второй категории были депортированы из своих родных земель. Столь масштабная депортация поставила вопрос, куда переместить этих людей. Лишь в январе 1930 года, когда коллективизация уже шла полным ходом, советские лидеры всерьез занялись этим вопросом. Ягода предложил идею спецпоселений, состоявших из двухсот-трехсот домохозяйств и расположенных в отдаленных регионах. По его словам, кулаки, депортированные в эти поселения, могли бы содержать себя, занимаясь сельским хозяйством,

¹¹² Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934). Новосибирск, 1996. С. 111–112.

¹¹³ Khlevniuk O. The History of the Gulag: From Collectivization to the Great Terror. New Haven, 2004. P. 9.

и в то же время стали бы постоянной рабочей силой для лесной, горнорудной и прочей промышленности¹¹⁴. Таким образом, процесс физического устранения кулаков из деревни оказался увязан с обеспечением (принудительной) рабочей силы для добычи ресурсов в отдаленных регионах.

В конце января советское правительство создало комиссии, которым предстояло определить точное местоположение тех районов Крайнего Севера, Урала, Сибири и Казахстана, куда предполагалось отправлять ссыльных кулаков. Последующие государственные комитеты составили огромное число планов, статистических докладов, графиков и бюджетов спецпоселений. Некоторые даже разработали детальные проекты, с планировкой поселений и отдельных жилищ, целью которых было насаждение коллективной сознательности. С точки зрения московских бюрократов, спецпоселения, казалось, предоставляли шанс создать новую среду, позволяющую перековать представителей мелкобуржуазных слоев в образцовых пролетариев. Но, как пишет Линн Виола, это было «планирование, привитое к хаосу, проекция коммунистических мечтаний о порядке на беспорядочную реальность, созданную самим режимом». Недостаток подготовки в сочетании с огромным масштабом депортаций привел к тому, что сотни тысяч кулаков были отправлены в места, где было недостаточно пищи и жилья. Отдаленность подобных поселений сделала этот дефицит еще более суровым. Ссыльные страдали от холода, голода, эпидемий инфекционных заболеваний и чрезвычайно высокой смертности. Виола заключает, что плохое управление в сочетании с недостаточной координацией привели к таким действиям, которые «по самой своей природе влекли катастрофу»¹¹⁵.

Как и в случае с трудовыми лагерями, предназначение спецпоселений вызывало среди коммунистов споры. Являлись ли эти поселения прежде всего средством перевоспитания кулаков или механизм поставки рабочей силы для экономического развития отдаленных частей страны? Хотя большинство советских чиновников, казалось, видели в спецпоселениях в первую очередь источник рабочей силы, некоторые из них считали более важным

¹¹⁴ Viola L. *The Unknown Gulag*. P. 4.

¹¹⁵ *Ibid.* P. 57–61, 75–92 (цитаты: P. 57, 92).

удалить из общества «мелкобуржуазные элементы» и при помощи такой меры, как тяжелый труд, перевоспитать их. К примеру, нарком внутренних дел Владимир Николаевич Толмачев заявлял, что использование труда спецпоселенцев менее важно, чем изоляция их от общества и перевоспитание¹¹⁶. Советское правительство приказало строить в спецпоселениях школы, рассчитывая, что кулацкую молодежь можно научить ценностям социализма и воссоединить с обществом. На деле же у властей в очередной раз оказалось недостаточно как учителей, так и денег для осуществления задуманного. Нехватка учителей была столь сурова, что пришлось нанимать самих ссыльных для перевоспитания их собственных детей. Тем не менее в теории советское правительство стремилось к перевоспитанию бывших кулаков и воссоединению их с обществом. В 1938 году было принято постановление, позволившее детям спецпоселенцев по достижении шестнадцатилетнего возраста покидать спецпоселения для учебы или работы¹¹⁷.

Коллективизация и быстрая индустриализация привели в начале 1930-х годов к огромным социальным потрясениям в Советском Союзе. Положение еще больше обострилось из-за жестокого голода 1932–1933 годов, в свою очередь вызванного коллективизацией и реквизициями зерна. В деревне свирепствовал голод, поставки продовольствия в города оказались под угрозой, а промышленные проекты отставали от графика. Перед лицом этой ситуации партийные деятели приняли в конце 1932 года ряд мер, направленных на борьбу с экономическим кризисом. В числе прочего они создали систему внутренних паспортов, которая стала средством выявления и устранения «социально чуждых элементов» и, таким образом, заняла главное место в советской практике насилия, направленного против отдельных групп. Политбюро сформулировало постановление 15 ноября и опубликовало его 27 декабря 1932 года¹¹⁸.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43а. Д. 1797. Л. 120–121 об.

¹¹⁷ Viola L. The Unknown Gulag. P. 102–103, 169. Уже в 1930 году Толмачев доказывал, что молодежь лучше отпустить из спецпоселений — чтобы избежать ее от влияния кулацких родителей (см.: ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43а. Д. 1797. Л. 120 об.).

¹¹⁸ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. М., 1932. Отд. 1. № 84. Статья 516.

Вопреки общепринятой точке зрения, главной целью введения паспортной системы было не стремление помешать умирающим от голода крестьянам переселиться в город. Партийные деятели создали паспортную систему в момент, когда городам угрожала нехватка продовольствия, — создали в качестве инструмента очищения главных городских центров от непродуктивных индивидов¹¹⁹. Члены Политбюро оправдывали паспортизацию необходимостью «разгрузки» Москвы, Ленинграда и других крупных городов «от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов»¹²⁰. Согласно постановлению, все граждане старше шестнадцати лет, проживающие в этих городах, должны были получить паспорта в местном отделении милиции. Лица, «не занятые общественно полезным трудом», а также «укрывающиеся кулацкие, уголовные и иные антиобщественные элементы» не получили паспортов и были из городов высланы. С января по август 1933 года власти выслали 65 904 человека из Москвы и 79 261 — из Ленинграда¹²¹.

Раз возникнув, паспортная система стала неотъемлемой частью советской системы охраны общественного порядка и чистки населения. Местными отделениями милиции были учреждены паспортные бюро, которые совместно с областными паспортными центрами и главным управлением советской тайной полиции создали картотеки, в которых была карточка на каждого получателя паспорта, хранившая информацию о его прежнем местожительстве, судимостях и т. д. Участковые милиционеры должны были собирать дополнительные сведения (от швейцаров, продавцов в магазинах,

¹¹⁹ Hoffmann D. L. Peasant Metropolis. P. 52. См. также: Moine N. Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l'identité sociale // Cahiers du monde russe. 1997. Vol. 38. No. 4 (October — December). P. 587–600; Kessler G. The Passport System and State Control over Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Ibid. 2001. Vol. 42. No. 2–4 (April — December). P. 477–504.

¹²⁰ Цит. в: Kessler G. The Passport System and State Control. P. 482.

¹²¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. Отд. 1. № 84. Статьи 516, 517; Kessler G. The Passport System and State Control. P. 485.

официантов и других работников сферы услуг) о людях, въезжающих и выезжающих в их районы, и вносить изменения в карто-теку¹²². Кроме того, милицейские паспортные бюро должны были регистрировать лиц без паспорта — кулаков и преступников — в целях их идентификации и выселения. С января по апрель 1933 года работники милиции выдали 6,6 миллиона паспортов и отказали в выдаче паспорта 265 тысячам лиц, в том числе 67 тысячам тех, в отношении кого было установлено, что они являются бывшими кулаками¹²³. В теории паспортная система предоставила средство, позволявшее зарегистрировать всех городских жителей и выселить из городов лиц, вредных для общества.

На практике паспортный режим оказался непригоден к систематическому функционированию, поскольку участковые отделения милиции не располагали ни временем, ни ресурсами для его всестороннего поддержания. Идея Ягоды, желавшего осуществлять профилактический контроль на основе универсальной системы регистрации, не была осуществлена, несмотря на неоднократно повторявшиеся распоряжения ужесточить выдачу паспортов и временных удостоверений¹²⁴. Тем не менее паспортная система стала важнейшим компонентом массовых полицейских операций: милиция проводила облавы в жилых кварталах и арестовывала лиц без паспортов. Эти облавы часто были нацелены как на социальных изгоев, так и на классовых врагов — алкоголиков, бездомных, на мелких воришек и бывших заключенных, а также на бывших нэпманов или кулаков, бежавших из спецпоселений. Милицейские чины считали, что подобные облавы в сочетании с системой паспортов и временных удостоверений являются эффективным средством, позволяющим устранить опасные группы городского населения¹²⁵. В августе 1933 года Ягода учредил особые трибуналы

¹²² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 130. Л. 2.

¹²³ *Понов В.* Паспортная система в СССР (1932–1976) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 11–14; *Kessler G.* The Passport System and State Control. P. 490; *Shearer D. R.* Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s // *Cahiers du monde russe.* 2001. Vol. 42. No. 2–4 (April — December). P. 515; *Idem.* Elements Near and Alien. P. 845.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 150. Д. 1130. Л. 2.

¹²⁵ *Shearer D. R.* Policing Stalin's Socialism. P. 169–180; *Kessler G.* The Passport System and State Control. P. 493.

(тройки) для «внесудебной репрессии в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации населения». Ягода уточнял, что бывшие кулаки, люди, не занятые полезной работой, и бывшие заключенные должны быть сосланы или депортированы в спецпоселения, а «преступный и иной антиобщественный элемент» подлежит высылке в трудовые лагеря¹²⁶. В скором времени паспортная система стала основой поддержания порядка в городах: милиция арестовывала мелких преступников и выносила им приговор, используя паспортные трибуналы вместо обычной судебной системы. Кроме того, тайная полиция продолжала проводить регулярные облавы, арестовывая и высылая бывших кулаков из тех городов, где был паспортный режим: к середине 1930-х годов число таких городов выросло до тридцати семи¹²⁷.

Советская паспортная система имела некоторые общие черты с царской системой внутренних паспортов, на которой отчасти и основывалась. К концу XIX века системы документов, подтверждающих личность, возникли по всей Европе¹²⁸. Но внутренние паспорта имели и другие функции, кроме ведения учета населения для нужд советского правительства и определения гражданства. Как происхождение советской паспортной системы, так и ее эволюция, произошедшая в 1930-е годы, превратили эту систему в важнейший механизм чистки населения. В 1933 году Политбюро приказало тайной полиции установить порядок на московских улицах и очистить их от грязи¹²⁹. Полицейские доклады описывали маргинальные группы общества как грязь «на лице наших городов» и призывали власти превратить советские города в образцы социализма, удалив

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 150. Д. 1130. Л. 3; Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 202–204.

¹²⁷ *Hagenloh P. M.* «Chekist in Essence, Chekist in Spirit»: Regular and Political Police in the 1930s // *Cahiers du monde russe*. 2001. Vol. 42. No. 2–4 (April — December). P. 469; *Shearer D. R.* Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD. P. 521–522; *Idem.* Elements Near and Alien. P. 854.

¹²⁸ См.: *Torpey J.* *The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship, and the State*. New York, 2000. О царской России см.: *Steinwedel C.* Making Social Groups, One Person at a Time: The Identity of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia // *Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World* / Eds. J. Caplan and J. Torpey. Princeton, 2001.

¹²⁹ *Hagenloh P. M.* «Chekist in Essence, Chekist in Spirit». P. 470.

общественный мусор с улиц, а затем вычистив и мусор в прямом смысле слова. В своем докладе 1935 года о преступности Ягода подчеркнул важность паспортизации для очистки городов и превращения их в образцы социализма¹³⁰. Как заключает Дэвид Ширер, паспорта использовались для выявления и выделения групп, считавшихся чуждыми или вредными, а также для удаления их от социалистического ядра страны (от главных городов и промышленно развитых регионов). Разделение граждан на категории при помощи паспортов и создание зон паспортного режима привели к появлению «географической мозаики социалистических и несоциалистических частей страны. Чиновники могли смотреть на карту и приводить статистику (Ягода так и делал), позволявшую наглядно показать прогресс в деле строительства социализма в стране»¹³¹. Стремясь к развитию позитивных аспектов строительства социализма (индустриализация, здравоохранение, просвещение), партийные деятели, однако, все в большей степени подчеркивали, что социальное отсеечение — удаление «чуждых элементов» — является неотъемлемой частью строительства социализма.

Таким образом, отсекающее насилие играло важнейшую роль в стремлении партийных руководителей к преобразованию общественного строя. Чтобы коллективизировать сельское хозяйство, они решили «ликвидировать кулаков как класс», опираясь на прежде существовавшие практики социальной классификации и отсеечения. Этот подход к социалистическому строительству основывался в такой же степени на устранении «классовых врагов», как и на строительстве новых экономических структур. В то же время не существовало тщательно проработанного плана раскулачивания, и этот процесс в целом характеризовался произвольными конфискациями, плохо подготовленными депортациями и социальным хаосом. Более того, выделение «кулаков» и их раскулачивание создали устойчивую массу людей, выселенных из родных мест и стигматизированных. Чтобы справиться с этим кризисом, возникшим в результате их же собственных действий, партийные деятели предприняли новые усилия в сфере социальной классификации и контроля, введя систему внутренних паспортов. Наконец, они пустили

¹³⁰ Shearer D. R. Elements Near and Alien. P. 850, 855.

¹³¹ *Idem.* Policing Stalin's Socialism. P. 256.

в ход еще более смертоносную кампанию государственного насилия, известную как массовые операции.

МАССОВЫЕ ОПЕРАЦИИ

Своего апогея советское государственное насилие достигло в конце 1930-х годов. Из 4 миллионов приговоров (в том числе 800 тысяч смертных), вынесенных советскими внесудебными органами в 1921–1953 годах, 1,575 миллиона приговоров (в том числе 682 тысячи смертных) пришлось на 1937–1938 годы¹³². Число заключенных в лагерях увеличилось с 965 тысяч в январе 1935 года до 1,930 миллиона в 1941 году — за один лишь 1937 год оно выросло на 700 тысяч человек¹³³. Этот период был известен современникам как ежовщина (правление Ежова), а ученые называют его «Большой террор». Впрочем, оба названия ошибочны. Термин «ежовщина» подразумевает, что государственное насилие в этот период исходило от Николая Ежова, сменившего в 1936 году Ягоду на посту главы советской тайной полиции, в то время как на самом деле репрессии опирались на резолюции Политбюро и осуществлялись Ежовым под тщательным контролем Сталина.

«Большой террор», термин, ставший известным благодаря Роберту Конквесту, подразумевает, что аресты и казни имели целью терроризировать население¹³⁴. Эта мысль соответствует структурному объяснению государственного насилия в теории тоталитаризма — тому объяснению, согласно которому советский режим держал людей в страхе и неизвестности, осуществляя произвольный террор. Действительно, советские лидеры не стеснялись использовать методы террора: в годы Гражданской войны они сжигали деревни,

¹³² Werth N. The Mechanism of a Mass Crime. P. 217. Верт отмечает, что эти цифры не включают «неподтвержденные дополнения к казням» — не учитывают людей, умерших в ходе предварительного расследования или под пытками, — и, если учесть их, предполагаемое число казней в 1937–1938 годах вырастет до 800 тысяч. См. также: История сталинского ГУЛАГа: Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов: В 7 т. / Под ред. Н. Верта и С. В. Мироненко. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М., 2004.

¹³³ Верт Н. Государство против своего народа // Черная книга коммунизма. М., 1999. С. 216. См. также: Земсков В. Н. Заключенные в 30-е годы: Демографический аспект // Социологические исследования. 1996. № 7. С. 3.

¹³⁴ Conquest R. The Great Terror. New York, 1990.

брали заложников и устраивали публичные казни¹³⁵. Однако государственное насилие конца 1930-х годов отнюдь не было произвольным и не имело цели терроризировать население. Аресты и казни проводились тайно, и задачей их было уничтожить врагов, а не напугать народ и принудить его к покорности. Другими словами, эти действия не являлись показательным насилием, направленным на терроризирование населения. Это были акты отсекающего насилия, нацеленного на уничтожение групп населения, представлявших чуждыми или опасными¹³⁶.

То, что историки называют «Большой террор», на деле было набором связанных друг с другом, но тем не менее обособленных операций, вдохновленных Сталиным и его коллегами с целью уничтожить потенциальных политических противников и пятую колонну накануне грядущей войны¹³⁷. Чистки внутри коммунистической партии привели к многочисленным жертвам, среди которых были многие «старые большевики», активные деятели партии с дореволюционным стажем. Кроме того, тайная полиция провела чистки среди военных чинов, лидеров индустрии, особенно оборонной, и государственных чиновников¹³⁸. Но большинство жертв в этот пе-

¹³⁵ О критике Сталиным и Горьким использования слова «террор» см.: *Tolczyk D. See No Evil: Literary Cover-ups and Discoveries of the Soviet Camp Experience. New Haven, 1999.*

¹³⁶ Как пишет Дэвид Ширер, чистки были террором для тех, кто подвергся виктимизации, а настаивать на точном названии для массовых арестов и казней 1937–1938 годов не означает приуменьшать страдания жертв или умалять значение этих страданий (*Shearer D. R. Policing Stalin's Socialism. P. 286*).

¹³⁷ Шейла Фицпатрик пишет, что «события, которые мы называем Большими чистками, следует понимать не как единый феномен, а как набор связанных друг с другом, но отдельных феноменов». Никола Верт называет Большой террор не единым процессом, а скорее «схождением в одной точке нескольких репрессивных линий». См.: *Stalinism: New Directions / Ed. S. Fitzpatrick. New York, 2000. P. 258; Werth N. The Mechanism of a Mass Crime. P. 219.* См. также: *McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD, 1937–1938 // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union / Eds. B. McLoughlin and K. McDermott. New York, 2003. P. 144.*

¹³⁸ *Khlevniuk O. The History of the Gulag. P. 142–143.* В 1937 году Георгий Маленков подготовил список примерно полутора миллионов человек, исключенных из партии с начала 1920-х годов, и Сталин ссылался на этот список на Пленуме ЦК, прошедшем в феврале — марте 1937 года, предупреждая, что у врагов советского государства есть резерв. См.: *Shearer D. R. Policing Stalin's Socialism. P. 314–315.*

риод принадлежали не к элите, а к простому народу и были арестованы либо в рамках массовых операций (нацеленных на широкий круг социальных и политических изгоев), либо в рамках операций национальных (нацеленных на национальные меньшинства, подозреваемые в связях с иностранными государствами или заинтересованности в подобных связях). Я сосредоточу свое внимание на массовых и национальных операциях 1937–1938 годов. Как те, так и другие основывались на социальной классификации и опирались на ранее существовавшие технологии социального отсека.

Чтобы понять характер массовых операций, мы должны вначале рассмотреть то, как в середине 1930-х годов государственные органы получили монополию на использование насилия. В годы коллективизации местные партийные руководители, городские активисты и бедные крестьяне сыграли ведущую роль в раскулачивании, и эта децентрализация насилия произошла с санкции партийного руководства. С 1933 года вновь началась централизация насилия, и оно оказалось полностью в ведении государства¹³⁹. Отныне кампании по устранению «антисоветских элементов» проходили не как движения, стремившиеся получить народную поддержку, но как тайные полицейские операции, находящиеся под полным контролем властей. Отсекающее насилие уже не подлежало ведению военных (как в годы Гражданской войны и в 1920-е) или уполномоченных групп (как в годы коллективизации). Теперь им заведовала исключительно тайная полиция, действовавшая под руководством партии.

Сам советский полицейский аппарат за эти годы подвергся ряду преобразований. В 1930 году ОГПУ взяло под контроль милицию: речь шла о создании единой, систематически организованной полицейской силы¹⁴⁰. Эта реформа привела к трансформации как милиции, так и ОГПУ. Милиция, ранее занимавшаяся лишь поддержанием порядка и находившаяся под юрисдикцией местного руководства, под управлением аппарата ОГПУ стала общесоюзной и политизированной. В свою очередь, ОГПУ, прежде имевшее дело

¹³⁹ Shearer D. R. Policing Stalin's Socialism. P. 13.

¹⁴⁰ Hagenloh P. M. «Chekist in Essence, Chekist in Spirit». P. 448. См. также: *Idem*. Stalin's Police: Public Order and Mass Repression in the USSR, 1926–1941. Baltimore, 2009.

лишь с предполагаемыми угрозами государственной безопасности, приняло участие в борьбе с мелкой преступностью, хулиганством и проблемой беспризорных детей¹⁴¹. Это расширение сферы деятельности тайной полиции означало, что основные вопросы общественного порядка теперь находились в ее юрисдикции, и мелкая преступность все в большей степени начала восприниматься как угроза государственной безопасности.

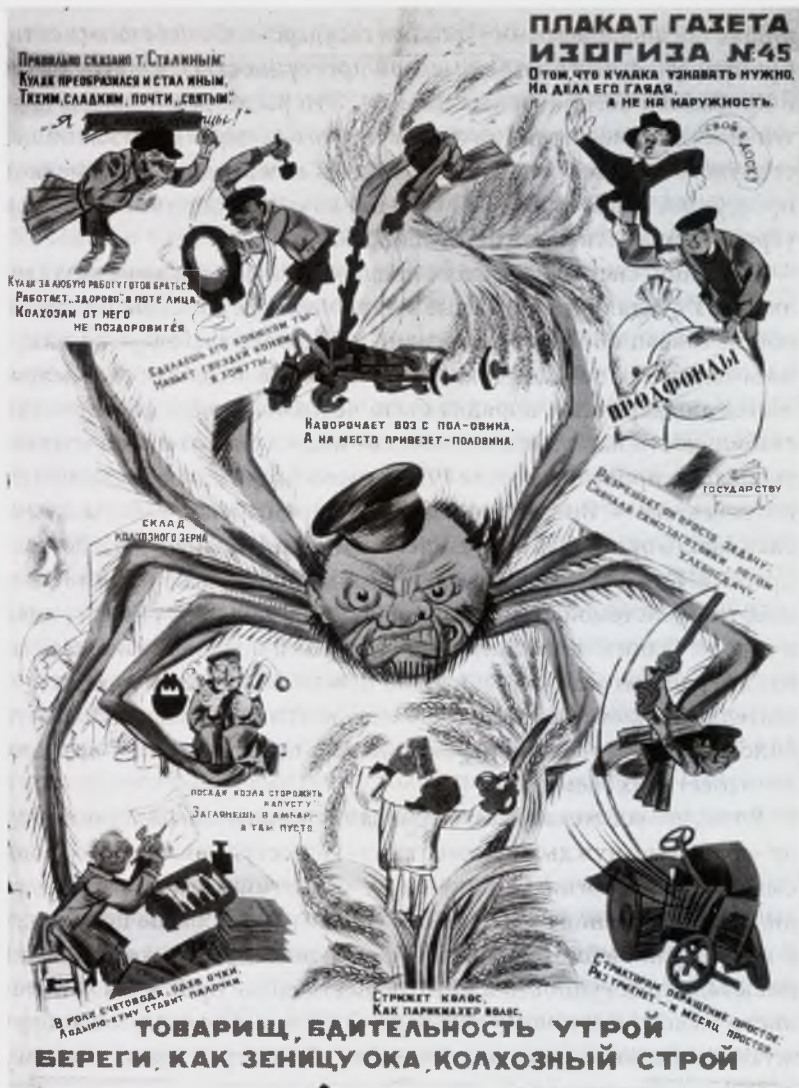
Образцом систематического поддержания порядка руководители ОГПУ считали современные им европейские полицейские силы, обеспечивавшие более эффективный контроль благодаря регулярным контактам полицейских и населения. Но подобное систематическое поддержание порядка было невозможно без обеспечения стабильности населения, а советские индустриализация и коллективизация привели в начале 1930-х годов к огромным социальным потрясениям¹⁴². Вместо методической полицейской работы советская власть прибегала к внесистемным и внесудебным методам репрессий. Как описано выше, регулярные облавы в сочетании с паспортной системой стали главной формой поддержания порядка в городе. Одним из последствий подобного подхода стало размывание границы между «социально чуждыми элементами» и нарушителями закона: офицеры госбезопасности приказали составлять списки контрреволюционеров, кулаков, преступников «и других антисоветских элементов»¹⁴³.

В том, что советская власть проводила все меньше различия между «социально чуждыми элементами» и преступниками, свою роль сыграла и идеология. Сталин и другие партийные лидеры ожидали, что достижение социализма разрешит социальные проблемы. В годы ограниченного нэповского капитализма коммунисты приписывали преступность и иные общественные проблемы капиталистическому пагубному влиянию. С их точки зрения, мелкобуржуазная среда нэпманов и кулаков способствовала криминальному

¹⁴¹ Shearer D. R. Policing Stalin's Socialism. P. 6.

¹⁴² Питер Солон описывает, как система уголовного судопроизводства вместе с такими юридическими процедурами, как расследование и суд, практически перестала функционировать в годы коллективизации. См.: Solomon P. *fr.* Soviet Criminal Justice under Stalin. P. 81–110.

¹⁴³ Hagenloh P. M. «Chekist in Essence, Chekist in Spirit». P. 467–468.

Ил. 15. Советский плакат, изображающий саботаж колхозов кулаками, 1933. «Товарищ, бдительность утрой. Береги, как зеницу ока, колхозный строй» (Плакат RU/SU 1434. Poster Collection, Hoover Institution Archives)

поведению. После отмены нэпа, после коллективизации сельского хозяйства и создания государственной экономики преступность должна была сойти на нет. Вследствие раскулачивания кулаки исчезли из деревень, многие из них оказались в трудовых лагерях и спецпоселениях, где как представлялось, могли исправиться при помощи тяжелого труда. Однако мелкое воровство и другие экономические преступления не только не исчезли в 1930-е годы, но и распространились шире (чему способствовал ужасающий дефицит, возникший в результате индустриализации). Партийные деятели считали, что существование черного рынка, спекуляции и других незаконных видов экономической деятельности означает отказ части членов общества принять социалистический строй. Другими словами, они видели в незаконной торговле и воровстве государственного имущества не только преступность, но и оппозиционный образ мыслей. На Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся в 1933 году, Сталин заявил, что воровать государственную или колхозную собственность — «значит содействовать подрыву Советского строя»¹⁴⁴.

Ягода выразил эти мысли еще яснее в речи 1935 года, заявив, что в Советском Союзе — стране, где социалистический строй одержал полную победу, где каждый гражданин имеет возможность честно жить и работать, — любое преступление по своей природе принадлежит к проявлениям классовой борьбы. Хулиганов, бандитов и грабителей он назвал «контрреволюционерами»¹⁴⁵. Наркомат юстиции стал более сурово относиться к хулиганам, примерно в 40% случаев приговаривая их к заключению. Правительственные доклады провозгласили, что в городской преступности и хулиганстве виноваты «деклассированные элементы» и люди «мелкобуржуазного происхождения»¹⁴⁶.

В этом контексте неудивительно, что советская власть стала использовать эпитеты «кулак» и «преступник» как взаимозаменяемые. По сути, она исходила из того, что большинство преступников являлись бывшими кулаками. Партийные деятели были одержимы

¹⁴⁴ Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. С. 208.

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Документ 119. Я признателен Полу Хагенло за эту цитату.

¹⁴⁶ Там же. Ф. 8131. С. ч. Оп. 37. Д. 48. Л. 185–186, 225; Там же. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 50. Л. 24; Solomon P. Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin. P. 225.

мыслью, что бывшие кулаки, скрыв свое классовое происхождение, проникают в колхозы и на промышленные предприятия, где занимаются воровством и саботажем. В 1933 году Сталин обратил внимание на этих новых — скрытых — врагов и высказал предостережение против тех бывших кулаков, которые, как он отметил, проникли на советские заводы, в советские учреждения и даже в коммунистическую партию¹⁴⁷. В следующем году Ягода предупреждал, что «основная масса» крестьян, прибывающих в город по собственной инициативе (то есть вне официального найма рабочих), происходит из чуждого класса или является криминальным элементом, и заявлял: большинство кулаков, воров и им подобных лиц уже обзавелись фальшивыми документами, позволяющими обойти паспортную систему¹⁴⁸. Заявление Ягоды наглядно показывает не только его страх перед неконтролируемым движением населения, но и смешение понятий «кулак» и «вор» в глазах партийного руководства.

Уверенность партийных лидеров в том, что раскулаченные крестьяне предаются преступной и изменнической деятельности, больше сообщает нам о взгляде этих лидеров на мир, чем о реальном поведении жертв раскулачивания. Впрочем, советские руководители не ошибались в том, что большинство тех, кого назвали кулаками, стремились скрыть свое происхождение и искали работу в городе. Уже в 1930 году многие крестьяне, боясь раскулачивания, продали свое имущество и переехали в город, что отмечалось в многочисленных партийных докладах¹⁴⁹. «Кулаки третьей категории», потерявшие свое имущество, но не высланные в ходе раскулачивания, — около 2 миллионов человек — часто не имели другого выбора, кроме как бежать в город¹⁵⁰. Помимо того, из 1,6–1,8 миллиона людей, отправленных в спецпоселения в 1930–1931 годах, сотни тысяч бежали, а остальные к середине 1930-х годов были официально реабилитированы и освобождены¹⁵¹. Как партийное руководство, так

¹⁴⁷ Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. С. 207.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1175. Л. 8–9. Цит. в: *Shearer D. R. Elements Near and Alien*. P. 863.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 314. Л. 58; ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 49. Л. 107; Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 155. Л. 207; Там же. Ф. 634. Оп. 1. Д. 207. Л. 60.

¹⁵⁰ *Hoffmann D. L. Peasant Metropolis*. P. 34–35.

¹⁵¹ *Viola L. The Unknown Gulag*. P. 161.

и местные советские чиновники испытывали недоверие к бывшим кулакам — отчасти потому, что опасались возмездия за то насилие, которое совершили против них¹⁵². Раскулачивание, вместо того чтобы покончить с социальным напряжением путем «ликвидации кулаков как класса», оставило за собой длинный шлейф недоверия и враждебности, пронизывающих все советское общество.

После «ликвидации» буржуазных классов и создания некапиталистической экономики руководство партии и тайной полиции считало, что началась новая эра и что враг тоже изменился. Хотя открытая классовая борьба прекратилась, остатки буржуазии занимались тихим саботажем советского строя, и новый тип врага требовал нового типа борьбы с ним. В 1934 году советское правительство создало Народный комиссариат внутренних дел, заменивший собой ОГПУ. В юрисдикцию нового комиссариата вошли как милиция, так и тайная полиция (последняя была теперь переименована в Главное управление государственной безопасности, но ее часто называли просто НКВД)¹⁵³. Как объясняет Дэвид Ширер, Ягода руководил преобразованием правоохранительных органов «из орудия революционной классовой войны в орган правопорядка». Их новая структура соединила госбезопасность и милицию «в новую полицейскую империю»¹⁵⁴. Поддержание порядка стало более профессиональным, а государственное насилие — более централизованным, бюрократизированным и тайным. Новая разновидность скрытого врага требовала систематических полицейских действий, и НКВД опирался на обширные картотеки, которые будут использоваться в ходе массовых операций 1937–1938 годов для идентификации и ареста «антисоветских элементов»¹⁵⁵.

В середине 1930-х годов советская власть углубила кампанию против бывших кулаков и других социальных маргиналов¹⁵⁶.

¹⁵² См., к примеру, ярые возражения местных чиновников, не желавших восстанавливать в правах бывших кулаков: ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 14. Л. 32–33, 56–58; Там же. Д. 18. Л. 155–157; Там же. Оп. 41. Д. 52. Л. 59.

¹⁵³ Дальнейшее обсуждение темы см. в работе: *Benvenuti F.* The «Reform» of the NKVD, 1934 // *Europe-Asia Studies*. 1997. Vol. 49. No. 6. P. 1037–1056.

¹⁵⁴ *Shearer D. R.* Policing Stalin's Socialism. P. 289.

¹⁵⁵ *Ibid.* P. 8–9, 13, 351. См. также: *Hoffmann D. L.* Stalinist Values. P. 182.

¹⁵⁶ О растущем количестве арестов «хулиганов» полицией госбезопасности см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 597. Л. 9–12.

В 1935 году Ягода и глава прокуратуры Андрей Вышинский направили руководителям милиции на местах приказ, расширявший размах репрессий против «социально вредных элементов», к которым относились теперь не только кулаки и преступники, но также нищие, безработные, повторные нарушители паспортного режима и малолетние преступники от двенадцати лет¹⁵⁷. Этот приказ создавал внесудебные милицейские тройки, уполномоченные выносить приговор к заключению в трудовой лагерь на срок до пяти лет. Согласно одному из докладов, такие тройки осудили примерно 120 тысяч человек в 1935 году и примерно 141 тысячу в 1936-м¹⁵⁸. Подробно рассматривая эту кампанию против «социально вредных элементов», Пол Хагенло отмечает, что «к середине 1930-х годов местные милицейские силы регулярно проводили чистки своих округов от маргиналов и преступников всех разновидностей», и заключает: «Извилистая, но вполне распознаваемая линия преемственности в правоохранительных практиках проходит от 1920-х годов, через городские чистки „вредных“ элементов в середине 1930-х — к массовым репрессиям 1937–1938 годов»¹⁵⁹.

Хотя давно существовавшие практики отсекающего насилия объясняют сами методы массовых операций, нам все же необходимо разобраться, почему все эти аресты и казни случились в 1937 году и почему этот взрыв государственного насилия парадоксальным образом совпал с шагами к демократизации. Частью внутрисоветского контекста массовых операций стали опубликование новой конституции в 1936 году и подготовка к выборам в Верховный Совет в 1937-м. В связи с заявленным достижением социализма и кардинальным изменением социально-экономической структуры государства руководство партии решило издать новую конституцию. Сталин публично заявил, что за время, прошедшее с выхода Конституции 1924 года, страна преобразилась в связи с «полной

¹⁵⁷ Shearer D. R. Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD. P. 523–524.

¹⁵⁸ Hagenloh P. M. «Socially Harmful Elements» and the Great Terror // Stalinism: New Directions. P. 292–293. См. также: Rittersporn G. T. Extrajudicial Repression and the Courts: Their Relationship in the 1930s // Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture, and the Limits of Legal Order / Ed. P. H. Solomon Jr. Armonk (N. Y.), 1997. P. 207–227.

¹⁵⁹ Hagenloh P. M. «Socially Harmful Elements» and the Great Terror. P. 287, 303.

победой социалистической системы во всех сферах экономики»¹⁶⁰. Нарком юстиции Николай Крыленко и другие советские юристы раскрыли эту тему во всех подробностях: теперь, после уничтожения эксплуататорских классов и установления социалистического строя, необходимы новые законы¹⁶¹. Партийные лидеры и в частных разговорах, и публично указывали на достижение социализма и на «новый порядок классов» как на причину для новой конституции¹⁶².

В то время как конституции 1918 и 1924 годов лишили избирательных прав «социально чуждых» лиц (бывшее дворянство, капиталистов и мелкую буржуазию), Конституция 1936 года предоставила право голоса всем¹⁶³. Стремление партийных руководителей к социальной интеграции отражало их уверенность в том, что эпоха классово́й борьбы окончилась и все члены советского общества могут внести вклад в строительство социализма. В своей речи к делегатам VIII Всесоюзного съезда Советов Молотов заявил, что чуждое социальное происхождение более не является препятствием для людей, желающих верно служить советской власти¹⁶⁴. В полном соответствии с политикой социальной интеграции партийные деятели планировали выборы в Верховный Совет, на которых сможет голосовать все взрослое население страны. На Пленуме ЦК ВКП(б), прошедшем в феврале — марте 1937 года, Андрей Жданов заявил, что новые выборы будут конкурентными, со всеобщим, равным и прямым голосованием, и добавил: кандидаты могут баллотироваться, не получив мандата партии. В июне Центральный комитет

¹⁶⁰ Правда. 1936. 26 ноября. С. 1–2. Первоначально Политбюро поручило ЦК ВКП(б) подготовить новую конституцию к январю 1935 года. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 958. Л. 38.

¹⁶¹ Крыленко Н. В. Сталинская конституция в вопросах и ответах. 2-е изд. М., 1937. С. 22; Амфитеатров Г. Проект конституции СССР и гражданский кодекс социалистического общества // Советское государство. 1936. № 4. С. 84.

¹⁶² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 22. Л. 4. Питер Соломон подчеркнул роль Конституции 1936 года в укреплении легитимности советского строя в глазах как внутренних, так и внешних наблюдателей (см.: Solomon P. Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin. P. 191–195).

¹⁶³ История Советской Конституции: Сборник документов. С. 85, 356–258; Берман Я. Сталинская конституция и избирательная система // Советское государство. 1936. № 5. С. 11; Советская юстиция. 1936. № 19. С. 6. Дальнейшее обсуждение темы см. в кн.: Alexopoulos G. Stalin's Outcasts.

¹⁶⁴ Правда. 1936. 30 ноября. С. 2.

выпустил директивы по процедурам тайного голосования на выборах с несколькими кандидатами.

Впрочем, уже в ходе обсуждения Конституции 1936 года местные партийные чиновники выразили огромное беспокойство по поводу того, что бывшие кулаки, купцы и священники получают право голоса, тогда как эти люди по-прежнему представляют угрозу советской власти¹⁶⁵. Когда подготовка к выборам началась, представители партии и НКВД на местах начали сообщать, что бывшие кулаки и священники готовятся к выборам, а широко распространенная среди крестьян враждебность к партии может привести к тому, что коммунисты выборы проиграют, уступив религиозным деятелям¹⁶⁶. В марте 1937 года один партийный руководитель заявил, что, по имеющимся сведениям, контрреволюционные церковники и сектанты весьма активно готовят своих кандидатов для голосования¹⁶⁷. 2 июля 1937 года, в тот самый день, когда «Правда» опубликовала правила грядущих конкурентных выборов в Верховный Совет, Политбюро приказало тайной полиции зарегистрировать всех бывших кулаков и преступников, чтобы иметь возможность арестовать всех лиц, враждебных советской власти¹⁶⁸. Спустя три месяца ЦК отказался от идеи конкурентных выборов, предпочтя им выборы безальтернативные — с кандидатами, подобранными партией. Тем не менее работа по очищению населения от «антисоветских элементов» продолжилась в форме массовых репрессий¹⁶⁹.

¹⁶⁵ ГАРФ, Ф. 3316. С. ч. Оп. 64. Д. 2005. Л. 5; РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 833. Л. 23.

¹⁶⁶ Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. P. 280–285; Getty J. A., Naumov O. V. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, 1999. P. 468.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2197. Л. 78. Цит. в: Getty J. A., Naumov O. V. The Road to Terror. P. 438–439.

¹⁶⁸ Getty J. A. «Excesses are not Permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // Russian Review. 2002. Vol. 61. No. 1 (January). P. 124–126. Гетти заключает, что Сталин предоставил местным партийным деятелям полномочия для уничтожения «опасных элементов» потому, что стремился обеспечить исход выборов. Пол Хагенло оспаривает мнение Гетти, указывая, что конкурентные выборы в итоге были отменены (см.: Hagenloh P. Stalin's Police. P. 285). В любом случае предупреждения членов партии касательно выборов внесли свой вклад в создание у сталинского руководства впечатления широкомасштабной внутренней оппозиции.

¹⁶⁹ Priestland D. Stalinism and the Politics of Mobilization. P. 387. Как отмечает Дэвид Ширер, под воздействием Конституции 1936 года многие бывшие

Настойчивые предупреждения от местных партийных и полицейских властей по поводу угрозы, исходящей от бывших кулаков, казалось, были подтверждением слов Сталина, сказанных им на Пленуме ЦК в 1933 году, а именно: что «бывшие люди», слишком слабые для открытой борьбы с советской властью, «расползлись и укрылись» в советском обществе и пытаются вести саботаж. Сталин тогда заключил: «Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления»¹⁷⁰. Идея того, что продвижение к социализму вызовет обострение классовой борьбы, уже давно фигурировала в высказываниях различных партийных деятелей, особенно Сталина. Эрик ван Рее прослеживает ее вплоть до текстов Георгия Плеханова, который еще до революции утверждал, что осознание капиталистами своей исторической обреченности может привести к «энергии сопротивления» — термин, которым пользовался Ленин в годы Гражданской войны, объясняя, почему после установления диктатуры пролетариата классовая борьба обострилась¹⁷¹. Сталин не раз возвращался к этой теме в своих речах. В 1928 году он заявил о «неизбежном обострении классовой борьбы», а в 1930-м охарактеризовал как интенсификацию классовой борьбы сопротивление коллективизации¹⁷².

Мышление партийных деятелей было проникнуто своего рода хилиазмом — верой в то, что они приближаются к окончательному этапу истории, на котором все члены общества будут гармонично жить при коммунизме. Но путь к коммунизму не представлялся мирным: партийные деятели ждали, что схватка будет становиться все более интенсивной и они победят, лишь полностью ликвидировав своих врагов. Коллективизация и отмена частного предпринимательства обозначили начало эры социализма, но сопротивление советским порядкам не прекратилось. В 1937 году Сталин вновь предупреждал, что успехи коммунистической партии лишь заставят обломки

кулаки осмелели и потребовали предоставить им право вернуться в родную деревню и получить назад свое имущество, что вызвало большие опасения у властей (см.: *Shearer D. R. Policing Stalin's Socialism*. P. 304–306).

¹⁷⁰ Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. С. 206, 210.

¹⁷¹ *Ree E. van. The Political Thought of Joseph Stalin*. P. 114–115.

¹⁷² *Ibid.* P. 114; *Jakobson M. Origins of the Gulag*. P. 103. Другие политические и культурные деятели этого времени озвучивали ту же самую тему. См.: *Горький М. О солитере // Наши достижения*. 1930. № 6 (июнь). С. 3.

умирающих классов драться с еще большим ожесточением. Он также напомнил про капиталистическое окружение, отметив, что Советский Союз стоит перед лицом весьма реальной угрозы извне¹⁷³.

Действительно, другим важнейшим фактором, обусловившим начало массовых операций, стала растущая внешняя угроза. В конце 1930-х опасность, исходившая от Германии и Японии, становилась для советских лидеров все более очевидной. Барри Маклафлин отмечает, что именно на 1937 год пришлось особенно злобещие события: в марте Германия внезапно прекратила переговоры с советскими дипломатами, в июле началось японское вторжение в Центральный Китай. Война на два фронта казалась реальной как никогда¹⁷⁴. Конечно, у любого правительства есть различные варианты ответа на международные угрозы, и чаще всего речь идет об укреплении обороны и заключении военных союзов¹⁷⁵. Сталин и его соратники использовали оба этих метода, но, кроме того, стремились уничтожить внутренних врагов, которые в случае войны могли бы стать пятой колонной¹⁷⁶.

По мнению Олега Хлевнюка, Сталин, оказавшись перед перспективой войны, желал избавиться от потенциальной оппозиции внутри страны, и именно этим объясняются как его чистки (в партии, армии и промышленности), так и массовые операции. В частности, Хлевнюк указывает, что в начале 1937 года Сталин знал об арьергардных восстаниях против республиканского правительства, произошедших в ходе Гражданской войны в Испании, и опасался таких же восстаний в Советском Союзе в случае, если начнется война¹⁷⁷.

¹⁷³ *Сталин И. В. Сочинения / Под ред. Р. Макнила. Стэнфорд, 1967. Т. 1 [XIV]. С. 194–195. С этой точки зрения Вторая мировая война была схваткой, которой Сталин и его соратники ждали. См.: Weiner A. Making Sense of the War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001.*

¹⁷⁴ *McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD. P. 142.*

¹⁷⁵ О разных видах военных союзов и их функциях см.: *Weitsman P. A. Dangerous Alliances: Proponents of Peace and Weapons of War. Stanford, 2004.*

¹⁷⁶ Термин «пятая колонна» возник в ходе Гражданской войны в Испании, когда силы Франко окружили Мадрид четырьмя колоннами регулярной армии, а затем положились на «пятую колонну» внутри самого города, ожидая, что она начнет мятеж и свергнет республиканское правительство. См.: *Shearer D. R. Policing Stalin's Socialism. P. 301.*

¹⁷⁷ *Khlevniuk O. The Objectives of the Great Terror; Idem. The Reasons for the «Great Terror».*

Помимо опасений Сталина по поводу повторения испанского сценария, запуск массовых операций следовал давно установившейся схеме: если повышается внешняя угроза, то для борьбы с предполагаемыми внутренними угрозами необходимо прибегать к отсекающему насилию. Эта схема была отработана в Гражданскую войну, когда иностранная интервенция и внутренняя контрреволюция, сочетаясь, поставили под вопрос само существование зарождавшегося советского государства¹⁷⁸. Руководители советской тайной полиции, проводившие массовые аресты и казни в период Гражданской войны, не отказались от таких мер и в последующие годы. Во время военной тревоги 1927 года Евдокимов предложил провести внесудебные казни предполагаемых белогвардейцев, заявив, что в случае международного конфликта они встанут на сторону врагов¹⁷⁹. Сталин дал добро на эти казни и приказал провести массовый арест белогвардейцев в ответ на военную тревогу¹⁸⁰. Евдокимов и его ближайшие соратники (упомянутый выше Фриновский, Владимир Курский, Израиль Дагин, Николай Николаев-Журинд и Александр Минаев-Цикановский) взяли под свой контроль оперативное руководство в НКВД, когда в 1936 году наркомом внутренних дел стал близкий к ним Ежов. Именно эта группа руководила как массовыми, так и национальными операциями¹⁸¹.

Непосредственный повод к массовым операциям обеспечил глава НКВД в Западной Сибири С. Н. Миронов. 17 июня 1937 года он сообщил об обширной контрреволюционной организации, состоявшей главным образом из ссыльных кулаков, которая занималась шпионажем в пользу Японии и готовилась к вооруженному

¹⁷⁸ В ходе Гражданской войны произошла не только интервенция английских, французских, американских и японских войск, но и польское вторжение 1920 года, которое позволило белой армии перегруппироваться и помешало попыткам подавить многочисленные крестьянские восстания. По мнению Стивена Уиткрофта, советское руководство на протяжении всех 1920-х и 1930-х годов было напугано призраком иностранного вторжения в сочетании с внутренним восстанием — см.: *Wheatcroft S. G. Agency and Terror*. P. 25.

¹⁷⁹ *Ibid.* P. 30.

¹⁸⁰ *Velikanova O. Popular Defeatism and the First Wave of Stalin's Terror in 1927: Paper presented at the ICCEES World Conference. Stockholm, July 2010. P. 4–5.*

¹⁸¹ *Wheatcroft S. G. Agency and Terror*. P. 39.

свержению советской власти¹⁸². Указав, что в Западной Сибири находится 208,4 тысячи ссыльных кулаков, Миронов добавил, что кроме них в этих краях живет множество бродяг, цыган, нищих, сирот и преступников и все вместе эти люди составляют пятую колонну, которая взбунтуется против советской власти во все более вероятном случае войны с Японией¹⁸³. Этот доклад связал воедино политический заговор, иностранный шпионаж и социальных маргиналов, тем самым дав необходимое оправдание массовым репрессиям.

28 июня 1937 года Политбюро приняло резолюцию о выявлении контрреволюционной повстанческой организации среди кулаков Западной Сибири: «Признать необходимым применение высшей меры наказания ко всем активистам, принадлежащим к повстанческой организации сосланных кулаков»¹⁸⁴. Четыре дня спустя политбюро приняло новую резолюцию, заявлявшую: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных в одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом[,] по истечении срока высылки, вернувшихся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений...» Резолюция предписывала областным, краевым и республиканским представителям НКВД «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные[,] менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД...»¹⁸⁵

Получив телеграмму от Сталина, Ежов немедленно приказал областным руководителям НКВД зарегистрировать всех кулаков

¹⁸² Трагедия советской деревни. М., 2004. Т. 5. Кн. 1. С. 256–258.

¹⁸³ См.: *Shearer D. R. Elements Near and Alien*. P. 856. Импульс к этому докладу, возможно, исходил из Москвы. Во всяком случае, резолюция политбюро не заставила себя ждать. Я признателен Дэвиду Ширеру, обратившему на это мое внимание.

¹⁸⁴ Центр хранения современной документации. Ф. 89. Оп. 43. Д. 48. Л. 1. Цит. в: *Getty J. A., Naumov O. V. The Road to Terror*. P. 469.

¹⁸⁵ Забвению не подлежит: Неизвестные страницы нижегородской истории (1918–1984 годы). Нижний Новгород, 1994. Кн. 2. С. 257–258; *Khlevniuk O. The History of the Gulag*. P. 144.

и преступников, вернувшихся в родные края по окончании срока либо в результате побега из лагеря или спецпоселения. Он велел составить два списка: один с указанием наиболее враждебных «элементов», подлежащих казни, другой — с указанием «элементов» менее активных, но все-таки тоже враждебных, которых следовало выслать¹⁸⁶. Цифры, предоставленные в ответ на этот запрос областными руководителями НКВД, стали основой для квот на аресты и казни, установленных политбюро для каждого региона в ходе массовых операций.

Оперативный приказ НКВД № 00447, принятый политбюро 31 июля 1937 года, стал отправной точкой массовых операций. В его преамбуле отмечалось, что «в деревне осело значительное количество бывших кулаков», «церковников и сектантов», «остались... значительные кадры антисоветских политических партий», «кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов», а также «уголовных преступников — скотоконокрадов, воров-рецидивистов, грабителей и др.». И далее говорилось, что «все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений»¹⁸⁷. Приказ предусматривал казнь 75,95 тысячи человек (занесенных в категорию «наиболее враждебные») и заключение в лагерь — на срок от восьми до десяти лет — 193 тысяч человек («менее активные, но все же враждебные»). Приказ содержал квоты на аресты и казни для каждого региона страны и позволял внесудебным органам — специальным трибуналам, состоящим из первого секретаря партии, прокурора и главы НКВД в каждой территориальной единице, — признавать арестованных виновными и выносить им приговор¹⁸⁸.

Местные отделения НКВД принимали решения об арестах и казнях, предписанных центром, на основе прежде составленных картотек о «политически ненадежных элементах» — этот факт подчеркивает всю важность социальной каталогизации для советского государственного насилия. Возникшие в 1920-е годы

¹⁸⁶ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 319.

¹⁸⁷ Getty J. A., Naumov O. V. *The Road to Terror*. P. 473–474.

¹⁸⁸ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 331; Getty J. A., Naumov O. V. *The Road to Terror*. P. 473–479.

в каждом населенном пункте милицейские картотеки содержали к 1930-м годам тысячи имен¹⁸⁹. В их пополнении помогли около семидесяти государственных архивистов: они составляли для тайной полиции картотеки на людей, идентифицированных в материалах военных и гражданских учреждений белых армий; в результате этого исследования появился список более 600 тысяч бывших белогвардейцев, продолжавших жить в Советском Союзе, — теперь они были классифицированы как «антисоветские элементы»¹⁹⁰. Советские полицейские картотеки часто охватывали не менее 10–15% взрослого населения, и каждый человек в картотеке был помещен в одну из трех категорий — вместе с теми, кто считались наиболее опасными людьми в каждой категории. На основе приказа № 00447 местные отделения НКВД арестовали людей из первой категории, а там, где случился недобор квоты, — и некоторых из второй категории¹⁹¹.

Практика каталогизации населения, таким образом, лишь укрепила уверенность функционеров партии и НКВД в том, что враги существуют, а также предоставила социологический инструмент, позволявший этих предполагаемых врагов ликвидировать. Подобно тому как картотеки, составленные в связи с введением паспортной системы, продемонстрировали присутствие бывших кулаков и других «социально вредных элементов», картотеки тайной полиции, казалось, подтверждали наличие «враждебных элементов». В этом смысле страх перед врагами и работа по их каталогизации укрепляли друг друга: чем больше статистики собирало советское руководство по той или иной угрозе, тем больше оказывалось в его распоряжении данных, подтверждающих эту угрозу. Конечно, социальная каталогизация не была прямой причиной государственного насилия. Правительства других стран тоже вели картотеки подозрительного населения, но не использовали эти данные для массовых арестов и казней. К примеру, французская полиция вела картотеку на всех иностранцев, живущих во Франции, и к 1939 году

¹⁸⁹ Hooper C. V. *Terror from Within*. P. 151–153.

¹⁹⁰ Корнеев В. Е., Копылова О. Н. Архивы на службе тоталитарного государства // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 13–24.

¹⁹¹ Земсков В. Н. Заключение в 30-е годы. С. 7; McLoughlin B. *Mass Operations of the NKVD*. P. 126.

в этом каталоге было 1,6 миллиона имен¹⁹². Но сам факт занесения бывших кулаков в категорию «антисоветских элементов» облегчал массовые репрессии: характеристика некоторых групп как социально опасных давала санкцию на их физическое устранение.

Хотя массовые операции стали возможны благодаря социальной каталогизации, это отнюдь не означает, что они напоминали аккуратную хирургическую операцию на общественном теле. Некоторые местные отделения НКВД перевыполнили квоты по арестам и казням, а другие попросили о значительном увеличении своих квот — согласно приказу № 00447, они имели право обращаться с таким запросом¹⁹³. В январе 1938 года Политбюро подтвердило увеличение квот на аресты и казни — и с сентября по ноябрь особые трибуналы вынесли приговор еще 105 тысячам людей, из которых 72 тысячи были осуждены на смерть¹⁹⁴. В более позднем докладе о массовой операции в Советской Туркмении описано, как местное отделение НКВД, арестовав все «антисоветские элементы», значившиеся в картотеке, начало массовые облавы на невинных людей на рынках, чтобы выполнить квоты¹⁹⁵. Подобные события происходили и в других регионах: тайная полиция, арестовав большинство подозреваемых, указанных в картотеке, переходила к произвольным арестам¹⁹⁶. Таким образом, на деле массовые операции отнюдь не стали управляемым и рациональным процессом¹⁹⁷. Но,

¹⁹² Hooper C. V. *Terror from Within*. P. 151–153. См. также: Rosenberg C. *The Colonial Politics of Health Care Provision in Interwar Paris // French Historical Studies*. 2004. Vol. 27. No. 3 (summer). P. 653.

¹⁹³ См. документы местных руководителей НКВД в кн.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»: секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 102–104.

¹⁹⁴ Getty J. A., Naumov O. V. *The Road to Terror*. P. 518–519; Khlevniuk O. *The History of the Gulag*. P. 165.

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 145. Л. 49–84. Цит. в: Khlevniuk O. *The History of the Gulag*. P. 157–161.

¹⁹⁶ McLoughlin B. *Mass Operations of the NKVD*. P. 127. Интересно, что некоторые офицеры тайной полиции, в том числе и те, кто охотно арестовывал подозреваемых, указанных в картотеке, выступали против этих облав, считая их произволом. В их глазах аресты на основе картотеки были легитимными, а массовые облавы — нет. См.: Shearer D. R. *Policing Stalin's Socialism*. P. 351.

¹⁹⁷ Венди Голдман проанализировала бурное распространение чисток на фабриках и в профсоюзах в этот период. См.: Goldman W. Z. *Terror and Democracy in the Age of Stalin*. Анализ государственных репрессий этого времени,

чтобы спланировать и пустить в дело подобное массовое отсечение, требовалась концептуальная база, основанная на социальной каталогизации и технологиях современного государственного насилия.

Необходимо также объяснить, почему массовые операции оказались настолько смертоносными — почему, в отличие от предыдущих эпизодов государственного насилия, значительная доля жертв была не просто депортирована, а казнена. Как указано выше, коллективизация и создание государственной экономики означали, что ни те или иные проступки, ни оппозиционность уже нельзя было оправдывать влиянием мелкобуржуазной среды, характерной для нэпа. После заявления о достижении социализма те, кого считали нелояльными или не вносящими свой вклад в социалистический строй, были причислены к категории «социально вредных элементов» или «антисоветских элементов» — эти термины указывали на неисправимость подобных людей.

Советские лидеры придерживались разных мнений по поводу того, можно ли исправить бывших кулаков и уголовников и вновь интегрировать их в общество. Хотя на словах Ягода не отказывался от идеала перевоспитания заключенных в трудовых лагерях, он подчеркивал, что большинство преступлений совершают рецидивисты, являющиеся «социально вредными элементами», которые должны быть навсегда удалены из общества¹⁹⁸. В этом вопросе Ягода прислушивался к криминологам, указывавшим на рецидивистов как на источник преступности¹⁹⁹. С другой стороны, Вышинский выступал против Ягоды и в 1936 году, после устранения своего оппонента, попытался возобновить политику интеграции рецидивистов в общество. Ежов, поддерживая программу Вышинского, вместе с тем подчеркивал всю опасность, исходящую от рецидиви-

отводящий особое место рассказу об их жертвах, см. в кн.: *Kuromiya H. The Voices of the Dead: Stalin's Great Terror in the 1930s*. New Haven, 2007.

¹⁹⁸ См. его доклад 1936 года о преступности: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 135. Документ 31. Л. 3–4. Цит. в: *Shearer D. R. Elements Near and Alien*. P. 860.

¹⁹⁹ *Shearer D. R. Policing Stalin's Socialism*. P. 264–265. В противовес идеям Ломброзо о том, что рецидивизм заложен на биологическом уровне, Ягода и русские криминологи, такие как Гернет, считали, что рецидивизм определяется социальными условиями. См.: *Гернет М. Н. Моральная статистика: Уголовная статистика и статистика самоубийств. Пособие для статистиков и криминалистов*. М., 1922.

стов, и даже предложил продлевать им срок заключения в лагере, если они проявляли какую-либо тенденцию к непослушанию или хулиганству²⁰⁰. В целом партия и НКВД испытывали огромное недоверие к любому человеку с запятанным прошлым. Составляя списки «антисоветских элементов», тайная полиция делила их на категории: «бывшие кулаки», «бывшие офицеры (царские, белые, петлюровские и другие)», «представители царской администрации, дворяне, помещики, купцы» и бывшие члены «антисоветских политических партий»²⁰¹.

С точки зрения советского руководства, тех, кого нельзя было исправить, следовало полностью уничтожить. Действительно, преамбула к приказу № 00447 содержала поручение, адресованное тайной полиции, — разгромить антисоветские элементы «раз и навсегда». По всей видимости, деятели партии и госбезопасности отнеслись к поставленной задаче серьезно. В ответ на этот приказ секретарь Донецкого обкома партии заявил: «Нужно пошире очистить Донбасс от кулаков, националистов и всякой прочей сволочи»²⁰². В самый разгар массовых репрессий Сталин, выступая на банкете в закрытом кругу, предложил тост: «Каждый, кто попытается разрушить единство социалистического государства... заклятый враг государства и народов СССР. И мы уничтожим каждого такого врага... За окончательное уничтожение всех врагов!»²⁰³ Теперь, когда социализм, как считалось, был достигнут, Сталин и его соратники стремились добиться полного единства общества. Ради этой цели они были готовы при необходимости безжалостно расправиться с любыми застарелыми оппонентами советского строя. «Краткий курс истории ВКП(б)», опубликованный в 1938 году, восхвалял фи-

²⁰⁰ Shearer D. R. Policing Stalin's Socialism. P. 311. Пример предупреждения со стороны Ежова относительно освобождения преступников см. в: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 597. Л. 13–15.

²⁰¹ Хаустов В. Развитие советских органов государственной безопасности: 1917–1953 гг. // Cahiers du monde russe. 2002. Vol. 42. No. 2–4 (April — December). P. 369–370.

²⁰² Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Юнге и Биннер подчеркивают, что местная полиция госбезопасности считала «антисоветские элементы» вездесущими, а массовые операции — решающей битвой во имя их уничтожения.

²⁰³ Латышев А. Г. Рядом со Сталиным // Совершенно секретно. 1990. № 12. С. 19. Цит. в: McDermott K. Stalin. P. 88.

зическое уничтожение неуловимых врагов как необходимое условие очищения советского общества²⁰⁴. Не менее важна была и растущая внешняя угроза: война виделась неминуемой, что, казалось, оправдывало насилие против потенциальной пятой колонны. На XVIII съезде партии, прошедшем в 1939 году, Сталин заявил, что «в случае войны тыл и фронт нашей армии ввиду их однородности и внутреннего единства — будут крепче, чем в любой другой стране»²⁰⁵.

Массовые операции проводились по приказу Сталина и его соратников, которые, таким образом, несут за них полную ответственность. Но чтобы лучше понимать социальный и идеологический контекст, в котором советские деятели осуществляли массовые аресты и казни, а также разбираться в том, как именно они принимали решение об этих операциях и осуществляли их, мы должны учитывать и роль других факторов. Объявленное достижение социализма стало идеологической основой для массовых операций. Продолжавшееся сопротивление советскому строю со стороны бывших «кулаков», «хулиганов», торговцев черного рынка и мелких преступников обеспечило социальный контекст — в большой степени созданный самой советской политикой²⁰⁶. На деле основой для массовых репрессий

²⁰⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / Под ред. комиссии ЦК ВКП(б); одобрен ЦК ВКП(б). М., 1938. С. 331–332; History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks): Short Course. New York, 1939. P. 346–348. Как пишет Гольфо Алексопулос, в конце 1930-х годов проходила «кампания изгнания, практически не оставлявшая места исправлению» (*Alexopoulos G. Stalin's Outcasts*. P. 184). См. также: *Jansen M., Petrov N. V. Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940*. Stanford, 2002.

²⁰⁵ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): 10–21 марта 1939 г.: Стенографический отчет. М., 1939. С. 26–27. Кевин Макдермотт утверждает, что Сталин желал создать унитарную, модернизированную, гомогенную коммунистическую утопию, но постоянно был вынужден иметь дело с разногласиями, оппозицией и переменами в обществе и вдобавок ко всему этому — с угрожающим международным положением (см.: *McDermott K. Stalin*. P. 89).

²⁰⁶ Действительно, как утверждает Линн Виола, огромное социальное потрясение и резкий антагонизм, вызванные коллективизацией, сохранялись на протяжении 1930-х годов и стали отправной точкой неоднократных попыток советской власти осуществлять контроль над обществом — при помощи системы внутренних паспортов, полицейских облав и в конечном счете массовых

стала устоявшаяся практика отсекающего насилия, которая прочно утвердилась в годы Первой мировой и Гражданской войн и дополнительно укрепилась в результате разрастания советской тайной полиции и ее усилий по каталогизации населения. Действительно, партийное руководство пришло к мысли, что социальное отсеечение в форме раскулачивания, а затем и массовых репрессий — неотъемлемая часть строительства социализма. Наконец, время для массовых репрессий было выбрано в значительной степени под влиянием растущего международного напряжения и того страха перед пятой колонной в случае войны, который испытывало советское руководство. Это напряжение, а также опасения по поводу шпионажа сыграли решающую роль и в национальных операциях.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Так называемые национальные операции — действия НКВД, мишенью которых были некоторые национальные меньшинства, подвергавшиеся высылкам, арестам и казням, — начались вскоре после массовых операций и шли параллельно с ними. Репрессии по национальному признаку делились на несколько отдельных акций госбезопасности (Польская операция, Латвийская операция и т. д.), нацеленных на национальные диаспоры — то есть на те группы населения, родина которых находилась за пределами Советского Союза. По подсчетам ученых, с августа 1937 по ноябрь 1938 года тайная полиция в рамках национальных операций арестовала 335,5 тысячи человек, из которых 247,2 тысячи казнила. Это вполне сопоставимо с числом жертв массовых операций: 767,4 тысячи приговоренных, из них 386,8 тысячи — к высшей мере наказания²⁰⁷. Таким образом, по объему национальные операции составляли половину от массовых операций, а с точки зрения доли казненных были даже более смертоносными.

Этнические конфликты и беспорядки не прекращались на протяжении всех 1920-х годов, в большей степени на Кавказе и в Средней

операций (*Viola L. The Unknown Gulag. P. 191*). См. также: *McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD. P. 142*.

²⁰⁷ *Khlevniuk O. The History of the Gulag. P. 165; Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 338*.

Азии. В годы коллективизации особенно ожесточенное сопротивление оказали крестьяне из некоторых национальных меньшинств, в частности поляки, немцы, чеченцы и курды²⁰⁸. Более того, многие партийные руководители, в том числе и Сталин, либо сами происходили из этнически смешанных пограничных регионов, либо принимали участие в управлении Кавказом или Средней Азией в 1920-е годы²⁰⁹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они, подобно своим предшественникам в царское время, придавали значение национальности. Однако, в отличие от царских военных статистиков, советские руководители изначально не исходили из того, что национальные меньшинства являются менее политически благонадежными, чем этнические русские. На протяжении 1920-х годов советская национальная политика всячески способствовала вербовке национальных элит в коммунистическую партию, развитию национальных культур и даже этнографическому выделению национальных отличий. Партийные деятели считали, что стимулирование национальных идентичностей и культур выбьет оружие из рук национальных сепаратистов и поможет двинуть различные этнические группы вперед по эволюционной лестнице к социализму²¹⁰.

Переход к «советской этнической чистке» в конце 1930-х годов был вызван как изменениями в советской национальной политике, так и растущим беспокойством по поводу национальной безопасности. В 1935 году Сталин провел получивший широкое освещение прием для таджикских и туркменских колхозников в Кремле. На этом приеме он заявил, что достижение социализма сделало возможными межэтническое сотрудничество и гармонию. По его словам, восемнадцать лет советской власти позволили преодолеть вредное царское наследие национального недоверия и теперь существует «полное взаимное доверие» между русским народом и национальными меньшинствами, а «дружба между народами СССР» — это «великое и серьезное достижение»²¹¹.

²⁰⁸ Baberowski J., Doering-Manteuffel A. Order through Terror: National Socialist Germany and the Stalinist Soviet Union as Multi-Ethnic Empires // *Beyond Totalitarianism*. P. 208–210.

²⁰⁹ См.: Rieber A. J. Stalin: Man of the Borderlands // *American Historical Review*. 2001. Vol. 106. No. 5 (December). P. 1651–1691.

²¹⁰ См.: Hirsch F. Empire of Nations; Martin T. The Affirmative Action Empire.

²¹¹ Правда. 1935. 6 декабря. С. 3.

Подобно тому как «достижение социализма» закрыло возможности для исправления бывших кулаков и преступников, отказавшихся смириться с новым социалистическим строем, так и «достижение равенства и гармонии национальностей» привело к более репрессивной политике по отношению к национальным меньшинствам, которые, как казалось, не желают вступить в «семью советских народов». В соответствии с внутренней логикой советской национальной политики не было ничего парадоксального в том, что за стимулированием национальных культур следовало подавление некоторых национальных групп. Требовалось разобраться с теми национальными меньшинствами, которые, оказавшись у них такая возможность, не стали бы частью СССР, а выбрали бы другое гражданство или подданство. Способами разобраться были депортации, аресты и казни²¹².

Партийные руководители подозревали национальные диаспоры прежде всего в альтернативной лояльности. В 1920-е годы национальные диаспоры Советского Союза позволяли использовать трансграничные этнические связи для установления каналов влияния за границей и, возможно, распространения социализма. Но в 1930-е годы партийные деятели стали опасаться того, что влияние будет распространяться в обратном направлении, например из Польши — на польскую диаспору в Советском Союзе²¹³. С идеологической точки зрения культуры национальных диаспор тоже представляли собой проблему. Предписание Сталина касательно национальных культур — «национальные по форме, социалистические по содержанию» — было осуществимо внутри страны, поскольку советская цензура пропускала лишь те культурные проявления, которые поддерживали социализм. Но в капиталистических странах национальная культура могла принимать формы, прямо противоположные советскому социализму, и если бы буржуазный национализм распространился на национальные диаспоры внутри Советского Союза, он мог бы подорвать верность населения советской

²¹² *Blitstein P. A. Nation and Empire in Soviet History, 1917–1953 // Ab Imperio. 2006. No. 1. P. 214–215.*

²¹³ *Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 342. См. также: Brown K. A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge (Mass.), 2004.*

власти. Некоторые чиновники и этнографы задавались вопросом, могут ли эти национальности стать вполне советскими²¹⁴.

Растущее международное напряжение, в особенности угроза, исходившая от Германии и Японии, сделали проблему национальных диаспор еще более неотложной. После прихода Гитлера к власти в Германии началась кампания по оказанию «братьям в нужде» (этническим немцам в Советском Союзе) помощи в виде отправки продуктовых посылок и переводов в иностранной валюте, подтверждавшая тезис о том, что национальные диаспоры могут стать предметом обхаживания со стороны враждебных иностранных государств. После заключения в 1934 году германо-польского пакта о ненападении советское правительство начало опасаться, что разрешение советским полякам обучать своих детей на польском языке, а также сохранять другие формы культурного самовыражения приведет к тому, что «польский фашизм» создаст базу внутри Советского Союза для будущей экспансии²¹⁵. В целом растущее международное напряжение во второй половине 1930-х годов способствовало росту страха партийных деятелей перед шпионажем со стороны представителей национальных диаспор, как и росту бдительности в отношении пограничных регионов страны.

В 1935 и 1936 годах советское правительство провело серию депортаций из пограничных регионов. В марте 1935 года «ненадежные элементы» в количестве 41,65 тысячи человек были высланы из украинского пограничья в Восточную Украину. Примерно 60% из них составляли этнические поляки и немцы. В тот же месяц советские функционеры депортировали около 30 тысяч финнов-ингерманландцев из пограничных районов Ленинградской области и Карелии в Западную Сибирь и Среднюю Азию²¹⁶. Украинские власти доложили, что, несмотря на депортации, пограничная зона не вполне защищена, и получили позволение провести дополнительные высылки: трехсот польских семей летом, еще 1,5 тысячи — осенью,

²¹⁴ Hirsch F. *Empire of Nations*. P. 295.

²¹⁵ Martin T. *The Affirmative Action Empire*. P. 328–329.

²¹⁶ Polian P. *Against Their Will: The History and Geography of Forced Migrations in the USSR* / Transl. A. Yastrzhembska. Budapest, 2004. P. 95 (см. на рус. яз.: Полян П. М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001).

а в январе 1936 года — 15 тысяч немецких и польских семей, отправленных уже не на Восточную Украину, а в Казахстан. Впрочем, эти депортации не были тотальными: они охватили около половины немецкого и польского населения пограничных районов, не затронув тех поляков и немцев, которые жили за пределами пограничных зон²¹⁷.

В ходе национальных операций 1937–1938 годов НКВД начал аресты и депортации, выходявшие далеко за пределы пограничных регионов и включавшие тотальное выселение национальных меньшинств. На Пленуме ЦК, состоявшемся в феврале — марте 1937 года, Сталин заявил: «Пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств»²¹⁸. В июле 1937 года Ежов приказал сотрудникам НКВД арестовать всех германских подданных, работавших на военных заводах и железных дорогах. Его приказ предупреждал: «Агентурными и следственными материалами последнего времени доказано, что германский Генеральный штаб и Гестапо в широких размерах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших и, в первую очередь, оборонных предприятиях промышленности, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных»²¹⁹.

В следующем месяце политбюро утвердило приказ НКВД № 00485 под названием «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ [Польской военной организации]». В нем говорилось о необходимости арестовать всех польских политических эмигрантов и перебежчиков, а также «наиболее активную часть местных антисоветских националистических элементов польских районов». На практике к 1938 году органы госбезопасности арестовывали поляков просто за национальность²²⁰. Агенты НКВД на местах легко выявляли национальные меньшинства, по-

²¹⁷ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 330.

²¹⁸ *Сталин И. В.* Сочинения. Стэнфорд, 1967. Т. 1 [XIV]. С. 197.

²¹⁹ *Khlevniuk O.* The History of the Gulag. P. 144–145.

²²⁰ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 337. См. более подробное обсуждение этого вопроса: *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Под ред. Л. С. Ереминой. М., 1997. С. 22–43.

скольку в советских паспортах была отмечена национальность каждого человека, а после проведения арестов тайная полиция готовила списки обвиняемых и изложение судебного дела против них. Однако приказ № 00485 создал новую процедуру: теперь трибунал из двух человек («двойка»), состоявший из начальника управления НКВД области или края и из местного прокурора, мог изучать списки и выносить приговоры — либо заключение (пять — десять лет трудового лагеря), либо казнь. Приговоры осуществлялись после того, как их утверждали Ежов и Вышинский²²¹.

Польская операция стала чем-то вроде прообраза аналогичных акций против других национальных диаспор. Серия операций НКВД была нацелена, кроме поляков и немцев, на следующие национальные диаспоры: румын, латышей, эстонцев, финнов, греков, афганцев, иранцев, китайцев, болгар и македонцев. Помимо того, НКВД провел специальную операцию против так называемых харбинцев, в основном этнических русских, которые работали на Китайско-Восточной железной дороге (ее штаб располагался в Харбине, но она принадлежала советскому правительству и находилась в его управлении) и вернулись в Советский Союз после того, как железная дорога в 1935 году была продана Маньчжоу-Го²²². Хотя из 335,5 тысячи людей, осужденных в рамках национальных операций, 73,7% были казнены, доля казненных заметно варьировалась в зависимости от национальности: она была очень высокой в польской, греческой, финской и эстонской операциях и заметно более низкой, к примеру, в афганской и иранской операциях. В целом национальные операции составили примерно одну пятую всех арестов и одну треть всех казней за 1937–1938 годы²²³.

Одновременно с национальными операциями советское правительство провело дополнительные депортации из пограничных

²²¹ *Khlevniuk O. The History of the Gulag. P. 146–147.*

²²² Приказ Ежова указывал, что подавляющее большинство харбинцев «являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности». См.: Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00593. Доступно на сайте old.memo.ru/history/document/harbin.htm. Цит. в: *McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD. P. 122.*

²²³ *Khlevniuk O. The History of the Gulag. P. 146; Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 338.*

зон. В августе 1937 года правительство и ЦК ВКП(б) издали совместное постановление «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края». Данная мера оправдывалась необходимостью пресечь «проникновение японского шпионажа в Дальневосточный край». Согласно этому постановлению, было депортировано все корейское население, без попыток разобраться, какие именно корейцы были вовлечены в шпионаж, — это стало первой полной депортацией национального меньшинства. Депортированные корейцы отправлялись, в соответствии с постановлением, в Казахстан и Узбекистан. Вместе с тем оно предписывало «не чинить препятствий» корейцам, если они пожелают уехать за границу²²⁴. Последнее указание подчеркивает разницу между корейской и польской операциями. В постановлении о депортации корейцев не утверждалось, что среди них имеются диверсионно-шпионские группы (хотя советская пресса того времени часто изображала корейцев и китайцев японскими шпионами), а высылка представлялась превентивной мерой против японского шпионажа. Ссылным дозволялось взять с собой скот и получить компенсацию (в среднем 6 тысяч рублей на семью) за имущество, которое они оставят в Дальневосточном крае. На первом этапе операции НКВД депортировал около 74,5 тысячи этнических корейцев, на втором — еще 171 781 человека. Области, из которых были депортированы корейцы, предполагалось заселить демобилизованными ветеранами Красной армии и русскими крестьянами²²⁵. Эта политика высылки «неблагонадежных» групп населения в сочетании с заселением территории более «надежными» гражданами повторяла царскую колониальную политику, рассмотренную выше.

Кроме того, в 1937–1938 годах советское правительство выслало «ненадежные элементы» — национальные диаспоры — из пограничных областей Кавказа. Доклад НКВД приводил описание депортации 3101 курда и 2788 армян и турок с Кавказа в Казахстан, проведенной в конце 1937 года. В докладе отмечалось, что в месте прибытия инфраструктура была крайне недостаточной — настолько, что

²²⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1в. Д. 497. Л. 27–28. Цит. в: Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост. Н. Л. Поболь и П. М. Полян. М., 2005. С. 83.

²²⁵ Polian P. *Against Their Will*. P. 99–101.

в некоторых случаях депортированные семьи оказывались на абсолютно бесплодной земле и без крыши над головой²²⁶. В октябре 1938 года было издано совершенно секретное правительственное постановление о депортации 2 тысяч иранских семей из пограничных районов Азербайджана, с переселением их в Казахстан вместе с принадлежащим им скотом. Один ученый оценивает общее число семей, депортированных в Казахстан в 1937–1938 годах, в 21 тысячу — эта цифра включает некоторое количество корейцев, а также иранцев, турок, армян и курдов²²⁷.

Как в случае национальных операций, так и в случае депортаций меньшинств из приграничных зон главную роль, очевидно, играла забота о безопасности. Специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от января 1938 года, продлевавшее национальные операции до середины апреля, призвало к «разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн [так в тексте постановления], греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранно-подданных, так и советских граждан». Документы НКВД сообщали, что эти операции направлены против «национальностей иностранных государств»²²⁸. Такое выражение наглядно показывает, что хотя эти национальные диаспоры жили в Российской империи и Советском Союзе на протяжении десятилетий, тайная полиция считала, что они лояльны своему национальному государству, а не Советскому Союзу. В то же время факт распространения национальных операций также на харбинцев — этнических русских, работавших на Китайско-Восточной железной дороге, — свидетельствует, что причиной этих репрессий был отнюдь не русский шовинизм²²⁹. Действительно, в конце 1930-х годов НКВД плотно следил за всеми, в том числе и за многими этническими русскими, кто имел какую-либо связь с заграницей. Списки потенциальных шпионов, используемые тайной полицией, включали такие

²²⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 55. Л. 24–28. Цит. в: Сталинские депортации. С. 77.

²²⁷ *Bougai N.* The Deportation of Peoples in the Soviet Union. New York, 1996. P. 40–44.

²²⁸ *Martin T.* The Affirmative Action Empire. P. 337–338.

²²⁹ См.: *Ibid.* P. 343.

категории, как «репатрианты», «контрабандисты», «лица, имевшие письменные связи с границей» и «эсперантисты»²³⁰.

Факт репрессий советского правительства против национальных диаспор подводит нас к важному историческому сравнению — к вопросу о сходствах и различиях в государственном насилии СССР и нацистской Германии. По большому счету в применении насилия в этих двух странах действительно были сходные черты. Как в СССР, так и в Германии руководство стремилось к революционным изменениям в обществе, выдвигало утопические цели, претендовало на то, чтобы делать историю, и запускало беспрецедентное по масштабам насилие. Некоторые из методов государственного насилия в той и другой стране тоже были сходными: как советское, так и нацистское руководство опиралось на социальную каталогизацию, силы тайной полиции и концентрационные лагеря. Советское преследование национальных диаспор и «социально чуждых элементов» соответствовало нацистскому преследованию евреев, цыган, умственно неполноценных, гомосексуалистов и других групп, изгнанных на задворки общества.

Но различия между государственным насилием в нацистской Германии и тем, которое было в СССР, не менее существенны. Советское правительство никогда не создавало индустрию убийств, никогда не пыталось уничтожить целый народ или, если уж на то пошло, целый класс общества. В то время как нацисты стремились уничтожить всех евреев и стереть еврейский геном с лица земли — провести геноцид в истинном значении этого слова, — советские деятели казнили только тех этнических немцев, поляков и других, кого они (внесудебно) признавали виновными в шпионаже и саботаже²³¹. Советская власть никогда не уничтожала целые

²³⁰ Хаустов В. Развитие советских органов государственной безопасности. С. 370. Страх советских деятелей перед иностранными шпионами, хотя и сильно преувеличенный, не был вполне безосновательным. Германия, Япония и Польша вели шпионаж в Советском Союзе, а советское правительство, в свою очередь, проводило операции шпионажа и контршпионажа против других стран. См.: *Kuromiya H. The Voices of the Dead*. P. 131–132, 256.

²³¹ Подробное рассмотрение вопроса см. в кн.: *Naimark N. M. Stalin's Genocides*. Princeton, 2010. P. 122–128. Неймарк применяет к советскому опыту термин «геноцид», но тем не менее указывает на различия между советским государственным насилием и нацистским.

национальности, и даже кулаков, которых было решено «ликвидировать как класс», она стремилась перевоспитать при помощи конфискации имущества и задействуя их в принудительном труде. Тайная полиция, казнившая сравнительно немного людей в годы коллективизации и куда большее их число в ходе массовых операций, убила лишь тех, кого считала неисправимыми²³².

Разница в государственном насилии советского и нацистского режимов отражала их фундаментальное идеологическое различие. В то время как нацистская идеология была расистской и направленной на исключение из общества «нежелательных» элементов, советский марксизм был течением универсалистским и считал революцию средством, позволяющим стереть различия между классами и достичь единства общества. С точки зрения советских деятелей, единство не означало расовой чистоты или этнической гомогенности. Советская национальная политика даже способствовала развитию национальных культур — как механизму, который поможет преодолеть этап национализма, вытеснить его и достичь социализма, а затем и коммунизма. Если в нацистской Германии национальные культуры считались выражением расовых черт, то в СССР — частью надстройки, которая отражает экономическое развитие и будет меняться вместе с ним. К примеру, для советских этнографов узбекская культура была не продуктом изначальной узбекскости, а результатом исторического процесса узбекского экономического развития. Более того, советские чиновники восхваляли межнациональные браки и смешение различных этнических групп — в отличие от властей многих стран (Германии,

²³² Некоторые ученые описывали советское государственное насилие как попытку создать идеализированный образ социально-политического тела, «единого народа» (см.: *Holquist P. State Violence as a Technique: The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // Stalinism: The Essential Readings* / Ed. D. L. Hoffmann. Malden (Mass.), 2003. P. 133–134, 147; *Lefort C. The Image of the Body in Totalitarianism // Lefort C. The Political Forms of Modern Society* / Ed. J. Thompson. Cambridge, 1986. P. 292–306). Но советское руководство никогда не обращалось к чему-либо похожему на нацистский идеал расово чистого и гомогенного народа. Советские лидеры утверждали, что советское общество при социализме состоит из трех неантагонистичных классов (интеллигенции, пролетариата и крестьянства), и прославляли существование многочисленных национальностей как проявление «братского союза и великой дружбы советских народов».

Соединенных Штатов, Великобритании, Франции и т. д.), предотвративших против расового кровосмешения²³³. Если нацистский проект был предназначен только для немцев или арийцев, то советский был для всех. Уничтожению подлежали лишь те, кто с точки зрения советской власти? отказывался следовать советскому строю.

Для дальнейшего рассмотрения различий между советской и нацистской идеологиями следует рассмотреть общественный, политический и научный контекст, в котором они появились. В слабо развитом государстве, которым управляла деспотичная царская бюрократия, некоторые представители русской интеллигенции обратились к марксизму и его видению бесклассового общества. Именно в этом контексте российская наука стала доказывать, что не генетика, а влияние среды играет решающую роль в том, каково положение низших классов общества. Российские, а впоследствии советские ученые утверждали, что физическое развитие человека определяет не раса, а социально-бытовые условия²³⁴. Более того, дореволюционная имперская русская идеология, нацеленная на культурное заимствование и ассимиляцию, решительным образом отличалась от идей расового превосходства, лежавших в основе западноевропейских империй. Напротив, корни нацистской идеологии можно проследить к началу века, когда в Германии начался период беспрецедентной обеспокоенности, приведший к воспеванию физической силы и силы воли, которые защитят немецкую нацию от вырождения. Эти идеи еще усилились после унижительного поражения в Первой мировой войне, когда «разработка новых социальных, политических и психологических фортификаций» казалась необходимой для национального выживания²³⁵. Таким образом, несмотря на сходство в масштабах и в методах действий, сталинское государственное насилие и нацистское решительным образом различались по своему происхождению, идеологической ориентации и тем жертвам, на которых они были нацелены.

В завершение обсуждения вернемся к вопросу о том, что стало причиной советского государственного насилия. Непосредственным

²³³ Hirsch F. *Empire of Nations*. P. 252–254, 269.

²³⁴ Ibid. P. 257.

²³⁵ Fritzsche P., Hellbeck J. *The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany*. P. 309.

толчком к его началу в конце 1930-х годов явились решения, принятые руководством страны. Приказы об арестах, казнях и депортациях, произошедших в ходе массовых и национальных операций, были отданы Сталиным и его соратниками. Их манихейский взгляд на мир, их представления о капиталистическом окружении, их убежденность в том, что строительство и защита социализма нуждаются в безжалостном истреблении внутренних врагов, — все эти черты сталинского руководства объясняют масштабы применения государственного насилия²³⁶. Растущее международное напряжение и угроза существованию страны, исходившая от Германии и Японии, тоже сыграли крайне важную роль в создании фона для массовых репрессий.

Вместе с тем, помимо прямых причин советского государственного насилия, было несколько условий, которые я старался подчеркнуть. На протяжении всей истории правители стран, в том числе многие русские цари, применяли широкомасштабное насилие в отношении своих народов. Но лишь в эпоху модерна различные правительства создали «научную» классификацию своих народов и использовали ее для отсечения отдельных социальных групп. Социальное отсечение основывалось на общественных науках и определении самого социального поля, к которому эти науки прилагались. Советское государственное насилие не было обусловлено российской отсталостью²³⁷. Напротив, оно базировалось на свойственной эпохе модерна концепции общества как искусственного объекта, поддающегося изучению и преобразованию при помощи государственного вмешательства. Таким образом, необходимым условием советского государственного насилия в тех формах, в каких оно осуществлялось, были новейшие познания в общественных науках.

²³⁶ Как считает Ларс Ли, Сталин действительно верил, что не существует объективных препятствий построению социализма в Советском Союзе, а неудачи связаны с действиями враждебно настроенных людей, занимающихся саботажем советской системы. См.: *Lih L. T. Introduction // Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936 / Eds. L. T. Lih, O. V. Naumov and O. V. Khlevniuk. New Haven, 1995. P. 11–14.*

²³⁷ Как ни парадоксально, хотя цель «Черной книги коммунизма» — вынести приговор коммунистической идеологии, Стефан Куртуа вместо этого подчеркивает российские традиции насилия. См.: *Куртуа С. Почему? С. 669–671.*

Общественные науки послужили главным источником этих знаний — в особенности такие дисциплины, как социология, психология и криминология. К концу века психологи и криминологи все активнее подчеркивали проблему социальной девиантности и необходимость покончить с ней, в случае надобности прибегнув и к насильственному оздоровлению. Советское руководство уделило особое внимание отклонениям от социальной нормы, которые видело у тех, кого оно называло *бывшими людьми* и кого предписывало удалять из общества, чтобы в социалистическое будущее не проникла зараза из капиталистического прошлого. Таким образом, научное знание смешалось с другим необходимым, хотя и недостаточным условием советского государственного насилия — хилиастическим мышлением советских лидеров. Этот подход был отчасти обусловлен марксизмом с его вниманием к различным стадиям исторического развития, но Сталин разработал свою собственную доктрину о нарастании борьбы с внутренними врагами. Когда коллективизация закончилась и была создана социалистическая экономика, неспособность некоторых членов общества вписаться в новый порядок указывала на то, что в стране продолжается сопротивление. По мнению Сталина, причиной этого сопротивления была отчаянная борьба как внутренних, так и внешних врагов, стремившихся подорвать мощь советского государства, которое становилось все более сильным²³⁸. Таким образом, для защиты завоеваний революции было необходимо безжалостно уничтожить врагов. Сталинский своеобразный хилиазм фокусировал особое внимание на обнаружении и устранении противников как на средстве продвижения к коммунизму.

Чтобы осуществить свои идеи, советская власть нуждалась в средствах нейтрализации тех, кого относил к числу врагов. Таким образом, технологии отсекающего насилия были еще одним необходимым условием осуществления как массовых, так и национальных операций. Картотеки, паспортный режим, аппарат тайной полиции и концлагеря предоставили средство идентификации и устранения тех, кто считался социально вредным или политически нелояльным. Технологии социального отсекающего были изобретены не большевиками, а европейскими чиновниками, сначала

²³⁸ Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. С. 211–212.

в колониальном контексте, затем в годы Первой мировой войны. Советская система, родившаяся на стыке Первой мировой и Гражданской войн, приняла на вооружение методы тотальной войны, и они сделались неотъемлемой частью советского строя.

Таким образом, новейшие достижения общественных наук, рассуждения о девиантности, соединившиеся с хилиазмом советского руководства, а также военные технологии социального отсечения — все это было необходимыми, хотя и недостаточными условиями советского государственного насилия конца 1930-х годов. Партийные лидеры прибегли к этому насилию в атмосфере чрезвычайной внешней угрозы и крупнейшего социального потрясения, вызванного их собственными бурными усилиями по коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны. С их точки зрения, выживание социализма и продвижение к коммунизму были невозможны без уничтожения оппозиции. Хотя конечная цель — социальная гармония — оставалась расплывчатой и неясной, усилия по классификации и нейтрализации «антисоветских элементов» становились все более конкретными. И когда опасность, нависшая над советским государством, казалось, стала расти с каждой минутой, партийные лидеры самым решительным образом усилили накал борьбы за искоренение всех тех, кто, по их мнению, мог в случае войны стать пятой колонной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В сравнительно-исторических исследованиях Советский Союз часто не принимают во внимание. Ученые склонны рассматривать СССР и его социально-экономический порядок как аномалию, а значит, как нечто в принципе несравнимое с другими странами. Однако мой анализ социальной политики в СССР показывает всю важность включения Советского Союза в рамки подобных исследований: оно дает возможность выявить определенные черты государственного вмешательства и управления населением в межвоенный период. В частности, советский опыт служит иллюстрацией связи между социальной помощью и войной, а также наглядно демонстрирует тот факт, что программы социальной помощи в этот период имели целью прежде всего сбережение людских ресурсов и выполнение ряда взаимных обязательств между государством и его гражданами. Советская система здравоохранения — это пример того, как подъем социальной медицины привел к государственным инициативам в сфере общественного здоровья и как авторитарное государство, стремясь поддержать телесное здоровье своего населения, решило поставить во главу угла фактор среды. Советская репродуктивная политика свидетельствует о том, что даже правительство, столь глубоко преданное идее обновления общества, как советское, могло, исходя из научных и идеологических причин, отбросить евгенику и создать эссенциалистский гендерный порядок, который вместе с тем прославлял роль женщины в качестве работницы. Широкое использование советским правительством политического надзора и пропаганды показывает, что в эпоху массовой политики даже авторитарные правители чувствовали необходимость следить за тем, что думают люди, и влиять на их образ мыслей. Наконец, в сфере государственного насилия случай СССР позволяет увидеть устрашающий потенциал технологий уничтожения отдельных социальных групп, особенно в руках революционной

диктатуры, намеревающейся осуществить преобразование общества и защитить безопасность государства.

Кроме того, помещение истории СССР в международный контекст помогает взглянуть на советскую систему по-новому — отказавшись от прежних объяснений, которые относили все аспекты советского вмешательства в жизнь общества на счет идеологии социализма. Задавая партийным деятелям набор социальных категорий и определенную историческую телеологию, марксизм-ленинизм тем не менее не содержал подробного плана действий. Он устанавливал историческую шкалу, вдоль которой человечеству предстояло двигаться, но не диктовал программу или расписание движения. Я не согласен с теми, кто видит в идеологии социализма единую конкретную программу, которая, будучи воплощена на деле, неизбежно ведет к сталинизму¹. Подобное овеществленное представление об идеологии социализма часто соединяется с определением ее как доктрины, «абсолютно расходящейся с реальностью», этакой искусственной попытки преобразовать человеческое общество². Помещая социальную политику советского режима в международный контекст, я стремлюсь показать, что как идея трансформации общества, так и технологии, позволявшие подобную трансформацию осуществлять, возникли раньше советской системы и присутствовали в самых разных идеологиях и режимах XX столетия.

Советское вмешательство в жизнь общества лучше всего понимать как одну из версий характерного для эпохи модерна стремления создать рациональный общественный порядок. Это стремление исходило из идей Просвещения о том, что общественный строй не был предустановлен и не является неизменным, а создан самим человеком. Отсюда происходила новая концепция общества — как человеческого творения, которое можно изучить и преобразовать. Вдохновленные стремительным прогрессом в естественных науках, ученые разработали ряд социальных наук, стремясь понять общество,

¹ Например, Мартин Малиа называет отмену частной собственности, прибыли и рынка «инструментальной программой интегрального социализма» (*Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1994. P. 224; см. рус. пер.: Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002*).

² Куртуа С. Почему? С. 674. Малиа называет социализм «попыткой отменить реальный мир» (*Malia M. The Soviet Tragedy. P. 225*).

чтобы его улучшить. Новые дисциплины — социальная статистика, демография, социология, психология и криминология — разделили общество на категории, выявили общественные проблемы и стали оправданием для новых технологий социального вмешательства. Тот же дух рационального реформирования положил начало идеологиям преобразования общества, одной из которых был марксизм.

Марксистская теория опиралась не только на рационализм Просвещения, но и на романтизм XIX столетия. Социальные мыслители, тяготевшие к романтизму, надеялись вернуть обществу то единство, которое, как они верили, существовало в прошлом, — органическое единство, разрушенное, по их мнению, борьбой классов и отчужденностью, характерной для мира модерна. Марксизм появился в рамках этого общего интеллектуального контекста и стал ответом на социальные проблемы, возникшие в результате европейской индустриализации³. Находясь под сильным впечатлением от революций 1848 года, Маркс предложил свое решение проблемы — насильственную пролетарскую революцию, которая свергнет капиталистическую систему. Тем не менее это была далеко не единственная идеология XIX века, выдвинувшая программу радикального преобразования общества. Как подчеркнула Катерина Кларк, в Европе XIX — начала XX века было множество «романтических антикапиталистических» мыслителей, критиковавших капитализм и искавших путь к созданию гармоничного общественного строя. К этим мыслителям — в большинстве своем людям левых взглядов, хотя бывали и исключения — относились не только марксисты, но также, в числе прочих, Макс Вебер и члены его гейдельбергского кружка⁴. Марксистский радикализм отнюдь не являлся единственной попыткой сконструировать новый общественный строй для народных масс в промышленную эпоху, который опирался бы в первую очередь на сотрудничество, — в числе других проектов подобного рода были фабианский социализм, солидаризм и даже некоторые либеральные течения.

³ К примеру, классовые категории, используемые Марксом, не являются его собственным изобретением, а происходят от социальных категорий, разработанных государственными статистиками XIX века. См.: *Hacking I. Biopower and the Avalanche of Printed Numbers // Humanities in Society. 1982. Vol. 5. No. 3–4. P. 280.*

⁴ *Clark K. Petersburg. P. 16, 80.*

В России начала XX века не только марксисты, но и реформаторы и радикалы всех мастей считали, что общественно-политический порядок нуждается в фундаментальных изменениях. Нам следует отказаться от мысли, что марксизм был искусственно привнесен в Россию — вместо этого стоило бы задаться вопросом, почему столь многие представители русской интеллигенции стали марксистами. Подобно интеллигентам в других развивающихся странах, русские интеллигенты стремились помочь преимущественно крестьянскому населению страны — дать ему образование, привести это население в соответствие с требованиями современной эпохи и улучшить его жизненные условия. Некоторых привлекали в марксизме не только революционные планы, но и обещания модернизации без таких характерных для промышленного капитализма черт, как эксплуатация и отчужденность. Российская культура и идеи немарксистских ученых в большой степени перекликались с марксизмом. Русские врачи, учителя и специалисты в области социальных наук, работая в слаборазвитой стране, винили в тяжелом положении масс социально-политические обстоятельства, а не биологическую неполноценность и, подобно марксистам, ставили во главу угла влияние среды, считая, что людей можно перековать, а жизнь их улучшить, если изменить социально-экономические условия.

После того как большевики пришли к власти, беспартийные ученые внесли немалый вклад в социальные программы советского государства. Специалисты по социальной статистике предоставили информацию, позволившую партийным деятелям наметить свои планы преобразования общества. Земские врачи, на первых порах осудившие захват власти большевиками, тем не менее поддержали советский подход к общественному здоровью — социальную медицину с упором на бесплатное, всеобщее, профилактическое здравоохранение. Демографы и сексологи предписали репродуктивную политику, которая соответствовала нуждам государства. Учителя и советские чиновники совместно просвещали население, стремясь не только сделать рабочих и крестьян грамотными, но и научить их ценить искусство и литературу⁵. Кроме того, партийные

⁵ Художники-авангардисты, впоследствии подвергшиеся репрессиям со стороны советской власти, тем не менее разделяли ее веру в тотальное художественное видение, презрение к коммерческой культуре и стремление

деятели в большой степени опирались на беспартийных этнографов, поскольку те снабжали их сведениями о народах, живущих на территории Советского Союза. Эти ученые, многие из которых обучались в Западной Европе, разделяли веру партийных деятелей в преобразующую силу научного управления и помогли сформулировать принципы советской национальной политики, основанной на концепциях исторического прогресса, общих для европейских антропологических теорий и марксизма⁶.

Несмотря на эти проявления сотрудничества, отношения между партийными деятелями и беспартийными учеными были весьма напряженными. Как утверждает Юрий Слэзкин, сталинское руководство считало, что научная истина ученых должна совпадать с партийной истиной коммунистов, тогда как на деле та и другая часто расходились⁷. «Великий перелом» конца 1920-х годов стал тем моментом, когда партийные и комсомольские активисты утвердили примат партийной истины во всех сферах знания и начали преследование «буржуазных специалистов», не разделявших их взгляды. Хотя беспартийные ученые продолжали играть важнейшую роль в выработке новых знаний, они были вынуждены подчинить свои научные дисциплины и свои учреждения партийному контролю⁸. Появление в 1930-е годы новой советской интеллигенции, происходившей в основном из рабочего класса, казалось, разрешило проблему, создав кадровый резерв специалистов, сведущих как в науке, так и в партийных принципах⁹. Но противоречия между научной компетенцией и харизматической властью партии по-прежнему сохранялись: к примеру, в ходе Второй мировой войны профессиональная подготовка офицеров была с большим опозданием

изгладить различия между высоким и низким искусством. См.: *Groys B. The Total Art of Stalinism: Avant-Garde, Aesthetic Dictatorship, and Beyond.* Princeton, 1992 (см. на рус. яз.: *Гройс Б. Е. Утопия и Обмен (Стиль Сталин. О Новом. Слэзкин Ю. Эра Меркурия: евреи в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2007).* М.: Знак, 1993). О роли художественной интеллигенции в формировании сталинской культуры см. также: *Clark K. Petersburg.* P. IX-X.

⁶ *Hirsch F. Empire of Nations.* P. 6-8.

⁷ *Slezkine Y. The Jewish Century.* Princeton? 2004. P. 306 (см. рус. пер.: *Слэзкин Ю. Эра Меркурия: евреи в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2007).*

⁸ *Hirsch F. Empire of Nations.* P. 12.

⁹ *Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite.*

признана более важным фактором, чем их пролетарское происхождение или верность партии¹⁰. Ближе к концу жизни Сталин выступил с заявлениями, затрагивающими содержание ряда научных дисциплин (в том числе экономики и лингвистики), стремясь укрепить авторитет партийного руководства в области социальных наук. Однако после его смерти и начатой Хрущевым кампании десталинизации маятник качнулся обратно, в пользу научной компетенции, — в первую очередь потому, что в годы холодной войны наука играла важнейшую роль¹¹.

Соперничество партийных деятелей и беспартийных специалистов отражало общую напряженность, вызванную тем фактом, что советская система не была технократией. Хотя в своем стремлении к преобразованию общества Сталин и его соратники в значительной степени опирались на науку, они тем не менее придерживались прометеизма, стремившегося разорвать оковы времени и рациональности на пути к построению социализма. Это прометеевское начало, характерное для сталинизма, и несет ответственность за такие противоречивые черты, как «вакханальное планирование» первой пятилетки (фантастические производственные цели, представленные публике в качестве составной части научно обоснованного плана) и преследование тех самых экономистов и инженеров, которые были совершенно необходимы для индустриализации страны. Сталинское руководство колебалось между прометеизмом и технологизмом, решительно делая выбор в пользу прометеизма в годы первой пятилетки и вновь в конце 1930-х годов. Вместе с тем масштабное использование государственного насилия в 1937–1938 годах было связано с растущей угрозой на международном уровне, а также с доктриной Сталина, утверждавшей, что по мере продвижения Советского Союза к социализму и затем к коммунизму борьба с врагами будет становиться все более интенсивной.

Даже принимая во внимание историческую телеологию марксизма, авангардизм ленинизма и жестокость сталинизма в борьбе с теми, кого режим считал своими врагами, объяснить генезис советской системы исходя из одной лишь идеологии коммунистической партии невозможно. Как я показал путем сравнительного

¹⁰ *Weiner A. Making Sense of the War. P. 43–45.*

¹¹ *Slezkine Y. The Jewish Century. P. 331.*

анализа, множество практик, которые мы привыкли считать советскими, на деле появились до Октябрьской революции. В XIX веке западноевропейские ученые стремились повысить благополучие социального тела при помощи социологических исследований и программ по улучшению жизни людей. Интеллигенты в России и других развивающихся странах подражали этим ученым, вместе с тем ведя собственный поиск путей к модернизации. Они часто указывали, что прогрессивное государство может играть важнейшую роль, направляя преобразование общества. Первая мировая война значительно усилила государственное вмешательство в жизнь общества: во всех воюющих странах возникли государственные программы общественного здравоохранения, обширные сети полицейского надзора и технологии отсекаания отдельных групп населения. В отличие от либерально-демократических стран, вновь ограничивших эти меры в послевоенное время, советское государство, зародившееся именно в час тотальной войны, превратило подобные практики в кирпичи, из которых строилось здание нового порядка. Впоследствии советские вожди подключили эти методы к своим планам преобразования общества, но не они придумали инспекцию домов, перлюстрацию писем, пропагандистские технологии и концентрационные лагеря. Нельзя сказать, чтобы данные практики сами по себе были внеидеологическими: они развивались параллельно со стремлением преобразовать и мобилизовать общество. И все же, как я показал, эти идеи преобразования общества выходили далеко за рамки марксизма-ленинизма.

Помимо общих экономических предписаний, марксизм практически не предлагал рецептов создания социалистического общества, и в частности удаления из социального тела рудиментов капитализма. В данном вопросе важную роль сыграли труды психологов и криминологов, в значительной своей части созданные до революции: они легли в основу принципов дискриминации, позволявшей обозначить и нейтрализовать группы людей с отклонениями¹². В случае советского проекта под ударом дискриминации оказались нэпманы, кулаки и другие «буржуазные элементы». Партийные деятели использовали концлагеря (применяемые в годы Первой мировой войны для изоляции «враждебных иностранцев»),

¹² Beer D. *Renovating Russia*. P. 203.

чтобы удалять из общества «классово чуждые элементы». Прежде существовавшие технологии теперь наполнились новым смыслом. Концлагеря перестали быть попросту местом, позволявшим изолировать социально чуждых людей, — в Советском Союзе они стали еще и пространством для перевоспитания классовых врагов при помощи принудительного труда. Советские чиновники и криминологи утверждали, что представители буржуазии, лишенные средств производства и отправленные в трудовые лагеря, обретут новую сознательность благодаря искупительной силе ручного труда.

Говоря в более общем плане, мы видим, что идеологии преобразования общества и практики государственного вмешательства подкрепляли друг друга. Преобразователи исходили из концепции человеческого общества как поддающегося перековке, а также из технологий социального вмешательства. В то же время цель создания нового общества сама по себе служила оправданием практикам вмешательства, используемым во имя ее осуществления. Социальное вмешательство как таковое не всегда приносило вред. По словам Джеймса Скотта, «когда оно служило основой для плана действий в либеральных парламентских обществах, где планировщики были вынуждены находить общий язык с организованными гражданами, то могло стать толчком к реформам». Но если социальное вмешательство сочеталось с авторитарным государством, «готовым использовать насилие ради осуществления высоких планов модернизации», это могло привести к смертоносному государственному насилию, особенно в военное или революционное время, когда гражданское общество было подавлено и не могло сопротивляться¹³.

Советская система потерпела крушение, и сегодня легко забывается, что на определенном этапе советский социализм был в высшей степени популярен, прежде всего в годы Великой депрессии, а затем во время победы Советского Союза над нацистской Германией. Тогда как либерально-демократические системы, казалось, были неспособны разрешить кризис капитализма, советский режим ярче, чем какой-либо другой, демонстрировал способность мобилизовать свои людские и природные ресурсы, создав экономическую систему, подчиненную единой цели, и установив, как

¹³ Scott J. Seeing Like a State. P. 4–5.

казалось, коллективистское общество — без деления на классы или социальные слои. Более того, советская власть заботилась о благосостоянии рабочих, предлагала им бесплатное всеобщее здравоохранение и образование и гарантировала каждому рабочее место, а также субсидированное питание и жилье. Легитимность советской системы отчасти опиралась на тот факт, что она быстро провела индустриализацию — процесс, героям которого нередко приходилось трудиться в ужасных условиях во имя рабочего класса.

Не менее эффективна оказалась советская власть и в деле мобилизации на войну с нацистской Германией. Эта эффективность отчасти проистекала из того факта, что вся советская система была построена на методах тотальной войны: лидеры СССР использовали их не только для проведения социально-экономических преобразований, но и в деле мобилизации на защиту Родины. Действительно, методы тотальной войны — такие, как государственная экономика, система всепроникающего надзора, а также государственное насилие в форме масштабных арестов, депортаций и казней — были неотъемлемой частью советской системы. Впрочем, в конечном счете централизация и насилие оказались в высшей степени невыгодны. Когда масштабы государственного насилия в СССР вышли на поверхность, советская система предстала не защитницей населения, а, напротив, угрозой для него. Сталинские депортации и расстрелы, вместо того чтобы привести к созданию гармонии в обществе, породили ненависть и недоверие, от которых советской власти уже было некуда деться. Плановая экономика, показавшая свою эффективность на первых этапах индустриализации, не смогла приспособиться к постиндустриальной эпохе. С наступлением эры компьютеров и телекоммуникаций государственный контроль над информацией и ресурсами встал на пути инновационного развития. Замедление экономического роста поставило под угрозу как военную мощь, так и снабжение потребительскими товарами — сектор, в котором советская экономика так и не смогла выполнить свои обещания материального изобилия.

Советская система отражала устремления и методы, свойственные конкретному историческому моменту, но к концу XX века этот этап уже миновал. Исчезла безграничная вера в социологию и прогресс человечества. Наука об обществе оказалась под огнем критики,

поставившей под вопрос ее объективность и открывшей иерархические системы, на которые эта наука часто опиралась. Особая роль государства, будь то в управлении экономикой или в преобразовании общества, стала восприниматься как неэффективная, а то и опасная. Возникли сомнения по поводу роли государства и в социальном обеспечении: крушение советской системы стало лишь одним, пусть и самым ярким, проявлением упадка государства всеобщего благоденствия — наряду с тэтчеризмом, рейганизмом и приватизацией в развивающихся странах. Эпоха массовой войны тоже окончилась, и военные планировщики начали больше заботиться о разработке высокотехнологичного оружия, чем о здоровье населения¹⁴. Что же касается масштабных планов преобразования человека, то они стали восприниматься как зло, а не как благо, — отчасти по вине Советского Союза, явившегося причиной столь огромных человеческих страданий.

¹⁴ См.: *Singer P. W. Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the Twenty-first Century. New York, 2009.*

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ, КОТОРЫЕ ИСПОЛЬЗОВАЛИСЬ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ТЕКСТА

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. А-305	Всесоюзный Пушкинский комитет
Ф. А-353	Наркомюст РСФСР
Ф. А-413	Наркомсобес РСФСР
Ф. А-482	Наркомздрав РСФСР
Ф. А-1795	Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества
Ф. А-2306	Наркомпрос РСФСР
Ф. 130	Совет народных комиссаров РСФСР
Ф. 393	Наркомат внутренних дел РСФСР
Ф. 3316	Центральный исполнительный комитет СССР
Ф. 3931	Центральный исполнительный комитет Всероссийского союза помощи увечным воинам
Ф. 4085	Наркомат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР
Ф. 4100	Министерство труда Временного правительства
Ф. 4265	Центральный статистический комитет при Народном комиссариате внутренних дел
Ф. 5446	Совет народных комиссаров СССР
Ф. 5451	Всесоюзный центральный совет профсоюзов
Ф. 5465	Центральный комитет профсоюзов медицинских работников
Ф. 5469	Центральный комитет Союза рабочих-металлистов
Ф. 5475	Центральный комитет Союза строителей
Ф. 5515	Наркомтруд СССР
Ф. 5528	Центральное управление социального страхования при Наркомтруде
Ф. 6787	Министерство государственного призрения Временного правительства
Ф. 7062	Союзный совет социального страхования при Наркомтруде
Ф. 7511	Комиссия советского контроля

- Ф. 7576 Комитет по физкультуре и спорту
Ф. 7709 Центральный комитет Профсоюза работников государственных учреждений
Ф. 7710 Центральное бюро физкультуры ВЦСПС
Ф. 7897 Центральный комитет Профсоюза кинофотоработников
Ф. 7952 История фабрик и заводов
Ф. 8009 Наркомздрав СССР
Ф. 8131 Прокуратура СССР
Ф. 9226 Главная государственная санитарная инспекция при Наркомздраве
Ф. 9401 Министерство внутренних дел СССР
Ф. 9479 Четвертый специальный отдел Министерства внутренних дел СССР
Ф. 9492 Наркомюст СССР
Ф. 9505 Центральный комитет социально-политического просвещения Временного правительства

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

- Ф. 5 Секретариат В. И. Ленина
Ф. 17 Центральный комитет ВКП(б)
Ф. 76 Личный фонд Ф. Э. Дзержинского
Ф. 77 Личный фонд А. А. Жданова
Ф. 78 Личный фонд М. И. Калинина
Ф. 85 Личный фонд Г. К. Орджоникидзе
Ф. 88 Личный фонд А. С. Щербакова
Ф. 89 Личный фонд Е. М. Ярославского
Ф. 112 Политуправление Наркомзема
Ф. 477 Восемнадцатый съезд ВКП(б)
Ф. 558 Личный фонд И. В. Сталина
Ф. 607 Бюро по делам РСФСР при ЦК
Ф. 613 Центральная контрольная комиссия
Ф. 616 Высшая школа партийных организаторов при ЦК
Ф. 619 Высшая школа пропагандистов
Ф. 623 Издательство политической литературы ЦК
Ф. 671 Личный фонд Н. И. Ежова

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

- Ф. 399 Совет по изучению производительных сил при Госплане
Ф. 1562 Центральное статистическое управление

- Ф. 4372 Госплан
Ф. 7622 Главное управление автотракторной промышленности
 Наркомтяжпрома
Ф. 7733 Министерство финансов
Ф. 7995 Наркомтяжпром СССР

Российский государственный исторический архив (РГИА)

- Ф. 457 Особое совещание для обсуждения и объединения
 по продовольственному делу МЗ
Ф. 1253 Верховный суд по признанию семей лиц, призванных
 на войну
Ф. 1282 Канцелярия министра внутренних дел
Ф. 1322 Особое совещание по устройству беженцев при МВД

Центр хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО)

- Ф. 1 Центральный комитет ВЛКСМ

Центр хранения современной документации

- Ф. 6 Комиссия партийного контроля
Ф. 89 Суд Коммунистической партии Советского Союза

Центральный архив города Москвы (ЦАГМ)

- Ф. 126 Московское государственное управление народно-
 хозяйственного учета Госплана
Ф. 150 Московский городской совет
Ф. 176 Завод «Серп и молот»
Ф. 214 Московский городской комитет Союза рабочих
 машиностроения
Ф. 415 Автозавод им. Сталина
Ф. 493 Президиум Московской городской коллегии адвокатов
Ф. 528 Главное управление народного образования
 Мосгорисполкома
Ф. 552 Главное управление здравоохранения Мосгорисполкома
Ф. 819 Московский городской суд Верховного суда РСФСР

Ф. 901	Народный суд Ленинского района
Ф. 1289	Московский комитет рабоче-крестьянской инспекции
Ф. 2399	Рабочий факультет им. Кирова Наркомтяжпрома
Ф. 2429	Управление милиции города Москвы

*Центральный архив общественно-политической истории
Москвы (ЦАОПИМ)*

Ф. 3	Московский областной комитет ВКП(б)
Ф. 4	Московский городской комитет ВКП(б)
Ф. 69	Краснопресненский районный комитет ВКП(б)
Ф. 80	Пролетарский районный комитет ВКП(б)
Ф. 262	Партийная организация Первой ситценабивной фабрики
Ф. 429	Партийная организация завода «Серп и Молот»
Ф. 432	Партийная организация завода «Динамо» им. Кирова
Ф. 433	Партийная организация Первого государственного автомобильного завода им. Сталина
Ф. 459	Парторганизация Коммунистического университета им. Свердлова
Ф. 468	Партийная организация Электrozавода им. Куйбышева
Ф. 634	Московский областной комитет ВЛКСМ
Ф. 635	Московский городской комитет ВЛКСМ
Ф. 1934	Парторганизация Министерства просвещения РСФСР
Ф. 4083	Парторганизация Районного отдела народного образования Фрунзенского района

Hoover Institution Archives / Архив Гуверовского института

Nicolaevsky Collection / Коллекция Николаевского

Poster Collection / Коллекция плакатов

Shishkin Collection / Коллекция Шишкина

*Public Record Office, UK (PRO) / Государственный архив
Соединенного Королевства*

CAB	(Cabinet)
ED	(Board of Education)
HLG	(Local Government Board)
HO	(Home Office)

Inter-Departmental Commission on Physical Deterioration

LAB (*Ministry of Labour*)
MH (*Ministry of Health*)
MUN (*Ministry of Munitions*)
RG (*Registrar General*)
Royal Commission on Physical Training
WO (*War Office*)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГИА	Российский государственный исторический архив
С. ч.	Секретная часть
ЦАГМ	Центральный архив города Москвы
ЦАОПИМ	Центральный архив общественно-политической истории Москвы
ЦХДМО	Центр хранения документов молодежных организаций
PRO	Public Record Office (Государственный архив Великобритании)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авербах И. Л. 348
Аккерман Дж. 11
Акын Й. 10, 64
Александр I, император 59
Александр II, император 249, 330
Александр III, император 54, 60
Александра Федоровна, императрица 60, 68, 229
Алексопулос Г. 9, 384
Алемдароглу А. 224
Антонов А. С. 342
Ардженбрайт Р. 9
Арендт Х. 326
Арон Р. 311
Артузов А. Х. 269
Ататюрк М. К. 154
- Баден-Пауэлл Р. 153
Барнс Д. С. 130
Бартон К. 137
Беверидж У. 35
Бейкер К. 17
Бейли К. А. 326
Бенвенути Ф. 9
Бернштейн Ф. 8, 193, 203
Бехтерев В. М. 55
Биннер Р. 383
Бир Д. 8, 350, 351
Бисмарк О. фон 41, 58
Блицштейн П. 9
Бовера Ф. 194
Болдуин П. 121, 122, 138
Боном Б. 9
- Бонч-Бруевич М. Д. 336
Браун А. 228
Брейфогл Н. 9
Бринтлингер А. 10
Бродский, доктор 79
Бубенкин В. 301
Бубнов А. С. 294
Букур М. 224
Бухарин Н. И. 149, 314
Бушнелл Дж. 9
- Вайндлинг П.* 105
Вальер П. 9
Вебер М. 401
Веблен Т. 95
Вейлер-и-Николау В. 326
Вейнер А. 9
Вейсман А. 212
Вейцман П. 11
Верт Н. 364, 365
Вертов Д. 149
Веселовский Н. С. 53
Вильсон В. 311
Винокуров А. Н. 34, 76, 78, 79
Виола Л. 8, 358, 384
Владимирский М. Ф. 136, 146
Воейков В. Н. 154
Волоцкой Н. М. 221
Вольфсон С. Я. 201
Воробец К. 9
Ву Дж. 10
Вуд Э. 9
Вышинский А. Я. 372, 382, 390

- Габсбурги, императорская династия 252
 Галифе Г. А. О. де 322
 Гальтон Ф. 44, 211
 Гамалея Н. Ф. 120
 Гастев А. К. 150
 Гейер М. 67
 Геккель Э. 55
 Гернет М. Н. 382
 Герри А.-М. 320
 Герштейн А. 288
 Гетти Дж. А. 374
 Гинденбург П. фон 198
 Гитлер А. 96, 163, 198, 204, 388
 Голдман В. 9, 381
 Горсач Э. 9
 Горький М. 299, 302, 303, 365
 Гофштейн А. С. 187, 188
 Громан В. Г. 94
 Гросс Соломон С. 8, 103, 145
 Гротьян А. 123
 Гувер Г. 297

 Д'Оссонвиль О. 322
 Дагин И. Я. 377
 Дарвин Ч. 211, 213
 Деникин А. И. 118, 262
 Дерibas Т. Д. 269
 Джадд Р. 10
 Дженкс Э. 9
 Джераси Р. 328
 Джилас А. 8
 Джини К. 182
 Джонс Г. С. 105
 Джонсон Дж. 10
 Дзержинский Ф. Э. 268–270, 273, 339, 346, 348
 Диатроптов П. Н. 120
 Донзело Ж. 204
 Драгостинова Т. 9
 Дуглас С. 10
 Душенков А. В. 303
 Дьюи Дж. 241, 292, 297
 Дэвид-Фокс М. 8
 Дэвис Р. У. 285
 Дэвис С. 9
 Дюркгейм Э. 44
 Дюшемен, генерал 313

 Евдокимов Е. Г. 346, 354, 377
 Ежов Н. И. 346, 364, 377, 378, 382, 383, 389, 390
 Екатерина II, императрица 38, 107
 Елизавета Федоровна, вел. княгиня 66, 230

 Жбанков Д. Н. 108
 Жданов А. А. 373
 Жижиленко А. А. 325
 Жилинский Я. Г. 326
 Журавлев С. В. 9

 Заболотный Д. К. 120
 Залкинд А. Б. 148, 192
 Зельник Р. 9, 53
 Зигель Дж. 10

 Ивановский Б. А. 221
 Игнатъев П. Н. 254
 Игумнов С. Н. 108
 Измозик В. С. 8, 265

 Кавендер М. 9, 10
 Каганович Л. М. 87, 299, 301

- Калинин М. И. 272
Каплун С. И. 156
Карон А. 226
Каунтс Дж. 297
Кейс Х. 9
Кенез П. 280
Керенский А. Ф. 248, 257
Керженцев П. М. 150
Кетле А. 43, 44, 52, 104, 211, 320
Кип Дж. 11
Кислов А. И. 72
Китченер Г. Г. 326
Кларк К. 19, 401
Клемансо Ж. 311
Коллманн Н. 9
Коллонтай А. М. 201, 205
Колчак А. В. 118
Кольцов Н. К. 145, 219
Кондорсе М. Ж. А. Н. де 41
Конквест Р. 364
Конклин Э. 10
Конн С. 10
Конюс Э. М. 120
Корни Ф. 9
Косарев А. В. 163, 203, 305
Коткин С. 9
Кох Р. 125
Коцонис Я. 8
Краваль И. А. 180
Крупская Н. К. 241, 284, 286, 293
Крыленко Н. В. 373, 206
Крю Д. 48
Ксения Александровна, вел. княгиня 69
Кункер Д. 9
Куропаткин А. Н. 327
Курский В. М. 377
Куртуа С. 314, 396
Ламарк Ж.-Б. де 212, 220
Ланцилотти Я. 10
Ларин Ю. А. 94, 95
Лахузен Т. 288
Лацис М. Я. 263, 264, 340, 341
Ле Корбюзье [Жаннере Ш. Э.] 297
Ле Плей (Ле Пле) Ф. 46, 199
Лебедева В. П. 231, 236
Леви М. 19
Леви С. 10
Лейбниц Г. В. 42
Ленин В. И. 24, 25, 75, 95, 102, 115, 123, 150, 157, 193, 201, 258, 261, 265, 268, 271, 273, 276, 279, 281, 287, 291, 293, 296, 315, 339, 341, 375
Лесгафт П. Ф. 153
Ли Л. 9, 396
Лиоте Ю. 327
Лист Ф. фон 324
Ллойд Джордж Д. 58, 97, 311
Ломброзо Ч. 55, 320, 321, 382
Лор К. 11
Лор Э. 335
Лукач Д. 19
Луначарский А. В. 291, 293
Лысенко Т. Д. 222
Макаренко А. С. 12, 234, 300, 301
Макдермотт К. 384
Макдональд Д. 9
МакДональд Т. 288
Маклафлин Б. 376
Маленков Г. М. 365
Малиа М. 314, 400
Мальтус Т. 172

- Манчестер* Л. 9
 Маркс К. 95, 155, 322, 323, 401
 Марциновский Е. И. 120
Маршалл А. 345
 Мейерхольд В. Э. 155, 156
 Мейснер А. 11
 Мельников К. С. 87
 Мендель Г. 212, 220
 Метро, генерал 198
 Мехоношин К. А. 155
 Мечников И. И. 109
 Милютин Д. А. 249, 329, 330
 Минаев-Цикановский А. М. 377
 Миронов С. Н. 377, 378
 Михаил Николаевич, вел. кн. 331
 Мичник З. О. 220
 Молотов В. М. 92, 271, 373
 Мольков А. В. 120
 Морель Б. О. 321
 Морис Дж. Ф. 58
 Морозов П. Т. 239
 Муссолини Б. 179, 182, 185, 217
 Мюллер Г. 218
 Мюрдаль А. 180
 Мюрдаль Г. 180

Найт Н. 9
 Наполеон I Бонапарт, император, полководец 249
Неймарк Н. 9, 393
Нельсон Э. 9
 Никитин А. 288
 Николаев-Журид Н. Г. 377
 Николай II, император 54, 69, 113

 Ольденбург С. Ф. 75
 Орджоникидзе Г. К. (Серго) 131, 302

 Осипов В. П. 351
Осокина Е. А. 9
Оттер К. 10

 Павлов И. П. 297
 Пастер Л. 106
 Петр I, царь и император 38, 107
Петрон К. 9
 Петти У. 42
 Пий XI, папа римский 216
 Пинар А. 226
Пинноу К. 8, 16
 Пирсон К. 211
Плаггенборг III. 123
 Плеханов Г. В. 375
 Плозоль С. де 146
 Подвойский Н. И. 285
Пойкерт Д. 48
Полунов А. Ю. 11
 Попов П. И. 74
 Примроуз А. Ф., граф Розбери 57
Пристланд Д. 316
Пуви М. 41, 105

Раммель Дж. 11
Рее Э. ван 316, 375
 Реза-шах Пехлеви 52
Рейли Д. 9
 Рейн Г. Е. 111–113
Рейхман Г. 9
Ретиш А. 10
Риш У. 10
 Робертс Ф. С. 326
 Розбери, граф – см. Примроуз А. Ф.
 Ромейко-Гурко В. И. 327
Россман Дж. 9
Руан К. 9

- Рузвельт Ф. Д. 96, 311
Рэндолл Э. 8
Рэнсел Д. 9, 208
Рэтбоун Э. 194
Рязановски Н. 9
- Сабсович Л. М. 87
Савинков Б. В. 267
Салазар А. ди О. 199
Сегалов Т. Е. 351
Семашко Н. А. 115, 119, 123, 136, 138,
144, 155, 156, 177, 185, 187, 298
Серебровский А. С. 146, 220
Серегни С. 255
Сигельбаум Л. 9, 305
Скобелев М. Д. 253
Скокпол Т. 35
Скотт Дж. 18, 57, 406
Слѣзкин Ю. Л. 9, 403
Смит А. 105
Смит С. 10
Соколов А.К. 9
Соланд Б. 10
Соловьев З. П. 114, 119, 146
Соломон П. 367, 373
Сольц А. А. 170, 266
Сорокин П. А. 177
Сорохтин Г. Н. 192
Спенсер Г. 104
Сперанский М. М. 323
Сталин И. В. 12, 25, 26, 29, 85–87, 93,
151, 160, 180, 207, 209, 218, 271,
273, 299, 301, 303–306, 315, 316,
318, 353, 357, 364, 365, 367, 369,
370, 372, 374–378, 383, 384, 386,
387, 389, 396, 397, 404
Старкс Т. 10, 127
- Стасова Е. Д. 197
Стаханов А. Г. 302, 303
Степан Н. Л. 217, 227
Страусс К. 9
Стросс П. 227
Струмилин С. Г. 27, 178
Суздальцева В. И. 282
Суни Р. Г. 9
Суслова Н. П. 107
Сысин А. Н. 109, 120
Сэнборн Дж. 310
- Тагуэлл Р. 95, 96
Тарасевич Л. А. 120, 124
Татьяна Николаевна, вел. княжна
66, 69
Таунер Г. М. 232
Тихомирова Е. 11
Толмачев В. Н. 359
Трахтман Я. Н. 128
Тролл Р. 158
Троцкий Л. Д. 25, 95, 101, 284, 323
Трубихина Ю. 11
Тухачевский М. Н. 284, 338, 342–
345, 352
- Удальцов Г. Н. 351
Уиткрофт С. 377
Уншлихт И. С. 267
Урицкий М. С. 339
Урсэ Ф. 221
Успенский А. О. 201
Уэбб С. 46, 57
Уэлдон У. Ф. Р. 211
- Фахми К.* 110
Филипченко Ю. А. 220, 221

- Фильцер Д.* 9
Финкель С. 9
Фицпатрик Ш. 9, 365
Фонтана Д. 9
Франко Ф. 180, 199, 376
Фреде В. 9
Фриновский М. П. 346, 377
Фрунзе М. В. 284, 345, 346
- Хабермас Ю.* 50
Хаген М. фон 9, 285
Хагенло П. 9, 369, 372, 374
Хакинг Я. 146
Халид А. 9, 309
Халл И. 8, 337
Халфин И. 9
Харрис Дж. 9
Хархордин О. В. 9
Хатчинсон Дж. Ф. 121
Хелльбек Й. 9, 306
Хили Д. 9, 205, 206
Хирш Ф. 9, 27, 75
Хлевнюк О. В. 9, 376
Холквист П. 7, 8, 245, 290, 342
Холл П. 179
Холмс О. У. 214
Хопф Т. 10
Хорн Джон 311
Хорн Дэвид 10
Хоффманн Джилл 11
Хоффманн Джордж 11
Хоффманн Иона 5, 11
Хоффманн Ирэн Л. 11
Хоффманн К. 11
Хоффманн С. 11
Хрущев Н. С. 404
- Чахотин С. С.* 256
Чейз С. 95, 96, 297
Чернышевский Н. Г. 296
Черчилль У. 311
- Шаховской Д. И.* 71
Шеппард М. 232
Ширвиндт Е. Г. 348
Ширер Д. 9, 363, 365, 371, 374, 378
Шмидт В. В. 81
Шор М. 9
Штейнберг М. 9
Штейнведель Ч. 9
- Эвинг Т.* 8
Эдгар А. 9, 309
Эддисон К. 111
Эклоф Б. 9
Энгельс Ф. 323
Энгельштейн Л. 8, 54
Эрисман Ф. 107
- Юденич Н. Н.* 118
Юнге М. 383
Юнгер Э. 149
Юсти И. Г. фон 34, 39
- Ягода Г. Г.* 353, 354, 356, 357, 361–364, 369, 370–372, 382
Яковенко Е. И. 125
Ян Ф. Л. 153
Ян Х. 254
Янушкевич Н. Н. 334, 335
Ярославский Е. М. 287, 305

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности.....	7
ВВЕДЕНИЕ.....	12
Преобразование общества.....	16
Массовая политика и массовая война.....	22
Построение социализма.....	24
Обзор глав.....	30
Глава 1	
СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ.....	34
Камерализм, социальные науки и происхождение социального обеспечения.....	37
Социальная сфера в России.....	50
Социальное обеспечение и война.....	56
Советское социальное государство.....	74
Глава 2	
ЗДРАВООХРАНЕНИЕ.....	101
Социальная медицина и государство.....	104
Социальная гигиена.....	121
Иностранные влияния в советском здравоохранении.....	140
Физическая культура и ее милитаризация.....	152
Глава 3	
РЕПРОДУКТИВНАЯ ПОЛИТИКА.....	170
Рождаемость и национальное могущество.....	172
Контрацепция, аборт и репродуктивное здоровье.....	183
Поддержка материнства и семьи.....	193
Евгеника.....	210
Уход за детьми и их воспитание.....	225

Глава 4

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАДЗОР И ПРОПАГАНДА.....	241
Наблюдение за настроениями в обществе.....	242
Пропаганда военного времени	249
Советский политический надзор	258
Политическое просвещение	279
Новый советский человек	295

Глава 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАСИЛИЕ	313
Истоки насилия в современном государстве	318
Интернирование, депортации и геноцид в годы Первой мировой войны.....	332
Гражданская война в России и 1920-е годы	338
Коллективизация и паспортизация.....	352
Массовые операции	364
Национальные операции.....	385
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	399
Архивные фонды, которые использовались при подготовке текста.....	409
Список сокращений	414
Именной указатель	415

Дэвид Л. Хоффманн
ВЗРАЩЕНИЕ МАСС. МОДЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО
И СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ. 1914–1939

Редактор *А. Абашина*
Дизайнер *Д. Черногаев*
Корректор *О. Семченко*
Верстка *Л. Ланцова*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес редакции:
123104, Москва,
Тверской бульвар, 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: www.nlobooks.ru

Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 26,5. Тираж 1000. Заказ № 10647
Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14